КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXI.

МАЙ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 11-го Мая 1888 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.
МАЙ.

Годъ седьмой. ТОМЪ XXI. 1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1888.

НѢЖИНСКАЯ РАДА 1663 Г.

Нѣжинская рада представляетъ историческій интересъ въ томъ смыслѣ, что она является наисильнѣйшимъ проявленіемъ борьбы партій, появившихся въ Малороссіи послѣ измѣны русскому дѣлу Юрья Хмельницкаго. Партіи эти не были политическими; это не была борьба между руссо и ляхофилами, это не была борьба за сохраненіе какихъ-либо привилегій или вольностей ковачьихъ: борьба шла личная между претендентами на свободный гетманскій урядъ, при чемъ борьба была тѣмъ ожесточеннѣй, что въ случаѣ чьей-либо побѣды, противники при расчетѣ съ побѣдителемъ теряли все, а вмѣстѣ съ претендентами должны были пострадать и ихъ приверженцы, что заставляло и послѣднихъ принимать самое дѣятельное участіе въ борьбѣ. Въ данную минуту, передъ нѣжинской радой, претендентами на гетманскій урядъ явились: переяславскій полковникъ Якимъ Сомко, гетманъ войска запорожскаго Ив. Брюховецкій и нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко; партія послѣдняго была сравнительно гораздо слабѣе другихъ, а потому въ критическую минуту онъ примкнулъ къ Сомку. Такимъ образомъ оставались двѣ равносильныя партіи: Брюховецкаго и Сомка.

Не останавливаясь на тѣхъ раздорахъ, какіе происходили въ Малороссіи въ періодъ времени съ 1660—1663 г., такъ хорошо описанный Н. И. Костомаровымъ и С. М. Соловьевымъ, перехожу прямо къ событію нѣжинской рады, пользуясь для своего изложенія исключительно документами, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ М-ва Юстиціи, среди дѣлъ сибирскаго приказа подъ № 6672.

Крайніе безпорядки въ Малороссіи и просьбы всѣхъ полковниковъ о назначеніи рады вызвали наконецъ въ мартѣ 1663 г. объявленіе московскаго правительства, обращенное къ полковникамъ и всей войсковой старшинѣ, что быть „черной, зуполной радѣ“ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Нѣжинѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москвѣ начались сборы окольничаго, князя Данилы Степановича Великаго-Гагина, назначеннаго присутствовать на радѣ при выборѣ гетмана. Для такого торжественнаго случая ему придумали придать титулъ „намѣстника Галицкаго“, титулъ, которымъ „прежъ сего писались въ 116 г. окольничій Иванъ Ѳедоровичъ Колычовъ, какъ былъ въ отвѣтѣ съ княземъ Ив. Мих. Воротынскимъ съ литовскими послы, а послѣ того Елизарій Благой, Михаило Татищевъ“. Отпуская своего представителя къ козакамъ, московское правительство постаралось обставить его какъ можно внушительнѣе; съ нимъ были отпущены: „для Божественной службы—крестъ благословенный, св. евангеліе, двѣ пелены, два налоя съ сорочки, священникъ, дьяконъ, священнику ризы, епитрахиль, стихарь, поясъ, поручи; дьякону—стихарь, орарь, поручи, кадило; книгъ: шестодневъ, минея общая, апостолъ, псалтырь, часословъ, потребникъ, тріодь постная, тріодь цвѣтная; свѣчи восковыя, ладонъ. Для государевыхъ дѣлъ: переводчикъ, четыре подъячихъ, 20 стопъ бумаги, два ведра чернилъ, свѣчъ сальныхъ, а для иноземцевъ въ запасъ и восковыхъ“. Кромѣ того ему же были вручены: 4000 р. серебряныхъ денегъ для уплаты долга правительства Якиму Сомку (деньги эти Сомку не были отданы), 300 р. серебряныхъ же—епископу Меѳодію по его челобитью „на бѣдность“, подарки гетману, котораго изберутъ, и козацкой старшинѣ, деньги на расходы по поѣздкѣ въ Нѣжинъ, разнаго рода дѣла, относящіяся до сношенія Москвы съ Малороссіей, какъ-то: статьи Богдана Хмельницкаго, Юрія, челобитныя козаковъ о разныхъ предметахъ и т. п. и наконецъ *наказъ*.

Въ наказѣ перечислены лица, назначенные въ свиту Гагина; это были, кромѣ товарища, стольника Кирила Осиповича Хлопова и дьяка Ив. Ѳомина, двѣнадцать человѣкъ дворянъ и начальныя лица съ ратными людьми: рейтарскаго строя полковникъ Ив. Шепелевъ, солдатскаго строя полковникъ же Юрій

Инглисъ да полуполковникъ Борисъ Воронинъ, московскихъ стрѣльцовъ головы Вл. Скрябинъ и Матвѣй Шишкинъ съ приказами, да драгуны подъ начальствомъ полковника Страсбурга; всего ратныхъ людей съ нимъ было отъ 7 до 8 тысячъ человѣкъ. По дорогѣ въ Нѣжинъ, гдѣ была назначена рада, Гагину предписано провѣдывать, гдѣ находится наказный гетманъ Якимъ Сомко и кто при немъ изъ полковниковъ, кого войско желаетъ избрать гетманомъ, не было ли какой рады и не избранъ ли уже кто гетманомъ и наконецъ—съ кѣмъ у наказнаго гетмана Якима Сомка „большой совѣтъ и дружба". По прибытіи въ Нѣжинъ Гагинъ долженъ былъ послать грамоты къ епископу Меѳодію, Якиму Сомку, гетману кошевому Ив. Брюховецкому, ко всѣмъ полковникамъ, козакамъ и черни, чтобы они съѣхались въ Нѣжинъ и учинили полную раду, на которой обрали бы совершеннаго гетмана всѣмъ войскомъ и черныо вольными голосами по стародавнему войсковому праву и по переяславскимъ статьямъ. Когда епископъ Меѳодій, оба гетмана и полковники съѣдутся въ Нѣжинъ, Гагинъ, послѣ обычныхъ распросовъ „о здоровьѣ" долженъ былъ объяснить имъ, почему до сихъ поръ не была собрана рада для выбора гетмана; причиною этого было нашествіе непріятелей на малороссійскіе города. А какъ наказный и кошевой гетманы, обозные, судьи, полковники, атаманы, старшины и сотники, войско запорожское и чернь совершеннаго гетмана оберутъ и скажутъ, что онъ имъ любъ, тогда Гагинъ долженъ привести новообраннаго гетмана къ присягѣ и дать ему жалованную грамоту; если же новообранный гетманъ присяги принять не захочетъ, ссылаясь на то, что онъ уже прежде присягалъ и служилъ государю вѣрно и радѣлъ и во всемъ добра искалъ, тогда Гагинъ долженъ былъ сказать, что онъ въ то время былъ подъ властію, а теперь все войско вручено подъ его регименть и ему нынѣ, будучи въ наивысшемъ урядѣ, на вѣрное подданство надобно учинить присягу вновь безотговорно, потому что и въ прежней жалованной грамотѣ написано: „Буде судомъ Божіимъ смерть случится гетману, а кого оберутъ вновь, и тому новообранному гетману на подданство и вѣрность великому государю вѣру учинить при комъ государь укажетъ"; а

буде онъ гетманъ вѣры учинить не похочетъ, и ему жалованной грамоты давать не велѣно впредь для иныхъ гетмановъ, потому только онъ теперь тому образецъ учинитъ, въ новообранномъ гетманствѣ вѣры не учинитъ, то послѣ него и другіе гетманы также захотятъ дѣлать, и онъ бы упорство свое оставилъ". Благочестивое московское правительство, какъ видно изъ этого пункта наказа, считало присягу самымъ надежнымъ средствомъ въ политикѣ, а потому и придавало ей значеніе, какого она давно уже не имѣла среди малороссійской старшины, готовой присягать кому угодно, лишь бы это было выгодно, и такихъ отговорокъ отъ присяги, какіе предполагаетъ наказъ, никогда не выходило изъ устъ ихъ. Дальнѣйшія статьи наказа касаются недавнихъ событій въ Малороссіи и выясняютъ взглядъ на нихъ московскаго правительства. „Если, продолжаетъ наказъ, на радѣ войскомъ будутъ говорить, что у нихъ на совершенное гетманство обранъ Якимъ Сомко и онъ имъ любъ, а иные будутъ говорить, что его, Якима, обрали не всѣмъ войскомъ, а обирали немногіе люди, и гетманомъ у себя имѣть его не хотятъ, и будутъ говорить, что онъ служитъ великому государю невѣрно, и имъ чинитъ обиды и налоги нестерпимые, и будутъ бить челомъ, чтобы позволить имъ обрать гетмана всѣмъ войскомъ, кто имъ будетъ любъ, а Якима гетманомъ обирать не похотятъ, потому что онъ выбранъ одними старшими совѣтниками безъ совѣта всего войска запорожскаго и черни, и откажутъ впрямь, то Гагинъ долженъ дать имъ то на ихъ волю. А если наказный и кошевой гетманы и полковники и все войско о гетманскомъ обираньѣ всѣ не согласятся, то Гагину писать о томъ въ Москву". Изъ этого пункта наказа видно, что московское правительство предвидѣло сильную борьбу партій, въ дѣйствительности почти равныхъ силами, и было къ тому готово. Затѣмъ велѣно требовать объясненій отъ новообраннаго гетмана, за что отставленъ отъ уряда кіевскій полковникъ Василій Дворецкій и кѣмъ, и требовать возстановленія его въ прежней должности. Далѣе, велѣно успокоить войско запорожское относительно слуховъ, будто государь хочетъ уступить Польшѣ нѣкоторые черкасскіе города, и объявить, что распространители такихъ слуховъ будутъ жестоко наказаны

по ихъ войсковымъ правамъ, а судъ, по жалованной грамотѣ, предоставлено вѣдать имъ самимъ по ихъ прежнимъ правамъ и нынѣ онъ бы гетманъ и все войско запорожское тѣмъ возмутителямъ учинили указъ сами по войсковому праву. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно объявить, что, если гетманъ учинитъ какой проступокъ, кромѣ измѣны, то само войско безъ царскаго указу не можетъ перемѣнить гетмана, а о томъ проступкѣ царское величество велитъ розыскать и по сыску всѣмъ войскомъ велитъ указъ учинить. Въ случаѣ смерти гетмана дозволяется избрать новаго гетмана, и въ такомъ случаѣ войско должно послать въ Москву посланниковъ знатныхъ людей, а съ ними долженъ ѣхать и новообранный гетманъ, чтобы видѣть царскія очи и принести присягу, а ему будетъ дана жалованная грамота и булава. Наконецъ, если войскомъ похотятъ которыхъ полковниковъ отставить, а въ ихъ мѣсто избрать другихъ, то Гагинъ долженъ позволить это сдѣлать, но новообранные полковники должны быть приведены къ присягѣ. Вмѣстѣ съ наказомъ Гагинъ получилъ: жалованную грамоту новообранному гетману (для имени оставленъ пробѣлъ) со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, подтверждающую ихъ войсковыя права и привилегіи, жалованную грамоту новообранному гетману (для имени—пробѣлъ) на булаву и на староство (для названія—пробѣлъ) и наконецъ вѣрительную грамоту, которая удостовѣряла правоспособность Гагина произвести выборъ гетмана. Грамоты писаны на александрійской бумагѣ, по „Московскаго“—золотомъ, а печатаны государственною большою печатью подъ гладкою кустодіею отворчата“. Подпись назади дьяка Ив. Михаилова такова: „Божіею милостію великій государь, царь и В. К. Алексѣй Михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ“.

Шествіе окольничаго кн. Великаго-Гагина въ Нѣжинъ по Малороссіи было очень торжественно: во всѣхъ городахъ и селахъ жители встрѣчали его съ крестнымъ ходомъ, съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Не доѣзжая 20 верстъ до Нѣжина, его встрѣтили разныхъ полковъ сотники и козаки человѣкъ съ четыреста, въ числѣ ихъ—присланные нѣжинскимъ полковникомъ В. Золотаренкомъ для провѣдыванія, когда Гагинъ намѣренъ

вступить въ Нѣжинъ. За 7 верстъ до Нѣжина выѣхалъ на встрѣчу самъ Золотаренко съ 200 козаками. Послѣ привѣтствій Гагинъ пригласилъ Золотаренка въ свою карету и ѣхали они вмѣстѣ *до колодезя* за 5 верстъ отъ Нѣжина, гдѣ Гагинъ расположилъ свой станъ. Тутъ полковники, выѣхавшіе съ Золотаренкомъ изъ Нѣжина, пригласили Гагина въ свой станъ, гдѣ онъ пробылъ съ часъ времени, а потомъ полковники были въ стану у Гагина. Наконецъ Гагинъ съ торжествомъ вступилъ въ Нѣжинъ и сталъ разсылать приглашенія явиться на раду.

Что же въ это время дѣлали претенденты на гетманскую булаву?

Брюховецкій съ своими запорожцами сидѣлъ въ Гадячѣ; при немъ находился и епископъ Меѳодій, но они не дремали. Для достиженія своей цѣли они дѣйствовали двумя способами: чернили Сомка въ глазахъ народа и правительства и прибирали сторонниковъ. Гагинъ былъ еще въ Сѣвскѣ, когда Брюховецкій прислалъ ему первый доносъ на Сомка, обвиняя его въ сношеніяхъ съ правобережнымъ гетманомъ Павломъ Тетерею. По его словамъ Сомко „за бытностью въ Варшавѣ присягалъ королю польскому, чтобъ какими нибудь обычаи Украйну къ ляхомъ отвратить; и нынѣ онъ, Самко, всячески ищетъ, чтобъ посполитой чернецкой радѣ не быть, а быть ему Самку самовластнымъ гетманомъ“. Въ доказательство тяготѣнія Сомка въ Польшѣ приводились и родственныя связи: за Тетерею была сестра родная Сомка, а племянница его была за Даниломъ Выговскимъ. И вотъ эти родственники „межъ себя лукавствомъ пересылаючись, людей обманываютъ и губятъ, призывая татаръ, и если бы въ Переяславлѣ не было государевыхъ ратныхъ людей, тогда бы онъ Сомко и противъ ихъ войну бы началъ“. Для усиленія впечатлѣнія, производимаго на Гагина, а чрезъ него и на Москву обвиненіемъ Сомка въ измѣнѣ, Брюховецкій съ Меѳодіемъ обратились съ просьбой къ Гагину—дозволить маіору Дементью Дьякову, находящемуся въ Гадячѣ, проводить ихъ на раду въ Нѣжинъ, хотя бы и съ небольшимъ числомъ „для опасенія домашнихъ враговъ, Самка съ совѣтниками, потому что на сей сторонѣ Днѣпра въ Кременчугѣ и въ Потокѣ стоитъ Тетеря съ черкасами, чтобы

помѣшать и не допустить быть зуполной чернецкой радѣ и чтобъ краю до конца погибнуть; а его Самкова мысль—съ татары и съ ляхи, только нельзя ему Самку еще явно свою измѣну объявить, что государевы ратные люди въ Переяславлѣ, въ Нѣжинѣ и Черниговѣ стоятъ". Въ доказательство измѣны Сомка были посланы три листа, писанные Тетерею къ Сомку, съ приглашеніемъ служить Польшѣ. Но этимъ листамъ не очень-то можно было довѣрять: Брюховецкій не прочь былъ и поддѣлать такіе листы; нужно было болѣе вѣское доказательство. Въ Гадячѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ задержанъ черкашенинъ, лазутчикъ Тетери, Парфенка Протикъ; подержавши нѣсколько времени у себя, Брюховецкій послалъ его въ Путивль къ Гагину. На допросѣ черкашенинъ разсказалъ, какимъ образомъ онъ былъ захваченъ въ Гадячѣ, и прибавилъ, что „будучи въ Тетеринѣ войскѣ у Черкасъ слышалъ въ разговорныхъ рѣчахъ, что изъ Переяславля гетманъ Якимъ Самко съ чигиринскимъ гетманомъ съ Панькою Тетерею безпрестани письмы ссылаются и Апрѣля де въ 12 д. тотъ Якимъ Самко изъ Переяславля къ Панкѣ Тетерѣ писалъ и листъ свой прислалъ, а въ томъ де его листу написано, чтобъ Тетеря войско свое собралъ не замотчавъ, а къ Крымскому хану и къ ляхомъ отписалъ, чтобъ къ нему Тетерѣ прислалъ ханъ изъ Крыму многихъ людей татаръ, а ляхи бы къ нему къ Тетерѣ пришли не замотчавъ; а какъ де Тетеря войско свое сберетъ и изъ Крыму орда и ляхи пріѣдутъ и онъ бы Тетеря съ тѣмъ своимъ войскомъ и съ татары и ляхи шелъ на сю сторону Днѣпра, а онъ де Самко съ войскомъ своимъ на помощь къ нимъ будетъ, сшедчись воевать имъ великаго государя черкасскіе и украинные городы и которые де городы имъ сдадутся, и тѣхъ людей не побивать и оставливать въ тѣхъ городѣхъ начальныхъ людей ляховъ а которые городы не сдадутся, и имъ ихъ побивать". Но дѣйствуя одними лишь доносами, Брюховецкій мало бы сдѣлалъ себѣ пользы среди народа; тутъ онъ дѣйствовалъ иначе: онъ назначилъ двухъ полковниковъ, Винтовку да Тишка, бывшихъ холопей, безъ полковъ, а велѣлъ имъ прибирать къ себѣ въ полки всякихъ вольныхъ людей, кто бы они ни были, только бы давали свои голоса на радѣ за него за Брюховецкаго. Винтовка и Тишко съ успѣхомъ вы-

полнили свое дѣло: они набрали такихъ сорванцовъ, что осѣдлые козаки прятались отъ нихъ, какъ отъ враговъ. Въ тоже время Меѳодій старался пріобрѣсти сторонниковъ въ свою партію изъ среды приверженцевъ Сомка. Съ этою цѣлью онъ между прочимъ въ началѣ мая пріѣзжалъ въ Нѣжинъ къ Золотаренку, у котораго на обѣдѣ вели очень крупный разговоръ по поводу предстоявшей рады, и отсюда Меѳодій уѣхалъ ни съ чѣмъ, но за то оставилъ дѣятельнаго агента въ лицѣ нѣжинскаго протопопа, который велъ потомъ переписку съ нимъ и пропагандировалъ среди козаковъ, мѣщанъ и черни въ Нѣжинѣ.

Наказный гетманъ Якимъ Сомко мало былъ увѣренъ въ своемъ избраніи въ гетманы на нѣжинской радѣ со стороны козаковъ и черни, хотя имѣлъ на своей сторонѣ семь полковъ. Немудрено поэтому, что онъ завелъ сношенія съ Тетерею, предлагая ему придти войною на лѣвую сторону Днѣпра, обѣщая ему прислать нѣсколько тысячъ татаръ; вступленіе непріятельскихъ войскъ помѣшало бы состояться радѣ, а этого только Сомко и желалъ. Въ то же время онъ поднялъ на ноги свой полкъ и писалъ другимъ полковникамъ, чтобы они приготовили свои полки и пушечный снарядъ. „Надобно, писалъ онъ Золотаренку отъ 5 мая, по себѣ не спать, для чего повели твоя милость тотчасъ полку своему быть готову, какъ для непріятелей, такъ и для всякаго дѣла, се есть для встрѣчи Великаго-Гагина. Снарядъ прикажи твоя милость свой готовъ имѣть съ тѣмъ же войскомъ. А я своему полку также велѣлъ готову быть и всѣмъ полкамъ инымъ также“. По полученіи отъ Гагина 23 мая приглашенія прибыть на раду въ Нѣжинъ, Сомко отвѣчалъ сперва, что идти ему наказному гетману и войску запорожскому въ Нѣжинъ на раду за приходомъ воинскихъ людей нельзя. Іюня 1-го Гагинъ послалъ къ нему съ грамотою путивльца Михаила Головленкова, чтобъ онъ ѣхалъ на раду не замотчавъ; воротившись 7 іюня въ Нѣжинъ, Головленковъ разсказывалъ, что, когда онъ подалъ грамоту Сомку, тотъ, прочтя листъ, сказалъ: „на раду въ Нѣжинъ ѣхать готовъ, а со мною будетъ на радѣ шестнадцать тысячъ татаръ; а только де обранъ будетъ на радѣ совершеннымъ гетманомъ кошевой гетманъ Иванъ Брюховецкій, и го-

сударевымъ ратнымъ людямъ изъ черкасскихъ городовъ здорово не выѣхать". Въ это время пріѣхалъ въ Нѣжинъ изъ Кіева маіоръ Матвѣй Сипягинъ, который, по порученію кіевскаго воеводы Ив. Чаадаева, сообщилъ Гагину, что по призыву Сомка на сю сторону Днѣпра пришли изъ Волошской земли три тысячи татаръ и тѣмъ татарамъ приказано было напасть на Гагина, когда онъ шелъ изъ Путивля къ Нѣжину, чтобъ до Нѣжина не допустить, но потомъ де Сомко съ совѣтниками своими: съ нѣжинскимъ полковникомъ В. Золотаренкомъ, переяславскимъ Аѳонасіемъ Щуровскимъ и черниговскимъ Аникіемъ Силичемъ нашли неудобнымъ напасть дорогою, потому что объ этомъ узнаютъ во всѣхъ черкасскихъ городахъ и примутъ мѣры предосторожности, а потому порѣшили, что татары должны придти изгономъ подъ Нѣжинъ въ то время, какъ тамъ будетъ происходить рада.

Насколько справедливы обвиненія Сомка въ сношеніяхъ съ татарами, а тѣмъ болѣе въ призывѣ ихъ подъ Нѣжинъ—рѣшить трудно; но несомнѣнно то, что Сомко сильно расчитывалъ на радѣ воспользоваться перевѣсомъ *своихъ хорошо вооруженныхъ полковъ* надъ сбродомъ, приставшимъ къ Брюховецкому, а потому онъ очень настаивалъ, чтобы рада происходила непремѣнно за кіевскими воротами, и полковнику Страсбургу, который былъ у него въ гостяхъ, на его предложеніе переѣхать изъ за кіевскихъ воротъ черезъ рѣку Остеръ къ московскимъ воротамъ, отвѣчалъ: „будетъ за кіевскими воротами радѣ быть, и я на радѣ буду, а только рада будетъ за московскими воротами, и я на радѣ не буду и уѣду въ Переяславль со всѣмъ войскомъ"; на возраженіе Страсбурга: „какъ же онъ уѣдетъ не бывши на радѣ", Сомко отвѣчалъ: „я безъ государя не буду". Наконецъ уже по окончаніи рады, когда Сомко съ полковниками были въ верхней нѣжинской крѣпости, укрываясь отъ бунтовавшихъ козаковъ, онъ въ разговорѣ сообщилъ своимъ товарищамъ: „дивлюсь, что татары въ то время не пришли, какъ рада была". Сношенія Сомка съ Тетерею и его намѣреніе силой заставить избрать себя въ гетманы и послужили главнымъ *формальнымъ* поводомъ приговорить его къ смертной казни.

Какъ же относились люди, собравшіеся на раду, къ тому и другому конкуррентамъ? Стародубецъ Терентій Протопоповъ, присланный съ отписками отъ Гагина въ Москву 27 мая, въ распросѣ въ Приказѣ Малыя Россіи разсказывалъ, что козаки, которые выѣхали встрѣчать Гагина изъ Нѣжина, говорятъ „что многіе на совершенное гетманство хотятъ Якима Самка, а иные Брюховецкаго; а чернь говорятъ, что Самка и Брюховецкаго имъ на совершенное гетманство не надобно, а оберутъ они на радѣ опричь ихъ, кого излюбятъ всею чернью“. Чрезъ нѣсколько дней, 5-го іюня, капитанъ Мих. Мостыковъ, пріѣхавшій изъ Нѣжина, о томъ же предметѣ въ распросѣ сказалъ, что полковники, выѣхавшіе изъ Нѣжина съ Золотаренкомъ на встрѣчу Гагина, жаловались ему на Брюховецкаго, что его войско „чинитъ многимъ людямъ налоги и отъ той ихъ налоги сотники изъ городовъ многіе выбѣгаютъ“, и что эти полковники желаютъ выбрать въ гетманы Сомка, „а чернь въ разговорахъ говорятъ, что имъ годенъ быть гетманомъ Брюховецкій, потому что де онъ человѣкъ смирный и не гордый, а Самко и полковники гордые и имъ чинятъ налоги, а сами обогатѣли“. Наконецъ Гагинъ въ отпискѣ писалъ, что города, которые лежатъ ближе къ Переяславлю, желаютъ избрать въ гетманы Якима Сомка, а города ближайшіе къ Гадячу, Брюховецкаго; „а въ Нѣжинѣ сказывали казаки и мѣщане на радѣ хотятъ выбрать въ гетманы Полтавскаго полку козака Константина Суличича или нѣжинскаго казака Григорія Кобылецкаго“.

Вотъ въ какомъ положеніи находились обѣ партіи, когда открылась рада 17-го іюня 1663 года. По распоряженію Гагина царскій шатеръ[1]) былъ раскинутъ за московскими воротами, здѣсь должна была собраться и рада. Первымъ прибылъ на раду

---

[1]) Н. И. Костомаровъ въ своей монографіи очень подробно описываетъ событіе рады, но вѣроятно, беллетристическая форма разсказа помѣшала ему передать это событіе съ точностью, или, быть можетъ, тѣ источники, которыми онъ пользовался при описаніи рады, передаютъ объ этомъ событіи такъ, какъ разсказалъ и Костомаровъ. Отписки Гагина и распросныя рѣчи лицъ, посланныхъ въ Москву съ извѣстіемъ о состоявшемся выборѣ гетмана, передаютъ объ этой радѣ нѣсколько иначе. Кстати замѣчу, что Н. И. Костомаровъ, разсказывая о радѣ, пишетъ: „уже красовался *нарядный* царскій шатеръ, присланный изъ Москвы“... Между тѣмъ въ одной

Меѳодій, епископъ мстиславскій и оршанскій; въ обозы къ наказному и кошевому гетманамъ былъ посланъ приказъ, чтобъ они, гетманы, полковникамъ, сотникамъ, атаманамъ, есауламъ, козакамъ, черни и мѣщанамъ приказали на радѣ быть безъ оружія, для того чтобъ между ними не произошло ссоры и убійства, однако и гетманы и все войско явилось съ оружіемъ. Тогда Гагинъ приказалъ имъ оружіе съ себя снять и положить; старшина послушалась, оружіе сняли и отдали держать своимъ челядникамъ. Затѣмъ Гагинъ приказалъ прочитать „вѣрющую грамоту“, по прочтеніи которой гетманы, старшина и все войско „на государевомъ жалованьѣ, на милостивомъ словѣ челомъ ударили“, а потомъ, согласно наказу, Гагинъ сталъ читать *рѣчь*, но не выслушавъ всей рѣчи, „съ Ивановой стороны Брюховецкаго полковники и сотники, и атаманы, и есаулы, и казаки и чернь обирали въ гетманы его Ивана и по своему казацкому обычаю вверхъ шапки метали, а съ Якимовой стороны Самка полковники жъ и все войско въ гетманы обирали его Якима Самка и на томъ гетманскомъ обиранье полку Якима Самка конные люди съ его Якимовымъ бунчукомъ и съ литавры и со многими знамены въ пѣшіе люди въ раду вскочили, а пѣхота его жъ Самкова съ ружьемъ прибѣжала и въ радѣ людьми замѣшали, а насъ (Гагина съ товарищами) съ мѣста сбили и обѣ стороны между себя бой учинили и многихъ людей казаковъ переранили, а иныхъ и до смерти побили и раду разорвали и разошлись въ свои обозы. А на завтрее того числа посылали мы рейтарскаго строя полка Шепелева маіора Вас. Непейцына къ наказному и къ кошевому гетманамъ говорить, чтобъ они гетманы на раду были, а въ войскахъ своихъ приказали накрѣпко, чтобъ на раду были безъ ружья и между ними ссоры, задору и убійства не было бы, и послѣ того вскорѣ съ маіоромъ В. Непейцынымъ къ государеву

изъ отписокъ Гагинъ писалъ въ Москву, что „присланный къ нему съ дьякомъ Ив. Ѳоминымъ казенный суконный шатеръ, отпущенный шатерничимъ Андр. Карбышевымъ, цвѣтомъ *черный* и того шатра въ Нѣжинѣ при обраньѣ гетманскомъ на радѣ безъ указу ставить *не смѣемъ*, потому что цвѣтомъ тотъ шатеръ *черный*“. Въ отвѣтъ ему писали изъ Москвы: „и вы бъ при обраньѣ гетманскомъ ставили шатеръ тотъ, который къ вамъ присланъ съ Москвы“.

шатру къ намъ прибѣжалъ изъ своего обоза наказный гетманъ Якимъ Самко съ полковники: нѣжинскимъ Вас. Золотаренкомъ, черниговскимъ Аникіемъ Силинымъ (Силичемъ), переяславскимъ Аѳонасіемъ Щуровскимъ, прилуцкимъ Дм. Чернявскимъ, кіевскимъ Сем. Третьякомъ и сказали, что ихъ полковъ сотники, атаманы и есаулы, казаки и чернь, которые были при нихъ, отошли въ обозъ къ кошевому гетману къ Ив. Брюховецкому, а ихъ хотѣли побить до смерти, и чтобъ ихъ Якима Самка съ товарищи черни убить не дать и мы отослали ихъ въ городъ къ воеводѣ Мих. Дмитріеву, чтобъ, ихъ уберечь и побить не дать и велѣли имъ тамъ быть до указу". Тотъ же Непейцынъ былъ посланъ съ извѣстіемъ о случившемся и съ приглашеніемъ явиться на раду—въ обозъ Брюховецкаго, который не замедлилъ явиться со своими сторонниками, собравшимися въ числѣ до сорока тысячъ. Были повторены тѣ же дѣйствія, что и наканунѣ: прочитана „вѣрющая грамота", сказана была рѣчь и затѣмъ предложено приступить къ выборамъ. Тихо и безмятежно, всѣми вольными голосами въ совершенные гетманы былъ избранъ Брюховецкій и того жъ числа, послѣ молебствія въ соборной церкви о многолѣтіи государя, онъ былъ приведенъ къ присягѣ и ему были переданы Гагинымъ грамота, утверждающая его гетманомъ, жалованная грамота на булаву и на староство гадячское. Принявши грамоты, новообранный гетманъ билъ челомъ, чтобы ему дать булаву и знамя, „чѣмъ бы ему въ войскѣ означить великаго государя къ себѣ милость". Въ отвѣтъ на эту просьбу Гагинъ отвѣчалъ, что знамя и булава будутъ даны ему, когда онъ увидитъ пресвѣтлыя царскія очи. Затѣмъ были приведены къ присягѣ вновь избранные полковники на мѣсто тѣхъ, которые бѣжали отъ своихъ полковъ. Нѣсколько иначе разсказываетъ о побѣгѣ Сомка съ полковниками изъ своего обоза въ царскій шатеръ черный дьяконъ Симеонъ, посланный Меѳодіемъ въ Москву съ извѣстіемъ объ избраніи гетмана: „Какъ на радѣ отъ наказнаго гетмана отъ Якима Самка начальные люди, старшины и чернь отступили, и онъ Якимъ прибѣжалъ къ шатру окольничаго кн. Данила Степановича Великаго-Гагина съ товарищи, а съ нимъ прибѣжали полковники: переяславскій, кіевскій, черниговскій,

прилуцкій, лубенскій и всѣ полковники, которые были въ войскѣ при Якимѣ Самкѣ, опричь полковниковъ полтавскаго да зиньковскаго, потому что тѣ были при Брюховецкомъ, а Васюта Золотареновъ и тесть его Иванъ Поповичъ въ то время были у окольничаго въ шатрѣ, а не съ Якимомъ Самкомъ, а начальные люди Вас. Золотаренка и чернь и армата была въ обозѣ, а не съ нимъ были. Да съ нимъ же Якимомъ Самкомъ прибѣжали къ окольничему къ шатру начальныхъ людей, черни и челяди по смѣтѣ человѣкъ съ сорокъ, и окольничій велѣлъ Як. Самка и полковниковъ, начальныхъ людей и чернь, которые за ними пріѣхали, отвесть въ городъ пѣшаго строю начальному человѣку и иные черни и челяди въ верхній и въ нижній городъ пускать не велѣлъ, чтобъ не учинилась въ городѣ какая ссора". Изъ послѣдующей отписки Гагина оказывается, что въ городъ были отосланы изъ шатра съ ротмистрами рейтарскаго строя полка Ив. Шепелева съ Васильемъ и Яковомъ Бекарюковыми подъ прикрытіемъ ихъ ротъ, слѣдующія лица: „Наказный гетманъ Якимъ Сомко, нѣжинскій полковникъ Вас. Золотаренко, переяславскій—Аѳанасій Щуровскій, черниговскій Аникій Силичъ, кіевскій—Семенъ Третьякъ, ирклеевскій—Иванъ Папкѣевичъ, лохвицкой—Степанъ Шамрицкой, прилуцкій—Дм. Чернявскій, писарь Савицкой, писарь Васеевичъ, писарь Ѳома Тризничъ, Ив. Воробей, Семенъ и Прокопій Кулженскіе, Ананка есаулъ, Павелъ Килдѣй (Киндѣй?), Левка Бутъ, секретарь Самковъ (имени нѣтъ) и Ивана Поповича. Данила Повинный, Словинъ, Богдановъ, Лизогубъ Гелмязовскій, Ив. Шматовичъ и Жилка Сомковъ, тоже отосланные въ городъ съ Сомкомъ, на лицо не оказались. „А Якимъ Самко и полковники черниговскій и переяславскій, писалъ въ заключеніе Гагинъ, по многимъ причинамъ тебѣ великому государю не вѣрны". Въ Москвѣ по полученіи извѣстія о происшествіяхъ, случившихся на радѣ, немедленно сдѣлано было распоряженіе объ описи и опечатаніи имущества Сомка и другихъ полковниковъ и тотчасъ о томъ посланы къ воеводамъ грамоты, а Сомка съ товарищами до указу велѣно держать въ Нѣжинѣ. А въ Нѣжинъ былъ посланъ изъ Москвы стольникъ, князь Н. Гагаринъ съ милостивымъ словомъ къ кн. Гагину и бывшимъ

при немъ ратнымъ, а также къ епископу Меѳодію и гетману Брюховецкому съ милостивыми грамотами; кромѣ того Гагаринъ повезъ съ собою два сорока соболей для епископа, а гетману знамя и булаву и тоже два сорока соболей. „А знамя каково послано: писано обѣ стороны Образъ Спасовъ—Эммануила, около Спасова образа по знамени звѣзды; булава серебряная, позолочена съ бирюзами да съ раковинами. На знамени сорочка сукна червчатаго, на булавѣ тафта червчатая жъ". Въ отвѣтъ на эти знаки царской милости Брюховецкій писалъ государю отъ 4 августа: „не мое какое съ высокихъ заслугъ урощенное достоинство а незначная въ службѣ вашего царскаго пресвѣтлаго величества моя прислуга, но напередъ недостижимыя разумомъ людскимъ судьбы Божіи, а потомъ особная и милосердая милость вашего ц. пресвѣтлаго величества съ маіестату сіе исправляетъ, что ты... съ пребогатыхъ щедротъ... мене вѣрнаго холопа и раба своего булавою и знаменемъ при неисчетномъ своемъ... жалованьѣ ущедрити и рабское мое художество украсити изволили, которая—та булава и знамя съ жалованьемъ... дня 2 Августа въ войскѣ въ недостоиныя руци мои при преосвященномъ Меѳодіи... отданная вяжетъ мене непоколебимо во вѣки и неподвижно черезъ всѣ лѣта живота моего къ вашей... службѣ, надежнымъ будучи, что всемилостивый Богъ на мнѣ недостойномъ червѣ судьбы свои Божія исполняючи за праведными вашими... молитвами даруетъ мнѣ вѣрному вашему холопу при тѣхъ знакахъ войсковыхъ отъ лица вашего пресвѣтлаго царскаго величества присланныхъ святымъ и государственнымъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества благословеніемъ и счастьемъ свыше отъ Бога даннымъ, паче злата и бисера украшенныхъ, между вѣрнымъ войскомъ... запорожскимъ любовь и всякихъ мятежныхъ расколъ умерщвленіе, а надъ всякими вашими... врагами одолѣніе и побѣду, чтобъ тѣ всякіе враги на вѣру православную и на вашъ... маіестатъ наступаючіе, увидѣвъ тѣ знаки и клейноты, не отъ нашихъ худыхъ войсковыхъ силъ, но отъ оныхъ, аки отъ вѣтру прахъ, утекали и врознь шли". Далѣе онъ проситъ о присылкѣ ратныхъ людей для посылки за Днѣпръ, а ему самому безъ царскихъ войскъ за Днѣпръ идти нельзя, пока мятежъ и

нелюбовь, возбужденные въ низовыхъ и тутошнихъ городахъ нѣжинскою радою, не будутъ искоренены, а потому онъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и черныю просятъ „тѣхъ завистниковъ любве Богу и великому государю и войску всему запорожскому проступныхъ по своему милосердому государскому указу и по стародавнимъ правамъ войсковымъ войску и мнѣ на судъ съ города Нѣжина велѣти дати, чтобъ намъ всему войску вѣрному сзади отъ нихъ безопаснымъ быть". Какъ извѣстно, этотъ „наинижайшій подножекъ пресвѣтлаго престола" добился суда надъ Сомкомъ и его друзьями и смертною казнію его отомстилъ за тѣ хлопоты, которыя причинялъ ему Сомко своей конкурренціей на гетманскую булаву. Меѳодій за свое пронырство получилъ сорокъ соболей въ 100 рублей да триста серебряныхъ рублей.

А. Востоковъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ САМОУПРАВЛЕНІЯ КІЕВА ПО МАГДЕБУРГСКОМУ ПРАВУ.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 23 декабря 1835 года Правительствующему Сенату, выражено: „Въ особенномъ Нашемъ вниманіи къ благосостоянію города Кіева, желая всемѣрно способствовать успѣхамъ населенія его и промышленности, признали нужнымъ обозрѣть въ подробности настоящій порядокъ его управленія. Изъ свѣдѣній, по сему Намъ доставленныхъ и въ Государственномъ Совѣтѣ подробно разсмотрѣнныхъ, удостовѣряюсь, что сей порядокъ не соотвѣтствуетъ существеннымъ выгодамъ города и что права, нѣкогда ему данныя *и на первый случай* впредь до усмотрѣнія подтвержденныя, одни давно уже сами собою прекратились, другіе же въ теченіи времени и съ перемѣною мѣстныхъ обстоятельствъ, измѣняясь въ ихъ дѣйствіи, *обратились во вредъ и отягощеніе цѣлому составу городскаго общества*, признали Мы за благо, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, постановить: 1) по примѣру другихъ городовъ учредить на основаніи городоваго положенія Городскую Думу, а равно упразднить Городскую Коммиссію и передать ея дѣла въ Думу; 2) присвоить Магистрату Кіева въ отношеніи Губернскаго начальства и судебныхъ мѣстъ всѣ права и обязанности, какія присвоены прочимъ магистратамъ; 3) освободить Городское Общество отъ содержанія городской стражи (2000 человѣкъ пѣхоты и 500 конницы), какъ отъ повинности для благоустройства города по настоящему его положенію безполезной; 4) распространить рекрутскую повинность на всѣхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ городу послѣ ревизіи 1782 года, а со старожилыхъ взыскивать по 1 т. руб. за каждаго слѣдуемаго съ нихъ рекрута; 5) подчинить мѣщанъ въ ихъ искахъ о безчестіи общимъ законамъ; тѣмъ же, которые пользо-

вались въ такихъ искахъ шляхетскимъ правомъ, назначать вознагражденіе вчетверо больше, сравнительно съ простыми мѣщанами“ [1]).

Такимъ образомъ, въ 1835 году, въ Кіевѣ отмѣнено было магдебургское право, пожалованное ему еще въ концѣ XV в. и просуществовавшее въ немъ нѣсколько столѣтій. Съ воспоминаніемъ объ этомъ фактѣ соединяется обыкновенно неясное представленіе о какомъ-то чрезвычайномъ событіи, послужившемъ поводомъ къ отмѣнѣ стараго порядка, но остававшемся для насъ неизвѣстнымъ; этимъ же невѣдѣніемъ, полагаемъ мнимымъ, истинной причины реформы кіевскаго городскаго управленія проникнутъ и памятникъ современной рукописной литературы: „Скорбь кіевлянъ“ [2]), стихотвореніе магистратскаго писца, отдѣлывающагося намеками и гаданіями относительно совершившагося факта, вѣроятно, изъ боязни оскорбить рѣзкою правдою, которой онъ по мѣсту своего служенія въ магистратѣ не могъ не знать, самолюбіе своихъ недавнихъ, но еще сильныхъ покровителей и начальниковъ.

Разъясненіе этого затемненнаго, и благодаря прежнему порядку судопроизводства, малоизвѣстнаго событія оказывается нынѣ возможнымъ лишь по изученіи старыхъ дѣлъ, хранящихся нынѣ въ центральномъ университетскомъ архивѣ и проливающихъ свѣтъ на положеніе кіевскаго городскаго управленія въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтій. Изъ этихъ-то дѣлъ мы и узнаемъ о широкихъ злоупотребленіяхъ членовъ кіевскаго магистрата, кончившихся для нихъ отрѣшеніемъ, по указу Сената 10 авг. 1834 г., отъ всѣхъ занимаемыхъ ими должностей, какъ лицъ, состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, указу, исполненіе котораго во многомъ зависѣло отъ замѣны шести-гласной думою кіевскихъ городскихъ учрежденій, основанныхъ на магдебургскомъ правѣ, со всѣми привилегіями, отличавшими Кіевъ отъ другихъ русскихъ городовъ, малопонятными начальству и служившими только помѣхою контролю послѣдняго надъ городскою автономіею.

[1]) Полн. Собр. Зак. Собр. 2, т. X., Приб., стр. 47, № 7694, а.

[2]) Кіевская Старина, 1882 г., май.

На основаніи указанныхъ нами дѣлъ мы имѣемъ въ виду не только очертить злоупотребленія кіевскаго магистрата, кончающіяся его, такъ сказать, самоуничтоженіемъ, но и выяснить также исторически сложившіяся причины этихъ злоупотребленій, которыя приводили привилегированное самоуправленіе Кіева къ столь печальному исходу.

I.

Злоупотребленія кіевскихъ войтовъ и другихъ магистратскихъ чиновъ сдѣлались извѣстными, благодаря энергическимъ разоблаченіямъ кіевскаго мѣщанина Василія Наумовича Кравченка.

Сей послѣдній принадлежалъ къ мясному цеху и занимался въ мирное время торговлей, а въ военное время бралъ на себя подрядъ по поставкѣ для русской арміи лошадей. Человѣкъ онъ былъ болѣе или менѣе состоятельный, къ числу представителей городскаго суда и администраціи не принадлежалъ и часто съ ними враждовалъ. Возмущался ли Кравченко злоупотребленіями войтовъ и бургомистровъ въ силу своей честности, оскорблялось ли его самолюбіе тѣмъ, что ему самому не удалось засѣдать въ магистратѣ, или оно было уязвлено случайными столкновеніями съ магистратскими чинами,—рѣшить трудно. Изъ поднятаго имъ дѣла, тянувшагося свыше 20 лѣтъ, видно, что противники Кравченка, не смотря на сильное желаніе отомстить своему обличителю и привлечь его самого къ уголовной отвѣтственности, не могли при всемъ стараніи найти для этого какого-либо повода и основанія. Остается поэтому думать, что Кравченко былъ честный, самоотверженный человѣкъ, во имя справедливости затѣявшій борьбу съ богатыми и сильными купцами, которые держали въ своихъ рукахъ судъ и управленіе городомъ и составляли между собою тѣсно связанную родствомъ и общими интересами лигу. Начавъ эту борьбу въ такое время, когда на судѣ правда оставалась за тѣмъ, кто больше платилъ, Кравченко, какъ самъ заявлялъ въ одномъ изъ своихъ прошеній, просудилъ большую половину своего

состоянія; тѣмъ не менѣе, съ замѣчательною энергіею и настойчивостью, онъ преслѣдовалъ разъ намѣченную цѣль и успокоился только тогда, когда достигъ желаннаго успѣха; успѣхъ же этотъ тѣмъ лишь и обезпечилъ, что сдѣлалъ преступленія магистратскихъ чиновниковъ на столько гласными, на сколько это было возможно въ его время; неутомимо одну за другою подавалъ онъ жалобы губернскому прокурору, гражданскому губернатору, генералъ-губернатору, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и даже въ Сенатъ, лишивъ такимъ образомъ своихъ противниковъ возможности замять дѣло въ мѣстныхъ низшихъ инстанціяхъ.

Началось это громкое дѣло по слѣдующему маловажному, повидимому, поводу: 8-го января 1821 г., въ магистратѣ происходили выборы ремесленнаго головы и на другія городскія должности. Выборы производились голосами, а не шарами. Были, вѣроятно, избраны неугодные Кравченку лица, и онъ протестовалъ тутъ же, но не противъ избранныхъ, а противъ способа избранія. Присутствовавшій на выборахъ полиціймейстеръ Дуровъ, равно и члены магистрата, не обратили вниманія на его слова; Кравченко пожаловался губернатору, и выборы 8 января были отмѣнены. На новыхъ выборахъ 11-го января того же года стали опять избирать голосами, а не шарами. Кравченко замѣтилъ, что выборы должны производиться шарами. Войтъ Григоренко, бургомистръ Лакерда и другіе члены магистрата отвѣчали, что такого закона нѣтъ. Кравченко стоялъ на своемъ и тѣмъ еще болѣе раздражилъ городскихъ представителей. Возгорѣлся общій споръ, пошли взаимныя пререканія на выборахъ, мѣщане раздѣлились на двѣ партіи: одна, по убѣжденію войта и магистратскихъ чиновъ, составила опредѣленіе объ исключеніи Кравченка, какъ человѣка безпокойнаго, изъ мѣщанскаго общества; другая, напротивъ, выдала ему свидѣтельство, что онъ „есть честной и безпорочной жизни, полезный и спокойный въ обществѣ, защищающій вездѣ справедливость и открывающій оную“. Чувствуя-ли себя не совсѣмъ правымъ, или не желая затѣвать большого дѣла, Кравченко на другой же день ходилъ къ войту и „убѣдительно и слезно“ просилъ его уничтожить обидное для него опредѣленіе.

Войтъ передъ иконою клялся, что исполнитъ просьбу, а между тѣмъ не исполнялъ; девять дней ходилъ къ нему Кравченко и все безуспѣшно. Это-то глубокое оскорбленіе мѣщанскаго самолюбія и было тѣмъ толчкомъ, который двинулъ Кравченка на борьбу съ вѣковой неправдой, успѣвшей пустить широкіе и глубокіе корни. Въ многочисленныхъ прошеніяхъ своихъ въ разныя правительственныя учрежденія и къ высшимъ сановникамъ государства Кравченко обвинялъ членовъ магистрата въ томъ, что они взыскиваютъ самовольно при сборѣ подушныхъ въ значительномъ количествѣ излишнія деньги, разоряя этимъ мѣщанъ и приводя ихъ къ нищетѣ; собранныхъ такимъ образомъ денегъ въ расходъ не показываютъ и вообще не даютъ обществу отчетовъ въ городскихъ суммахъ со времени „послѣдней ревизіи“ (1816 г.). Первая такая жалоба подана была Кравченкомъ 18 янв. 1821 г. кіевскому гражд. губернатору Бухарину. Это всполошило магистратъ, ибо еще на выборахъ 11 января мѣщане въ числѣ 42 человѣкъ жаловались на тягость и разорительность налоговъ, порицали избраніе стараго базарнаго Нечаева въ десятый разъ въ ту же должность и желали видѣть на ней новое лицо, а 7-го февраля всѣ цехи единодушно въ поданномъ ими въ магистратъ заявленіи протестовали противъ налоговъ, собиравшихся сверхъ подушныхъ, и отказались платить таковые. Представители городского самоуправленія возбудили вопросъ, имѣетъ-ли право Кравченко подавать жалобы отъ имени цѣлаго общества, когда ему 42 мѣщанами выдано только свидѣтельство о поведеніи, а не довѣренность; рядомъ съ этимъ въ магистратѣ производилось „устрашеніе“ тѣхъ, кто раньше другихъ подписалъ выданное Кравченку свидѣтельство, и двое изъ нихъ перешли на сторону его противниковъ. Но нашлось 40 смѣльчаковъ, которые 9 февр. 1821 г. выдали Кравченку формальную довѣренность „доходить по начальству защиты и правосудія“. Эта довѣренность, или открытый „вѣрющій листъ“, выражаясь юридическимъ языкомъ того времени, была явлена и посвидѣтельствована 11 февраля въ кіевскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, гдѣ и записана въ актовую книгу подъ № 744. Тѣмъ не менѣе, хотя губернское правленіе назначило слѣдственную коммиссію изъ полиціймейстера Дурова

и казенныхъ дѣлъ губернскаго стряпчаго Бакалова для изслѣдованія, указанныхъ Кравченкомъ, злоупотребленій магистрата въ расходованіи общественныхъ суммъ, а по жалобѣ того же Кравченка на неправильность баллотировки и исключенія изъ состава общества, постановило сдѣлать магистрату выговоръ за нарушеніе закона, но оставило безъ вниманія остальныя его жалобы. Магистратъ старался отклонить слѣдствіе, заявляя, что подписавшіеся на довѣренности Кравченка, какъ и онъ самъ, принадлежатъ будто бы къ банкротамъ, къ порочнымъ людямъ вообще, и что многіе изъ нихъ состоятъ подъ судомъ, но губ. правленіе, по разсмотрѣніи произведенныхъ 11 янв. выборовъ [1]), хотя признало выборы правильными, но не утвердило всѣхъ избранныхъ, которые, будучи ремесленными головами, причастны были къ дѣлу объ излишне взысканной суммѣ (Бугаевскій и Диковскій), а также оцѣнщиковъ и базарныхъ, которые баллотировались не шарами, а голосами. Слѣдственная коммиссія, въ свою очередь, потребовала отъ магистрата объясненій, на какомъ основаніи, онъ, вѣдая только тяжебныя и уголовныя дѣла, „вмѣшался въ раскладку на мѣщанъ излишнихъ денежныхъ налоговъ сверхъ указныхъ податей“. Магистратъ отстаивалъ свое право на сборъ налоговъ и, основываясь на XIV главѣ „о власти магистратской магдебурскаго права“, на „учрежденіи или уставѣ главнаго магистрата“, изд. 16 янв. 1721 г., и на городовомъ положеніи 1785 г., доказывалъ, что принятый имъ порядокъ раскладки налоговъ въ присутствіи ремесленныхъ головъ, разныхъ цехмистеровъ и старшинъ отъ каждаго цеха вполнѣ законенъ, равно какъ и взысканіе и взносъ собранныхъ по сей раскладкѣ денегъ особо выбранными для сего сборщиками въ цехи, съ передачею ихъ оттуда чрезъ ремесленную управу въ казначейство, при чемъ относительно распоряженія остатками сборовъ въ пользу

---

[1]) Тогда же большинствомъ голосовъ были избраны: въ *бургомистры* Семенъ Балабуха; въ *ратсгеры* Иванъ Григоренко (сынъ войта) и Іосифъ Диковскій; въ *члены городской коммиссіи* Андрей Скородубъ, Алексѣй Ходуновъ, Ѳеодоръ Полонскій и Исидоръ Кириченко; въ *члены квартирной коммиссіи* Георгій Бугаевскій; въ *лавники* Иванъ Лакерда; въ *инстигаторы* Евфимъ Вишневскій; въ *квартиргеры* Тимофей Островскій, Петръ Кобецъ, Миронъ Диковскій и Якимъ Федоровскій; въ *ремесленныя головы* Антонъ Новохацкій; въ *оцѣнщики* и *базарные* Семенъ Кочевой, Исаакъ Червинскій, Кондратъ Шульгинъ и Алексѣй Бойковъ.

городскихъ обывателей, безъ представленія отчетовъ о томъ начальству, а съ правомъ отчетываться въ томъ только „предъ старшими и знатнѣйшими изъ посполъства“ магистратъ оправдывалъ себя ссылками на 26 ст. губернаторскаго и воеводскаго наказа, изд. 12 сент. 1728, а также Высочайше жалов. грам. и привилегіями польскихъ королей Сигизмунда III 1 апр. 1626 г. и Яна-Казиміра 12 янв. 1650 г., подтвержденныхъ впослѣдствіи указомъ Прав. Сената въ 1739 г. Отсюда возникла переписка, разросшаяся потомъ въ десятки томовъ, между подсудимыми и слѣдователями о взаимныхъ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдствіе началось и коммиссія стала допрашивать свидѣтелей въ присутствіи Кравченка, слѣдившаго за показаніями и указывавшаго коммиссіи на источники, подтверждающіе фактъ сверхсмѣтныхъ налоговъ; домогательство же Кравченка, чтобы при слѣдствіи присутствовали и всѣ цехмистры, заявившіе отъ имени своихъ цеховъ о нежеланіи мѣщанъ платить излишніе налоги, оставлено было коммиссіею безъ послѣдствій. Истину своихъ жалобъ Кравченко доказывалъ: 1) свидѣтельскими показаніями сборщиковъ и 2) тетрадями и документами о сборахъ и раскладкахъ, хранившимися въ магистратѣ, при чемъ настаивалъ на необходимости произвести повѣрку съ 1813 года, не выясняя мотивовъ, почему онъ считаетъ излишнее взысканіе податей только съ этого времени, а не раньше,—вѣроятно онъ понималъ, что пожаръ 11 іюля 1811 г., когда всѣ обличающія дѣла и документы магистрата сгорѣли или были сожжены, и наступившій за тѣмъ богатый событіями, требовавшими экстраординарныхъ расходовъ, 1812 годъ давали полную возможность его противникамъ оправдаться; только отсюда понятно, почему слѣдствіе о злоупотребленіяхъ городского управленія начинается съ 1813 г., когда должность войта занималъ Ф. Лакерда[1]). Свидѣтелями коммиссія вызывала всѣхъ цехмистровъ и альтермановъ, руководившихъ дѣлами цеховъ съ 1813 по 1821 г.; они давали

[1]) Филиппъ Лакерда, надо думать, началъ службу въ концѣ прошлаго столѣтія; въ началѣ текущаго вѣка мы застаемъ его бургомистромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ дѣлами общественной коммиссіи, членомъ коммиссіи о городскихъ доходахъ и расходахъ и однимъ изъ питейныхъ откупщиковъ; въ 1813 и 1814 годахъ онъ временно исправлялъ должность войта, т. е. отъ

однообразныя показанія въ слѣдующей формѣ: подати отъ сборщиковъ или отъ цеховъ принималъ, деньги вносилъ въ казначейство, изъ остатка производилъ цеховые расходы, излишекъ же передавалъ войту или кому-нибудь изъ членовъ магистрата; росписокъ въ пріемѣ или сдачѣ денегъ многіе не имѣли вовсе, большинство же изъ нихъ отговаривалось то пожаромъ 1811 г., то утратой вслѣдствіе неважности самой росписки, то неграмотностью и пр. Въ вызовѣ же и допросѣ свидѣтелей изъ лицъ, не принадлежащихъ къ ремесленной управѣ, слѣдственная коммиссія почему-то отказала, а это весьма существенно должно было отразиться на дѣлѣ, такъ какъ въ качествѣ свидѣтелей привлекались только цехмистры и альтерманы, сами принимавшіе участіе въ преступленіяхъ, а иногда и обвинявшіеся въ прямой растратѣ общественныхъ денегъ. Требованіе слѣдственною коммиссію отъ обвиняемыхъ документовъ по раскладкѣ и сбору податей вызвало тоже безконечную переписку, служившую къ оттягиванію результата слѣдствія. Магистратъ представилъ въ концѣ концовъ кое-какія тетради, но не за всѣ годы (1813—1821), не всѣхъ цеховъ (ихъ было 16) и въ добавокъ только черновые, что давало возможность, вслѣдствіе поправокъ и помарокъ на нихъ, обвиняемымъ оправдываться и оспаривать выводы коммиссіи. Естественно, что при такихъ свидѣтельскихъ и документальныхъ данныхъ вычисленіе собранной суммы для коммиссіи было немыслимо; тѣмъ не менѣе, сопоставляя ихъ съ данными, сообщенными губернскимъ казначействомъ о количествѣ внесенныхъ за мѣщанъ податей, слѣдственная коммиссія пришла къ заключенію: 1, что въ періодъ времени съ 1813 по 1821 г. въ тетрадяхъ показано меньшее количество душъ, чѣмъ сколько ихъ было по даннымъ казначейства; это магистратъ объяснялъ тѣмъ, что казначейство при исчисленіи числа душъ руководствовалось показаніями послѣдней ревизіи, между тѣмъ какъ цехи въ своихъ тетрадяхъ обозначали только наличное число душъ, исключая умершихъ, отданныхъ въ

смерти Юрія Рыбальскаго до выбора Михаила Григоренка. Сыновья Лакерды: Антонъ, родившійся въ 1779 г., избранъ лавникомъ въ 1816 г., ратсгеромъ въ 1817 г. и бургомистромъ въ 1825 г. и Иванъ, родившійся въ 1789 г., избранъ въ 1822 г. лавникомъ, въ 1827 г. ратсгеромъ и въ 1831 г. бургомистромъ.

рекруты, сосланныхъ въ Сибирь, бѣглыхъ, а также бѣдныхъ, сиротъ, нищихъ, калѣкъ и вообще неспособныхъ къ труду и не имѣющихъ средствъ къ платежу податей, почему изъ общаго числа 6000 душъ, обязанныхъ платить подати, среднимъ числомъ исключалось 2102 души, за которыхъ городское общество вносило 26,501 р. 87 к. ежегодно, и 2, что всего въ означенный періодъ (1813—1821) взыскано съ мѣщанъ 444,032 р. 86 к., въ казначейство же внесено 402,209 р. 30½ к., откуда и явился у слѣдственной коммиссіи вопросъ магистрату, куда дѣлись 40,823 р. 55½ к., собранные съ мѣщанъ, и на что израсходовало ихъ городское управленіе? Магистратъ, въ лицѣ своихъ представителей войта Григоренка [1]) и бургомистровъ И. Романовскаго [2]) и С. Балабухи [3]), представилъ отчетъ въ израсходованіи на общественныя нужды означенной суммы [4]) копѣйка въ ко-

---

[1]) Мы не знаемъ, когда вступилъ въ магистратъ предпослѣдній войтъ Михаилъ Ивановичъ Григоренко, но въ эту должность онъ былъ избранъ въ 1816 году и занималъ ее до своей смерти въ февралѣ 1826 г. Его сынъ Иванъ сдѣлался ратсгеромъ магистрата еще при жизни отца, съ 1822 года, и участвовалъ въ городскомъ управленіи до полной отмѣны магдеб. права въ Кіевѣ.

[2]) Романовскій Иванъ Петровичъ, зять Ѳ. Лакерды, род. въ 1787 г., избранъ въ 1820 г.—инстигаторомъ, въ 1825 г. лавникомъ, въ 1827 г. ратсгеромъ и въ 1830 г. бургомистромъ; его братъ Павелъ, зять И. Могилевскаго, род. въ 1778 г., избранъ въ 1802 году цехмистеромъ кузнецкаго цеха, въ 1805 году словеснымъ судьею, въ 1807 членомъ городской о приходахъ и расходахъ коммиссіи, въ 1810 г. членомъ строительной коммиссіи, въ 1816 г. ратманомъ полиціи, въ 1819 г. ратсгеромъ магистрата, въ 1821 г. бургомистромъ и въ 1828 г. еще разъ членомъ городской о приходахъ и расходахъ коммиссіи.

[3]) Служба семьи Балабухъ началась весьма рано, еще въ первой половинѣ XVIII в. Тогда, въ 1751 г., Василій Балабуха былъ бургомистромъ, а его братъ Григорій лавникомъ. Семенъ Балабуха въ 1782 г. занималъ должность бургомистра, а въ 1787—гласнаго въ новой думѣ (А. Андріевскій Истор. Мат. вып. I, стр. 135; вып. 2, стр. 29). Его сынъ Семенъ Семеновичъ род. въ 1771 г., въ 1804 г. былъ избранъ квартиргеромъ, въ 1812 г. членомъ квартирной коммиссіи, въ 1816 г. ратсгеромъ, въ 1821 г. бургомистромъ и членомъ городской коммиссіи. Братья Семена Балабухи старшій Константинъ былъ бургомистромъ и членомъ общественной коммиссіи съ 1807 по 1811 г., а младшій Александръ ратсгеромъ магистрата.

[4]) Вотъ цифры этого очевидно сочиненнаго отчета: 1, на городскую капелію 13,833 р. 59 к.; 2, на содержаніе экзекуцій при взысканіи податей 97 р.; 3, на пополненіе убытка въ 110 р., понесеннаго изъ суммы 400 р., издерж. мѣщ. Калиновскимъ и Пискуновымъ во время поѣздки ихъ въ 1816 г., по повелѣнію начальства, за покупкою воловъ для составленія таксы на мясо; 4, на починку пожарныхъ орудій, выписан-

пѣйку противъ сдѣланнаго коммиссіею начета,—въ общемъ же итогѣ слѣдственная коммиссія, какъ изъ ея заключенія видно, нашла растрату магистратомъ городскихъ суммъ въ 67,325 р. 43$^{1}/_{2}$ к.

Въ мартѣ 1824 г. губернское правленіе, разсмотрѣвъ представленный (приведенный нами въ выноскѣ) отчетъ магистрата, или вѣрнѣе, общій итогъ его расходовъ, признало его всецѣло неподтвержденнымъ и бездоказательнымъ, но при этомъ правленіе высказалось, что готово его признать, буде мѣщане г. Кіева дадутъ подписку, что своевременно извѣстны имъ были всѣ эти расходы и на нихъ они выразили свое согласіе. Магистрату не трудно было добыть эту подписку: въ четыре дня, съ 18-го по 21 апрѣля, на подпискѣ красовалось около 600 подписей, въ числѣ которыхъ были имена подсудимыхъ, т. е. членовъ магистрата, городской коммиссіи, ремесленной управы и пр., а также и всѣхъ, когда либо принимавшихъ участіе въ городскомъ самоуправленіи.

Казалось, дѣло приведено было къ концу, такъ какъ количество излишне собранныхъ податей опредѣлено, расходъ ихъ указанъ и согласіе общества получено,—но не такъ отнесся къ дѣлу Кравченко; еще при производствѣ слѣдствія полиціймейсте-

ныхъ изъ Спб., и на погребеніе обучавшихся въ Петербургѣ мастеровъ—250 р. 27 к.; 5, на уплату извозчикамъ при поѣздкахъ въ казначейство для уплаты податей—483 р. 69 к.; 6, на письмоводителя, разсыльныхъ и на покупку дровъ, въ добавокъ къ суммѣ, получаемой изъ кассы городской коммиссіи (по 230 руб. ежегодно)—2,184 р. 50 к.; 7, на исправленіе домовъ, занимаемыхъ ремесленною управою и цехами—3,542 р. 37 к.; 8, на покупку бумаги для писанія ревизій о мѣщанахъ и штрафныхъ 638 р. 5 к.; 9, на уплату рекрутскихъ денегъ за приписанныя къ кіевскому мѣщанству души для составленія полнаго числа, съ котораго можно было бы выставить рекрута,—2,139 р. 11$^{1}/_{4}$ к.; 10, кавалеру Филистри за поднесенную имъ въ даръ городу хронологическую табель—300 р. („Генеалогическая, хронологическая и синхронистическая таблица Россійской исторіи, сочиненная кавалеромъ Филистри, придворнымъ королевскимъ Прусскимъ поэтомъ и бывшимъ вице-директоромъ зрѣлищъ въ Спб. Въ типографіи Плюшара, 1818 г.); 11, на возвратъ поступившимъ въ рекруты взысканныхъ съ нихъ податей—15 р.; 12, на содержаніе городскихъ пушекъ—305 р.; 13, мѣщанину Кравченку по присужденію Правит. Сената передержанныхъ имъ въ 1812 г. при поставкахъ по контракту для дунайской арміи лошадей и пр.—447 р. 50 к.; 14, на постройку въ Кіево-Подолѣ для убоя скота бойни—1,316 р.; 15, на разныя общественныя надобности и содержаніе канцеляріи—15.106 р. 46$^{1}/_{2}$ к., а всего 40,823 р. 55$^{1}/_{2}$ к.

ромъ Дуровымъ и стряпчимъ Бакаловымъ, онъ „возымѣлъ на нихъ зазрѣніе“ и жаловался губернскому прокурору, въ 1-й департаментъ Сената, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, съ указаніемъ на разныя безпорядки, упущенія и неясности, допущенныя слѣдователями при слѣдствіи; жалобы Кравченка поддержалъ и губернскій прокуроръ,—почему Сенатъ предписалъ губернскому правленію назначить новыхъ слѣдователей, и 23 марта назначены были новые слѣдователи: депутатъ 1-го департамента кіевскаго главнаго суда Стринжа и чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ Долинскій; имъ вмѣнено въ обязанность провѣрить дѣйствія своихъ предшественниковъ и исправить сдѣланныя ими упущенія, точно указанныя прокуроромъ [1]), въ заключеніи о которыхъ послѣдній высказался, что хотя по 26 ст. воеводскаго наказа, изд. 12 сент. 1728 г., и не возбраняется собранныя деньги употреблять на общественныя нужды,

[1]) Прокуроръ указалъ на слѣдующія упущенія: 1, Дуровъ и Бакаловъ производили учетъ излишне-собранныхъ денегъ не съ 1813 г., какъ того требовалъ Кравченко, а съ 1814 г., слѣдствіе не велось въ его присутствіи, а вычисленіе и итоги растраты не скрѣплялись его подписью; 2, для опредѣленія количества незаконно взысканныхъ податей служили магистратскія тетради, большая часть которыхъ не была доставлена въ слѣд. коммиссію магистратомъ, почему неизвѣстны основанія, служившія коммиссіи для подведенія итога излишне-собранной суммы; 3, слѣдственная коммиссія не требовала отъ магистрата ежегодныхъ отчетовъ о сборѣ и расходахъ податей, вмѣстѣ съ остатками отъ послѣднихъ у ремесленныхъ головъ, подаваемыми магистрату, и удовлетворилась только голословнымъ объясненіемъ послѣдняго, показавшаго расходъ на общественныя нужды, никѣмъ и ничѣмъ не удостовѣренный; 4, всѣ, исчисленные въ объясненіи магистрата, расходы не могутъ быть признаны необходимыми, ибо на нихъ ежегодно отпускается отъ города вполнѣ достаточная сумма; 5, магистратъ не объяснилъ употребленія 3 т. р., ежегодно заработываемыхъ капеліею городу отъ свадебъ, театровъ, и др. случаевъ; 6, нѣкоторые расходы (содержаніе письмоводителя и разсыльныхъ, выдача 300 р. Филистри и пр.) показаны магистратомъ вдвойнѣ; 7, вопреки заявленію магистрата, подтвержденному и слѣдователями, будто изъ собранныхъ денегъ „никакой части ни у кого въ удержаніи не осталось“, изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что изъ собиравшихся податей удержано: альтерманами: Дмитріемъ Плахотниковымъ 40 р., Семеномъ Зайкинымъ 25 р., Семеномъ Щербинскимъ 365 р., Романомъ Броварниковымъ 120 р. и сборщиками Саввою Моровскимъ (выдавшимъ на имя городской коммиссіи вексель) 435 р. 20 к., Семеномъ Лагодой 213 р. и Иваномъ Пондиковымъ 54 р., всего же удержано 1252 р. 20 к.; между тѣмъ деньги эти еще до сихъ поръ не внесены въ магистратъ, а слѣдователи не потребовали отъ послѣдняго объясненій.

но такъ какъ 1, та раскладка налоговъ составлялась магистратомъ съ участіемъ только подчиненныхъ ему старшинъ и цехмейстеровъ безъ всякаго согласія и приговоровъ общества, и 2, излишне-собранныя деньги не только употреблены магистратомъ безъ вѣдома и согласія общества, но и при томъ на такія нужды, на которыя по штатамъ и назначеніямъ опредѣлена особая сумма, то, поэтому, примѣняясь къ существующимъ на этотъ предметъ законамъ[1]), въ которыхъ для введенія налога требуется согласіе всѣхъ членовъ городскаго общества, онъ (т. е. прокуроръ) находилъ излишнее взысканіе податей неправильнымъ и противорѣчащимъ прямому смыслу закона, а дѣйствія губернскаго правленія, оставившаго эти противозаконныя распоряженія членовъ магистрата и ремесленной управы, не смотря на протесты Кравченка и съ нимъ 42 мѣщанъ, противорѣчащими смыслу 96 ст. Высоч. о губ. учрежденія.

Въ свою очередь и Кравченко, въ дополненіе къ указаннымъ выше прокуроромъ упущеніямъ, въ поданномъ 14 дек. 1823 г. прошеніи сдѣлалъ еще нѣсколько важныхъ разъясненій: онъ сообщилъ: а, что тѣ мѣщане (сосланные, бѣжавшіе, больные, бѣдные, умершіе и пр.), за которыхъ по объясненію магистрата будто бы уплата податей падала на все общество, уплачивали налоги сами черезъ своихъ родственниковъ или наслѣдниковъ, при чемъ имущество такихъ лицъ бралось въ опеку, а малолѣтніе наслѣдники отдавались въ обученіе мастерамъ, отчего и расходъ въ 26,501 р. 87 к., выведенный по этой статьѣ магистратомъ, теряетъ подъ собою всякую почву и вполнѣ подлежитъ возврату потерпѣвшимъ мѣщанамъ, и б, что вообще онъ, Кравченко, не признаетъ необходимости со стороны магистрата вводить новые налоги на мѣщанъ, такъ какъ въ городской казнѣ должно было находиться до пожара 9 іюля 1811 года болѣе 600,000 р., изъ коихъ 200,000 руб. были отданы въ оборотъ питейному откупу; всю эту сумму, по словамъ Кравченка, бургомистръ Филиппъ Лакерда, „скрылъ“, пользуясь несчастнымъ случаемъ опустошитель-

[1]) 14 п. Высоч. ук. Пр. Сенату 16 авг. 1802 г.; 12 глава регламента глав. магистрата, изд. 16 янв. 1721 г.; 26 ст. воеводскаго наказа 12 сентября 1728 г. и указъ 15 окт. 1773.

наго пожара 9—11 іюля 1811 г., и что назначенная для приведенія въ извѣстность бывшаго городского капитала коммиссія изъ шести гражданъ открыла болѣе 300,000 руб., находившихся въ рукахъ Лакерды и Григоренка, которыми сверхъ того присвоены себѣ городскія пожарныя и рекрутскія суммы,—объ этомъ, онъ, Кравченко, своевременно заявлялъ уже губернскому правленію и просилъ назначить коммиссію изъ 12 представителей города, по ровну отъ каждаго изъ его сословій: чиновниковъ, почетныхъ гражданъ и простыхъ мѣщанъ, однако же губернское правленіе не постановило по его заявленію никакого рѣшенія, вслѣдствіе признанія его доносомъ. Указавъ такимъ образомъ на существованіе весьма значительнаго для своего времени капитала, избавлявшаго магистратъ отъ необходимости дѣлать сверхсмѣтные сборы и расходы, Кравченко безпощадно разоблачилъ всѣ доводы и оправданія своихъ противниковъ [1]). Въ поданномъ же тогда министру юстиціи прошеніи онъ сообщаетъ подробности о томъ, какъ общество согласилось на указанные въ объясненіи губернскому правленію расходы: 18 апрѣля 1824 г. слѣдователи Дуровъ и Бакаловъ съ членами магистрата собрали общество гражданъ въ контрактовомъ домѣ и потребовали подписки къ „закрытію винности“ какъ

[1]) По словамъ Кравченка 1, на содержаніе городской капеліи употреблялось ежегодно по 2,500 р. изъ 110,000 руб. Высочайше разрѣшенныхъ къ ежегодному отпуску городу Кіеву изъ доходовъ по винному откупу, что вмѣстѣ съ ежегодно заработываемымъ ею (3,000 р.) и составляло ея содержаніе; 2, содержаніе экзекуцій производилось ежегодно изъ особаго, опредѣленнаго на мясниковъ, налога; 3, пріобрѣтеніе и исправленіе пожарныхъ орудій дѣлалось на счетъ коммиссіи о городскихъ доходахъ и расходахъ; 4, извозчики при взносѣ податей въ казначейство не употреблялись, такъ какъ деньги туда доставлялись черезъ урядниковъ; 5, письмоводителю и разсыльнымъ назначалась сумма изъ городской коммиссіи; 6, ремонтъ домовъ, находившихся подъ помѣщеніемъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, представлялся ненужнымъ, ибо всѣ городскія присутственныя мѣста помѣщались въ только что, въ 1819 году, отдѣланномъ на средства коммиссіи, контрактовомъ домѣ; 7, расходы на рекрутъ производились изъ суммъ особаго сбора съ мѣщанъ, наложеннаго исключительно для этой цѣли, отъ котораго были остатки, — почему и расходъ въ этой статьѣ магистратъ вывелъ неправильно; 8, кавалеру Филистри уплочено за хронологическую табель изъ суммъ, собранныхъ съ мѣщанъ, пожелавшихъ имѣть вывѣски, отъ какой суммы оставались еще деньги; 9, для уплаты за воловъ, при составленіи таксы на мясо, по распоряженію Сената, былъ установленъ особый налогъ; 10, бойня выстроена мясниками на собственный счетъ;

войта, такъ и его сотрудниковъ, бургомистровъ, ратсгеровъ и др.; мѣщане зашумѣли, заволновались и не хотѣли подписываться; многіе стали выходить; тогда бургомистръ Романовскій приставилъ къ дверямъ двухъ сторожей, кричалъ и приказывалъ не выпускать не подписавшихся, послѣ чего „насильнымъ образомъ къ подпису принуждалъ разными угрозами", предлагая каждому изъ присутствовавшихъ отдѣльно къ подписи три бумаги: „одну за городъ", „другую за Кравченка", а третью—„кто вовсе не хочетъ подписаться". На другой день 19-го марта члены магистрата собрали всѣхъ цеховыхъ мѣщанъ и подъ угрозами потребовали отъ нихъ такой же подписки,—подписавшихся набралось 650 человѣкъ, изъ которыхъ многіе не знали того, что они подписываютъ. Члены магистрата, оправдываясь отъ обвиненія Кравченка въ вымогательствѣ подписей, подали въ Сенатъ объясненіе, въ которомъ утверждали, что 650 мѣщанъ, подписавшихся на согласіи своемъ съ дѣйствіями магистрата, составляютъ изъ общаго числа 6000 душъ кіевскихъ мѣщанъ то почетнѣйшее общество, которому одному подлежитъ вѣдать городскія нужды,—остальные же по ихъ расчету или находятся подъ судомъ, или въ безвѣстной отлучкѣ, или сосланы въ Сибирь, или принадлежатъ къ малолѣткамъ, больнымъ, калѣкамъ, старцамъ, умершимъ и пр. и пр.; въ этомъ же объясненіи, члены магистрата обвинили и Кравченка въ неимѣніи будто бы довѣренности отъ гражданъ на ходатайство въ судѣ и въ совершеніи подлога на свидѣтельствѣ о поведеніи.

Новые слѣдователи Стринжа и Долинскій, приступивъ къ слѣдствію, потребовали объясненій отъ магистрата, ибо послѣднее слово принадлежало Кравченку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и представленія къ слѣдствію недостававшихъ въ прежней коммиссіи тетрадей раскладокъ и сборовъ податей; отсюда начало нескон-

---

11, содержаніе магистрата производится изъ суммы, ассигнуемой коммиссіею; 12, домъ, занимаемый магистратомъ, принадлежитъ обществу и не требуетъ ни малѣйшаго расхода ни на ремонтъ, ни на наемъ. Такимъ образомъ, Кравченко старался доказать, что никакихъ расходовъ изъ противозаконно и излишне собранныхъ денегъ 67,325 р. 43 к. не могло быть дѣлаемо и всѣ эти деньги вполнѣ должны быть взысканы съ виновныхъ.

чаемыхъ пререканій: магистратъ репортуетъ, что расходы сдѣланы имъ съ согласія общества, правильно и въ дѣйствительности, обзывая показанія своего обличителя бездоказательными,— Кравченко же, въ свою очередь, доказываетъ, что магистратъ утаиваетъ передъ слѣдователями налоговыя книги и тетради изъ боязни обнаружить свою вину и подвергнуться огромной денежной отвѣтственности, и считаетъ всѣ показанія членовъ магистрата клонящимися къ сокрытію своей виновности. Переписка и пререканія въ этомъ смыслѣ достигли крайнихъ предѣловъ, что представляется вполнѣ естественнымъ, когда и войтъ и члены магистрата оставались въ своихъ должностяхъ и держали въ рукахъ власть, какъ надъ личностью, такъ и надъ имуществомъ гражданъ, когда подъ страхомъ угрозъ съ ихъ стороны всякій гражданинъ предпочиталъ молчать. Дѣло не подвигалось ни на шагъ впередъ, шла одна переписка, служившая доходною статьею... Кравченко „возымѣлъ зазрѣніе" на одного изъ членовъ слѣдственной коммиссіи, Стринжу, жаловался на него въ Сенатъ, и вмѣсто Странжи назначенъ былъ престарѣлый совѣтникъ главнаго кіевскаго суда Александровичъ. Но и съ назначеніемъ Александровича дѣло не подвинулось впередъ,— длилась только переписка, вмѣщавшая въ себѣ и пререканія, и споры, и утаиваніе магистратомъ документовъ, и напоминанія губернаторовъ о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, и министерскія распоряженія о томъ-же, и пр., и пр. Такъ время затянулось до октября 1826 г.; слѣдователи надумались, можетъ быть по совѣту съ магистратскими дѣльцами, воспользоваться манифестомъ, изданнымъ въ этомъ году по случаю коронаціи Императора Николая Павловича, чтобы окончательно прекратить дѣло, и въ виду того, что расходы произведены городскими властями дѣйствительно, на общественныя нужды, съ согласія общества и пр., и пр.,— производство слѣдствія пріостановили и вошли съ ходатайствомъ о прекращеніи дѣла по начальству, т. е. въ губернское правленіе, къ губернатору и, наконецъ, къ министру. Такимъ образомъ цѣль была достигнута: дѣло пролежало безъ движенія годъ, такъ какъ отвѣтъ министра былъ полученъ только 27 сентября 1827 г.—Въ предложеніи своемъ генералъ-губернатору, министръ

внутреннихъ дѣлъ, обнаружилъ строгость и безпристрастное отношеніе къ подсудимымъ: не признавалъ возможнымъ прекратить начатое дѣло, напротивъ же того, считая необходимымъ удостовѣриться во всѣхъ произведенныхъ съ мѣщанъ сборахъ и привести въ извѣстность сдѣланные расходы, полагалъ поручить ихъ обревизованіе казенной палатѣ,—въ то же время онъ находилъ недостаточною пидписку 650 мѣщанъ о законности и правильности сдѣланныхъ магистратомъ расходовъ, въ виду того, что имъ и предметы расходовъ-то не были извѣстны, и самое число ихъ 650 душъ незначительно, сравнительно съ общимъ числомъ душъ всѣхъ кіевскихъ мѣщанъ. Мнѣніе министра было сообщено слѣдователямъ черезъ губернское правленіе и 30 ноября 1828 года вновь возобновлена столь же долгая переписка того же содержанія: стали опять требовать присылки недостающихъ тетрадей, написали также и вопросные пункты съ требованіемъ указать виновнаго; въ магистратѣ ихъ положили подъ сукно, и пожалуй тамъ они еще долго бы пролежали, если бы губернское правленіе не побудило къ отвѣту; отвѣтъ данъ былъ магистратомъ слѣдователямъ черезъ полгода послѣ запроса, т. е. 28 марта 1828 г.; въ немъ, кромѣ обычныхъ выраженій въ родѣ: „никакихъ книгъ, записокъ, счетовъ, бумагъ и пр. по сей части не имѣется и были ли когда оные,—свѣдѣній имѣть не можно“, магистратъ выдаетъ головою виновныхъ. Таковыми по его мнѣнію слѣдуетъ считать: бургомистра *Филиппа Лакерду* (тогда уже умершаго), бывшаго „нареченнымъ“ войтомъ въ 1813 и 1814 гг., войта *Михаила Григоренка* (тогда уже умершаго), избраннаго въ іюнѣ 1814 г. и „войтовавшаго“ до смерти своей въ 1826 г., казначеевъ, или, какъ ихъ тогда называли, „содержателей вступающихъ въ магистратъ переходящихъ по дѣламъ денежныхъ суммъ“: въ 1813 и 1815 гг. *Акима Барскаго* [1]) (тогда уже умершаго); въ 1814 г. бургомистра *Константина Балабуху* (тогда уже умершаго); въ 1816 г. ратсгера *Василія*

[1]) Барскій Акимъ Александровичъ—членъ магистрата и общественной коммиссіи; у него братъ Романъ Александровичъ въ 1811 г. квартирсгеръ, въ 1819 г. членъ квартирной экспедиціи, въ 1825 г. ратсгеръ; сынъ же его Семенъ Акимовичъ въ это же время лавникъ.

Тохая[1]); въ 1817 и 1819 г. *Антона Лакерду*; въ 1818 г.— ратсгера *Никифора Болотина* (тогда уже умершаго), и въ 1819 г. ратсгера *Павла Романовскаго*. Этимъ „чиновникамъ", принимавшимъ участіе въ раскладкахъ и сборахъ податей, должны быть, по объясненію магистрата, извѣстны всѣ подробности о тетрадяхъ цеховъ и регистровыхъ товарищей. Но изъ названныхъ 8 подсудимыхъ пять лицъ было умершихъ, отъ остальныхъ трехъ магистратъ потребовалъ объясненія, которыя и представилъ начальству; отсюда возникаетъ новый пріемъ въ поведеніи на судѣ представителей городскаго самоуправленія: вся вина складывается на умершихъ, какъ магистратомъ, молчавшимъ при ихъ жизни, такъ и оставшимися въ живыхъ содержателями суммъ.

Одновременно съ перемѣною въ характерѣ оправданій обвиняемыхъ измѣняется и составъ слѣдственной коммиссіи: Александровичъ за болѣзнью и старостью выходитъ въ отставку, Долинскій получаетъ отъ губернатора другое назначеніе, и по опредѣленію губернскаго правленія въ слѣдственную коммиссію поступаютъ: совѣтникъ главнаго суда Водынскій и губернскій стряпчій Дротаевскій,—при чемъ личность послѣдняго совершенно стушевывается передъ Водынскимъ, обнаружившимъ, какъ видно изъ дѣла, достаточно и энергіи, и безкорыстія при производствѣ слѣдствія,— магистратъ старается вездѣ его очернить передъ начальствомъ, подсудимые вмѣсто отвѣтовъ пишутъ ему иногда выговоры, начальство дѣлаетъ ему часто замѣчанія и пр. Но обратимся къ даннымъ, добытымъ новыми слѣдователями. По показаніямъ Тохая, Романовскаго и Лакерды положеніе и характеръ управленія въ магистратѣ представлялся въ такомъ видѣ: они, подсудимые, дѣйствительно завѣдывали кассою, но въ раскладку податей никогда не вмѣшивались; войтъ Григоренко, какъ „первѣйшій по городу и магистрату начальникъ", самъ вѣдалъ это дѣло; правда, онъ призывалъ къ раскладкѣ ремесленныхъ головъ, альтермановъ и цехмистровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ магистрата, но

---

[1]) Тохай Василій Андреевичъ род. въ 1776 г., въ 1813 г. былъ избранъ лавникомъ, въ 1816 г. ратсгеромъ и въ 1818 г. бургомистромъ; его дѣда или прадѣда Михаила Тохая мы встрѣчаемъ въ 1751 г. райцею магистрата.

никто изъ нихъ „не могъ ни мало ни въ чемъ противно волѣ начальника своего войта Григоренка дѣйствовать“; всякія книги и тетради велись домашнимъ образомъ („по домашнему веденію“); всѣ остатки отъ податей, если они были, поступали въ руки Григоренка „для зависящаго отъ него, яко начальника, распоряженія“; въ заключеніе, обвиняемые предполагаютъ, что, быть можетъ, у наслѣдниковъ Григоренка уцѣлѣли еще какія-нибудь бумаги или тетради по взысканію податей. Съ своей стороны и магистратъ, принимая во вниманіе имѣвшіяся квитанціи, выданныя ремесленнымъ головамъ въ пріемѣ отъ нихъ податей, считалъ отвѣтственными тѣхъ лицъ, имена которыхъ находились подъ росписками, именно: войта Михаила Григоренка, бургомистровъ Филиппа и Антона Лакердъ, да ратсгера Михаила Гоцаенка [1]); остальные же члены магистрата неприкосновенны будто бы къ дѣлу, потому что только первые „управляли по городу всѣми экономическими распоряженіями“. Водынскій понялъ хитрость магистратскихъ „чиновниковъ“ и, донося о причинахъ медленнаго производства слѣдствія, говоритъ: „члены магистрата уклоняются отъ отвѣтовъ и поясненій, взваливая все на умершихъ, и тѣмъ задерживаютъ ходъ дѣла“; само собою разумѣется, что опять возобновилась переписка о доставленіи нужныхъ свѣдѣній, и магистратъ по прежнему отдѣлывался невѣдѣніемъ и неимѣніемъ ихъ; а между тѣмъ, нѣкоторые изъ свидѣтелей показали, что всѣ книги и тетради лежатъ на сундукѣ въ присутственной „коморѣ“; слѣдователи рѣшаются лично отправиться въ магистратъ и забрать необходимые для нихъ документы, но это рѣшеніе почему то не приводятъ въ исполненіе, а снова спрашиваютъ свидѣтелей, дѣйствительно ли они видѣли тамъ тетради; члены магистрата, конечно, тогда же скрыли ихъ и смѣло отрицали эти невыгодныя для нихъ показанія. Такимъ образомъ, для опредѣленія количества растраты приходилось довольствоваться свидѣтельскими показаніями и документами, присланными въ началѣ слѣдствія

[1]) Гоцаенко, Михаилъ Степановичъ, род. въ 1770 г., былъ избранъ урядникомъ въ 1795 г.; въ 1796 г. словеснымъ судьею, въ 1808 г. квартирмистромъ, въ 1810 г. членомъ городской коммиссіи, въ 1815 г. ратсгеромъ магистрата, а въ 1827 г. бургомистромъ

магистратомъ. Новыя свидѣтельскія показанія также однообразны, какъ и прежнія, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились характерныя черты: въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ отвѣтовъ магистратъ говоритъ, что войтъ Григоренко былъ самовластнымъ человѣкомъ; „ему одному ремесленныя головы давали отчеты и онъ одинъ всѣми сборами и расходами распоряжался, приглашая къ оному (къ слушанію отчета?) изъ членовъ или почетныхъ гражданъ, кого ему угодно было, власти коего никто не противился". Мѣщанинъ Евтушевскій разсказывалъ при слѣдствіи, что до Григоренка подати разлагались самимъ обществомъ; но, со времени своего избранія въ войты, Григоренко измѣнилъ этотъ порядокъ и сталъ раскладывать самъ; этотъ порядокъ продолжался около 10 лѣтъ, то есть до 1825 г. (когда слѣдствіе приняло серьезный оборотъ); послѣ того раскладку опять начали дѣлать по цехамъ и съ согласія цѣлаго общества. Если ремесленный голова, получивъ отъ Григоренка раскладку, пробовалъ возражать ему, что мѣщанинъ по бѣдности не въ состояніи уплатить по ней податей, то войтъ грубо перебивалъ его словами: „пусть идетъ ко мнѣ на винокурню работать, и я заплачу за него положенныя деньги". Голова Плахотниковъ добавилъ, что когда онъ въ свою очередь указывалъ войту на бѣдность какого-нибудь обывателя, то Григоренко, „обижаясь тѣмъ, приказывалъ молчать и писать то, что онъ велитъ". Нѣсколько не безъинтересныхъ подробностей находимъ мы въ дѣлѣ и относительно уже извѣстной намъ подписки, данной 650 мѣщанами 18 апр. 1824 г., послужившей было основаніемъ къ прекращенію этого процесса. Когда, по словамъ свидѣтелей, въ контрактовомъ домѣ собралось уже до 200 человѣкъ, то члены магистрата *Кисилевскій*[1]), *Лакерда*, *Балабуха*, *Мажный*[2]), *Романовскій*, *Тар-*

---

[1]) Кисилевскій Иванъ былъ бургомистромъ до 1815 г., сынъ его Григорій, послѣдній войтъ, родившійся въ 1776 г., избранъ инстигаторомъ словеснаго суда при магистратѣ въ 1807 г., браковщикомъ суконъ въ коммиссаріатъ въ 1808 г., ратсгеромъ въ 1813 г., бургомистромъ въ 1815 г. (слѣдовательно тотчасъ же послѣ

---

[2]) Мажный Андрей Гавриловичъ род. въ 1770 г., въ 1802 г. былъ избранъ аукціонистомъ, въ 1803 г. урядникомъ словеснаго суда, въ 1806 г.,—съ учрежденіемъ квартирной коммиссіи,—квартирмистромъ въ 3 подольскую часть; въ 1812 г. „во

новскій [1]), *Гоцаенко, Гроздовскій, Тохай и Пирожковъ* стали упрашивать мѣщанъ согласиться „подарить" имъ излишне перебранныя деньги, убѣждая ихъ въ томъ, что деньги истрачены на общественныя нужды; когда же многіе, не соглашаясь на подпись заготовленныхъ о томъ бумагъ, стали выходить, то двери заперли, послѣ чего первыми подписались члены магистрата, а за ними всѣ прибывшіе мѣщане, „боясь негодованія" со стороны представителей городскаго самоуправленія.

Теперь же, 1 авг. 1828 г., послѣ того, какъ подписка эта была признана министромъ внутреннихъ дѣлъ малозначущею и неубѣдительною и сдѣланное на основаніи ея представленіе слѣдователей Александровича и Долинскаго о прекращеніи дѣла въ силу Всемилостивѣйшаго манифеста 1826 году не увѣн-

---

смерти отца), въ этомъ же году онъ получилъ за исправное содержаніе на почтовыхъ станціяхъ курьерскихъ лошадей Высочайшую награду: золотую медаль на Александровской лентѣ съ надписью „за усердіе"; назначенъ регментаремъ, т. е. предводителемъ вооруженнаго регимента, по заведенному въ Кіевѣ издревле порядку, изъ гражданъ кіевскихъ конныхъ и пѣшихъ, состоящаго для выполненія церемоніаловъ, опредѣленныхъ въ дни Богоявленія Господня 6 января, Маковея 1 августа,— въ 1823 г.; въ войты избранъ 26 января 1826 г.; 8 іюля 1826 г. присутствовалъ при коронаціи Императора Николая Павловича и получилъ серебряную медаль 1-го разряда съ бюстомъ Государя; въ томъ же году награжденъ золотою медалью на голубой лентѣ съ надписью „за усердную службу"; наконецъ въ 1832 г. ему „за особенную дѣятельность по засвидѣтельствованію начальства" (вѣроятно во время польскаго мятежа 1830 и 1831 годовъ) пожалованъ орденъ св. Анны 3 ст.

время французской кампаніи исполнялъ разныя порученности, какъ по назначенію городскаго общества, такъ и бывшаго тогда губернаторомъ де-Санти для устройства по тому случаю разныхъ потребностей и къ охраненію города отъ опасности"; въ 1818 г. былъ избранъ лавникомъ; въ 1819 г. ратманомъ кіевской полиціи; въ 1831 г. ратсгеромъ магистрата. Регментаремъ Мажный былъ назначенъ въ 1826 г., когда Кисилевскій сдѣлался войтомъ.

[1]) Тарновскій Климентъ въ поданномъ въ концѣ декабря 1815 г. прошеніи объ увольненіи отъ должности вслѣдствіе потери зрѣнія заявляетъ, что онъ вступилъ въ общественную службу въ 1776 г. и послѣдовательно проходилъ должности коммиссіонера по продажѣ соли, покупкѣ лѣса для постройки городскихъ зданій, по починкѣ мостовъ и городскихъ домовъ, квартирмейстера, эконома питейной конторы, словеснаго судьи, депутата въ коммиссію обывательскихъ книгъ, казначея, ратмана въ управѣ благочинія (полиціи), ратсгера и бургомистра магистрата и, наконецъ, члена Высочайше учрежденной въ 1806 г. о городскихъ доходахъ и расходахъ коммиссіи.

чалось успѣхомъ а производство слѣдствія находилось въ рукахъ несдававшагося Водынскаго, члены магистрата пожелали воспользоваться этимъ днемъ, какъ торжественно праздновавшимся кіевскимъ мѣщанствомъ въ тѣ времена. Въ день 1-го августа мѣщане собирались по цехамъ; былъ городской праздникъ общій для всѣхъ цеховъ; послѣ церковной церемоніи съ пальбою изъ ружей и пушекъ давалось обильное угощеніе на счетъ городскихъ суммъ и шло общее веселье, расчитывая на которое, члены магистрата, заранѣе изготовивъ 16 экземпляровъ (по числу 16 цеховъ) подписныхъ листовъ „по предмету, что Кравченко бунтуетъ всѣхъ", передали ихъ въ каждый цехъ цехмистрамъ и ремесленнымъ головамъ, строго наказавъ тѣмъ побудить мѣщанъ къ подписи листовъ; наблюдать за подписями ихъ взялся ратсгеръ *Коробка* [1]), выполнившій, хотя и не съ большимъ успѣхомъ, взятую на себя роль.

Впослѣдствіи, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей (мѣщан. Игната Подоляки и др.), оказалось, что общество, не согласное ни на сборъ излишнихъ денегъ, ни на расходъ ихъ, какъ въ 1824 г., подписывалось на этихъ бумагахъ по принужденію; да и могло ли то быть иначе, когда мѣщане въ подпискахъ, данныхъ ими 1-го августа просили о прекращеніи дѣла, подъ тѣмъ предлогомъ, что и на сборъ излишнихъ денегъ они были будто бы согласны, и расходъ изъ нихъ былъ имъ извѣстенъ, и самые излишніе налоги ихъ не обременяли.

Водынскій и Кравченко неоднократно указывали, хотя и тщетно, что пока власть находится въ рукахъ подсудимыхъ, то они всячески будутъ продолжать ставить преграды правосудію, то скрывая отъ слѣдователей и суда всякіе письменные документы, то вліяя на свидѣтелей, то на цѣлое общество, какъ это и случилось при „исторженіи" подписокъ; къ тому же въ это время должность прокурора, оффиціальнаго обвинителя всякой неправды въ Кіевѣ, занялъ родной сынъ войта, прикосновеннаго

---

[1]) Коробка, Федоръ Михайловичъ, родившійся въ 1784 г., въ 1813 г. былъ избранъ урядникомъ серебрянаго цеха; въ 1815 г. цехмистромъ и альтерманомъ того же цеха; въ 1824 г. инстигаторомъ въ словесный судъ; въ 1826 г. ремесленнымъ головой и въ 1829 г. ратсгеромъ магистрата.

къ дѣлу о злоупотребленіяхъ въ городскомъ управленіи, Н. Г. Кисилевскій, потребовавшій немедленнаго представленія себѣ дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось, съ желаніемъ поскорѣе его закончить; когда же слѣдователи не нашли возможнымъ выполненіе его требованій, то онъ писалъ имъ выговоры и дѣлалъ невыгодныя о нихъ представленія ихъ прямому начальству. Дошло до того, что слѣдователи въ 1829 г. вынуждены были жаловаться на прокурора, который своимъ настоятельнымъ требованіемъ прекратить слѣдствіе обнаруживалъ ужь „слишкомъ снисходительное въ сторону магистрата и войта Григорія Кисилевскаго предложеніе". Въ свою очередь и подсудимые Кисилевскій, Лакерды, Григоренко, Балабухи, Романовскій и др., чувствуя, что на ихъ сторонѣ обвинительная власть, почли себя въ правѣ не давать слѣдователямъ отвѣтовъ, ссылаясь на „безъименность доказательствъ и обвиненій Кравченка" (въ своихъ бумагахъ онъ, говоря о злоупотребленіяхъ магистрата, не называлъ членовъ его по фамиліямъ); далѣе, требованіе Водынскимъ объясненій „объ исторженіи у цеховъ подписокъ" они называли слѣдовательскимъ „обмысломъ" и считали его, имѣющимъ „наклонность къ доносителю", подлежащимъ къ устраненію отъ слѣдствія, въ силу отд. 1 (о судьяхъ) указа 13 ноября 1724 г.—При такомъ положеніи дѣла губернское правленіе, на основаніи предложенія прокурора, хотя и „почло сію коммиссію (т. е. слѣдователей) виновною за напрасное якобы домогательство и навлеченіе на членовъ магистрата и управы ремесленныхъ цеховъ сокрытіе нужныхъ свѣдѣній", тѣмъ не менѣе предписало слѣдователямъ потребовать отъ обоихъ учрежденій „доказательствъ, отвѣтовъ и оправданій по жалобѣ Кравченка". Магистратъ упорно молчалъ, и слѣдственная коммиссія, не получивъ отъ него никакихъ доказательствъ, отвѣтовъ и оправданій по жалобѣ Кравченка, принуждена была закончить дѣло, при чемъ, не смотря на всю неблагопріятную обстановку для раскрытія совершенныхъ городскимъ управленіемъ преступленій, она, основываясь на бывшихъ въ ея разсмотрѣніи доказательствахъ, опредѣлила противузаконный сборъ съ гражданъ и растрату его въ суммѣ 119,145 р. 99¼ к., которую и полагала взыскать съ винов-

ныхъ членовъ магистрата и ремесленной управы и возвратить потерпѣвшимъ [1]). Магистратъ заявилъ, что это исчисленіе ни на чемъ не основано и призналъ за собою излишне собранныхъ лишь 40,853 р. 43 к. податей, издержанныхъ на удовлетвореніе городскихъ потребностей, согласно тѣмъ отчетамъ, которые были представлены ими слѣдователямъ Дурову и Бакалову.

30 апр. 1830 г., т. е. почти черезъ 10 лѣтъ со времени подачи Кравченкомъ первой жалобы своей дѣло изъ слѣдственной коммиссіи со всѣми счетами и бумагами перешло на ревизію въ контрольное отдѣленіе казенной палаты, которое, разсмотрѣвъ все дѣлопроизводство, въ сентябрѣ 1832 года, принявъ во вниманіе только одни документальныя данныя и оставивъ въ сторонѣ свидѣтельскія показанія, признало растрату, совершенною магистратомъ и ремесленною управою, подлежащею взысканію съ нихъ въ количествѣ лишь 68,557 руб. 44$^{1}/_{2}$ коп. [2]). Раскладка [3]) этихъ денегъ на виновныхъ членовъ магистрата и ре-

---

[1]) При слѣдствіи, изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что ежегодно по цехамъ дѣлался еще сборъ на „ральцы“. Откуда и съ какого времени въ Кіевѣ практиковался этотъ налогъ, никто не зналъ; въ описываемое же время онъ простирался до 150 руб., т. е. около 10 р. съ каждаго цеха; на собранныя деньги къ Рождеству и Пасхѣ отъ каждаго цеха покупался „ралецъ“ (хлѣбъ, соль, водка и сахаръ), и представители его цехмистры возили свои приношенія войту и членамъ магистрата при поздравленіи ихъ съ праздникомъ; отказаться отъ ральца значило обидѣть мѣщанъ и показать имъ свое неудовольствіе. Сборы на „ралецъ“ входятъ въ общую сумму начета.

[2]) Сумма въ 68,557 р. 44$^{1}/_{2}$ к. образовалась по слѣдующему расчету казенной палаты: а) излишне взыскано податей 71,130 р. 17 к., изъ этой суммы исключается правильнаго расхода 7,234 р. 16$^{1}/_{4}$ к., а 63.896 р. 1$^{1}/_{4}$ к. подлежитъ возврату; изъ нихъ на долю ремесленныхъ головъ и алтермановъ падаетъ 2,072 р. 15$^{1}/_{4}$ к. и на магистратъ 61,823 р. 86 к.; б) излишне взыскано рекрутскихъ денегъ 3,171 р. 53 к., обязанность возвратить которые лежитъ на ремесленныхъ головахъ; в) собранные на ралецъ 1071 р. 50 к. подлежатъ возврату съ тѣхъ, кто ихъ собралъ на праздники и принималъ въ подарокъ, и г) 418 р. 40 к. по претензіямъ цехмистровъ къ тѣмъ лицамъ город. управленія, къ коимъ заявлены будутъ ими требованія (сюда относились претензіи на такіе расходы, какъ, напримѣръ, 95 р. за купленную на счетъ города корову для войта Григоренка, 31 р. 90 к. на угощеніе ремесленнаго головы Бугаевскаго и на покупку для него сахару и хлѣба за то, что онъ разрѣшилъ перевести цехъ въ болѣе удобное помѣщеніе и пр. и пр.).

[3]) Съ 1813 по 1820 г. представителями кіевскаго общественнаго управленія были: въ должности войта Ф. И. Лакерда (1813—1814), М. И. Григоренко (1814—1826), съ которыхъ, какъ „перводѣйствовавшихъ“, контр. отд. казен. пал. предположило

месленныхъ управъ произведена была контрольнымъ отдѣленіемъ казенной палаты сообразно съ іерархическимъ положеніемъ ихъ въ городскомъ управленіи и по степени участія каждаго изъ нихъ въ преступленіи. Затѣмъ отдѣленіе, согласно мнѣніямъ гг. генералъ-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, признало подписки мѣщанъ, одобрявшія дѣйствія городскихъ представителей, выданныя ими въ 1824 и въ 1828 г., ничтожными, какъ въ виду обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ составленіе, такъ и потому, что при разсмотрѣніи онѣ оказались подписанными и самими же обвиняемыми, находившимися подъ слѣдствіемъ, и лицами, не имѣвшими права подписи ихъ (иностранцы, пріѣзжіе купцы и др.); въ виду пристрастнаго, принужденнаго и противузаконнаго характера собиранія подписей городскими представителями, контрольное отдѣленіе виновныхъ полагало привлечь къ уголовной отвѣтственности; этой же отвѣтственности должны были подлежать, по его мнѣнію, и члены магистрата, скрывшіе книги, тетради, счеты и всякаго рода документы, столь необходимые въ данномъ дѣлѣ; для устраненія же въ будущемъ подобныхъ злоупотребленій магистратъ и ремесленныя управы обязательно должны были завести шнуровыя приходо-

---

взыскать—съ Лакерды 7,960 р. 34½ к. и съ Григоренка 8,055 р. 89½ к.; въ должности бургомистровъ, съ которыхъ опредѣлялось—съ Я. И. Барлая (1813—1815), Я. К. Снѣжка (1813), М. И. Безсмертнаго (1813, 1814, 1816, 1818), К. С. Балабухи (1814, 1815, 1819), Б. П. Барщевскаго (1815, 1817), Г. И. Кисилевскаго (1815, 1816, 1819), Я. Т. Кобца (1817, 1820), В. А. Тохая (1818), К. И. Тарновскаго (1820) по 2856 р. 19¾ к. съ каждаго; въ должности ратсгеровъ, съ которыхъ назначено было взысканіе, К. С. Балабухи (1813), В. Н. Пирожкова (1813, 1816 г), П. В. Ризенка (1814, 1817), Г. И. Кисилевскаго (1814), А. С. Балабухи (1815), М. С. Гоцаенка (1815, 1818), В. А. Тохая (1816) А. Ф. Лакерды (1817 и 1820), Н. Т. Болотина (1818), П. П. Романовскаго (1819), С. С. Балабухи (1819), Я. И. Гроздовскаго (1820) по 2,289 р. съ каждаго; въ должности ремесленныхъ головъ, съ которыхъ назначено было взысканіе: Г. И. Иванченка (1813, 1814)—2,797 р. 7¾ к., Г. Богаевскаго (1819—1820)—2,094 р. 42¾ к. и И. С. Приза (1815), Я. И. Гроздовскаго (1816, 1817), О. Н. Диковскаго (1818) по 20 р. 21¾ к. съ каждаго; въ должности алтермановъ, съ которыхъ и назначено было взысканіе: Ф. С. Моровскаго (1813), И. М. Синельникова (1814), А. Н. Новохацкаго (1814), С. С. Приза (1813), Ѳ. Т. Топальскаго (1813, 1814) Е. И. Лисенка (1813), П. С. Козыря (1814—1816), И. Г. Лукьяненка (1815), Ѳ. В. Замыслѣвскаго (1815), Ф. М. Коробки (1815), В. Н. Шафаревскаго (1816), С. Т. Каминовскаго (1816), Н. Т. Ванжи (1816), Н. И. Борзакова (1817),

расходныя книги и вести записи въ нихъ всѣхъ поступающихъ и исходящихъ суммъ, а также производить раскладку податей, согласно существующимъ для этого законамъ; стародавній обычай „ральцы“, какъ несогласный съ законами, уничтожить; слѣдователю Водынскому за медленность и другія упущенія при производствѣ слѣдствія сдѣлать выговоръ. Въ заключеніе палата высказала, что, оставивъ въ сторонѣ свидѣтельскія показанія и основываясь исключительно на имѣвшихся въ дѣлѣ далеко не всѣхъ книгахъ и тетрадяхъ, она исчисляла растрату въ 68,557 р. $44^1/_2$ к., но что растрата эта въ сущности оказалась бы гораздо больше, если бы магистратъ не скрылъ документовъ о сборѣ и расходованіи общественныхъ суммъ и тѣмъ не нарушилъ бы существующихъ законовъ, по которымъ виновные подвергались исключенію изъ общества, лишенію имущества и даже смертной казни [1]).

Изъ казенной палаты обревизованное дѣло поступило, вмѣстѣ съ составленнымъ къ нему экстрактомъ и таблицами, на рѣшеніе въ уголовную палату, согласившуюся съ мнѣніемъ казенной и положившую растраченныя деньги взыскать съ виновныхъ. Изъ уголовной палаты дѣло перешло на утвержденіе къ гражданскому губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ; въ высшихъ инстанціяхъ взгляды разошлись со взглядами казенной и уголовной палатъ: губернаторъ, примѣняясь къ ст. 147—154 V т. свод. зак. и ст. 310 т. IX, находилъ дѣйствія обвиняемыхъ не противными симъ узаконеніямъ, почему и предлагалъ освободить членовъ магистрата и ремесленной управы отъ опредѣляемаго взысканія; затѣмъ губернаторъ призналъ

С. С. Кириченка (1817), И. И. Щербины (1813), Ф. Г. Михайловскаго (1817), Т. К. Островскаго (1818), Г. И. Шеня (1818 г.), М. П. Могилы (1819), Д. Я. Плахотникова (1819, 1820 г), К. К. Клименко (1818), Я. Ф. Воробьевскаго (1819 г.), М. И. Миньковскаго (1819), Ф. Г. Птицкаго (1820), С. Ф. Песоцкаго (1820), изъ нихъ назначены были взысканія съ Островскаго 445 р. $57^1/_2$ к., съ Воробьевскаго 134 р. $88^2/_9$ к., съ Д. Плахотникова 120 р. 68 к., а съ остальныхъ по 20 р. $21^3/_4$ к. съ каждаго.

[1]) Глава магдеб. права—объ обязанностяхъ членовъ ратуши; гл. 90 Генерал. Реглам., п. 210, 229, 271; Уст. полиц., ст. 84 и 87; Город. полож., п. 26; Воевод. нак. изд. 12 сент. 1728 г.; указы 25 авг. 1713 г., 24 дек. 1714 г. и 22 іюня 1720 г.; указы сената, присланные изъ канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ въ кіев. магистратъ въ 1739 и 1740 г.; указы 11 дек. 1744 г., 26 сент. 1780 г., 3 мая 1783 г., 18 фев. 1798 г. и 8 сент. 1801 г.

Кравченка неправоспособнымъ къ веденію дѣла противъ магистрата на основаніи довѣренности, имѣющей на себѣ только 60 подписей, въ то время какъ по указу сената 9 мая 1805 г. такая довѣренность должна быть выдана отъ лица $^2/_3$ всего общества; подпискамъ же 650 гражданъ въ 1824 г. и 16 цеховъ въ 1826 г., одобрившимъ дѣятельность магистрата и признаннымъ раньше генералъ-губернаторомъ, министромъ и всѣми вообще инстанціями ничтожными, онъ даетъ полное довѣріе и на основаніи ихъ считаетъ и сборъ и расходъ излишне собранныхъ денегъ правильнымъ, а для предупрежденія на будущее время подобныхъ злоупотребленій губернаторъ полагалъ необходимымъ завести шнуровыя книги, куда записывались бы всѣ поступающіе въ магистратъ суммы; этою мѣрою, по его мнѣнію, сами собою прекратятся всѣ противозаконные сборы и расходы.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, принимая во вниманіе, что въ теченіи восьми лѣтъ, когда производилось излишнее взысканіе податей, жалобъ на обременительность поборовъ не поступало, что доносъ сдѣланъ Кравченкомъ изъ вражды къ членамъ магистрата, что со времени начала дѣла прошло болѣе 15 лѣтъ, въ теченіи которыхъ многіе изъ подсудимыхъ поумирали, и, въ случаѣ обвиненія ихъ, отвѣтственность ляжетъ всею своею тяжестью на невинныя ихъ семейства, что хотя расходъ собранныхъ денегъ и произведенъ магистратомъ „самопроизвольно и въ безпорядкѣ“, но тѣмъ не менѣе на общественныя нужды и согласно желаніямъ городскаго общества, что и выражено въ подписяхъ лучшихъ гражданъ кіевскаго общества и приговорахъ цеховъ, и что преступленія совершены до изданія манифестовъ 26 авг. 1826 г. и 16 апр. 1841 г., почему онъ, министръ, находитъ возможнымъ освободить членовъ магистрата отъ отвѣтственности и снять наложенное на ихъ имущество запрещеніе. Правительствующій Сенатъ, соглашаясь съ мнѣніемъ губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, 6 марта 1842 г. (спустя 20 лѣтъ послѣ начала дѣла) опредѣлилъ членовъ магистрата и ремесленной управы отъ отвѣтственности освободить и запрещеніе съ ихъ имущества снять.

При такихъ обстоятельствахъ хотя состоялось освобожденіе обвиняемыхъ городскихъ представителей отъ отвѣтственности за произведенныя ими злоупотребленія на службѣ, тѣмъ не менѣе растраты признаны всѣми правительственными лицами и мѣстами, но размѣръ ихъ, какъ мы видѣли, удалось скрыть обвиняемымъ, поэтому мы думаемъ, что Водынскій, былъ правъ исчисливъ эту растрату въ 119,145 р. 99¹/₄ к.

Перейдемъ къ другимъ дѣламъ, производившимся одновременно съ только что нами переданнымъ и рисующимъ дѣятельность городскаго кіевскаго самоуправленія.

II.

Въ 1824 г. возникло дѣло по обвиненію рочныхъ цехмистровъ кузнецкаго цеха Григорія Ценьковскаго, Ивана Щербины, Пантелеймона Козыря, Григорія Шеня, Антона Перепелицы, Григорія Пильника и Давида Ценьковскаго по жалобамъ на нихъ 20 рўдниковъ за растрату собранныхъ съ нихъ 1350 р. податныхъ денегъ.

Двадцать рўдниковъ съ женами своими и дѣтьми, отыскавъ свою свободу и освободившись по суду отъ крѣпостной зависимости, къ которой было привлекъ ихъ помѣщикъ радомысльскаго уѣзда Сугачъ, пожелали приписаться къ обществу кіевскихъ мѣщанъ, о чемъ и подали заявленіе въ ремесленную управу; со времени ихъ заявленія о припискѣ и по день разрѣшенія въ казенной палатѣ ихъ просьбы о томъ, вышеупомянутые рочные цехмистры успѣли взыскать съ нихъ 1350 р. податей, которые въ казначейство не поступили; кто ихъ удержалъ, слѣдствіе не обнаружило; казенная же палата требовала уплаты означенной суммы вдвойнѣ.

Деньги, очевидно, не миновали рукъ войта Григоренка и его товарищей, но на слѣдствіи и судѣ о немъ даже не упоминается; вся вина падаетъ на цехмистровъ, которые оправдывались тѣмъ, что, производя съ рўдниковъ сборъ по приказанію ремесленной управы, они собранныя деньги представляли ей; управа же заявила, что деньги она передала въ магистратъ; послѣдній, въ свою очередь, по наведеннымъ будто бы справкамъ, отвѣ-

тилъ, что цехмистры податей съ рýдникомъ ни въ управу, ни въ магистратъ не представляли. Изъ обвиняемыхъ только одинъ Пильникъ сохранилъ росписку, выданную ему ратсгеромъ Иваномъ Смородиновымъ въ 1824 г. на пріемъ отъ него податей съ рýдниковъ, остальные же всѣ растеряли свои росписки. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ 1-й департаментъ кіевскаго главнаго суда рѣшилъ, что, хотя бы и слѣдовало, въ силу 50-й главы Генер. Реглам. и 28-й гл. воинск. артик., поступить съ подсудимыми, какъ предписывалось тѣмъ закономъ, но, принимая во вниманіе манифестъ 1826 г., нашелъ возможнымъ ограничиться только взысканіемъ незаконно утаенныхъ цехмистрами податей, съ обращеніемъ ихъ въ уплату за рýдниковъ и съ правомъ, вмѣсто денегъ, представить росписки управы или магистрата, буде онѣ у кого изъ нихъ найдутся. Рѣшеніе суда въ ноябрѣ 1829 г. было утверждено губернаторомъ и деньги съ цехмистровъ взысканы; магистратъ и управа остались внѣ всякихъ взысканій и отвѣтственности, хотя послѣдняя признавала за собою пріемъ денегъ отъ цехмистеровъ и передачу ихъ въ магистратъ въ чемъ уличала обоихъ росписка Смородинова.

III.

Не мало интереса возбуждаетъ къ себѣ одно дѣло, если его разсматривать ради сравненія, въ связи съ только что нами изложенными, въ которомъ тотъ же кіевскій магистратъ является самъ судебнымъ мѣстомъ относительно проступковъ по службѣ низшихъ своихъ агентовъ, сборщиковъ податей; это—судебное дѣло кіевскаго магистрата о растратѣ въ 1835 г. сборщиками мѣщанами Федоромъ Фесенкомъ 154 р. и Яковомъ Григоренкомъ [1]) 111 р., податей собранныхъ съ кузнецкаго цеха.

При слѣдствіи открылось, что Фесенко и Григоренко на выборахъ, ссылаясь на свою бѣдность, умоляли членовъ управы избавить ихъ отъ выборной службы, не отрывать отъ работы и тѣмъ не лишать ихъ семей пропитанія. Управа не уважила ихъ просьбъ и въ результатѣ оказалась растрата собранныхъ денегъ

[1]) Однофамилецъ, но не родственникъ бывшаго войта.

которыя пошли на хлѣбъ для женъ и дѣтей голодныхъ сборщиковъ. Рѣшая это дѣло, магистратъ принялъ во вниманіе ст. 290, 292, 293 и 295 XV т. св. зак., и потому приговорилъ подсудимыхъ Фесенка и Григоренка, „въ примѣръ имъ и въ страхъ другимъ, наказать черезъ низшихъ полицейскихъ служителей плетьми и оставить на жительствѣ, внушивъ имъ, чтобы всячески старались остерегаться отъ подобныхъ поступковъ; а дабы впредь общество мѣщанъ г. Кіева несостоятельныхъ людей, не имѣющихъ своей осѣдлости, и неграмотныхъ въ должности сборщиковъ не выбирало, возложить пополненіе растраты на ремесленную управу; обществу же предоставить право получить удовлетвореніе съ подсудимыхъ“. Уголовная палата 20 дек. 1835 г. утвердила приговоръ магистрата, и въ маѣ 1836 г. полиція увѣдомила магистратъ о приведеніи ею этого приговора въ исполненіе.

И. Каманинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ ВЪ XVII В. [1])

Книжная малорусская рѣчь въ XVII вѣкѣ.

I.

Славенороссскій лексиконъ Памвы Берынды.—Составъ лексикона.—Значеніе польскаго языка въ средѣ малорусскихъ писателей.—Взаимодѣйствіе вліяній между нарѣчіемъ малорусскимъ и польскимъ въ лексическомъ отношеніи.—Слова, встрѣчающіяся въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ.—Спрягаемое причастіе на *лъ* съ глагольнымъ корнемъ *юс.*—Дѣйствительные полонизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Въ 1627 году напечатанъ былъ въ типографіи кіево-печерской лавры *Лексиконъ славенороссскій* Памвы Берынды. Чрезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ этого—въ 1653 году явилось второе (кутеинское) изданіе этой книги. Время между первымъ и вторымъ изданіемъ ея названо въ предисловіи къ этому послѣднему *не барзо долгимъ часомъ*, въ теченіи котораго лексиконъ Берынды „такъ ѡскꙋдѣлъ, же ѡмаль гдѣ єгѡ видѣтъ барзо“ [1]). Главнымъ

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1888 г., Апрѣль.

[1]) Изъ библіотеки кіевскаго университета кн. за № 74. Считаемъ нужнымъ предупредить тѣхъ, кто пожелаетъ пользоваться для изученія лексикона П. Берынды изданіемъ Сахарова (Сказанія русскаго народа, т. II), что оно на каждой страницѣ представляетъ множество опечатокъ и даже рѣзкихъ искаженій стариннаго текста. Для образца выписываемъ слово *тченіе*, которое у Сахарова объясняется подъ словомъ *тупоносый* (sic) слѣдующимъ образомъ: „*тупоносый*, плосконосый; *тченіе*, тканье полотна, или сукна; *або текстъ*, исправь послѣднюю строку, отъ самаго тченія, бо, чтеніа, зле тамъ есть“ (стр. 106). И дѣйствительно, *зле есть*,—только не въ подлинникѣ, а въ выписанныхъ нами строкахъ, ибо здѣсь послѣ слова *текстъ* пропущены слова: „Бе: а: л: ѯвкі“ (174), т. е. „*Бесѣды Іоанна Златоуста на посланія апостольскія*“. П. Берында предлагаетъ исправить слово „чтеніа“, т. е. вмѣсто этого слова поставить слово „тченіа“.

побужденіемъ къ новому изданію его служило то обстоятельство, что „великославный и к мовѣ широкїи языкъ славенскїи... трудно слова и называкъ... не мало в собѣ маетъ, зачымъ многїе... которыи не часто его зажикаю, для невырозумѣня ѡныхъ... малый з читаля ѿносятъ пожиткъ...“

И въ самомъ дѣлѣ, не велики были въ то время свѣдѣнія о славянскомъ языкѣ въ средѣ обыкновенныхъ читателей. Судить объ этомъ можно по тому, что въ лексиконѣ Берынды нѣкоторыя слова приводятся въ разныхъ грамматическихъ формахъ, которыя, по видимому, затрудняли многихъ читателей такъ же, какъ и самое значеніе словъ. Такъ, напримѣръ, одни и тѣ же глаголы встрѣчаются въ 1 и 2 л. един. ч. наст. вр., хотя основною формою глагола считается первая изъ нихъ: вѣси (20), дамы (32): послѣдняя форма приведена для того, чтобы отличить ее отъ „да“, стоящаго рядомъ съ мѣстоименіемъ „мы“. Одинъ и тотъ же глаголъ объясняется въ формѣ аориста и преходящаго времени, въ формѣ повелит. накл. и причастія, напримѣръ, глаголъ: навыкнути (54), а также формы: высть (11), преста (122), вѣждахуся (11), вѣдящу (11), конми (16), конмѣмъ (16) и т. п. Точно такъ же имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія часто приводятся въ косвенныхъ формахъ, напримѣръ: любве (74), гаданми (27), заматерѣвшыхъ (49), емуже (4), ми (78) и т. п.

Мы видѣли, что и въ средѣ писателей свѣдѣнія о славянскомъ языкѣ не отличались надлежащей полнотой и отчетливостію. Славянскимъ языкомъ они считали языкъ славянорусскій, употребляя его иногда въ сочиненіяхъ такого рода, которыя требовали рѣчи болѣе простой и естественной. Такъ, Петръ Могила въ собственноручныхъ запискахъ своихъ говоритъ о предметахъ и явленіяхъ обыденной жизни тѣмъ самымъ языкомъ, на которомъ написаны имъ же составленныя церковныя пѣснопѣнія и каноны. Чувствуется на каждой страницѣ его записокъ слишкомъ серьезный тонъ, который не соотвѣтствуетъ бытовымъ подробностямъ жизни. Приводимъ одинъ примѣръ изъ многихъ подобныхъ: „Въ градѣ Бѣлоцерковскомъ Яну Пикгловскому родися дщи. По обычаю же баба, въспріемши отроча, пупокъ

урѣза, нъ недобрѣ связа. Не внемшижъ се бабѣ, положи отроча въ корытцѣ, объ нощь же кровь изъ отрочате течаше пупкомъ, кровію же исплъвъ, умираше" (стр. 99).

Можно полагать, что и въ то время этотъ разладъ между словомъ и его содержаніемъ не могъ производить благопріятнаго впечатлѣнія на тѣхъ читателей, которые сознавали, что съ славянскою рѣчью нельзя было обращаться запросто, не роняя ея важности и достоинства. „Евангелія и Апостола, говорилъ еще І. Вишенскій, простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи же для выразумѣнія людского попросту толкуйте и выкладайте" [1]). Мысль о неприкосновенности славянскаго языка въ церковныхъ обрядахъ и богослужебныхъ книгахъ составляла общее убѣжденіе всѣхъ малорусскихъ писателей въ XVII в. Вотъ что пишетъ Арсеній Желиборскій, епископъ львовскій, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1644 году Требнику: „што сѧ тычетъ новѡвыниклыхъ, што день ѿтмѣнныхъ, такъ тексту ꙗко и сенсу, иншимъ типографіамъ звычайныхъ корректуръ и поправокъ, тымъ далисмы покой: маючи за то, же в рыхломъ (што дай Бже) часѣ, за общимъ Архієреѡвъ православноє Цркве Россійскоє совѣтомъ, и не ѡспалымъ стараніемъ, станетъ една ꙗкаѧ статечнаѧ и не ѿмѣннаѧ, такъ старопретлумачоныхъ книгъ корректура, ꙗко, и в нашомъ словенскомъ ꙗзыцѣ еще не былыхъ претлумаченіе" [2]).

Но какъ провести разграничительную линію между языкомъ *простымъ* и *непростымъ* „*по литургіи*", т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось говорить и писать „*для выразумѣнія людского?*". Какъ воздержаться отъ книжнаго слова тамъ, гдѣ въ простомъ языкѣ не было подходящаго? Какъ устранить простое слово, не всегда удобное для выраженія важной мысли, тамъ, гдѣ книжное, болѣе солидное, было уже неясно?

Выходъ изъ этого положенія для малорусскихъ писателей представлялся въ сближеніи славянорусской рѣчи съ обыкновенною разговорною рѣчью грамотныхъ, „*письме́нныхъ*" людей. Собственно говоря, вполнѣ сознательные первые шаги въ этомъ

---

[1]) АЗЮР. т. II, 210.

[2]) Изъ библіотеки кіевской духовной академіи кн. подъ № с. 11.

направленіи сдѣланы были еще во второй половинѣ XVI вѣка, но, пока не приведены были въ извѣстность грамматическія особенности славянорусской рѣчи, оно не могло развиваться систематически. Только въ эпоху Петра Могилы, послѣ появленія грамматики Мелетія Смотрицкаго, сдѣлалось возможнымъ прочное взаимодѣйствіе между рѣчью книжною—славянорусскою и народною. Плодомъ этого взаимодѣйствія была *книжная малорусская рѣчь*, которая должна была удовлетворять, какъ людей болѣе книжныхъ своею грамматическою правильностію, такъ и людей менѣе книжныхъ своею общедоступностію. Писатели малорусскіе называли эту рѣчь *русскою мовою*, *россійскимъ языкомъ*, иногда же просто—*языкомъ русскимъ*.

Сводъ матеріаловъ этой рѣчи мы имѣемъ въ *славенороскомъ* лексиконѣ Памвы Берынды.

Началъ онъ свой трудъ въ домѣ благочестиваго пана Ѳеодора Балабана, который понудилъ его, „аще и проста, реченія и имена славенская избирати" [1]). По смерти Балабана, Берында занимался исправленіемъ и печатаніемъ книгъ во Львовѣ. Какъ знатокъ типографскаго дѣла, вызванъ онъ былъ Елисеемъ Плетенецкимъ въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ должности Архитипографа кіево-печерской лавры (1632). Служебное положеніе его давало ему достаточныя побужденія и средства къ продолженію давно начатаго труда, которымъ занимался онъ въ теченіи тридцати лѣтъ своей жизни. Такимъ образомъ лексиконъ Берынды есть ничто иное, какъ записная книга умнаго типографа, который не могъ относиться безсознательно къ славянскимъ книгамъ, напечатаннымъ подъ его наблюденіемъ. Составитель лексикона имѣлъ въ виду прежде всего уяснить для самаго себя значеніе непонятныхъ для него словъ, руководствуясь не столько учеными соображеніями, сколько практическою надобностію. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Буслаева, что Берында былъ *ученымъ изслѣдователемъ* [2]). Конечно, онъ былъ образованнымъ человѣкомъ своего времени: ему извѣстны были грамматическія формы словъ, правильное употребленіе и начертаніе

[1]) Сказанія русскаго народа, Сахарова, т. II, 7.
[2]) Историческая христоматія Буслаева, 1111.

ихъ. Но мы не нашли въ лексиконѣ его того, что нашелъ г. Буслаевъ, т. е. „сравненія формъ различныхъ славянскихъ нарѣчій“[1]. Правда, Берында для объясненія *значенія* словъ прибѣгаетъ иногда къ другимъ славянскимъ и даже не славянскимъ нарѣчіямъ, но свѣдѣнія его въ этой области сбивчивы и скудны. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) пѣтель: ческі и рускі когутъ, волынскі пѣвень, литовскі петухъ (133);

2) чпагъ: кишеня, шабелта, бісага, ташка, капса, тлумокъ, кацокъ, словацкі, торба, мошна, че: тобола, мѣшок, угорскі, ершены (204).

Въ предисловіи къ первому изданію своего лексикона Берында жалуется, что трудъ его былъ *презираемъ* со стороны какихъ-то *хульниковъ*. Мы не знаемъ, въ чемъ заключались мнѣнія этихъ *хульниковъ*. Можетъ быть, они смущались наивной этимологіей лексикографа, который думалъ, что „црковь названа есть ѿ царя, иже царскимъ домомъ есть“ (201),—этимологіей тѣмъ болѣе странной, что въ другомъ мѣстѣ самъ Берында предлагаетъ другое—болѣе вѣроятное объясненіе слова *церковъ*: „естъ црковь ѡкружным ѡбведена и ѡбварована цыркелемъ, ѿ которого слова, и етїмонъ свой, то естъ, выводъ маетъ“ (219). Можетъ быть, они недовольны были грамматическимъ безпорядкомъ, который допускалъ Берында, отступая во многихъ случаяхъ отъ грамматической формы объясняемаго слова,—переводя, напримѣръ, слово „непороченъ“—словомъ: „безнаганы“ (94), слово „тутнѫ“—словами: „грумъ, перунъ“ (174) и т. д. Могли не соглашаться они съ самою сущностію объясненій Берынды. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что для оцѣнки труда Берынды нужно принимать во вниманіе глухой намекъ его на современныхъ ему *хульниковъ* такъ же точно, какъ и мнѣніе кутеинскихъ издателей лексикона, которые называютъ его *потребнымъ и пожитечнымъ для многихъ*. Дѣйствительно, онъ былъ *потребнымъ и пожитечнымъ*, какъ всякая

---

[1]) Ссылки на кутеинское изданіе, приведенныя у Буслаева, при сличеніи оказались невѣрными.

справочная книга, съ которою можно было соглашаться и не соглашаться по мѣрѣ начитанности въ славянскихъ книгахъ и ученой подготовки самаго читателя.

Въ наше время лексиконъ Берынды представляетъ интересъ этнографическій и историко-филологическій, какъ сборникъ старинныхъ понятій, вѣрованій и преданій, которыя отчасти сохранились въ народѣ и до настоящаго времени. Впрочемъ, для нашей цѣли гораздо важнѣе самый составъ *славянороссскаго* лексикона, и именно той части его, которую Берында называетъ *росскою*. Здѣсь собраны слова *подобоименныя*, которыя Берында считалъ болѣе понятными для читателя, чѣмъ слова славянскія.

Итакъ, что же Берында называетъ словами *росскими?*

Во первыхъ, *славянорусскія* слова, свойственныя славянскому и всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, напр: „горе: бѣда“ (30), „граду: иду, прохожу“ (32), „кровь: кровь, що в тѣлѣ єсть“ (68). Одно изъ этихъ словъ Берында сопровождаетъ любопытнымъ, орѳографическимъ примѣчаніемъ: „благо, говоритъ онъ, гды пишется без титлы, въ Руской мовѣ значитъ: не гараздъ, мдле, недобре, оуломне, злмно, лѣниво, гнюсно, блѣдо, сине, що тру-пѣю фарбу маєтъ“. (4). Сюда же относятся слова, выдуманныя изъ корней славянорусскихъ: „бытіє: бытность“ (11), „величіє: великость, высокость“ (13), „воєвода: воинствоводецъ“ (16), „глубина: глубокость“ (28).

Во вторыхъ, *общерусскія* слова: „благоутишіє: погода, ясная погода“ (7), „іже: которій“ (63), „днесь: сегодня“ (34). Большею частію слова этой группы передаются посредствомъ измѣненія фонетики церковнославянской на общерусскую: „крава: корова“ (67), „бразда: борозна“ (10), „вижду: вижу“ (14), „загражденіє: загороженьє“ (47). Нѣкоторыя древнерусскія слова сдѣлались уже непонятными: такъ, слово „котора“ Берында считаетъ нужнымъ объяснить словомъ „сваръ“ (67).

Въ третьихъ, польскія слова. Они представляютъ въ лексиконѣ Берынды значительный процентъ всего состава *росскихъ* словъ, причемъ объясняемыми словами иногда являются у него тѣ же польскія слова, напримѣръ: „же: а, лечь, вшакже, или тежъ,

съюзъ сълѣплѧющ'" (42); „кели: чаша" (63). Полагать надобно, что въ этихъ двухъ примѣрахъ польскія слова попали не на свое мѣсто по недосмотру лексикографа. По видимому, онъ считалъ нѣкоторыя слова, имѣющія въ польскомъ нарѣчіи спеціальное значеніе, органическою принадлежностію *росской мовы* въ томъ же значеніи: такъ, по поводу слова: „дѣло" онъ говоритъ: „російски и полски стрѣлба великаѧ зоветсѧ" (39). Вообще же онъ не считалъ искаженіемъ *росской мовы* употребленіе въ ней польскихъ словъ, лишь бы они написаны были славянскими буквами. Нерѣдко въ лексиконѣ своемъ онъ приводитъ *подобоименныя* польскія слова для объясненія славянорусскихъ словъ, которыя не нуждаются въ объясненіи: такъ, при словѣ „вѣра" стоятъ у него: „набожество, релѣга" (26), при словѣ „сила"—слова: „моцъ, такъже цнота" (136) и т. п.

Можно отчасти объяснить эту широкую терпимость Берынды къ польскимъ словамъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, какъ и большинство литературныхъ дѣятелей того времени, были уроженцы волынской и галицкой земли, гдѣ съ особенною силою чувствовалось вліяніе польской культуры съ литературнымъ и общественнымъ органомъ ея—польскимъ языкомъ. Но были и другія причины, дававшія этому языку вѣсъ и значеніе въ глазахъ малорусскихъ писателей XVII вѣка. Одна изъ нихъ указана въ книгѣ, которая вышла въ свѣтъ изъ типографіи кіево-печерской лавры въ 1645 году подъ заглавіемъ: „Събраніе короткои науки ѡ артикулахъ вѣры православнокафолическои Христіанскои"[1]). Въ предисловіи къ этой книгѣ, имѣвшей въ свое время для южной Руси глубоко православное значеніе, говорится, что она „часу недавнω прошлогω" напечатана была „діалектомъ полскимъ для певныхъ и поважныхъ причинъ, а не менѣй для тоеи: абы уста невстыдливыхъ помовцωвъ затамованы были, которые, будучи неприятелми головными церкви всходнеи, діалектомъ полскимъ смѣли и важилисѧ розными герезіами церковь православнокафолическую мажучи, свѣту ωгижати. Абы такимъ же діалектомъ (гды правдивое,

[1]) Изъ император. публичной библіотеки кн. подъ № 13 (III—5).

вызнане церкве читати будутъ), зражены и поганбены, вѣчне зоставали. Теперъ зась повторе таѧ самаѧ книжечка... діалектомъ роскимъ презъ друкъ свѣту публикуетсѧ..." Выписанныя нами строки рисуютъ живую картину того отдаленнаго отъ насъ времени. Оказывается, что польскій языкъ проникалъ, такъ сказать, въ самое святилище церковно-литературной дѣятельности—именно потому, что она стремилась освободиться отъ польскихъ вліяній. Кто хотѣлъ распространить православныя идеи въ болѣе обширномъ кругу читателей, тотъ долженъ былъ обращаться къ польской рѣчи. Понятно такимъ образомъ, почему многіе малорусскіе писатели владѣли ею въ совершенствѣ. Самъ Петръ Могила написалъ лучшее свое сочиненіе попольски [1]). Отсюда ведутъ свое начало многіе полонизмы въ книжной малорусской рѣчи, отъ которыхъ не свободны были малорусскіе писатели не только въ періодъ польскаго государственнаго режима, но даже и тогда, когда онъ отошелъ уже въ вѣчность.

Есть нѣкоторая доля польской примѣси и въ самой народной малорусской рѣчи. Мы не беремся судить о томъ, какъ велика эта примѣсь. Думаемъ даже, что задача эта въ настоящее время совсѣмъ не выполнима за недостаткомъ подготовительныхъ работъ. Она будетъ рѣшена только тогда, когда мы будемъ имѣть истинно научный *историческій* словарь малорусскаго нарѣчія. Появился недавно малорусскій словарь Е. Желеховскаго, но это—простой перечень малорусскихъ словъ, составленный безъ всякой критики источниковъ [2]). Во всякомъ случаѣ, не предрѣшая вопроса о вліяніи польскаго языка на малорусскій, считаемъ не излишнимъ замѣтить, что и въ польскомъ языкѣ не мало есть словъ малорусскаго происхожденія, которыя входили въ него въ теченіи многихъ вѣковъ совмѣстной жизни малорусскаго племени съ польскимъ. Въ основѣ современнаго намъ литературнаго польскаго языка лежитъ малопольское нарѣчіе, которое соста-

---

[1]) Λίθος abo kamiń z procy prawdy cerkwie świętey prawosławney Ruskiey. Kiow. 1644. О сочиненіяхъ на польскомъ языкѣ Сильвестра Коссова, Лазаря Барановича и другихъ малорусскихъ писателей XVII в. см. Обзоръ русской духовной литературы, архіепископа Филарета.

[2]) „Малоруско-німецкій словар", Львів, 1886.

вляетъ юговосточную разновидность мазурскаго, сосѣдняго съ южнорусскими говорами галицкой Руси. Не могло не отразиться это сосѣдство на лексическомъ составѣ литературнаго польскаго языка. Творцы его *Кохановскій* и *Рей* были малополяне: послѣдній родился и выросъ въ Червонной Руси. Второстепенные поэты золотаго вѣка польской литературы *Шимоновичъ* (1557—1629) и *Зимоворичъ* (1597—1628) были уроженцы г. Львова. Произведенія ихъ проникнуты искренней симпатіей къ жизни малорусскаго простонародья и переполнены словами, взятыми изъ устъ его. Въ польскую рѣчь такъ называемаго образованнаго общества входили малорусскія слова и другимъ путемъ,—путемъ усвоенія польской культуры, которое сопровождалось принятіемъ католичества и отреченіемъ высшаго южнорусскаго сословія отъ своей народности. Само собою разумѣется, что въ новой обстановкѣ не всегда была возможность подавить привычки къ родной рѣчи, которая незамѣтнымъ образомъ входила въ польскую рѣчь. На этой почвѣ взаимодѣйствія получились цѣлыя массы словъ, о происхожденіи которыхъ трудно сказать что нибудь рѣшительное. Сложность вопроса увеличивается еще оттого, что есть значительное количество словъ, по видимому, польскихъ или малорусскихъ, между тѣмъ слова эти встрѣчаются и въ великорусскомъ нарѣчіи. Мы разумѣемъ не тѣ польскія слова, которыя появились въ литературномъ русскомъ языкѣ путемъ прямаго или косвеннаго заимствованія изъ языка польскаго[1]). Мы имѣемъ въ виду такъ называемыя областныя слова, которыя не легко поддаются теоріи заимствованія[2]). Есть, наконецъ, слова, общія

---

[1]) Такихъ словъ Я. Гротъ насчитываетъ 94. См. Филологическія разысканія т. I.

[2]) Представляемъ для образца нѣсколько десятковъ такихъ словъ:

Або—ли, или, иначе: *Рязанс.* Польс. *abo*, малорус. *або*.

Абы 1) дабы, чтобы: *Пенз.*, *Рязанс.*, 2) какъ-нибудь: *Казанс.*, *Рязанс.* Польс. *aby*, малор. *аби*.

Вабить—обманывать, обольщать: *Тамб.* Польс. *wabić*, малор. *вабити*.

Вадить 1) проводить время, пережидать, 2) не исполнять, обманывать: *Новг.* Польс. *wadzić* безпокоить, ссорить, малор. *вадити*—вредить.

Вежа—шалашъ, покрытый хворостомъ и дерномъ: *Арх.* Польск. *wieża*—башня, малор. *вежа*—въ томъ и другомъ значеніи.

Вечерять—ужинать: *Пенз.*, *Смоленс.* Польс. *wieczerać*, малор. *вечеряти*.

нарѣчіямъ польскому и великорусскому, и чуждыя въ то же время нарѣчію малорусскому [1]). Полагать надо, что эти слова составляютъ общеславянское наслѣдство, не сохранившееся въ малорусскомъ нарѣчіи. Изъ того же общеславянскаго источника могли произойти многія малорусскія слова, существующія въ польскомъ и не сохранившіяся въ великорусскомъ нарѣчіи.

Господыня—женщина, готовящая пищу: *Тверс.* Польс. *gospodyni*, малор. *господиня*—хозяйка.

Громада—собраніе поселянъ, мірская сходка: *Курс.* Польс. *gromada* и малорус. *громада*—въ томъ же значеніи.

Добре—хорошо: *Тамб.* Польс. *dobrze*, малор. *добре.*

Дуже—очень, весьма: *Смоленс. Тверс.* Польс. *dużo*, малор. *дуже.*

Жадать—желать, хотѣть: *Вологод., Рязан., Тамб.* Польск. *żądać*, малор. *жадати.*

Жалковать—жалѣть: *Пенз.* Польс. *żałować*, малор. *жалкувати.*

Жито—рожь: *Донс. Курс.* То же въ польс. и малорус.

Жниво—запаханное поле: *Яросл.* Польс. *żniwo*, малор. *жниво*—жатва, *жнивá*—время жатвы.

Жупанъ—худой кафтанъ, армякъ: *Вологод., Смоленс.* Польс. *żupan*—кафтанъ, то же и въ малорус.

Заробить—заработать: *Арх.* Польс. *zarobić*, малор. *заробити.*

Зась (междом.) замолчи: *Калуж.*; въ томъ же значеніи это слово въ малорус. и польс., но въ послѣднемъ имѣетъ еще значеніе союзовъ: *а, но, же.*

Заховать—спрятать: *Донс., Курс., Пенз.* Польск. *sachować*, малор. *заховáти.*

Звычайно—обыкновенно: *Костром. Смолен.*, Польс. *zwyczajne*, малор. *звичайно.*

Знакомитый—привѣтливый, ласковый: *Ярослав.* Польс. *znakomity*—значительный, знаменитый. То же и въ малорус.

Казать—говорить: *Воронеж., Калуж., Курс. Орловс., Смоленс.* То же въ польс. и малорус.

Кій—посохъ, палка: *Псков., Смоленс., Твер.* То же въ польс. и малорус.

Конать—умирать, кончаться: *Курс., Смоленс.* То же въ польс. и малорус.

Кунтошъ—женская длинная шуба, покрытая китайкой: *Тверс.* Въ томъ же значеніи *кунтышъ*: *Рязан. и Тульс.* Польс. *kuntucz*, малор. *кунтуш.*

---

[1]) Вотъ для примѣра нѣсколько словъ:

Благой 1) худой, дурной, безобразный: *Пск., Симб.*, дураковатый: *Курс.* 3) безпокойный: *Вологод., Рязан., Тамб.*, Польс. *bláhy* худой, дурной. Въ малор. *благий*—добрый (см. малорусско-нѣмец. словарь Партицкаго).

Гóди, овъ—празденство, пиръ: *Ворон.*, *весельные годы*—свадебное празденство: *Ворон.* Польс. *gody*, *weselne gody.*

Онагдысь—недавно: *Пск.* Польс. *onegdaj.*

Ощера—зубоскалъ, насмѣшникъ: *Тамб.* Польс. *oszczerca.*

Перезъ—черезъ: *Влад., Тверс.* Польс. *przez.*

Все это не больше, какъ только гаданія, которыя имѣютъ однако же всѣ признаки вѣроятности, на сколько мы можемъ судить объ этомъ по немногимъ болѣе или менѣе всякому извѣстнымъ лексическимъ даннымъ.

Гораздо тверже почва грамматическая.

Звуки и формы малорусскаго нарѣчія настолько своеобразны, что о польскомъ вліяніи на тѣ и другія не можетъ быть и рѣчи.

Купа—куча, группа: *Тульс.* То же въ польс. и малорус.

Лагодить—ладить: *Курс.* Польс. *lagodzić*—смягчать, умѣрять, облегчать, малор. *лагодити*—исправлять, приспособлять.

Ледва—едва: *Смоленс*; *ледвѣ*: *Тульс.* Польс. *ledwie*, малор. *ледві.*

Мара—призракъ: *Курс.* Польс. *mara*, малор. *мара́.*

Мары—носилки для мертвыхъ: *Курс.* То же въ польс. и малорус.

Надѣя—надежда: *Арх.* Польс. *nadzieja*, малор. *надія.*

Нехай—пусть: *Донс.*, *Курс.*, *Нижегор.*, *Смоленс.* Польс. *niech*, малор. *нехай.*

Пильно—пристально, внимательно, прилежно: *Курс.*, *Смоленс.*, *Твер.* То же въ польс. и малорус.

Понурый—печальный: *Тверс.* То же въ польс. и малорус.

Посагъ 1) приданое: *Орлов.* 2) свадьба: *Твер.* Польс. *posag*, приданое; то же значеніе этого слова и въ малорус.

Рачить—хотѣть: *Олонец.* Польс. *raczyć*—благоволить, удостоить. То же въ малорус.

Смажить—жарить: *Псков.*, *Тамб.* Польс. *smażyć*, малор. *смажити.*

Сподѣваться—надѣяться: *Псков.*, *Тамб.* Польс.—*spodziewaćsię*, малор.—*сподіватися.*

Трохи—немного: *Калуж.*, *Тульс.*, *Смоленс.*, Польс. *trochę*, малор. *трохи.*

Хижий—аккуратный, опрятный: *Смоленс.* Польс.—*chyży* скорый, проворный, малорус. *хижий*—хищный, жадный.

Ховать 1) прятатъ: *Калуж.*, *Курс.*. *Смоленс.* 2) погребать: *Курс.*; въ обоихъ значеніяхъ польс. *chować*, малор. *ховати.*

Честовать—угощать: *Арх.*, *Смоленс.* Польс. *częstować*, малор. *частувати.*

Чи—ли, или: *Донс.* 2) развѣ: *Калуж.* Польс. *czy*, малорус. *чи*—въ томъ и другомъ значеніи.

Яловка—телица, молодая корова: *Волог.*, *Тамб.*, *Тульс.* Польс. *jałówka*, малор. *яловка.*

(Матеріалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики I—III. Спб. 1854 г. Подобныхъ примѣровъ много найти можно также въ изданномъ недавно словарѣ областнаго Архангельскаго нарѣчія. Спб. 1885 г.).

Расквелить—раздражить, разсердить: *Нижегор.*, *Тверс.*; *расквилить*—привести въ слезы: *Вологод.*, *Орлов.* Польс. *rozkwilić*—растрогать.

Тливкій, *тливый*—чувствительный къ внѣшнимъ вліяніямъ (о больныхъ членахъ тѣла), раздражительный: *Арх.* Польс. *tkliwy*—вообще чувствительный.

Торъ—видное мѣсто, гдѣ бываетъ много народа: *Волог.* Польс. *tor*—путь, дорога, слѣдъ.

(Ibidem).

Сомнительными остаются только нѣкоторыя глагольныя формы западныхъ малорусскихъ говоровъ, преимущественно галицкихъ. Это—такъ называемыя описательныя формы прошедшаго времени, которыя въ изъявит. наклоненіи образуются посредствомъ спрягаемаго причастія на *лъ* съ глагольнымъ корнемъ *ѥс*[1]). Изъ тѣхъ же элементовъ и почти тѣмъ же способомъ образуются эти формы въ польскомъ языкѣ[2]). Только гуцульское *сми* (*ходив-сми*) съ своими варіантами—*сме*, *смо* (1 л. ед.) значительно отличается отъ соотвѣтствующей формы, какъ въ польскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ[3]). Мы думаемъ, что это *сми* образовалось изъ формы *ѥсми* (1 л. ед.), которая утвердилась въ письменныхъ русскихъ памятникахъ сѣверныхъ и южныхъ не ранѣе XV в. Представляетъ ли это *ѥсми* медіальную форму, или

---

[1]) 1-е л. един. ч. муж. р.: *ходивѥм* и *ходивем*, *ходивйім*, *ходивім*, *ходивим*.
У Гуцуловъ: *ходивсми* или *ходивсме* или *ходивсмо* (изъ *ѥсми*).
Женс. р. *ходилам*.
Сред. р. *ходилом*.
2-е л. един. ч. муж. р. *ходив ѥси*, *ходивѥсь*, *ходивйісь*, *ходивісь* и *ходивись*.
Женс. р. *ходилам*.
Сред. р. *ходилом*.
1-е л. множ. ч.: *ходилисьмо*, *ходимисьме*, *ходилим*.
2-е л. множ. ч.: *ходили ѥсте*, *ходимисьте*.
Въ 3-мъ л., какъ единс., такъ и множ. ч., вспомогательнаго глагола нѣтъ.

Точно такъ же къ корню *би* изъ *быхъ* присоединяется корень *ѥс*. Отсюда получаются формы: *би-м*, *би-сь*, *би-сьмо*, *би-сьте*. Для образованія прошедшаго условнаго времени эти формы присоединяются къ спрягаемому причастію: *ходив-бим*, *бись*,—*ходили бисьмо*, *бисьте*,—или же, сверхъ того, берутъ на помощь себѣ спрягаемое причастіе вспомогательнаго глагола: *був*, *булá*, *буló*, *булú*: *був бим*, *був бись*, *був би ходив*,—*були бисьмо*, *були бисьте*, *буліб ходили* (Em. Ogonows. Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. 144—145).

[2]) 1 л. ед. chodziłem, am, om 1 л. мн. myśmy chodzili, ły.
2 — chodziłeś, łaś, łoś, 2 — wyście chodzili, ły
3 — chodził, ła, ło 3 — oni, e, e, chodzili, ły.

[3]) При единствѣ метода въ образованіи этихъ формъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ найболѣе яркіе признаки самостоятельности состоятъ только въ своеобразной фонетической окраскѣ:
Чешс. chválil *jsem*, *jsi*, chválili *jsme*, *jste*.
Словац. hvalil *sem*, *si*,—hvalili *smo*, *ste*.
Лужицко-Серб. khwalił *sym*, *sy*,—khwalili *smy*, *śce*.
Сербс. хвалио *сам*, *си*,—хвалили *смо*, *сте*.
Болгарс. хвалилъ *съмь*, *си*,—хвалили *сме*, *сте*.

же оно образуется по аналогіи съ 2 л. единс. *ѥси*, для насъ это въ данномъ случаѣ безразлично. Важно то, что гуцульское *сми* не одно и то же, что польское *м*. Гуцульская форма болѣе полная: изъ древнерусской *ѥсми* она утратила только начальное *ѥ*. Мы можемъ такимъ образомъ указать слѣды этой формы въ древнерусскихъ памятникахъ, не прибѣгая къ гипотезѣ о польскомъ происхожденіи ея. Точно такъ же въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ встрѣчается и *ѥсмо* (въ грамотахъ XIV в.), рядомъ съ *ѥсмы* (1 л. мн.), но не *есме* и не *есмя*, какъ въ сѣвернорусскихъ памятникахъ. Окончаніе *мо* появилось прежде всего въ формахъ повел. накл. (Книга поученій Ефрема Сирина XIII в.), затѣмъ распространилось и на 1 л. наст. вр. изъявит. накл.[1]). Это, во всякомъ случаѣ, не то же самое, что польское *my* въ *śmy*, поэтому окончаніе *мо* можно прямо вывести изъ древнихъ южнорусскихъ памятниковъ, а не изъ польскаго языка. То же нужно сказать и о 2 л. един. ч. *ѥсь* (*сь*), которое встрѣчается уже въ волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку[2]). Наконецъ, есть одинъ примѣръ и формы *ѥмь* въ начальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку[3]). Всѣ эти данныя располагаютъ насъ думать, что галицко-малорусскія формы прошедшаго времени возникли самостоятельно на древнерусской или, по меньшей мѣрѣ, на древней южнорусской почвѣ. Если и есть какая нибудь надобность допускать польское вліяніе, то, очевидно, оно не было безгранично, а имѣло значеніе только лишь охранительное, т. е. въ данномъ случаѣ оно укрѣпляло и поддерживало коренныя малорусскія формы, возникшія приблизи-

[1]) Мы предпочитаемъ объясненіе этой формы, предложенное г. Потебней (Зам. о малор. нарѣч. стр. 15), заявленію г. Соболевскаго, что эта форма должна быть считаема общеславянскою (Очерки изъ ист. рус. яз., 116). Думаемъ также, что книга поученій Ефрема Сирина относится къ XIII, а не къ XV в., какъ думаетъ г. Соболевскій. Историческія и палеографическія доказательства принадлежности ея XIII в., представленныя въ свое время Срезневскимъ (Свѣд. и зам. вып. I. стр. 37—47), не потеряли для насъ своей убѣдительности и послѣ замѣчаній объ этомъ предметѣ г. Соболевскаго (Жур. М. Н. Пр. 1883 г. № 5).

[2]) „Брате! ты мене ни на полону ялъ, ни копьемь мя *еси* добылъ, ни изъ городовъ моихъ выбил(ъ) мя *есь*“ (Ипат. 593); „ты ми братъ *есь*“ (ibid).

[3]) „Я творилъ *емь*“ (Лавр. 105 въ выноскѣ). Это *емь* ни въ какомъ случаѣ не могло появиться здѣсь подъ вліяніемъ великорусскаго нарѣчія.

тельно въ XIII—XIV в. Что касается до восточныхъ малорусскихъ говоровъ, то и въ нихъ до настоящаго времени сохранилась наклонность къ употребленію причастія на *лъ* съ вспомогат. глаголомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ великорусскомъ нарѣчіи. Изъ двухъ вліяній — великорусскаго и польскаго—мы гораздо болѣе склонны допускать первое въ предѣлахъ восточныхъ малорусскихъ говоровъ, чѣмъ послѣднее въ предѣлахъ западныхъ говоровъ. Во всякомъ случаѣ, легче понять ослабленіе и утрату существующихъ формъ подъ вліяніемъ другаго языка, чѣмъ созданіе подъ такимъ же вліяніемъ новыхъ формъ, которыя никогда не были присущи чувству языка.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ произведеніяхъ тѣхъ малорусскихъ писателей, которые писали книжною малорусскою рѣчью. Здѣсь польскія вліянія очевидны, и притомъ не только въ лексическомъ подборѣ словъ, которыя служили для выраженія такъ называемыхъ культурныхъ понятій, но и въ сферѣ собственно грамматической. Замѣчая въ народной рѣчи формы, сходныя съ польскими, малорусскіе писатели сгущали иногда польскія краски безъ всякой надобности. Такъ, въ сложномъ прошедшемъ времени они предпочитали польскій типъ его малорусскому [1]). Именныя флексіи менѣе подчинялись польскому вліянію [2]), но въ употребленіи тѣхъ или другихъ падежей замѣтны иногда слѣды польскаго синтаксиса [3]). Особенно рѣзко бросаются въ глаза эти слѣды въ тѣхъ предложеніяхъ, которыя соединены польскими союзами въ замѣнъ церковнославянскихъ или народныхъ малорусскихъ [4]). Собственно говоря, это внѣшняя синтаксическая прикраса, въ сущности не измѣняющая строенія

---

[1]) *Далемъ, далесь*, а не *давѣмь давѣсь, давем, давесь* и проч.

[2]) Изрѣдка встрѣчается мѣстный падежъ един. ч. именъ существительныхъ сред. р. въ польской формѣ: „на ко́ждомъ мѣ́стцу, на се́рдцу (Г. К. 35. 43).

[3]) Таковъ, напримѣръ, творительный предикативный падежъ въ польской конструкціи: „кто́ хо́четъ прія́телемъ бы́ти свѣ́товѣ, то естъ непрія́телемъ Бжі́нмъ“. „Всѣ̀ лю́де грѣ́шніи су хо́рыми“ (Г. Кл. 39).

[4]) Къ такимъ союзамъ относятся: *албо, гды* (въ смыслѣ *когда* и *если*), *же, поневажъ* и т. п.

рѣчи—такъ же, какъ и употребленіе нѣкоторыхъ предлоговъ и нарѣчій польскихъ [1]). Гораздо важнѣе встрѣчающееся иногда *построеніе* предложеній по польскому образцу [2]). Что касается до *расположенія* словъ въ предложеніи, то въ этомъ отношеніи малорусскіе писатели нерѣдко руководствовались, подобно польскимъ, латинскою конструкціей рѣчи. Отсюда же они заимствовали всѣ риторическія средства выраженія, которыя, какъ извѣстно, даютъ соблазнительную возможность мыслить безъ мыслей. Съ самодовольствомъ человѣка, вѣрующаго въ чудеса риторики, І. Галятовскій такъ повѣствуетъ объ ея секретахъ: „спытаетъ кто, якъ можетъ з малои части (т. е. изъ темы) великое казанье учинити? Отказую, треба тую часть казанья амплифѣковати, розширяти, треба придавати до ней прикланы, подобенства, сентенціи, фѣгуры, то малая часть великимъ казанемъ зостанетъ“ СГ. Наука, 131).

Такимъ образомъ путемъ школы, путемъ общественныхъ вліяній малорусская книжная рѣчь воспринимала чуждыя ей черты польской рѣчи, подчиняясь вмѣстѣ съ нею вліянію латинскаго синтаксиса.

Какіе же въ ней признаки собственно малорусскіе?

Въ четвертую группу *россиихъ* словъ Берында внесъ огромную массу народнаго малорусскаго матеріала, которымъ, по мѣрѣ надобности, мы будемъ пользоваться въ обзорѣ звуковъ и формъ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.

П. Житецкій.

[1]) *Ведлугъ*, *подлугъ*, *презъ*, *ныды*, *южъ*, *завше* и проч.

[2]) Таково, напримѣръ, превращеніе неопредѣленнаго наклоненія, составляющаго дополненіе не глагола или же имени, а цѣлаго предложенія, въ личные глаголы такъ называемаго финальнаго придаточнаго предложенія: „Вавулончикове будовали вежу, высокую ажъ подъ небо, жебы собѣ славное имя на свѣтѣ учинили“ (Г. К. 23). „Идетъ до насъ Хс не для того жебы грѣшныи людей одослалъ до пекла“ (Ibid. 60).

Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака.

А. Л. Шимановъ передалъ мнѣ слѣдующее, полученное имъ отъ покойной жены Петра Петровича:

1. Посмертный фотографическій портретъ П. П. съ надписью на оборотѣ, сдѣланною, какъ полагаетъ А. Л. Шимановъ, рукою его жены:

„Скончался тихо, 1-го октября 1866 г. въ $4^1/_2$ часа утра, при благовѣстѣ въ церькви, вовремя утренняго Богослуженія. Родитель его былъ священникомъ въ церькви Покрова и въ д. Покрова скончался, особенно любя этотъ праздникъ“.

2. Тетрадь изъ 3-хъ л. in 4°. Бумага троицк. фабр. Говарда № 4. Почеркъ П. П. А-го старческій. Правописаніе съ *ѣ*. Здѣсь: а) „Солопій та Хивря“; б) „Пысулька и пр.“; в) „Тюхтій та Чванько; г) „Де-що про того Гараська“. Сочиненія эти въ первый разъ напечатаны въ „Украинскомъ Вѣстникѣ на 1819-й г.“, издававшемся (адъюнктомъ) Евграфомъ Филомаѳитскимъ, ч. 16-я, кн. 8, октябрь, стр. 80—94 и 235—9, отсюда перепечатаны другимъ правописаніемъ П. А. Кулишемъ (Основа 1861, III), а отсюда, съ приближеніемъ къ первоначальному правописанію А.—Г—а (съ *и* и *ы*, безъ *ѣ*)—Ф. Пискуновымъ (Кобзарь П. П. Артемовського-Гулака. К. 1877); но, въ виду бóльшей исправности и полноты нашего текста, привожу ихъ вполнѣ, съ варіянтами 1-го изданія въ выноскахъ, точно соблюдая правописаніе автора.

д) Здѣсь же три ненапечатанные „прыказкы“.

3. Одинъ листъ in 4°, бумага безъ клейма, почеркъ болѣе ранній, нѣсколько поправокъ старческимъ почеркомъ; правопи-

саніе—какъ въ „Укр. Вѣстн.“, безъ *ѣ*. Стихотвореніе на тему Горація, 34 Ода, кн. I, ненапечат.

4. Рисунокъ карандашомъ, тронутый сепіей, приписываемый самому Г.—А-му, иллюстрирующій послѣднюю строфу стихотворенія подъ 3.

3. Одинъ л. in 4°, на такой же бумагѣ и тѣмъ же поч. и правопис., что и 3, содержащій ненапечатанное стихотв. на тему Горація, 9 Ода кн. II.

По минованіи надобности, бумаги эти будутъ переданы въ Библіотеку Импер. Харьк. Университета.

А. Потебня.

Солопій[1]) та Хивря,

АБО ГОРОХЪ ПРЫ ДОРОЗѢ.

КАЗКА.

Vous voyez le grand gain, sans qu'il faille le dire,
Que de ses ports de mer le roi tous les ans tire:
Or, l'avis, dont encor nul ne s'est avisé,
Est qu'il faut de la France,—et c'est un coup aisé,
En fameux ports de mer mettre toutes les côtes;
Ce serait pour monter à des sommes très-hautes!

Molièr.

Les fâcheux. Acte III, scène III.

Спромигся Солопій весною на горохъ,
Та-й, сѣвшы зъ Хиврею, собѣ мѣркують вдвохъ,
Чы то продать ёго, чы-то ёго посѣять?
„А щожъ тутъ мѣрковать? не полѣнуйсь провѣять“,
Сказала Хивря тутъ; „въ мѣшечкы позсыпай,
„Та-й сѣять нà-поле, пидъ дощъ, мерщій чухрай!“
—„Воно-то, Хивре, бачъ, тутъ не за тымъ идецця;
„Але посѣять такъ, якъ у людей ведецця...
„Нехай ёму лыхе!... горохъ ласенька рѣчъ,

[1]) Т. е. роззява.—А. П.

„И дѣтвора́ за нымъ полѣзе хочъ у пичъ!
„Ты жъ раешъ сѣяты горохъ на перелозѣ!...
„Эй, Хивре!... перелигъ лежыть нашъ пры дорозѣ:
„Эй... обскубуть горохъ нашъ зеленцемъ... побачъ!...
„Въ лопаткахъ обнесуть!... тогди—хочъ сядь та-й плачъ!
„Якои вражои ты матери сумуешъ?
„Цуръ-дурня! нависный! Чы ты жъ того нечуешъ,
„Що якъ уродыть Богъ, то дасть на долю всѣхъ?
„Чы це жъ [1]) не глумъ тобѣ, не сбромъ и не смѣхъ,—
„Врагъ-батька [2])-зна—чого безглуздому жахацьця?
„Та джежъ, якъ кажуть-то, колы вовкивъ лякацьця [3])
„То ни́чого ходыть зъ сокырою и въ лѣсъ!...
„Иды жъ, кажу, та сѣй! немымры тамъ пидъ нисъ!
„Абы лышъ, Господы, на нывѣ намъ вродыло,
„То буде-й намъ [4]), и всѣмъ... Чы чуешъ ты, мурмыло!
„Небудь уѣдлывый, якъ брыдка та оса [5]),
„И довше неспричайсь [6]), бо вылаю, якъ пса!
—„Эй, Хивре“, Солопій сказавъ ій, „несварыся,
„Бо, да́леби [7]), горохъ нашъ згыне!... схаменыся!...
„Ну, си́лькось!... я пійду [8]), посѣю, та не тамъ,
„А де-небудь въ кутку, що-й врагъ ненайде самъ.
—„Неперебендюй бо такъ довго, Солопію!
„Бо я горохъ сама, де схочу, тамъ посѣю;
„Сама я-й выкошу, якъ треба, на покисъ,
„И ось тобѣ тогди я дулю дамъ пидъ нисъ!...
„Але, мій голубе! прошу тебе по ласцѣ:

---

[1]) Чы се жъ.
[2]) Врагъ-матиръ.
[3]) боящця.
[4]) То буде намъ.
[5]) и впартый мовъ оса.
[6]) Мовъ наровыстый кинь.
[7]) Бо далыби.
[8]) пиду.

„Послухай часомъ тыхъ, що ходять у запасцѣ [1]);
„Плюнь, серце, на того, хто такъ тобѣ сказавъ,
„Що, бу́цимъ, Богъ жи́нкамъ волосся довге давъ
„За те, що розумъ и̅мъ укоротывъ чымало:
„То погань такъ верзла́, школярство такъ брехало!
„А я-жъ-то й мужыкивъ... круты ты-неверты...
„Неразъ вже бачыла такыхъ дурныхъ, якъ ты!
„Отъ-такъ!... пытай людей; бо той, хто и̅хъ пытае,
„Мовъ старець безъ ципка по стежкахъ неблукае.
„Не разъ ты за двома зайцямы полёвавъ [2]),
„За те жъ ни одного, гонывшысь, непіймавъ;
„Не разъ ты жаловавъ ухналыкивъ старенькыхъ,
„За те жъ ты скилькы [3]) вже згубывъ пидкивъ новенькыхъ!
„Отъ-такъ ты и теперъ горохъ запропастышъ,
„Колы бъ ты-й самъ [4]) пропавъ!“

—„Чого ты тамъ гарчышъ?“
Сказавъ нашъ Солопій, та-й, зъ серця, дейко зъ хаты!
Запригшы гулыхъ винъ, ну перелигъ ораты!
Зоравъ, посѣявъ винъ горохъ, заволочывъ,
Ажъ тутъ и дрибный дощъ риллю ёго змочывъ.
Зійшовъ горохъ, пиднявсь, пидрисъ, зацьвѣвъ рясненько [5]):
Хто йшовъ, той прыглядавсь гороховѣ пылненько.
Тымъ часомъ вже почавъ вбывацьця-й въ лопаткы́;
Ажъ тутъ прыйшла черга́ и на сами́ стручкы.
Хто йде,—горохъ скубне: гребець скубне у жменю;
Иде косарь и женець,—нагарбають въ кешеню;
Прыскочыть дѣтвора,—и въ пе́лену смыкне...
Зибравъ нашъ Солопій горохъ, та знай-клене [6])

---

[1]) и въ запасци.
[2]) Не разъ вже за двома зайцямы ты ганявъ.
[3]) скилько.
[4]) Колыбъ ты самъ.
[5]) Зійшовъ горохъ, пидрисъ, зацьвивъ увесь рясненько.
[6]) клыне.

И, на чимъ свѣтъ стоить, по-соромицькый лае,
Усихъ батькивъ зъ того винъ свѣта вывертае:
„Стонадцять бы копыць зъ рогамы вамъ чортивъ!
„А!... бѣсивъ народе!... колыбъ ты околѣвъ!
„Колы бъ ты кожнымъ [1]) бувъ стручечкомъ подавывся!
„Щобъ въ пельцѣ [2]) винъ тобѣ килкомъ бувъ зупынывся!
„Колыбъ то [3]) триснувъ (s.) бувъ одъ його твій жывитъ,
„Нижъ мавъ ты це мене такъ [4]) посадыть на лидъ!
„Щобъ горошыночкы [5]) въ твоихъ кышкахъ бѣсовськыхъ
„Такъ набубнявилы, (s.) [6]) якъ барабанъ московськый!
Багацько дѣ-чого спѣвавъ тутъ Солопій;
Молывся за ввесь ридъ хрещеный и за свій,
[7]) И вже роззявывъ ротъ, щобъ по-кацапськый лаять,
Та засоромывся и, часу щобъ незгаять,
Гукавъ и верещавъ, и пѣнывсь и плювавсь,
Неначе бъ то його и справдѣ хто злякавсь!... [8])
До Хиври сыкався, за мокогинъ хапався [9]).
И не на жартъ такы, сердега, розгулявся;
То впъять [10]), по доброму ладу, винъ ій казавъ:
„Бачъ, Хивре нависна (s.), що нашъ горохъ пропавъ!
„Бачъ, шкапо гаспыдзька [11]), чого ты наробыла!
„Та ты жъ мене на вѣкъ оце запропастыла!..."
Ище смачненьке щось збиравсь [12]) сказать винъ ій,...
„Послухай, бовдуре [13])", сказала Хивря, „стій!

---

[1]) кождымъ.
[2]) въ горли.
[3]) Колыбъ щобъ.
[4]) Нижъ мавъ оце мене ты.
[5]) горошыночка.
[6]) набубнявила.
[7]) [8]) Вм. этихъ 4-хъ стиховъ—То, вгамовавшыся зновъ до свого вертався.
[9]) хватався.
[10]) То зновъ.
[11]) бисова.
[12]) хотивъ.
[13]) Послухай лышъ сюды.

„Уже, якъ бачу я, тебе непереперты:
„Хто дурнемъ уродывсь, тому и дурпемъ [1]) вмерты!
„Але, мовлявъ, ище бъ [2]) сюды й туды зъ дурнымъ;
„Отъ горе [3]) та бѣда—зъ дурнымъ, та ще-й зъ лыхымъ!
„Казала я тобѣ, що якъ намъ Богъ [4]) уродыть,
„То буде намъ, и всѣмъ, и злодѣй не зашкодыть;
„Ажъ такъ и ѐ [5]): хочъ ты посѣявъ два мѣшкы;
„Хочъ, тилько хто хотѣвъ, той наши рвавъ стручкы,...
„(Нехай ёму въ корысть!), а все жъ, хвалыте (s.) Бога,
Зибравъ ты сѣмъ мѣшкивъ гороху зъ перелога!
„Де пъють, то тамъ и льють [6]: безъ шкоды не бува.
„Абы здоровенька лышъ наша голова!
„Але ты хочешъ, щобъ неѣлы козы сѣна
„И сыти щобъ булы? Ой мудрый дуже зъ сына!...
„Ну, цуръ тоби та пекъ! робы ты, що хоты:
„Оры, мелы и ѣжъ... хочъ голову скруты,
„Про мене!... Я теперъ и нероззявлю рота;
„Та вжежъ побачымо, яка твоя робота!
„Та-й люде жъ [7]), сѣючы, хочъ тратять, а орю́ть:
„То ду́рни, отъ якъ ты, несѣяни ростуть!...
„Эй схаменесся ты, та пизно, Солопію!"
—„Та вжежъ, хочъ схаменусь", сказавъ винъ, „хочъ посѣю,
„Та не по твбему; зроблю, якъ самъ умѣю;
„Зроблю,—щобъ и стручка ни я́кый бѣсъ невкравъ".
Зробывъ нашъ Солопій, якъ самъ здоровый знавъ:
Винъ на другу́ весну, плугъ и рала̀ забравшы
И, мижъ пшеныцею и жытомъ пооравшы,
Въ серѐдыни горохъ увесь посѣявъ [8]) свій.

---

[1]) тому дурнымъ и.
[2]) Але бъ, мовлявъ, ище.
[3]) Ось лыхо.
[4]) що Богъ якъ намъ.
[5]) Ажъ такъ и есть.
[6]) ллють.
[7]) Тай люды жъ.
[8]) засіявъ.

„Теперъ-то“, дума нашъ дурненькый Солопій,
„Теперъ-то мій горохъ вже, мабуть, розцвѣтае!
„Нехай цвѣте, нехай, тымъ часомъ, доспѣвае;
„Ось якъ пійду [1]), въ жнывà пшеныцю й жыто [2]) жать,
„То часу марно щобъ такъ-сякъ [3]) незваковать,
„Скошу и свій горохъ, въ копыци поскладаю,
„То й зъ нымъ управлюся [4]), и разомъ жнывъ незгаю“.
Пійшовъ [5]) въ жнывà, та ба! .. ни зéрна незаставъ!
Процындрывъ Солопій горохъ и просвыставъ,
А за горохомъ въ гуртъ,—и жыто и пшеныцю
И тилькы [6]) зо всёго соломы взявъ съ копыцю!
А якъ же це?—Отъ-такъ: пронюхалы въ селѣ,
Що Солопій горохъ посѣявъ на риллѣ,
Мижъ жытомъ та помижъ пшеныцею своею:
Давай ходыть въ горохъ!... ходыли, и хиднею
Пшеныцю-й жыто такъ помъялы [7]) та стовклы.
Що, сучый сынъ, колы и мѣсце ихъ найшлы!...
Що-жъ Хивря?—Румсае!... а що жъ чыныть небозѣ?
Якъ тилькы жъ зуздрѣла [8]) Роззяву на порозѣ,
Зняла торбынкы двѣ зъ рядныночкы [9]) зъ килка:
„А бачъ, гадюко, бачъ?... ты жаловавъ стручка,
[10]) „Теперь, за ту-сяку-никчемну горошынку,
„Ты обголывъ мене и дрибную дытынку!
„Такъ отъ-якого намъ ты пидпустывъ тхоря,
„Що я зосталася зъ дѣтьмы безъ сухаря! [11])
„Бачъ, пыко гаспыдзька [12]), чортовськый Солопъяго!

[1]) Ось якъ пиду въ жныва пшеныци-й жыта.
[2]) То часу марне щобъ мовлявъ.
[3]) упораюсь.
[5]) пишовъ.
[6]) Бо тилько.
[7]) Пшеныцю й жыто все такъ змялы.
[8]) Якъ тилько жъ заздрила.
[9]) Дви новисиньки.
[10]) [11]) Вмѣсто 4-хъ ст.—Теперъ зъ диткамы безъ хлиба мы шматка.
[12]) Бачъ, сыну гаспыдзькый.

„До чого насъ довивъ ты, брыдкый скупендяго! [1])
„Иды жъ теперъ видсиль!. . [2]) щобъ твій и духъ не пахъ!
„Невмѣвъ свого,—носы жъ ты хлѣбъ чужый въ торбахъ!"
Сказала, та й торбы на ёго почипляла
И мижъ старцивъ, мовъ пса, Солопія прогнала!

—

Послухайте мене, вы всѣ, Солопій,
Що знай-мудруете, и головы свои
Чортъ-батька-зна-надъ-чымъ морочыте—до ката:
Якъ въ борщъ, замѣсть курчатъ, намъ класты кошенята [3]);
Якъ груши на вербѣ и дули вамъ ростуть;
Якъ ѣсты да́зьбига, та ще-й гладкымы буть;
Якъ локшыну крышыть для війська [4]) изъ паперу;
Якъ квашу намъ робыть зъ черныла и тетерю;
Якъ борошно молоть безъ жорнивъ,—языкомъ:
Якъ бджолы годовать безъ меду,—часныкомъ;
Якъ каву [5]) пыть панамъ зъ квасоли—зъ бурякамы;
Якъ нывы засѣвать безъ сѣмъя, [6])—кизякамы;
Якъ зъ кожного [7]) зерна сѣмъ квартъ горѣлкы гнать;
Якъ сѣно намъ пиро̂мъ (s.) [8]) косыть, якъ киньмы жать,
Щобъ людямъ и снипка недать на заробитокъ,
И пташцѣ ни зерна погодоваты дѣтокъ:—
Заплюйте лышъ оцю, скажени вы, бриднню! [9])
Де треба рукы грѣть, тамъ треба и огню.
Та вже зъ васъ не одынъ оравъ пидъ небесамы,
А, якъ на землю злѣзъ, пійшовъ [10]) въ старци зъ торба́мы!

Харьковъ. **П. А. Г.**
25 сентября 1819 г.

---

[1]) бисивъ скупердяго.
[2]) звидциль.
[3]) Кошынята.
[4]) варыть для виська.
[5]) Якъ кохвы.
[6]) безъ симя.
[7]) зъ кождого.
[8]) перомъ.
[9]) брехню.
[10]) пишовъ.

Пысулька

до того, котрый, що Божого мњсяця, Украиньського Гинця (Украинскій Вњстникъ) по всњхъ-усюдахъ розсылае.

Ёвграпе!

Бажавъ есы казкы? На!..[1]) отъ-тобѣ *Солопій* та *Хивря!* Не здывуй самъ, та нехай выбачыть и громада, колы казка—не до шмыгы и невподобаецця[2]). Самъ бачывъ есы, а[3]) дѐякымъ и неповылазылы[4]), що я заклякъ та[5]) захыривъ такъ, що й головы непидведу, та ще може-й доведецця выстояты добрый калантыръ у домовыни[6]),—отъ, якъ иноди трапляецця зъ старшыною чотырнадцятого класа у насъ на станціяхъ[7])!... А вжо самъ-здоровъ, Ёвграпе, знаешъ, що, лежачы, не въ Юрусалымъ заѣдешъ: лежачы[8]), я жъ кажу, яка вже тамъ у хрѣна робота?[9]) Воно, Ёвграпе, лѐжачкы, добре тилько панамъ; имъ скризь спирно йде робота; бо хочъ и лежни, часомъ[10]), нападуть, то воны все-таки дарма[11]) годыны[12]) незгають. Гукнуть[13]): давай!—и[14]) дають! а колы нема, то бъють!... Кого?—Оце кого! Ужежъ на себе по кендюсѣ...[15]) Ну,[16]) а колы буття обрыдне?—Такъ[17]) щожъ? то карты мнуть, та усе жъ[18]) такы не гуляють!—Та ще-й паны, Ёвграпе, не всѣ таки робочи та трудящи[19]); бо ыншый, сбромъ и сказать...[20]) паномъ уродывсь,

---

1) Нѣтъ въ Укр. Вѣст.

2) Нѣтъ.

3) та.

4) Sic. У Кулиша: „повилазило".

5) Що я захыривъ.

6)—7) Нѣтъ.

8) не далеко зайдешъ.

9) яка робота.

10) Нѣтъ.

11)—12) дармо часу.

13) крыкнуть.

14) Нѣтъ.

15) Уже не собаку.

16) Нѣтъ.

17) То.

18) та все.

19)—20) таки трудящи, бо иншый паномъ.

паномъ охрестывсь, паномъ зрисъ[1]) и звѣковавъ, а, далеби, не тобѣ що... и клезнуть мужыка невмѣе!.. отъ-така чудасія!... [1]) Такый у насъ, Ёвграпе[2]), и пидъ Ха́рковымъ недалечко: ось... хочъ бы́-й... хыба ныщечкомъ скажу... ба ни!...[3]) нехочу... нехочу... далеби[4]), не скажу!... грѣхъ!... Я у его хлѣбъ-силь ѣвъ[5]), а теперечкы бъ оскаржывъ ёго передъ громадою, що винъ и въ картахъ ничогисинько не шупыть, и мужыкивъ чубыть не втне[5])!—Та-й зъ насъ, Ёвграпе, зъ тобою[6]) не яка̀ робота! Ще жъ то тобѣ, мовлявъ, и сякъ—и такъ, бо тобѣ и́ноди де́-що и черезъ дзви́нку перелѣзе, а я такый собѣ[7]) прышеле́поватый удався[8]), що-й сые́и дурныци не те́е[9])... якъ ёго[10])... не втну! Воно то я[11]) трохы и въ картахъ слебезую[12]); 'бо такы, зъ першого[13]) по́гляду, я(къ) тилькы[14]) побачу, що зъ однымъ окомъ, то такы заразъ и вгадаю, що то, мабуть, що-на́йстаршый дурень[15]). Я такъ, часомъ[16]), Ёвграпе, и людей розмѣркѣвую[17]): якъ тилько зуздрю[18]) кого, що свои прытаманни—родыми ще[19]) неповылазылы, а вже[20]) дывыцця въ одно чуже жодному[21]) пидъ нисъ, мовъ ёго недобачае, то я такы, далеби-що, и вга́дую[22]), що то, мабуть, що-на́йстаршый дурбасъ[23])...

---

[1]) зрисъ; а далеби и мужыка клезнуть невміе,—отъ таке лыхо!

[2]) бра.

[3]) хочъ бы й... нехочу.

[4]) ей Богу.

[5])—[5]) а ты хочешъ, щобъ я выявывъ, що винъ и въ карты грать нетямыть, ни мужыкивъ лупыть не вміе.

[6]) [7]) [8]) [9]) [10]) Нѣтъ.

[11]) Та я то.

[12]) шуплю.

[13]) зъ первого.

[14]) Якъ тилько.

[15])—[16]) Нѣтъ.

[17]) пизнаю.

[18]) заздрю.

[19]) Ще-й.

[20]) та вже бачъ.

[21]) кождому.

[22]) То я—такы заразъ, сучый сынъ, колыневгадаю.

[23]) найстаршый дурень.

Ой!.. щось я дуже го́лосно, Ёвграпе, брязнувъ [1])!... Колыбъ лышѐнь [2]) ножыци на столѣ необизвалысь! Та вже жъ, матери ихъ ковинька!... Чы будуть быть, то нехай бъють! Уже мене и не такы былы, та й ти небагацько ску́ралы [3]); уже, я жъ кажу, менѣ гирше небуде; я вже й такъ пью добру повну! Отъ—лежу та стогну та ялозюсь изъ знахарямы [4]), мовъ [5]) китъ зъ оселедцемъ. Ище разъ тобѣ, Ёвграпе [6]), кажу, що лежачы—не яка̀ робота. Ось *Пана* та *Собаку* и сыдячы напысавъ, та й то де́-якымъ [7]) панамъ, може, такъ догодывъ, якъ *Рябко*—своему. Що жъ матемешъ, Ёвграпе, чыныты [8])? Дурнямъ, якъ(то) кажуть, самъ Богъ невго́дыть. Та вже то воно—грѣхъ казаты; бо мого̀ *Рябка* у самому Пянтенбурсѣ, та-й скризь у Московщынѣ [9]) гладылы не су́протывъ [10]) шерсты и такы трахтовалы [11]), неначе кого й доброго; такъ отъ-же, бачъ, все-такы у дѐ-якыхъ пидпанкивъ шапкы́ на лысынахъ [12]) загорѣлысь [13])!.. А я тут нетилькы що... ни при́-що... або́-що!.. Та бодай воны такъ хотѣлы на свѣтѣ жыть [13]), якъ мене кортѣло зъ нымы грызтысь... о̀тъ-що [14]). Цуръ имъ! пекъ имъ! осына̀ имъ—марына! То доброго, мовлявъ, полай и покартай, то винъ тобѣ щей-й подякуе [15]); а ледачому що? ты ёму образы́, а винъ тобѣ—лубъя [16])! Ты его въ плугъ, а винъ собѣ въ лугъ [16])! Нехай воны тямляцця, Ёвграпе [17]). Леда-

---

[1]) дуже брязнувъ.

[2]) лышъ.

[3]) добра выбылы.

[4]) [5]) вожусь изъ знахарамы, неначе.

[6]) Нѣтъ.

[7]) та ще й то декоторымъ.

[8]) Щожъ чыныть, Іовграпе!

[9]) Петенбурси, у Москви, и скризь такы.

[10]) не протывъ.

[11]) и прыймалы.

[12]) шапкы на голови.

[13])—[13]) Вм. этого; Бодай воны такъ на свити булы.

[14]) Нѣтъ.

[15]) Поклоныцця.

[16])—[16]) Нѣтъ.

[17]) Нѣтъ.

чого, мовлявъ нашъ Онопрій, незачипай и рукъ некаляй [1]). Горбатого, сказано [2]), хыба могыла справыть [3]). Непоможе, я-жъ кажу, бабѣ кадыло, колы вже бабу сказыло [3])! Отъ-такъ-то, Ёвграпе, козаче [4])! Лыхо й зъ правдою, лыхо и зъ брехнею! За правду бъють, за брехню вѣры недають: отъ-така ловыся [5])... Що чоловѣкъ тобѣ и зъ глуздомъ незберецця, якъ на̀-свѣтѣ и обертацця [5])! Що жъ робыть? Мовчать?— Та джежъ и мовчу... колы-бъ уже имъ зацѣпыло!—Я жъ-то-й [6]) кажу, Ёвграпе, що нема ёго на̀-свѣтѣ, якъ зъ своею ри́внею—зъ мужыкомъ: чы то полаяцця [7]), чы то поскубтысь, чы то побыцця, чы-й помырыцця, то все воно такы, сказано, свій братъ. Я жъ-то одтого оце и на Солопія́ напався... Адже жъ панивъ нема Солопійвъ? Якъ твоя на се думка [8]), Ёвграпе? Ты пысменнѣшый видъ мене; ты багацько дѐ-чого въ кныжкàхъ роздовбавъ [9]); ты вже такы [10]) бувавъ въ бувальцяхъ; бувавъ, якъ кажуть [11]), на конѣ и пидъ конемъ; скажы жъ, будь ласкавъ, прыятелю, чы нема на́-лыхо, часомъ, сёго мення [12]) мижъ панамы, щобъ мени, хай Богъ бороныть, невзять и́ноди грѣха [13]) на душу? А то, якъ що [14])... то опануе мене лыха та несчаслыва годына [15])! Богъ ёго святый зна: може, не тутъ спомынаючы, и мижъ панамы [15]) вырвецця не одынъ Солопъяга! бо вже у мене щось не дурно свербыть на головѣ [16]) чупрына! Эй!.. та будуть же лупыть [17])... Скажени! Та вже жъ, силькось, нехай

---

[1]) незаймай и самъ себе некаляй.

[2]) Уже горбатого, Іовграпе

[3])—[3]) Нѣтъ.

[4]) Отъ такъ-то, голубе!

[5])—[5]) Що сучый сынъ, колы знаешъ, куды на свити й повернуцця.

[6]) Яжъ-то вже-й.

[7]) Нѣтъ.

[8]) Якъ ты думаешъ.

[9])—[10]) де-чого шупышъ; ты вже.

[11]) Ты вже, я жъ кажу, бувъ и.

[12]) Скажы, будь ласкавъ, Іовграпе, чы нема сіого имення.

[13]) щобъ мени часомъ гриха невзять.

[14]) Нѣтъ.

[15])—[15]) Якъ часомъ, крый Боже, изъ-помижъ панкивъ.

[16]) Нѣтъ.

[17]) Та будуть быть.

бъють; уже зъ мене, Ёвграпе, не багацко оліи выбъють [1])! Абы лышень мени, Господы, зъ кырпатою пораховацьця!... а кырпата не за горамы; а тамъ сховаюсь въ домовыну та-й покажу имъ зъ за пазухы отъ-таку здоровѐцьку дулю!... [2]) Ну, Ёвграпе! нѝчого довго роздобарёвать: беры [3]) казку. Що буде, те-й [4]) буде, а буде те, що Богъ намъ дасть. Беры [5]) Солопія та й несы до друкарни [6]): хай [7]) тамъ твій Мыкола друкуе, якъ знае [8]). Колы, я жъ кажу, вовка лякацьця, то и въ лѣсъ неходыть [9]). Не такый и чортъ страшный, якъ ёго малюють!

Харьковъ.
26-го сентября 1819-го года.

Тюхтій та Чванько.

ПОБРЕХЕНЬКА.

Mes jours sont le tissu d'un contraste étonnant:
Je ne vis qu'en pleurant, et je pleure en riant [10]).
L'amour, pour tant de coeurs l'objet de plus doux charmes,
Fut pour le mien la source et des maux, et des larmes!
Pour adoucir mon sort et mes regrets cuisants
En poussant des soupirs, j'écris des vers plaisants.
Qu'ils sont drôles, ma foi, ces destins que les nôtres!
En voulant larmoyer, je fais rire les autres [11]).

Авторъ *Тюхтія* та *Чванька* [12]).

Нашъ виршомазъ Тюхтій старыхъ людей шануе:
Гарасько якъ звеливъ, винъ такъ и компонуе.

---

[1])—[2]) Абы лышъ, господы, мени до смерты: а смерть моя не за горамы: а тамъ я и дулю іимъ выставлю.

[3]) Беры, Іовграпе.

[4]) то.

[5]) Беры, кажу.

[6])—[7]) въ друкарню, нехай.

[8]) Нѣтъ.

[9]) Я жъ кажу, колы вовка лякацця, то и въ лисъ не-йты.

[10]) Je ne vis qu'en pleurant, et je mourrai riant!

[11]) Quoi!... je pleure, et morbleu j'en fais rire les autres!

[12]) *Примѣч. издателя Украинск. Вѣстника.* Эпиграфъ сей на французскомъ языкѣ сочиненъ самимъ авторомъ Тюхтія та Чванька,—и составляетъ вѣрное изобра-

Чы справжкы, чы[1]) на жартъ, що тилькы напысавъ.
То такъ на девять рикъ те въ бодню[2]) и запхавъ;
А на десятый рикъ, якъ выйме й прочытае,
Побачыть самъ-здоровъ, що тамъ ладу́ бѣсъ-мае;
То въ грубу такъ-такы̀ и впре шпаргальля все!...
Отъ братъ ёго, Чванько, слабкы́й уже на се:
Що начеркавъ, те[3]) такъ въ дрюкарню и несе!
Але громада ӣхъ однако поважае:
Того ни сномъ незна, другого нечытае!

Скажить, будь ла́скави: хто зъ ӣхъ дурнѣшый двохъ?
Та глузду, грѣхъ казать, скупенько у обохъ!...
Такъ першый же хочъ тымъ за працю надолужыть,
Що въ девять рикъ, хочъ разъ теплóмъ собѣ услужыть;
Другый—такый дурный, що зъ холоду[4]) дрыжыть,
А кны́жокъ же ёго—съ пивъ сажня[5]) такъ лежыть

Харьковъ. П. А. Г.
1-го ноября 1819-го года.

Дѐ-що про того[6]) Гараська.

Воно-то, бачъ, оце[7]) по нашому *Гарасько*, а по-московськый, лыбо̀нь[8]) *Горацій*.—О! вже воны хочъ-що,—перековерсають по своему[9])! тамъ-то вже предывенна ӣмъ[10]) мова! Отъ часомъ тра-

---

женіе сердца и жизни его въ миніятюрѣ. Находясь почти безпрерывно и давно уже въ болѣзненномъ состояніи, онъ борется съ желаніемъ заниматься любимымъ своимъ предмѣтомъ литтературою, и съ трудностію удовлетворить желанію своему совершенно. Большую часть сочиненій своихъ, напечатанныхъ и находящихся еще въ рукописяхъ, написалъ онъ не вставая съ болѣзненнаго ложа. При всемъ томъ всякой, подобно мнѣ, его знающій, сказать объ немъ можетъ:

Онъ плачетъ для себя, онъ для другихъ смѣется;
И въ шуткахъ и въ слезахъ—всё тотъ же остается!

[1]) Чы-й.

[2]) въ скрыню.

[3]) то.

[4]) що мерзне винъ.

[5]) съ пять сажнивъ.

[6]) [7]) [8]) Нѣтъ.

[9]) то по своему перековерсають.

[10]) іому.

пыцця такъ, що стоишъ передъ нымъ зъ добру годыну [1]), а винъ тобѣ сѣче та рубае!.. Що-жъ?—[2]) Хрѣнъ ёго-й сливцѐ второпае, що винъ тамъ верзе та папляе [2])! Отъ-тилько, буцимъ-то-й дочуваешъ, що [3]) „вотъ-съ", та „што-съ", та „да-съ", та „нѣтъ-съ" [3]), та „гаварю-кажу", „гаварю-кажу", а що винъ тамъ [4]) гавóрыть—каже, того, далебѝщо [5]), и зъ попомъ нерозберешъ!

Отъ, хочъ бы, на прыкладъ, и се, що колысь, ще за царя Олексія Мыхайловыча, князь Гагынъ та боярынъ Хлоповъ, про нашого гетьмана-дряпичку, Брюховецького, лыстамы Ёго Царьскому Велычеству лепортовалы: „Иванъ Мартыновычъ", пысалы, „есть честный чоловѣкъ..." (эге!.. чесный, якъ капытаньска мазныця!) „и годыцця быть гетманомъ, понеже онъ, хотя не ученъ, да уменъ и ужасть какъ *вороватъ* и исправенъ!" *) Ну,... дей ёго честы!.. хай ёго хáлепа зъ такою честю! Ну, та се, бачъ, воно такъ выхóдыть по нашому, а по-московськый—ынше дѣло: по нашому бъ-то *вороватый* значыцця *злодѣйковáтый*, а по ихъ—*скусный, спрытный*. Звѣсно, кожный хрещеный народъ говóрыть по свóему: въ туреччынѣ—по турецькому, въ нѣмеччынѣ—по нѣмецькому; тилькы вже нашъ Пречыстяньській дякъ у кныжцѣ начытавъ, що „колы вже злóдѣй, то скризь злóдѣй, и у нѣмеччынѣ злодѣй, и у туреччынѣ злодѣй; ну, а, може де-инде и не такъ... Богъ ёго святый знае! [8]). Щебъ [9]) щось сказавъ, бо языкъ дуже свербыть, та цуръ имъ!... у насъ, бачъ, уся старшына московська: чы-то далеко до пени [10])? Богъ зъ нымы [11])!.. Возьмешъ, якъ-то кажуть, лычкомъ, а оддасы реминцемъ!

---

[1]) що зъ годыну стоишъ передъ нымъ.

[2]—[2]) Песъ, колы й сливце уторóпаешъ, що винъ тамъ герготе.

[3]—[3]) *Вотъ, вотъ* та *штiò*, та *штiо*.

[4]) тамъ соби.

[5]) дáлыби-й.

*) *Прим.* См. Исторія Русовъ, соч. Г. Кониского. М. 1846. стр. 158. А. II.

[6]—[7]) Всего мѣста нѣтъ.

[8]) Ище бъ-то.

[9]) до лыха.

[11]) Я-жъ кажу, цуръ їимъ.

— Я-то тилько, знаешъ, хотѣвъ дѐ-що розчовпать [1]) про того *Гараська*. Одже жъ то [2]) винъ уже по́давно сказавъ, що колы вже Луцыперъ пидцькуе кого базграты [3]) вирши, то нехай же, каже [4]). наялозыть, та й „nonum premat in annum“. Винъ-то оцѐ сказавъ, бачъ, по *лытвынськый*, бо винъ бувъ собѣ на̀-лыхо *лытвынъ*, а по нашому-бъ-то [5]) воно значыцця отъ що [6]): що, колы вже хто що скумпоновавъ та-й напысавъ [7]), то нехай же куды запровторыть такъ, щобъ тилькы мыши та пацюкы про те зналы.

[8]) Оджежъ, щобъ незбрехать, я такы иноди на сёго *Гараська* недуже-то вважаю... мени про ёго-й байду́же! [8]) бо и́нше дѣло у *Лытвѣ*, а и́нша рѣчь у *Москвѣ*. [9]) У *Лытвынивъ*, може, колысь воно-й [9]) добре було, а у насъ теи [10]) по́гани виршомазивъ стилькы наплодылось [11]), якъ у доброго попа дѣтей [11]); що якъ бы кожный [12]) ховавъ [13]) на девять рикъ, що за одну годыну пиромъ надрыга [14]), то нигдѐ бъ человѣковѣ було и кватыру [15]) нанять за паперамы!

Вы, ду́рни, я жъ кажу, на те та [16]) невважайте;
Людей пытайтеся, а [17]) свій вы розумъ майте.
Не вамъ *Гараськo* свій [18]) указъ скумпоновавъ:
Винъ самъ розумный бувъ, розумнымъ и пысавъ.
[19]) Пыши́ть, и на вербѣ насъ грушамы трахтуйте [19]);

---

[1]) хотивъ сказать.
[2]) Бо.
[3]) магліовать.
[4]) Нѣтъ.
[5]) а по нашому то...
[6]) тэ.
[7]) що колы вже напысавъ що.
[8—8]) Одже я його часомъ, такъ якъ и Чванько не дуже то слухаю; байдуже!
[9—9]) Може воно тамъ колысь и ...
[10]) тыи.
[11—11]) Нѣтъ.
[12—13]) кождый ховавъ те.
[14]) що за годыну набазгра.
[15]) то бъ ни́гды було чоловикови й хаты.
[16]) на се лышъ.
[17]) та-й.
[18]) сей.
[19]) Нѣтъ.

Пыши́ть, и крамаривъ—паперныкивъ годуйте.
У насъ—холодный край, а лѣсъ ставъ дорогый,
Дурни́-жъ [2]) ни-по́-чому: що ступышъ, то й дурный!
Пыши́ть, рыбъятушкы!.. [1]) подякують вамъ люде:
За дурнямы та й всѣмъ розумнымъ те́пло буде!..

Харьковъ,
2-го ноября, 1819-го года.

Дурень и Розумный.

ПРЫКАЗКА.

„На що-до ха́лепы—той розумъ людямъ здався?"
Разъ Дурень, зъ дуру, бовть!.. Розумного пытався.
—„На те", озвався сей, „колы корти́ть вже знать,
Що бъ дурнямъ на сей спросъ *цуръ-ду́рнивъ* видвѣчать".

Харьковъ, П. А. Г.
1-го декабря 1820-го года.

Цикавый и Мовчунъ.

ПРЫКАЗКА.

Цикавый, Мовчуна зустрѣвшы разъ, спытавъ:
„Видъ чо́го голосны́й такъ дзьвинъ той на дзьвиныцѣ"?
—„Видъ того, що (колы невтнешъ сеѝ дурныци)
„Въ середынѣ, якъ ты, порожній винъ", сказавъ.

Харьковъ, П. А. Г.
1-го декабрь 1820-го года.

Лѣкарь и здоровье.

ПРЫКАЗКА.

Йшовъ Лѣкарь у село—селу на безголовье,
А изъ села бѣжыть, злякавшыся, здоровье:
„Куды, здоровъячко?" пыта винъ: „якъ ся можешъ"?—
—„Та цуръ тобѣ!.. я йду, куды ты незаходышъ"!

Харьковъ, П. А. Г.
1-го декабря 1820-го года.

---

[1]) Дурни́.
[2]) Пышить, будь ласкавы.

XXXIV-я ода Горацiя, кн. I.

Parcus deorum cultor et infrequens,
Insanientis dum sapientiae
Consultus erro; nunc retrorsum,
Vela dare atque iterare cursus
Cogor relictos.

Отъ и допывсь
И дохмелывсь!
Довику тямыть буду!
Ни въ ротъ небрать,
Ни коштовать
Нехочу ажъ до суду!
Колыбъ вона
Уся до дна
Повытекала въ бочкахъ,
То ще бъ въ церквахъ
Народъ въ свыткахъ
Стоявъ бы и въ сорочкахъ!
Ни, Грыцьку, ни!
Хочьбы мени
Повисыцця-й на гильци,—
А ни пидъ нисъ!...
Нехай їй бисъ
Тiй гаспыдзькiй горильци!
Вона мене
Зъ свита зжене.
Колыбъ той исказывся [1]),
Хто божый даръ
Гнать черезъ жаръ
У вынныци навчывся!
Охъ! Охъ! Охъ! Охъ!
Зубивъ щось зъ двохъ
И нигъ недоличуся!

[1]) Поправка надписанная сверху вм. Колыбъ винъ изкгутывся.

Жывитъ, на сьмихъ,—
Зъ ковальськый михъ!
Здаєцця жъ и недмуся!
Сами кышкы,
Мовъ бульбашкы
У чауни, клекочуть;
А пупъ набрякъ;
Пидъ пупомъ—такъ,
Мовъ жабы, знай[1]), скрегочуть!
Нисъ—,якъ пистрякъ,
И скризь—сынякъ;
Бачь, пыка якъ набрякла!
Одна нога
Щось шкытыльга,
Друга зовсимъ заклякла.
Така нудьга,
Така тугá,
Що чортъ зна, де и дицця!
Отъ-тутъ пече,
Тутъ гаряче,
А всебъ хотилось грицця....
А ӣсти щобъ?
Та хочъ у лобъ!
Крый Боже, якъ цураюсь!
Всебъ дудлывъ, бачь;
Такъ-отъ, хочь плачъ!...
Щось одъ воды жахаюсь!...
Помацай чубъ:
Бачь, якъ оскубъ
Діавольська лычына!
Тылькы то сямъ
Стырчыть, то тамъ
Зъ чупрыны волосына!

---

[1]) Такъ сверху, вм. зачеркнутаго „все“.

Та вжежъ чиплявсь!
Товкъ и знущавсь
Скажена москалюка!
Колиньмы гривъ,
Покы невпривъ,
А тамъ и взявсь до дрюка!
Охъ! охъ! ахъ! ахъ!
Жовчъ въ печинкахъ
Мабуть всю стовкъ псяюха!....
Геть, Грыцьку, геть!
Та лучче смерть,
Нижъ гаспыдзька сывуха!
Кахы́! кахы́!
Се за грихы
Мене пеня спиткала!
Та вже-й дуривъ!
За всихъ кнуривъ...
Вже душка погуляла!
Була, була
На пивъ села
Худобынка и гроши:
Изслызло се,
Процвындрывъ все;
Зосталысь тилько воши!
Пустывъ дитокъ
Безъ сорочокъ,
И жинку безъ запаскы;
А самъ въ шынку
На прывалку
Жду Лейбынои ласкы!
А Лейба—герштъ—
Въ бокы, якъ хвертъ,
Та Рухли щось гергоче;

На мене—зырк!
Та знай—ныркъ-ныркъ!....
Невира ще й регоче.
Забравъ воливъ,
Овець, коривъ,
Ще винъ же и здрочывся!
Загарбавъ кизъ
И жыта [1]) визъ....
Бодай имъ подавывся!
Ой такъ мени!
Такъ сатани!
Катюзи—по заслузи!
Жлоктавъ жывитъ,
Ажъ лывся питъ;
Теперъ—засуха въ пузи!
До церквы дзвинъ,
А панъ Охримъ,
Бувало, въ шынкъ мандрує;
Въ церквахъ „Святъ, Святъ",
Въ корчми „гвалтъ, гвалтъ"!....
Охримъ жыдивъ муштрує!
Було, въ посты,
Ище чорты
Небъюцця на вкулачкы;
А вже Охримъ,
На глумъ усимъ,
Пьяненькый [2]) лизе рачкы!
Було, пинъ Петръ
Въ Чыстый четверъ
Іюду величає;

[1]) И хлиба.
[2]) Зъ Денысомъ.

Охримъ въ корчми
Пойди[1]) куми
Весильныхъ затягае.
Чы въ хату пипъ,
Охримъ захрипъ,
Запинывсь, мовъ сказывся;
Несповидавсь,
Непрычащавсь
Симъ рикъ, и нехрестывся!
Попы й дякы
Въ Риздво—въ святкы
Зъ хрестомъ идуть, зъ кропыломъ;
А вже колы
Дере козлы
Охримъ и рые рыломъ!
На часточкы,
На свичечкы
Шагомъ непоплатывся;
А мысочокъ
И граматокъ
Нечувъ, якъ и вродывся!
Охъ! охъ! охъ! охъ!
Зубивъ щось зъ двохъ
И нигъ недоличуся!
Жывитъ, на смихъ,—
Съ ковальськый михъ,—
Здаецця жъ и недмуся!
Ой! такъ мени!
Такъ сатани!
По дилу ся халяндра!
Нехай, хутчій,
Попа мерщій
Поклычуть Олександра!

[1]) Надписано сверху зачеркнутыхъ поочередно „Язи“ (отъ Агнія?) и „Гапци“.

Скажу: допывсь
И дохмелывсь!
До вику тямыть буду!
Ни въ ротъ небрать,
Ни коштовать
Не тилько що й[1]... до суду!
А ты, пляшкы,
Грыцьку, й чаркы
Трощы, що маешъ духу!
Тилькы... трывай!...
Зъ ихъ позлывай
Въ барыльце всю сывуху!

26 февраля
1828[2]) года.

IX-я ода Горація, кн. II.

Non semper imbres nubibus hispidos
Manant in agros, aut mare Caspium
Vexant inaequales procellae
Usque; etc.

Не все жъ, якъ зъ лотокивъ, изъ хмаръ, Терешку, лье;
Не все гилляч(ч)я гне хуртуна й завырюха:
Таджежъ и соняшно колысь-такы стае,
Такъ що бува байдуже безъ кожуха.
Не всежъ трапляецця недоридъ на вгиркы;
Не все пырій, кукиль, замисть пшеныци, сходыть,
И косять жыто на грабкы:
Бува, пидъ иншый рикъ, якъ очеретъ, уродыть.
Не все й на панщыни, Терешку, товчемось,
И дбаемъ на панивъ въ жныва и въ косовыцю;

---

[1]) Вм. зачеркнутаго: „нехочу ажъ“.

[2]) 8 я поставилъ гадательно: сначала было 2, потомъ поправлено на 3 или на 8. Внизу карандашемъ 1848.

А часомъ, такъ такы, хочъ въ празныкъ урвемось
Та де́-яку й соби прыдбаемо копыцю.
Воно мынецця все, козаче, нежурысь!
Кынь лыхомъ объ землю! якого ката слыныш?
Наймы псавтырь, та Богу помолысь:
Вси помремо,—та-й ты-жъ, Терешку, згынешъ!
Не першый твій та-й неостанній Власъ,
Що въ москаляхъ уклалы пидъ Пранцузомъ:
Онъ не такыхъ стяло,—нехай бороныть Спасъ!
Що-й кендюхъ розлетивсь изъ однoральськымъ пузомъ!
А щожъ робытымешъ? то сказано—війна!
Отъ! кулю замовлять хто вміе,—инше дило!
Того вже нелызне ни самъ панъ Сатана;
Той—на гарматы гайда смило!
Тай докыжъ каратать, Терешку, викъ въ журби?
Що зъ воза впало, те пропало!
Такъ на роду напысано тоби!...
Гай! братику, бодай тебе опановало!
Та ну! негедзкайся! выймай-лышъ ключь мерщій,
Та дать калганнои скажы твоїй Одарци;
Та люльку ке лышень!... ось-ось и Онопрій!...
Эй, хлопци! выпыймо калганнои по чарци!
Воно-бъ невадыло сёгодня й пидгулять....
Хыба-жъ насъ Билый Царь до себе неголубыть!
Звеливъ не некрута, а козака зъ насъ брать...
Теперъ-то будемо Ляхивъ и Турка чубыть!
А тутъ до Репнына прыбигъ гинецъ на двиръ,
Тай каэ: „помынай теперъ Ляхивъ якъ звалы“!
„Вже Хведоровычъ нашъ зъ ихъ выдавывъ весь жыръ;
„Вже, каже, й могорычъ въ Варшави запывалы“!
Бачь, ярспудова збентрожылась[1]) Ляхва!
Бачь, гыри, бачь, чого вискрывій заманулось!...

---

[1]) Sic.

А намъ и на руку ковинька! и лахва!
О! щобъ вамъ, ляшенькы, легенько тамъ икнулось!
Та вжей натыкалы въ Варшави вы добра!
Ямъ!... паль!... ривкивъ!... тынкивъ!... шпычокъ и частоколу!...
А якъ гукнувъ Москаль по своему: гура!
Все къ гаспыду пишло!... далы-жъ Ляшкамъ тутъ школу!
Оджежъ нашъ князь Репнынъ сю чутку якъ почувъ,
Та зъ радощивъ гукнувъ своїй княгыни Варци:
,,Щобъ зъ мьясомъ борщъ! и щобъ гарбузъ молошный бувъ!
,,И щобъ тернивкы всимъ було по добрій чарци"!
Воны-жъ пишлы круглять, а я кажу: пиду
Розбуркаю въ журби Терешка та Одарку,
Та похмелюсь и самъ.... такъ от-же, на биду,
Чы бачь!... яку внеслы маленьку чарку!

25 февраля
1832 года.

НА РУБЕЖѢ.[1]

VI.

Когда наконецъ, послѣ продолжительнаго пути, вдали показался Немировъ, Орунъ вздохнулъ свободно: теперь всѣ опасности миновали, онъ былъ у пристани, гдѣ могъ спокойно отдохнуть послѣ всѣхъ трудовъ и треволненій дальней дороги. Выѣхавши на Замковую улицу, онъ слѣзъ съ фургона и пошелъ пѣшкомъ рядомъ съ лошадьми изъ предосторожности, чтобы не задѣть дышломъ кого-нибудь изъ проѣзжихъ. Шелъ онъ, весело поглядывая по сторонамъ, посвистывая на лошадей, и наконецъ остановился передъ однимъ домомъ не подалеку отъ замка. Домъ былъ невзрачный на видъ, но довольно обширный, съ трехъугольнымъ фронтономъ, гдѣ на бѣломъ фонѣ красовался рисунокъ, изображавшій внутренность корчмы: у столика, готоваго каждую минуту опрокинуться, сидѣлъ усатый шляхтичъ въ полинялой синемъ картузѣ, въ красной конфедераткѣ на бекрень; передъ нимъ стояла огромная кружка меду, наклоненная на столѣ и только какимъ-то чудомъ удерживавшая равновѣсіе. Вверху надъ картиною виднѣлась надпись, гласившая „подъ веселымъ товарищемъ“.

Снаружи домъ выглядѣлъ весьма непривлекательно: на улицу выступали четыре столба, подпиравшіе фронтонъ, когда-то окрашенные въ голубой цвѣтъ, теперь-же совершенно облинявшіе; въ глубинѣ за этой колонадой,

[1]) „Кіевск. Стар.“, т. XXI, 1888.

посреди дома чернѣли, какъ раскрытая пасть чудовища, въѣзжія ворота въ стодолу, дѣлившія все зданіе на двѣ половины, а справа и слѣва было по широкому венеціанскому окну. Одно изъ нихъ было открыто и на улицу долеталъ звонъ стекла; отрывки пѣсенъ и громкія восклицанія перемѣшивались съ бряцаніемъ ружей и сливались въ одинъ общій гулъ.

Орунъ оставилъ фургонъ на улицѣ, а самъ вошелъ подъ навѣсъ и вскорѣ исчезъ въ темной пасти заѣзда. То былъ домъ его двоюроднаго брата. Черезъ минуту изъ воротъ выбѣжали два еврейскихъ мальчика и начали поворачиватъ лошадей въ стодолу. Орунъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, съ довольною улыбкою поглаживалъ бороду, глядя на въѣжавшій фургонъ и при каждомъ скачкѣ, при каждомъ быстромъ движеніи покрикивалъ на мальчиковъ:

— Тише! тише! осторожнѣе!..

Радость и удовольствіе сіяли на его лицѣ, выражались въ невольной улыбкѣ, въ поглаживаніи бороды, закручиваніи пейсовъ. И дѣйствительно, было чему радоваться: теперь ему не только удавалось скрыть въ безопасномъ мѣстѣ большую часть своихъ сокровищъ, но и всѣ его обольстительныя надежды на будущее были близки къ осуществленію. Съ этими надеждами, которыя въ продолженіи путешествія сдѣлались его idée fixe, Орунъ вошелъ въ комнаты, предоставивъ наймыту заботу о лошадяхъ и поручивъ племянникамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не кралъ угля.

Весь домъ, казалось, переполненъ былъ солдатами: всюду сновали усатыя шляхетскія лица, бряцали сабли и карабины; во всѣ отверстія слышался грубый смѣхъ, восклицанія, пѣсни; въ корридорѣ поминутно показывались фигуры посѣтителей, требовавшихъ вина или меду, и хозяина съ женою, разносившихъ кружки съ напитками въ ту свѣтлицу, выходившую окнами на Замковую улицу, откуда раздавался глухой, постоянный гулъ, прерываемый взрывами смѣха.

Когда лошади были выпряжены и поставлены къ жолобу, Орунъ съ спокойнымъ сердцемъ вошелъ въ комнату хозяевъ.

— Что это у тебя сегодня?—спросилъ онъ, указывая на свѣтлицу, откуда доносились пьяныя пѣсни.

— Жалованье получили вчера!—отвѣтилъ хозяинъ, махнувъ рукою съ видомъ пренебреженія—пусть себѣ пьютъ, пока есть деньги... Все равно, не у меня пропьютъ, такъ у другаго.

— И долго будутъ сидѣть эти гои?

— Можетъ быть и до полуночи.

Оруну хотѣлось поскорѣе разгрузить фургонъ, чтобы кто-нибудь не заглянулъ туда изъ любопытства.

Рувимъ въ роли любезнаго хозяина отвелъ пріѣзжему отдѣльную комнату и занималъ его, какъ гостя. Впрочемъ, онъ ни однимъ словомъ не спросилъ о томъ, зачѣмъ пріѣхалъ Орунъ и на долго-ли; онъ совершенно справедливо разсудилъ, что если тотъ предпринялъ такую отдаленную поѣздку, то вѣроятно и поводы къ тому были важные—но вопросовъ не предлагалъ, оставляя на дальше удовлетвореніе своего любопытства, а занималъ гостя посторонними разговорами. Между тѣмъ въ комнату вошла хозяйка, накрыла стоявшій у окна столикъ и начала готовить закуску, не обращая вниманія на разговоръ, который въ полголоса вели мужчины. Накрывши столъ, она принесла хлѣбъ и соль, графинчикъ съ водкою, кусокъ шабасковаго гугеля на тарелкѣ, потомъ въ одной мисочкѣ два яйца, въ другой—нѣсколько кусочковъ тушеной говядины; все это разставила посрединѣ стола, затѣмъ поставила передъ каждымъ по глиняной тарелочкѣ и удалилась.

Рувимъ взялъ графинчикъ, налилъ полрюмки водки, кивнулъ бородою гостю, сказалъ:—Хаимъ!—выпилъ водку и передалъ графинъ и рюмку Оруну. Тотъ, также не торопясь, налилъ себѣ полную рюмку, кивнулъ бородою собесѣднику, отвѣтилъ:—Шулемъ! и выпилъ въ свою очередь.

Затѣмъ гость и хозяинъ принялись за закуску, состоявшую изъ нѣсколькихъ яицъ и небольшаго ломтя жаренной говядины; они ѣли медленно, не торопясь, систематически вылущивали яйца изъ скорлупы, макали ихъ въ солянку и старались, очевидно, продлить время угощенія; закусывая, они вели въ полъ голоса тихую бесѣду. Наконецъ, въ сѣняхъ раздалось пѣніе пѣтуха. Рувимъ помолчалъ и затѣмъ проговорилъ какъ-бы про себя:—уже полночь, скоро гоимы станутъ расходиться по домамъ. Затѣмъ, обращаясь къ Оруну, онъ прибавилъ: ты, вѣроятно, усталъ... хочешь отдохнуть?

— Да, я усталъ. Но прежде, чѣмъ ляжемъ спать, ты поможешь мнѣ выгрузить угли.

— Тамъ у тебя спрятано нѣчто?

— Спрятано.

— То-то!—я сообразилъ, что ты не такъ глупъ, чтобы везти въ Немировъ для продажи угли.

Они замолкли. Между тѣмъ изъ шинка мало по малу посѣтители стали уходить. Небольшая группа завсегдатаевъ нѣкоторое время сидѣла еще, допивая стоявшіе передъ ними „кухли". Рувимъ кротко, но внушительно напомнилъ имъ позднее время и посовѣтовалъ подумать объ отдыхѣ; они немного поспорили, но вскорѣ согласились съ его мнѣніемъ и ушли.—Хозяинъ притворилъ ставни, большой желѣзный запоръ задвинулъ поперегъ дверей, женѣ приказалъ ложиться; затѣмъ вмѣстѣ съ Оруномъ они вышли въ сѣни и принялись разгружать возъ; они высыпали на землю угли, вынули коробъ и слитки золота и серебра и перенесли эту цѣнную ношу въ комнату, назначенную для Оруна. Рувимъ съ восторгомъ осматривалъ слитки, одобрительно наклонялъ голову и причмокивалъ въ знакъ удовольствія.

— Откуда ты ихъ добылъ?

— Самъ сплавилъ.

— Ай вай!.. Жаль—за цѣльныя вещи тебѣ-бы гораздо дороже заплатили.

— Знаю,—иначе не могъ: опасно было.

Рувимъ сразу сообразилъ и не разспрашивалъ о подробностяхъ.—Да, не могъ!—Все-таки это гораздо лучше, чѣмъ всего лишиться. Ну, мы это припрячемъ, а затѣмъ ты распорядишься, какъ захочешь.

Орунъ сталъ подробно излагать проэктъ своего переселенія вмѣстѣ съ семействомъ въ Немировъ. Рувимъ одобрялъ планъ, но, подумавъ немного, спросилъ:

— Что-же ты сдѣлаешь со своею корчмою?

— Брошу, долѣе жить тамъ нельзя,—опасно! Время подошло скверное, очень скверное!

Рувимъ кивнулъ головою; онъ понималъ, что означаетъ выраженіе „скверное время" и не разспрашивалъ подробностей. Помолчавъ, онъ только замѣтилъ, поглаживая бороду:—Жаль, не скоро найдешь другое мѣстечко при такихъ выгодныхъ условіяхъ.

— Послушай! сказалъ Орунъ, понизивъ голосъ: я придумалъ дѣло, которое если выгоритъ при Божьей помощи, то я обезпечу богатство не только свое, но и своихъ дѣтей, внуковъ и далекихъ потомковъ.

Рувимъ выслушалъ полу-признаніе пріятеля спокойно. Онъ зналъ, что Орунъ человѣкъ умный, наблюдательный и находчивый; угадывалъ, что, рѣшившись переселиться въ Немировъ, онъ должно быть придумалъ для себя выгодное дѣло. Онъ одобрительно наклонилъ голову, но соблюдая приличіе, удержался отъ разспросовъ, предоставляя собесѣднику повѣрить ему тайну въ той мѣрѣ, въ какой онъ самъ найдетъ удобнымъ. Орунъ между тѣмъ нуждался въ его совѣтѣ; ему необходимы были помощь и указанія, собранныя на мѣстѣ;—онъ продолжалъ шопотомъ:

— Я тебѣ все разскажу, только ша!—говорилъ онъ съ таинственнымъ видомъ: приготовляется новая гайдамаччина въ большихъ размѣрахъ; по всему краю ведутъ агитацію, вербуютъ людей, организуютъ возстаніе; я многое вывѣдалъ, я все могу открыть властямъ, я могу назвать зачинщиковъ и руководителей, могу указать, кто они и

гдѣ живутъ,—но этого не могу сказать первому встрѣчному гоиму, мнѣ необходимъ доступъ къ воеводѣ или по крайней мѣрѣ къ региментарю.

Лицо Рувима просіяло выраженіемъ удивленія и уваженія къ собесѣднику.

— Да, сказалъ онъ, послалъ Господь тебѣ счастіе.

— Скажи мнѣ, спросилъ Орунъ: кто здѣсь могъ-бы мнѣ облегчить доступъ къ панамъ?

— Не безпокойся, найдемъ! Вотъ у меня бываетъ часто одинъ поручикъ; зовутъ его Игнацъ Цалинскій. Это франтъ, человѣкъ задорный, кутила и пьяница, но онъ пользуется большою милостію региментаря; онъ ловко танцуетъ съ панями на его вечерахъ; говорятъ, что оказываетъ ему еще кое-какія услуги... ну, это все равно, но онъ въ милости.

Оруна передернуло отъ радости.—Ну, ну, вскричалъ онъ,—такого-то мнѣ и нужно!

— Завтра я тебя сведу съ нимъ, сказалъ Рувимъ, самъ поговоришь съ нимъ, сообразишь, насколько онъ окажется пригоднымъ для твоего дѣла,—а теперь пора спать.

Дѣйствительно, на слѣдующій день въ трактиръ Рувима зашелъ Цалинскій въ обществѣ нѣсколькихъ веселыхъ товарищей. Офицеры держали себя заносчиво и развязно: они усѣлись въ „чистой“ комнатѣ заведенія и позвали хозяина.

— Ну, ребе Рувимъ! сказалъ Цалинскій: ты поилъ насъ вчера венгерскимъ квасомъ за здоровье Лещинскаго; теперь подавай меду выпить за здоровье Саса,—только меду хорошаго, а не подслащенной воды... понимаешь, мы вѣдь будемъ пить здоровье важнаго лица,—смотри, чтобы не быть тебѣ въ отвѣтѣ.

Рувимъ отвѣтилъ, улыбаясь подобострастно:—Развѣ я могъ-бы осмѣлиться предложить ясневельможному пану квасъ или воду?

Титулъ „ясневельможнаго“ [1]), очевидно, сильно нравился Цалинскому. Оъ важно облокотился, бросилъ милостивый взглядъ на Рувима, и лицо его просіяло широкою улыбкою.

— Ну, крикнулъ онъ,—нечего терять времени, неси скорѣе.

Минуту спустя Рувимъ съ тою-же подобострастною улыбкою размѣщалъ на столѣ „коновку“ меду и стаканы; при этомъ, какъ будто нéхотя, онъ промолвилъ:

— Лишь-бы Господь дозволилъ все хорошо покончить, а то вѣдь опять появились тревожные слухи о гайдамакахъ.

Слово гайдамаки заинтересовало гостей.

— Какіе тамъ слухи? Что? опять ждете Хмельницкаго или Кривоноса?—Вздоръ! Жидовская трусость! кричали офицеры.

— Я не знаю, возразилъ Рувимъ: я слава Богу живу далеко отъ нихъ, подъ защитою храбраго войска и доблестныхъ офицеровъ речи посполитой; но вотъ вчера пріѣхалъ мой родственникъ изъ Черкасъ,—онъ такое страшное разсказываетъ, ай вай миръ!

— Что-же онъ разсказываетъ?

— Я не умѣю толкомъ разсказать, мнѣ отъ его словъ вчужѣ страшно становится; онъ сильно перепуганъ, а въ чемъ дѣло, я не разберу: ясневельможный панъ вѣдь знаетъ, что мы, евреи, плохо понимаемъ военныя дѣла.

— Ну, такъ пришли сюда этого жида изъ Черкассъ, мы его поразспросимъ... интересныя новости, а извѣстно, никто быстрѣе жидковъ не узнаетъ, гдѣ что творится; подавай-ка его сюда!

Вскорѣ Орунъ смиренно стоялъ у стола. Цалинскій высокомѣрно взглянулъ на него и спросилъ:

---

[1]) Въ номенклатурѣ, принятой въ шляхетскомъ обществѣ, дворянина называли „урожоный“ (почти то же, что, „ваше благородіе“), помѣщика, офицера, и т. п. „вельможный“ (высокоблагородный). „Ясневельможный“ (превосходительный, excellenz) былъ титулъ сенаторовъ, сеймовыхъ депутатовъ, генераловъ и т. п.

— Ты изъ Черкассъ?

— Нѣтъ, ясный панъ! Я живу въ окрестности Черкассъ.

— Глупъ ты! Это для меня все равно. Какіе слухи привезъ ты оттуда?

Орунъ серьезно покачалъ головою.—Ясне-вельможный панъ!... слухи нехорошіе.

— Что такое: у васъ есть гайдамаки?

— Есть... куда же имъ дѣваться?

— Какъ, куда дѣваться?—Всѣхъ ихъ слѣдовало давно перевѣшать.

Орунъ насмѣшливо улыбнулся. — Ясневельможный панъ! сказалъ онъ: вѣдь они всѣ гайдамаки. Вѣдь всякій хлопъ—гайдамака, такъ и выжидаетъ случая пролить кровь. Лишь только увидятъ возможность кровопролитія, такъ и сбѣгутся толпами со всей Украины,—такова уже ихъ природа. Всѣхъ ихъ перевѣшать нельзя: кто-же будетъ для вельможныхъ пановъ пахать землю и жать хлѣбъ?—а всякій хлопъ и есть гайдамака.

— Всѣхъ ихъ мошенниковъ перевѣшать, пусть-бы и племени ихъ не осталось! кричалъ съ азартомъ Цалинскій, ударяя кулакомъ по столу.

— Ахъ, если-бы это было возможно! сказалъ Орунъ со вздохомъ.

Цалинскій сообразилъ, что дѣйствительно всѣхъ перевѣшать нельзя, нѣсколько унялъ свой азартъ и спросилъ спокойнѣе.

— Что же,—они еще только собираются бунтовать, или уже составили „купы“?

Орунъ посмотрѣлъ съискоса на офицера и отвѣтилъ смиренно:

— Ясневельможный панъ! Я многое знаю, я вѣрный слуга пановъ и Рѣчи Посполитой, но... и замолкъ.

— Продолжай! крикнулъ Цалинскій.

— Важныя дѣла не передаются публично. Они—онъ указалъ глазами въ окно, сквозь которое видна была группа крестьянъ, стоявшихъ на базарѣ—они дѣйствуютъ осто-

рожно, хитро: зачѣмъ-же намъ громко болтать?—Хитрыхъ слѣдуетъ перехитрить. Я слышалъ, что Вы, ясневельможный панъ, въ большой милости у ясневельможнаго регимментаря. Ну, потрудитесь намекнуть ему о томъ, что я привезъ кой-какія извѣстія; лишь-бы онъ позвалъ меня къ себѣ, я ему разскажу все, что знаю,—а можетъ быть, я знаю и не совсѣмъ пустыя вѣсти. Сдѣлайте великую милость, прибавилъ онъ съ поклономъ: и Вашей милости это зачтется въ заслугу, и мнѣ будетъ польза.

Цалинскій сталъ продолжать разговоръ съ Оруномъ въ значительно болѣе мягкомъ тонѣ и въ концѣ обѣщалъ ему выхлопотать аудіенцію у региментаря [1]).

Дѣйствительно, въ слѣдующее утро Оруна позвали къ ясневельможному пану Малинскому, старостѣ новогродскому, региментарю Украинской партіи. Орунъ разсказывалъ подробно все то, что успѣлъ подмѣтить и вывѣдать, и сообщилъ свои заключенія и догадки. Малинскій слушалъ его доклады съ видимымъ недовѣріемъ; изъ лаконическихъ его вопросовъ видно было, что онъ подозрѣваетъ еврея въ умышленной утрировкѣ ничтожныхъ фактовъ съ цѣлью заслужить награду. Тѣмъ не менѣе онъ принялъ къ свѣдѣнію сообщенныя имъ извѣстія, обѣщалъ щедрую награду, но потребовалъ, чтобы Орунъ возвращался въ свою корчму, чтобы втеченіе зимы продолжалъ слѣдить за подготовляющимся движеніемъ, чтобы сообщалъ собранныя свѣдѣнія указаннымъ регментаремъ лицамъ и чтобы весною явился къ нему съ общимъ категорическимъ докладомъ. Подробную инструкцію онъ поручилъ составить Цалинскому, къ которому и отправилъ Оруна.—Цалинскаго регментарь считалъ самымъ опытнымъ офицеромъ и вполнѣ на него полагался въ дѣлѣ борьбы съ гайдамаками. Репутацію эту поручикъ пріобрѣлъ нѣсколькими удачными стычками съ мелкими гайда-

---

[1]) Должность региментаря отвѣчала нынѣшней должности начальника военнаго корпуса.

мацкими отрядами, которые ему удалось выслѣдить и уничтожить; эти, правда не особенно крупные, успѣхи выдвинули этого бѣднаго и незнатнаго шляхтича и положили начало той милости, которую оказывалъ ему региментарь.

Недовѣріе и подозрительность регментаря къ извѣстіямъ, сообщеннымъ евреемъ, возбуждены были по преимуществу тѣмъ обстоятельствомъ, что Орунъ назвалъ въ числѣ зачинщиковъ заговора Верлана и Савву Чалаго. Помимо степени довѣрія, какимъ пользовались эти козацкіе полковники у своего начальника, Малинскій зналъ, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Шаргородомъ расположены русскія войска, которыя могли подавить въ зародышѣ всякую попытку къ возстанію. Относительно же Чалаго извѣстно было всѣмъ, что онъ рѣзко разорвалъ всякія отношенія съ Сѣчью и гайдамаками; послѣднихъ онъ преслѣдовалъ неутомимо съ того времени, какъ сталъ полковникомъ немировской надворной милиціи гетмана Іосифа Потоцкаго. Непримиримая, озлобленная вражда навсегда, казалось, раздѣлила его отъ бывшихъ сотоварищей. Возвратиться въ Сѣчь онъ не могъ: тамъ его ожидала вѣрная гибель,—и потому онъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ слугою и защитникомъ Речи посполитой. Притомъ Савва за годъ только до описываемаго времени женился на шляхтянкѣ, дорожилъ родствомъ со шляхтичами и старался всячески втереться въ ихъ общество. Всѣ эти соображенія значительно подрывали въ глазахъ регментаря довѣріе къ словамъ Оруна. Онъ сообщилъ свои сомнѣнія Цалинскому и поручилъ ему не упускать ихъ изъ виду при составленіи инструкціи.

Въ тотъ-же день вечеромъ Цалинскій явился въ домъ Рувима и, позвавъ Оруна, уединился съ нимъ въ отдѣльной комнаткѣ. Онъ обстоятельно еще разъ выспросилъ всѣ извѣстія о гайдамакахъ, кое-что отмѣтилъ для памяти, сообщилъ изустно подробную инструкцію и заставилъ Оруна дважды повторить ея содержаніе, а затѣмъ,

окончивши оффиціальную часть разговора, началъ шутить и балагурить. Въ головѣ его мелькало какое-то пріятное соображеніе, подъ вліяніемъ котораго онъ лукаво улыбался.

— Знаешь, что мнѣ не вѣрится, чтобы Савва могъ снюхаться съ гайдамаками!—Это извѣстіе выходитъ что-то нескладно... „Де Рымъ, де Крымъ, де Бабиньски корчмы".

— Однако это правда. Развѣ вельможный панъ не знаетъ ихъ нрава? — Гайдамаки — словно волки: перегрызутся между собою, а почуятъ кровь, всѣ сбѣгаются въ гуртъ.

— Если бы онъ хоть пальцемъ шевельнулъ въ пользу гайдамаковъ, мы бы его изжарили на мѣдномъ быкѣ. Если бы оправдалось хоть малѣйшее подозрѣніе, региментарь выдалъ-бы его генералу Вейсбаху, а тамъ за нимъ числятся всякіе „крыминалы",—и воронъ костей его не принесъ бы обратно!

— Погодите, вельможный панъ: слова мои оправдаются, какъ черное на бѣломъ; а пока не довѣряйте ему; это хамъ,—все равно, что лисица: притворится мертвымъ, лишь-бы удобнѣе укусить. Онъ такъ ловко шевелитъ пальцами, что въ Немировѣ этого не видно.

Цалинскій былъ хорошо знакомъ съ Саввою Чалымъ. Онъ встрѣчалъ его и въ замковыхъ палатахъ, и въ веселыхъ разгульныхъ пирушкахъ. Савва, хотя козакъ, но старался водить дружбу съ шляхтичами; въ ихъ обществѣ онъ велъ себя развязно, былъ находчивъ и остроуменъ, усвоилъ шляхетскія манеры и обращеніе. Жилъ онъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Немирова, въ селѣ Рубани, пожалованномъ ему въ безсрочное владѣніе гетманомъ Потоцкимъ; въ Немировъ заѣзжалъ часто по дѣламъ своей службы и довольно близко сошелся съ Цалинскимъ. Но у послѣдняго были съ нимъ свои тайные интимные счеты, въ виду которыхъ поручику и хотѣлось бы сжарить козацкаго полковника въ мѣдномъ быкѣ; вслѣдствіе этихъ интимныхъ побужденій Цалинскій страстно желалъ, чтобы свѣдѣнія, сообщенныя Оруномъ, оправдались по возможности нагляднѣе.

Покончивъ переговоры съ Оруномъ, поручикъ вышелъ изъ комнаты. Еврей смиренно сопровождалъ его до выхода изъ дома. Но на крыльцѣ Цалинскій столкнулся неожиданно съ проходившимъ мимо дома лицомъ и, находясь подъ впечатлѣніемъ только что оконченнаго разговора, онъ растерялся. Прохожій былъ никто иной, какъ Савва Чалый.

— Вотъ такъ! вскричалъ Цадинскій, ударивъ руками по своему желтому кунтушу: „про вовка помовка"... не докончивъ пословицы, онъ спохватился и примолкъ; но черезъ мгновеніе опомнился и продолжалъ развязно: „челомъ, челомъ пану атаману"!

— Челомъ, челомъ пану гетману! отвѣтилъ въ томъ же шуточномъ тонѣ Савва,—да продолжайте: какая такая была у васъ „помовка про вовка"? Онъ бросилъ испытующій взоръ на Цалинскаго и на Оруна, стоявшаго за нимъ и колебавшагося, слѣдуетъ ли уйти или остаться.

— Не то, чтобы „помовка", а я только что думалъ о васъ... не мудрено, о такомъ веселомъ собесѣдникѣ часто вспоминается. При этихъ словахъ онъ обратился рѣзко къ еврею: а ты чего ждешь, пейсатый? ступай, скажи хозяйкѣ, пусть намъ внесетъ гарнецъ меду. Пожалуйте, панъ полковникъ, обратился онъ къ Чалому, взявъ его подъ руку,—не откажите выпить стаканчикъ съ пріятелемъ.

— Не могу, ей Богу, не могу, я долженъ сейчасъ же идти по дѣлу.

— Да выпьемъ лишь глоточекъ.

— Не могу! Жена моя больна, я оставилъ ее у родителей, и мнѣ необходимо поскорѣе позвать къ ней фельдшера.

— Ну, панъ атаманъ! мы дѣлу поможемъ; конечно, болѣзнь жены—серьезное несчастіе, но я сейчасъ же туда отправлю нашего полковаго фельдшера, а мы тѣмъ временемъ зайдемъ запить горе.

Нечего было дѣлать, Савва вошелъ въ избу вмѣстѣ съ Цалинскимъ; они усѣлись за столомъ.

Савва Чалый былъ мущина лѣтъ сорока, высокій, сухощавый, мускулистый; костюмъ его былъ полу-козацкій, полу-шляхетскій; на головѣ его, высоко подбритой, красовался толстый „оселедецъ“ темно-каштановыхъ волосъ, конецъ котораго свисалъ на правое плечо; худое, желтоватое лицо было тщательно выбрито; лишь огромные, опущенные внизъ усы, подобно пожелтѣвшей травѣ, свисали небрежно до подбородка; изъ-подъ густыхъ бровей сверкали маленькіе подвижные сѣрые глазки, которые, казалось, проникали насквозь собесѣдника. На немъ былъ надѣтъ кунтушъ шляхетскаго покроя, подпоясанный ременнымъ поясомъ, у котораго висѣла небольшая козацкая сабля; она исчезала въ складкахъ широкихъ синихъ „шароваровъ“, опущенныхъ въ голенища желтыхъ сафьяныхъ сапоговъ.

— Съ чего ваша пани вдругъ заболѣла? спросилъ Цалинскій.

Савва раздраженно махнулъ рукою.

— Бабское дѣло, панъ ротмистръ! (Усвоивъ себѣ шляхетскій этикетъ, Савва изъ приличія обращался къ собесѣднику, повышая его чинъ на двѣ степени). Вчера ей „бажалось“ кислаго, сегодня „забажалось“ сладкаго... я и привезъ ее въ домъ родителей, пусть себѣ пріищетъ здѣсь, чего желаетъ по вкусу: у насъ вѣдь въ Рубани не достанешь всякихъ „вытребенекъ“.

Цалинскій громко расхохотался.—Эй, панъ атаманъ! сказалъ онъ: и зачѣмъ это нужно было козаку жениться?

— Да затѣмъ, что Богъ создалъ красивыхъ женщинъ.

Цалинскій продолжалъ хохотать.—Какъ же вы безъ бабъ живали въ Сѣчи?

— Чужія попадались! съострилъ Савва.

Цалинскій продолжалъ хохотать.—Ай, да молодецъ! Такъ-то въ самомъ дѣлѣ лучше. Про себя скажу, что если бы ксендзы не пугали адомъ, въ которомъ будутъ насъ поить, конечно, не медомъ, а смолою, то я по вѣкъ бы

не женился: намъ вѣдь, жолнерамъ, какъ и вамъ на Запорожьи, по временамъ чужія попадаются.

Савва отпилъ большой глотокъ меду и продолжалъ.—Да, панъ ротмистръ,—съ женою возня; сегодня подай фельдшера и лѣкарства, завтра явится другая „примха"; такъ постоянно „журись и ложкою, и мискою, и третьею колискою".

Поручикъ насмѣшливо улыбнулся и чокнулся стаканомъ.—Святая истина, сказалъ онъ: такъ выпьемъ же за процвѣтаніе и свободу холостяковъ.

— Выпьемъ! повторилъ Савва. А мнѣ все-таки пора домой. Жена осталась одна, родители ея уѣхали на „отпустъ" въ Браиловъ,—мнѣ бы необходимо провѣдать ее, да къ ночи быть дома.—Не забудьте, Ваша милость, прислать фельдшера.

— Пришлю непремѣнно! На обратномъ пути зайду самъ къ нему и немедленно пришлю куда нужно.

— Спасибо!

Цалинскій допилъ свой стаканъ, позвалъ Рувима, приказалъ записать медъ на свой счетъ, и оба собесѣдника вышли на улицу; они нѣкоторое время шли по одному направленію и продолжали бесѣдовать.

— Приходи, панъ атаманъ, вечеркомъ къ Рувиму, компанія будетъ хорошая, повеселимся.

— Не могу, сегодня я занятъ.

— Каковъ!—Разъ въ мѣсяцъ заѣдешь въ городъ, и то уклоняешься отъ веселаго общества.

— Не въ томъ дѣло, чтобы уклоняться, но у меня занятіе по службѣ; если бы не болѣзнь жены, мнѣ сегодня не слѣдовало бы вовсе отлучаться изъ дому; ночью я долженъ снарядить разъѣзды въ степь: есть извѣстія, что въ окрестности шляются гайдамацкіе лазутчики.

— Да, если дѣло въ службѣ, то перечить не смѣю, сказалъ Цалинскій.

Они остановились на перекресткѣ двухъ улицъ и радушно попрощались.

— Не забудь же, панъ ротмистръ, прислать фельдшера.

— Черезъ полчаса доставлю.

Они разстались. Цалинскій пошелъ по направленію къ замку. Онъ шелъ медленно, поглаживалъ усы и улыбался. Не доходя до замка, онъ остановился передъ дверью скромной хатки, надъ входомъ которой на длинной жерди висѣлъ жестяный кружокъ, величиною въ тарелку, окрашенный яркою красною краскою; у дверей красовалась вывѣска, на ней виднѣлись черныя спиральныя линіи, долженствовавшія изображать пьявокъ, и лаконическая надпись: „Цырульникъ Гершко".

Остановившись, Цалинскій окликнулъ хозяина; на крылечкѣ появился рыжій подвижной еврей и низко поклонился поручику.

— Ты знаешь, гдѣ живетъ подсудокъ Гротковскій?

Гершко приподнялъ брови:—Подсудокъ?—конечно, знаю.

Цалинскій прикрикнулъ:—Врешь, жидъ!—Скажи, гдѣ, если знаешь?

— Очень близко: на концѣ языка.

— Молодецъ! вижу, что попадешь. Такъ собирайся сейчасъ и бѣги туда... тамъ есть больная пани,—ты ей нуженъ.

— Слушаю вельможнаго пана, сейчасъ бѣгу.

— Постой!—прежде выслушай инструкцію. Когда побываешь у нея, на обратномъ пути зайдешь ко мнѣ разсказать, чѣмъ она больна.

— Слушаю.

— Теперь ступай!

Передъ закатомъ солнца Цалинскій, не дождавшись прихода Гершка, схватилъ съ досадою шапку и вышелъ изъ замка; онъ окинулъ глазами сновавшихъ по площади евреевъ и, примѣтивъ пробиравшуюся рыжую фигуру Гершка, принялъ равнодушный видъ, будто его одолѣвала смертная скука, и, присѣвъ на скамейкѣ, устроенной у воротъ замка, устремилъ безцѣльно глаза въ пространство. Минуты три спустя, предъ нимъ стоялъ фельдшеръ; онъ самодовольно поглаживалъ пейсы и ждалъ вопроса.

— Ну, говори, что съ нею!

— Что съ нею? — Ничего! — Еврей вопросительнымъ взглядомъ окинулъ поручика.

— Какъ такъ ничего? Панъ Савва говорилъ, что она серьезно больна. Извѣстно, жена лишь бы сдѣлала гримасу, мужъ сейчасъ думаетъ, что она больна.

— Однако же, что съ нею?

— Что?—Она теперь совешенно здорова. Развѣ только весною будетъ больна,—ну, потому что тогда будутъ роды.

Извѣстіе это нѣсколько удивило поручика, но онъ принялъ равнодушный видъ и проговорилъ: — Такъ бы сразу сказалъ!

Гершко поправилъ на головѣ ермолку и, стоя передъ поручикомъ, дергалъ плечами, переступалъ съ ноги на ногу, поднималъ брови, очевидно, ждалъ новаго вопроса и хотѣлъ сообщить что-то, но самъ не осмѣлился начинать разговора.

Цалинскій замѣтилъ тревожное состояніе собесѣдника и спросилъ: — Ты хочешь, кажется, еще что-то сказать?

— Ничего особеннаго... она приказала благодарить вельможнаго пана за присылку фельдшера; то же приказалъ мнѣ и мужъ.

— Ничего больше?

— Чтожъ еще? Старики еще не воротились изъ Браилова.

— А мужъ?

— Уѣхалъ домой, въ Рубань.

Цалинскій полѣзъ въ карманъ, вынулъ длинный шелковый кошелекъ, взялъ изъ него талеръ и молча подалъ еврею. Гершко низко поклонился, но продолжалъ стоять передъ поручикомъ.

— Конечно, ребе Гершъ, сказалъ въ полъ-голоса Цалинскій: ты будетъ помнить... онъ докончилъ фразу мимикою: нѣсколько высунулъ языкъ и слегка прикусилъ его зубами. Гершко еще разъ поклонился.

— Какъ-же, вельможный панъ?.. Я вѣрно служу тому, кто даетъ мнѣ возможность заработать кусокъ хлѣба.

Цалинскій всталъ и медленно пошелъ по замковой улицѣ по направленію къ городу. Онъ нѣсколько разъ прошелся по ней, гуляя взадъ и впередъ, пока, наконецъ, среди сгустившейся темноты наступавшей ночи фигура его не исчезла на поворотѣ въ одинъ изъ мелкихъ переулковъ. Пробираясь по тѣснымъ и кривымъ уличкамъ, онъ вышелъ на закраину мѣстечка и приблизился къ оградѣ шляхетскаго дома, стоявшаго въ глубинѣ огороженнаго двора. Домъ этотъ принадлежалъ подсудку Гротковскому; онъ утопалъ въ зелени сада, окружавшаго его со всѣхъ сторонъ; спереди его заслоняли кусты сирени и жасмина, окаймленные грядками цвѣтовъ: разноцвѣтной „рожи", душистаго „любыстка" и „канупира", зеленой руты и „марыны", голубой „тои". Сзади, изъ-за крыши дома, выглядывали вѣтвистыя груши и яблони. Цалинскій осторожно отодвинулъ задвижку у калитки воротъ и направился къ дому. Двери со стороны двора были заперты, окна не были освѣщены, на крыльцѣ никого не было. Поручикъ пошелъ по боковой тропинкѣ, обогнулъ домъ кругомъ и направился къ заднему крыльцу со стороны сада. Вечеръ былъ тихій и теплый; ароматъ травы и цвѣтовъ наполнялъ воздухъ благоуханіемъ; издали доносились неясные, смѣшанные звуки, въ которыхъ сливались голоса людей, ревъ животныхъ, кваканье лягушекъ и множество другихъ тихихъ, неуловимыхъ звуковъ. Все это соединялось въ какую-то странную гармонію, успокаивавшую и располагавшую къ мечтательности и нѣгѣ.

На крыльцѣ сидѣла на лавочкѣ женщина, облокотившаяся на перила, и о чемъ-то мечтала; вдругъ ей послышались шаги на боковой тропинкѣ, она встрепенулась и стала прислушиваться. Изъ-за кустовъ выступила фигура Цалинскаго.

— Наконецъ-то пришелъ! вскричала женщина, порывисто соскочила съ крыльца и повисла на шеѣ поручика.

Онъ обнялъ ея станъ, но шепнулъ нѣсколько встревоженнымъ голосомъ:—Берегись, ради Бога!

— Я здѣсь одна, сказала она спокойно.

— На долго?

— Не скоро онъ меня увидитъ! Я думала, что умру со скуки въ Рубани, въ обществѣ этого хлопа.

— Онъ не пускалъ тебя въ городъ?

Вопросъ этотъ, очевидно, напомнилъ женщинѣ цѣлый рядъ непріятныхъ столкновеній, она заволновалась, припала на груди Цалинскаго и стала громко рыдать.

— Что съ тобою, Елена? Случилось что-нибудь особенное?

— Ничего новаго... Но они меня отдали замужъ за этого козака, словно овцу продали на бойню. Всю жизнь мнѣ не съ кѣмъ слова промолвить; каждый день вижу лишь усатыя мужицкія хари. Она жаловалась и все громче плакала.

— Перестань, успокойся: горемъ вѣдь бѣдѣ не пособишь!

— Хорошо тебѣ утѣшать, успокоивать,—мнѣ же приходится жить въ постоянномъ страхѣ. Боюсь я товарищей и знакомыхъ моего мужа; всѣ они смотрятъ гайдамаками, все снуютъ около насъ подозрительныя личности.

— Ты сама себя напрасно пугаешь; вѣдь сослуживцы твоего мужа не гайдамаки,—они состоятъ на службѣ Рѣчи Посполитой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь ихъ! изъ глазъ ихъ смотритъ что-то недоброе. Когда я одна среди нихъ, мнѣ кажется, что они убьютъ меня.

Она продолжала плакать, приговаривая съ отчаяніемъ:—Повѣнчали меня съ хлопомъ, заставили выйти за него замужъ, на всю жизнь меня связали.

Жалобы и нареканія плакавшей женщины волновали Цалинскаго. Лицо его приняло мрачное выраженіе; онъ молча поглаживалъ усы и наконецъ проговорилъ сквозь стиснутыя зубы:—Погоди! я знаю средство.

Елена еще крѣпче обняла его и, заглядывая ему въ глаза, сказала:—Милый мой! я уйду изъ дому, я убѣгу къ тебѣ.

— Не торопись, отвѣтилъ поручикъ: нечего горячиться. Если судьба свела насъ слишкомъ поздно, намъ необходимо сдѣлать кое-какія уступки въ пользу общественнаго мнѣнія; погоди немного! клянусь тебѣ, я знаю вѣрное средство для того, чтобы тебя освободить.

Елена не разспрашивала, въ чемъ состояло это средство; она страстно любила Цалинскаго, глубоко вѣрила, что онъ не обманетъ. Она не признавала обазанностей, возложенныхъ на нее брачными узами. Выходила она замужъ по приказанію родителей, безъ любви, но и безъ отвращенія; она еще не знала тогда Цалинскаго. Теперь она бы, конечно, предпочла смерть разлукѣ съ нимъ; теперь ненависть къ мужу она считала естественнымъ, законнымъ чувствомъ. Елена пригласила гостя въ комнату; она угощала его, какъ гостя, и въ присутствіи слугъ обращалась съ нимъ по всѣмъ правиламъ принятаго въ шляхетской средѣ этикета, стараясь играть роль любезной хозяйки. Она угостила поручика ужиномъ, за который онъ принялся съ большимъ аппетитомъ. Онъ согласился посидѣть еще нѣсколько времени, въ ожиданіи пріѣзда родителей, но время шло, и становилось очевиднымъ, что они остались въ Браиловѣ на ночь. Въ виду поздняго времени, Цалинскому не приходилось долѣе оставаться: онъ долженъ былъ уйти домой. Елена проводила его до воротъ. За калиткою маленькая улица предмѣстья была совершенно пуста. Ночь стояла ясная, лунная. Они стояли за калиткою, прикрытые тѣнью вѣтвистыхъ деревьевъ, свѣшивавшихся изъ сада за ограду. Елена обняла своего возлюбленнаго и спросила:

— Когда же опять придешь?

— Постараюсь завтра.

— Непремѣнно приходи.—Она притянула его голову и шепнула на ухо: знаешь, я въ ожиданіи... онъ это знаетъ и считаетъ своимъ.

— Что-же, очень тѣшится?

— Какъ-же! объявилъ, что если родится сынъ, онъ непремѣнно назоветъ его Саввою: у нихъ въ роду всѣ старшіе сыновья носятъ это имя.

— Подождемъ, увидимъ! сказалъ сдержанно Цалинскій и, поцѣловавъ Елену, пошелъ медленно по улицѣ, погрузившись въ глубокое раздумье. Разговоръ съ Еленою произвелъ на него впечатлѣніе болѣе глубокое, чѣмъ онъ ожидалъ. Привыкшій къ разгульной солдатской жизни, молодой офицеръ смотрѣлъ въ началѣ на свою связь съ замужнею женщиною, какъ на мимолетное развлеченіе. Незамѣтно для него самого безграничная любовь Елены, ея преданность, нравственная безвыходность ея положенія заставили его смотрѣть серьезнѣе на легкомысленно начатую интригу; постепенно искренняя любовь западала въ его душу; онъ жалѣлъ ее, страдалъ ея страданіями, чувствовалъ необходимость измѣнить ея положеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстно ревновалъ ее къ мужу. Когда, успокоивая ее, онъ намекалъ на то, что онъ найдетъ средство избавить ее отъ Саввы, онъ говорилъ искренно; въ головѣ его давно уже шевелилась мысль, которую онъ постоянно обдумывалъ, развивалъ въ подробностяхъ, которая начинала слагаться въ послѣдовательный планъ дѣйствія. Но о содержаніи своего плана онъ упорно умалчивалъ,—потому ли, что исполненіе его требовало довольно продолжительнаго времени, или потому, что онъ не успѣлъ еще собрать и подготовить всѣхъ нужныхъ для исполненія его данныхъ; можетъ быть, не смотря на личное увлеченіе, въ глубинѣ души онъ чувствовалъ что-то въ родѣ угрызенія совѣсти. Во всякомъ случаѣ онъ не проронилъ ни слова о сущности своихъ предположеній. Теперь, двигаясь медленно по безлюднымъ улицамъ мѣстечка, онъ еще разъ обдумывалъ и приводилъ въ порядокъ свои соображенія; невольно изъ устъ его вырывались несвязныя слова:—Если-бъ узнать, насколько

это вѣрно!.. Если-бъ можно слѣдить за тѣмъ, что онъ дѣлаетъ въ настоящую минуту...

Между тѣмъ въ это время Савва не думалъ ни о женѣ, ни о Цалинскомъ; связи ихъ онъ не подозрѣвалъ. Онъ безпечно оставилъ жену въ домѣ ея родителей, разсчитывая, что она отдохнетъ у нихъ и полѣчится; одолѣвавшую ее грусть онъ объяснялъ себѣ тѣмъ, что жена не успѣла еще привыкнуть къ новой обстановкѣ и тоскуетъ по родителяхъ, по дому; онъ воспользовался временнымъ ея нездоровьемъ, чтобы дать ей возможность пожить нѣкоторое время въ прежней обстановкѣ и такимъ образомъ смягчить тревожившую ее тоску.

Солнце было уже на закатѣ, когда Савва подъѣзжалъ къ своему хутору, лежавшему верстахъ въ пяти отъ Немирова. Онъ ѣхалъ шагомъ по узкой дорожкѣ, пролегавшей среди садовъ, хатъ и огородовъ Рубани. Вскорѣ среди густо посаженныхъ черешень онъ увидалъ бѣлѣющія стѣны своей усадьбы и услышалъ на своемъ дворѣ назойливый лай собакъ, очевидно провожавшихъ кого-то чужаго, зашедшаго въ усадьбу. Изъ-за кустовъ и бурьяна онъ не могъ разглядѣть, въ чемъ дѣло, и направился къ воротамъ. Отсюда онъ увидѣлъ, что собаки преслѣдуютъ нищаго старика, который, спасаясь отъ нихъ, прижался спиною къ кустамъ. „Дѣдъ“ былъ безъ шапки; вѣтеръ развѣвалъ его сѣдые волосы и лоскуты, висѣвшіе въ разныхъ мѣстахъ на его изорванной и покрытой разноцвѣтными заплатами свиткѣ. Дѣдъ держалъ за руку мальчика, одѣтаго въ такую же изорванную и заплатанную свиту и измятую соломенную шляпу; черезъ плечо на мальчикѣ надѣта была полотняная „торба“,—мѣшокъ, въ который сердобольныя женщины клали подаяніе: ломти хлѣба, „паляныци“, калачи и т. п. И дѣдъ, и его „михоноша“ успѣли добраться до забора и, прислонившись къ нему спиною, отбивались отъ собакъ своими длинными дорожными палками; собаки съ громкимъ лаемъ подскакивали къ нимъ, но должны были удерживаться на почти-

тельномъ разстояніи. На дворѣ не было живой души. Савва, остановившись у запертыхъ воротъ, приподнялся на стременахъ и разглядѣлъ описанную картину; онъ отозвалъ собакъ. Услышавъ голосъ хозяина, послѣднія присмирѣли. Тогда онъ позвалъ зычнымъ голосомъ слугъ. Два козака показались изъ конюшни; одинъ немедленно побѣжалъ отворить ворота, другой сталъ отгонять собакъ.

— Что, вы оглохли?... не слышите лая?... Собаки чуть не растерзали дѣда, а вамъ лѣнь выглянуть изъ конюшни?

— Мы не видали дѣда, онъ должно быть сейчасъ только забрался во дворъ.

Савва отдалъ козаку коня и, недовѣрчиво покосившись на старика, спросилъ.

— Ты, дѣдъ, откуда?

Нищій не отвѣтилъ на вопросъ, онъ словно не разслышалъ его и заговорилъ:—Ну, злыя же ваши собаки! Я думалъ, что онѣ съѣдятъ меня; я вѣдь слѣпъ и прошу подаянія.

— Подойди къ крыльцу! сказалъ Савва, самъ туда направляясь.

Дѣдъ дернулъ за рукавъ своего михоношу и указалъ ему ту сторону, въ которой слышны были шаги Саввы. Мальчикъ тронулся съ мѣста и пошелъ въ указанномъ направленіи; дѣдъ медленно двигался за нимъ, не выпуская изъ своей руки свитки.

Дворъ былъ очень обширный. Савва часто объѣзжалъ на немъ верховыхъ лошадей и потому поверхность его была выравнена и гладка. Въ глубинѣ двора стоялъ домъ, у вхожихъ дверей котораго придѣлано было крылечко подъ крышею, опиравшеюся на четыре деревянныя колонны. Савва взошелъ быстро на крыльцо и, не останавливаясь, прошелъ въ сѣни. Онъ осмотрѣлъ, нѣтъ ли кого-либо изъ прислуги въ ближайшей къ выходу комнатѣ и, увидѣвъ, что она совершенно пуста, притворилъ ея входную дверь, осмотрѣлъ сѣни и заперъ ихъ также, наконецъ усѣлся на скамейкѣ, устроенной на

крыльцѣ, и молча вперилъ испытующій взоръ сначала въ старика, потомъ въ его провожатаго. Они стояли молча у крыльца, ожидая вопроса хозяина. Савва еще разъ быстро окинулъ взоромъ дворъ и, остановивъ пристально глаза на нищемъ, спросилъ:

— Кто твой провожатый?

— Онъ глухъ и нѣмъ отъ рожденія.

Савва всматривался въ лицо дѣда и тщетно старался вспомнить черты его лица; ему казалось, что онъ никогда его прежде не встрѣчалъ. Помолчавъ немного, онъ вновь къ нему обратился:

— Ты кто?—Мы знаемъ нищихъ такого разбора... Ты ходишь не за подаяніемъ.

— Одного поля ягода, отвѣтилъ насмѣшливо нищій: развѣ ты не узналъ меня, атаманъ?

Савва съ досадою сплюнулъ,—голосъ былъ ему знакомый.—Тю, нечистая сила!—Да самъ чортъ не узналъ бы тебя.

— Это дѣло: для чертей-то собственно я и мѣняю обликъ.

— Хорошія вѣсти принесъ ты?

— Слава Богу, не дурныя.

Мнимый нищій былъ никто иной, какъ знакомый намъ уже Матвій. Онъ все время странствовалъ отъ одного „ватажка“ къ другому, сообщалъ вѣсти, передавалъ взаимно ихъ мнѣнія и по временамъ прибавлялъ отъ себя совѣтъ или соображеніе, основанное на подмѣченныхъ имъ данныхъ.

— Я полагалъ, сказалъ Савва, что тебя давно вздернули на висѣлицу: жду тебя и не могу дождаться.

Матвій наклонилъ голову.—Да, теперь я старъ!—Когда былъ моложе, ходилъ попроворнѣе.

— Ну, старикъ, разсказывай!

— Мы порѣшили окончательно планъ дѣйствій; дѣла, кажется, складываются лучше, чѣмъ мы предполагали. Я зашелъ къ тебѣ передать подробности теперь, потому что врядъ ли поспѣлъ бы весною. Дѣло въ томъ, что

изъ Запорожья двинется прежде всего отрядъ человѣкъ въ пятьсотъ; онъ переберется „Дикими полями“ къ Могилеву, а затѣмъ черезъ Студеницу попытается пройти на Орининскія поля въ Жванецъ и дальше. Отрядъ этотъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, по дорогѣ увеличится вдвое, втрое, можетъ быть вдесятеро. Запорожцы постараются сдѣлать все, что будетъ возможно, но, главное, они отвлекутъ вниманіе ляховъ и заслонятъ отъ нихъ на первое время главное движеніе. Затѣмъ изъ Переяславля переправятся къ намъ охотники, которыхъ уже вербуютъ въ гетманщинѣ—начальство обѣщало смотрѣть на нихъ сквозь пальцы—они соединятся съ отрядомъ Гордія и, разбившись на небольшія кучки, будутъ пробираться различными путями за Бугъ, въ „Черный лѣсъ“. У Дзыговки назначенъ сборный пунктъ; здѣсь поджидать насъ будетъ Верланъ со своимъ ополченіемъ. Тогда только, соединившись, мы откроемъ настоящую войну и пойдемъ впередъ по слѣдамъ, проложеннымъ передовымъ отрядомъ сѣчовиковъ: по дорогѣ и тебѣ слѣдуетъ къ намъ присоединиться. Такъ-то, панъ атаманъ, начнется наше дѣло. Какъ оно кончится,—про то вѣдаетъ лишь Господь, Отецъ нашъ небесный... въ руцѣ его успѣхъ или пораженіе наше; но каковъ бы ни былъ исходъ нашего предпріятія, мы должны его поддержать; въ крайнемъ случаѣ мы должны доказать ляхамъ, что отечество намъ дорого, что мы не отказались отъ мысли о нашей волѣ, что готовы ее требовать при каждомъ удобномъ случаѣ и готовы всегда сложить за нее свои головы. Ты самъ обсуди, гдѣ и какъ ты примкнешь къ нашему войску,—назначай самъ мѣсто, гдѣ найдешь удобнымъ соединиться съ Верланомъ и Грывою; о времени тебя извѣстятъ исправно; пока же старайся слѣдить за движеніями польскаго войска и сообщай намъ все, что удастся тебѣ вывѣдать о ихъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ... Да, кстати,—у насъ есть еще одна, хотя и не вполнѣ вѣрная, надежда. Тебѣ извѣстно, что въ Умани стоитъ русское войско; оно явилось защищать Саксонца.

Слѣдуетъ развѣдать ихъ отношеніе къ нашему предпріятію. Это, впрочемъ, дѣло Верлана:—ему ближе, да и притомъ онъ умѣетъ вести такого рода сношенія. Онъ уже подружился съ полковникомъ Полянскимъ и постарается склонить его на нашу сторону. Да поможетъ ему Господь! Хоть вполнѣ на это полагаться нельзя, а все-таки попытаться слѣдуетъ.

Матвій замолкъ и призадумался, затѣмъ тяжело вздохнулъ и прибавилъ, какъ бы продолжая вслухъ свои мысли:

— Да, неохотно помогаютъ тому, кто слабѣе! Многіе готовы снять послѣднюю рубашку съ того, кто связанъ и беззащитенъ.

Оба нѣкоторое время молчали.

— Когда думаете тронуться? спросилъ Савва.

— Люди уже собираются, будутъ собираться незамѣтно втеченіе всей зимы. Лишь только сойдетъ снѣгъ, мы выступимъ къ Шаргороду.

Савва выслушалъ внимательно разсказъ Матвія; онъ вдумывался въ каждое его слово, соображалъ, взвѣшивалъ всѣ подробности, но, казалось, колебался и не довѣрялъ. Онъ глубоко задумался и, насупившись, смотрѣлъ въ землю; лирникъ неподвижно, какъ статуя, сидѣлъ рядомъ съ нимъ на скамейкѣ, и только по складкамъ, все болѣе и болѣе обрисовывавшимся у его губъ, можно было замѣтить то напряженіе, съ которымъ онъ ожидалъ отвѣта своего собесѣдника. Молчаніе Саввы и смущало его и приводило въ негодованіе, но старикъ привыкъ сдерживать свои душевныя волненія. Онъ молчалъ и съ виду казался равнодушнымъ.

Вдругъ Савва встрепенулся, выпрямилъ станъ, рѣзкимъ жестомъ схватилъ рукоятку своей сабли и сказалъ, ударяя концемъ ея о полъ.

— Скажи, старикъ, Верлану и Гордію, что Савва готовъ сражаться за Украину вездѣ, гдѣ за нее будутъ сражаться другіе. Пусть не пеняютъ на меня за то, что я, повидимому, усердно служу ляхамъ... до поры, до времени учусь

у нихъ уму-разуму, но когда встанетъ во весь ростъ народное дѣло, тогда и я послужу не хуже другихъ.

— Дай, Господи!

Савва всталъ со скамейки.—А теперь, диду, сказалъ онъ, ступай съ Богомъ! мнѣ ляхи не особенно довѣряютъ, и имъ не безъизвѣстно, зачѣмъ по селамъ ходятъ лирники и мнимые нищіе.—Прощай!...

Старикъ молча наклонилъ голову и подалъ рукою знакъ своему молчаливому „михоношѣ". Они направились къ воротамъ и вскорѣ исчезли среди тѣсныхъ улицъ лѣснаго хутора.

(До слѣд. №).

Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію григоріанскій календарь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Религіозно-церковное примѣненіе юліанскаго календаря. Пасхальныя таблицы. Компуты. Недовольство старымъ календаремъ на православномъ Востокѣ и католическомъ Западѣ. Исправленіе календаря папой Григоріемъ XIII. Причины враждебнаго отношенія православныхъ народовъ, въ особенности южнорусскаго, къ новому календарю. Константинопольскій соборъ 1583 года. Недовольство католиковъ новымъ календаремъ. Лятосъ. Львовскіе безпорядки 1583 г. Суликовскій и Гедеонъ Балабанъ. Грамоты Стефана Баторія 1584, 1585 и 1586 годовъ. „Ключъ царства небеснаго" Смотрицкаго. „Книжица" Суражскаго. Стефанъ Зизаній и Жебровскій. Защита стараго календаря Христофоромъ Филалетомъ. Левъ Мамоничъ. Упадокъ православной полемики о календарѣ въ XVII в. Причины этого упадка. Замѣтки и статьи православныхъ въ защиту стараго календаря въ XVII вѣкѣ. Отношеніе къ старому календарю Потѣя и Терлецкаго. Сочиненія католиковъ Вуйна, Гродзицкаго и др. въ защиту новаго календаря. „Sowita wina". „Rozmowa" Скупинскаго. Кассьянъ Саковичъ. Его „Kalendarz stary". „Apologia" Яна Брожека „Kalendarz prawdziwy" Яна Дубовича. „Ierarchia" Дубовича. „Herby" Рутки. Общая характеристика отношеній католическихъ полемистовъ къ православнымъ. Научная высота полемистовъ о календарѣ. Прекращеніе полемики о календарѣ въ южной Россіи. Преслѣдованіе календаря Дунчевскаго въ 1738 г. Возобновленіе полемики о календарѣ въ послѣднее время въ Галиціи. „Polityka nerwów" A. Z. Защита стараго календаря Ст. Качалой въ „Дѣлѣ". „Нови хмары" и „Што намъ чиниты?"—передовыя статьи редакціи „Дѣла". Заключеніе.

Въ IV столѣтіи на первомъ Никейскимъ соборѣ было опредѣлено время празднованія Пасхи по юліанскому календарю, и съ того времени къ научной астрономической части календаря тѣсно присоединилась часть религіозная и церковно-бытовая. Народныя массы обращали вниманіе на календарь и дорожили имъ преимущественно съ точки зрѣнія опредѣленія времени праздниковъ и прежде всего Пасхи. Многіе христіанскіе писатели, преимущественно александрійцы, занимались пасхальными вычисленіями. Древнѣйшіе опыты этого рода относятся къ концу IV и началу V столѣтій. Большой извѣстностью въ древности пользовались пасхальныя таблицы Діонисія Малаго (+556) и Беды Почтеннаго (+735) [1]. Составленіе пасхаль-

[1] *Сухомлиновъ*. О древн. рус. лѣтописи, 25.

ныхъ таблицъ было любимое занятіе древнихъ русскихъ грамотныхъ людей. Уже въ XII вѣкѣ Кирикъ написалъ „Ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ", гдѣ изложено ученіе объ индиктѣ, о высокосныхъ лѣтахъ и т. п. Въ западной Европѣ пасхальныя таблицы, заключавшія въ себѣ опредѣленіе времени Пасхи и подвижныхъ праздниковъ вообще, назывались въ XIV—XVI вѣкахъ компутами. Въ половинѣ XVI вѣка понятіе о компутѣ опредѣлялось такъ: „est ars considerans tempora, quae a solis et lunae motu nata, ecclesia observat. Hoc autem nominis a computando dicitur habere" [1]).

Астрономическія вычисленія указываютъ на неточность солнечнаго года по старому юліанскому календарю. Ежегодно получается излишекъ въ 11 минутъ и 13⁹/₁₀ секунды, что въ 128 лѣтъ составляетъ день. Неточность эта давно уже была усмотрѣна какъ въ православной Византіи, такъ и на католическомъ Западѣ, и въ первой чуть ли не ранѣе, чѣмъ на второмъ. Матѳей Властарь, ученый іеромонахъ греческой церкви, жившій въ первой половинѣ XIV ст., уже указалъ на недостатки юліанскаго календаря, именно на то, что, по вычисленію Властаря, солнечный годъ имѣетъ не 365 дней съ четвертью, а на пять минутъ менѣе [2]). Подобнаго рода замѣчаніе сдѣлалъ и другой старинный византійскій писатель Никифоръ Григора [3]). Западъ настойчивѣе стремился къ исправленію стараго календаря. На Констанцскомъ и Базельскомъ соборахъ сдѣланы были заявленія о необходимости исправить старый календарь. Новый календарь введенъ былъ въ 1582 г., по распоряженію папы Григорія XIII, на основаніи вычисленій, сдѣланныхъ ученымъ калабрійцемъ, врачомъ и астрономомъ, Алоизіемъ Лиліо. Такъ какъ нужно было прибавить десять дней, то папа повелѣлъ день утвержденія новаго календаря 5-ое октября считать 15-мъ, черезъ что весеннее равноденствіе на этотъ годъ возвращалось на 21 марта, какъ было на Никейскомъ соборѣ, опредѣлившемъ время празднованія Пасхи. Такимъ образомъ, новый календарь былъ дѣломъ науки, хотѣвшей однако согласоваться съ церковнымъ уставомъ. Вводимый властью Рима, онъ становился нѣкоторымъ подспорьемъ латинской пропаганды. По этому первоначально онъ принятъ только въ Италіи и другихъ католическихъ странахъ, но долго не былъ принимаемъ въ странахъ протестантскихъ [4]).

---

[1]) *Wisznewski*. Historya literat. polskiej VII. 363.
Примѣчаніе: Въ XVIII ст. въ Малороссіи компутами назывались списки служащихъ въ полкахъ козаковъ.
[2]) *Православ. Собесѣдникъ* 1859. II. 164.
[3]) *Арсеній, архим*. Лѣтопись церк. событій. 617.
[4]) *Малышевскій*. Мелетій Пигасъ I. 237.

Православные рѣшительно отстояли старый календарь. Главной причиной ихъ нерасположенія къ новому календарю было стремленіе католиковъ навязать вмѣстѣ съ новымъ календаремъ папизмъ и назойливое его предложеніе, переходившее иногда въ положительный гнетъ и гонительство. На греческомъ Востокѣ противодѣйствовали болѣе теоретически, точнѣе сказать, высказываясь противъ новаго календаря, спокойно сохраняли старый, такъ какъ тутъ не оказалось такихъ общественныхъ элементовъ, которые поставляли бы своею задачей провести его насильно въ обиходную практическую жизнь. Иначе стояло дѣло въ юго-западной Руси. Здѣсь на сторонѣ новаго календаря сразу оказалось много сторонниковъ среди могущественнаго землевладѣльческаго класса, частью совсѣмъ польскаго по происхожденію, частью изъ ополячившихся русскихъ. Здѣсь уже энергично работали іезуиты, пропагандируя папизмъ и разжигая вѣроисповѣдную вражду между католиками и православными. Оттого пропаганда новаго календаря въ южной Руси быстро оформилась въ тяжелую форму притѣсненія и гонительства. При такомъ положеніи дѣлъ, отстаиваніе стараго календаря высоко цѣнилось православными, и тотъ, кто становился въ ряды его защитниковъ или кто претерпѣвалъ изъ-за него гоненія и мученичества, пріобрѣталъ народное благорасположеніе и признательность. Молва о такомъ защитникѣ шла изъ рода въ родъ, и съ личностью его связывались благочестивыя религіозныя сказанія. Одно изъ такихъ религіозныхъ сказаній вошло въ Записки Петра Могилы. „Въ предѣлѣ Перемыскомъ, говорится здѣсь, благородный нѣкто, именемъ Еразмъ Гербортъ, въ постъ предъ Рождествомъ Христовымъ, колико дней передъ своимъ латинскимъ Христорождественскимъ праздникомъ, совѣтомъ своихъ іерей латинскихъ и слугъ, тоея же вѣры сущихъ (младъ сый), вся іерея православныя съ протопопомъ ихъ, числомъ яко дванадесять, отъ всѣхъ селъ своихъ (богатъ бо бяше) собра и повелѣ имъ по новорастлѣнному ихъ календарю латинскому вкупѣ съ ними Рождество праздновати и мяса ясти. Они же абіе вси отрекошась не творити се и паче смерть нежели постъ разорѣти и Богоносными отцы преданный календарь измѣняти изволѣти господину своему обѣщашась. Онъ же, разгнѣвався, обезчести ихъ и, ругаясь православной вѣрѣ безбожно, въ темницу затворити повели. Они жъ, плачуще и стеняще.... совѣтомъ православнаго своего епископа тогда сущаго Михаила Копыстенскаго, еже не соизволяти прещенію господина ихъ, но пострадати съ людьми Божіими, нежели сласти временнѣй, съ иновѣрными сообщившись, вѣчную гибель себѣ снискати изволити, вси единодушно въ темницѣ гласъ и руцѣ къ Богу... воздвигоша, моляшесь да не оставитъ вѣру святую право-

славную въ смѣхъ и поруганіе мерзкому отступнику, но вскорѣ да отомститъ озлобленіе ихъ. Молящимъ же имъ и къ Богу вопіющимъ... въ той часъ напрасно онъ Гербортъ разболись и... злѣ испровержe злую свою душу"[1]).

Кромѣ гонительства, какъ главной причины нерасположенія православныхъ къ новому календарю, былъ еще другой крупный поводъ къ неудовольствію православныхъ на новый календарь, вытекавшій изъ уставовъ православной церкви. Держась опредѣленія Никейскаго собора, православные никогда не празднуютъ пасху ни вмѣстѣ съ евреями, ни ранѣе ихъ, но всегда позднѣе ихъ, по крайней мѣрѣ на одинъ день, какъ требуетъ седьмое апостольское правило. Западные же христіане, при астрономической точности своего календаря, не могли избѣжать нарушенія этого правила и часто впадаютъ въ ту и въ другую погрѣшность[2]).

Въ добавокъ нужно замѣтить, что старый календарь находится въ тѣсной связи съ церковными обрядами, и православные тѣмъ болѣе имъ дорожатъ, что болѣе, чѣмъ западные христіане, придерживаются постовъ и церковныхъ обрядовъ. По справедливому замѣчанію сербскаго митрополита Стефана Стратимировича въ докладѣ 1814 г. австрійскому императору о старомъ календарѣ „Римо-католическіе людіе своея религіи попеченіе обрядовъ и обычаевъ своихъ сохраненіе наипаче клиру, а сей папѣ простирающе, меньше такожде пекутся, меньше о своихъ обычаяхъ непоколебимостяхъ устрашени суть, еже вся сія у греческаго закона людей совсѣмъ иначе имѣются"[3]).

Весь православный міръ былъ взволнованъ появленіемъ григоріанскаго календаря, тѣмъ болѣе, что католики, въ особенности іезуиты немедленно приступили къ его пропагандѣ среди православныхъ народовъ. Уже въ 1583 г. папа Григорій XIII отправилъ двухъ агентовъ въ Константинополь къ патріарху Іереміи съ подарками и съ предложеніемъ принять новый календарь. Іеремія дружелюбно принялъ папскихъ пословъ и не порицалъ новаго календаря, съ которымъ имѣлъ въ виду ознакомиться ближе и затѣмъ надлежало выждать, какъ отнесутся къ нему православные въ Греціи и Россіи. Къ Іереміи обратились съ вопросами о новомъ календарѣ изъ Венеціи тамошній православный епископъ Гавріилъ Северъ и ефоры православнаго братства св. Георгія, изъ южной Руси— кн. Константинъ Острожскій, изъ разныхъ мѣстъ Греціи, наконецъ, и армяне. Требовались отвѣты и папѣ и всѣмъ вопрошавшимъ. Въ ноябрѣ 1583 года составился соборъ, на которомъ присутство-

[1]) *Архивъ юго-запад. Россіи* I. т. VII. 104.
[2]) *Православ. Собесѣдн.* 1859. II. 163.
[3]) *Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.* 1864. II. 217.

валъ и патріархъ александрійскій Сильвестръ. 20-го ноября состоялось опредѣленіе о новомъ календарѣ. Онъ признанъ новымъ опытомъ нововведеній, какія обыкла самовластно установлять римская церковь; признана неправильность и въ старомъ счисленіи, но также и въ новомъ, предъ которымъ старое отличается бóльшей твердостью и, главное, сохраняется каноническое установленіе Никейскаго собора о времени празднованія пасхи, что невозможно при новомъ календарѣ. Въ этомъ смыслѣ даны отвѣтныя посланія папѣ, въ Россію, Венецію, армянамъ, сообщено и по всей Греціи[1]).

Григоріанскій календарь вызвалъ неудовольствіе даже въ странахъ католическихъ, между прочимъ, въ Польшѣ. Не работай здѣсь ловкіе и пронырливые іезуиты, противодѣйствіе новому календарю приняло бы довольно обширные размѣры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опасались народнаго волненія. Къ какимъ мѣрамъ прибѣгали іезуиты, чтобы ввести въ Польшѣ новый календарь, показываетъ печальная судьба польскаго ученаго Лятоса. Южнорусскіе полемисты XVI и XVII вѣковъ съ уваженіемъ упоминаютъ его имя. Янъ Лятосъ былъ докторъ медицины и астрономіи въ краковской академіи, человѣкъ съ обширными знаніями и прямымъ независимымъ характеромъ. Уже его могучій внѣшній видъ показывалъ, что природа щедро надѣлила его своими дарами. По словамъ іезуитовъ, Лятосъ былъ полный, красивый, широбородый мужчина, съ большой физической силой (miał dosyć ciała, urody z potrzebą, brodę jak u czapnika, a siłę tak wielką, iż nietylko niedzwiedziowi, ale i wielbłądowi mógł zdołać). Лятосъ представилъ въ краковскую академію возраженія противъ новаго календаря еще до его утвержденія папой. Не смотря на то, что Лятосъ пользовался уже славой отличнаго астронома, академія не приняла его возраженій, будто бы по причинѣ ихъ спутанности, въ дѣйствительности по соображеніямъ религіозно-церковнаго характера, pod względem kanonicznym więcej niż astronomicznym poprawę kalendarza uważając, какъ сознаются сами католическіе писатели[2]). Лятосъ отправилъ свое возраженіе на новый календарь въ Римъ, гдѣ также на него не обратили вниманія. Настойчивый Лятосъ продолжалъ противодѣйствовать новому календарю на томъ основаніи, что онъ не согласованъ съ постановленіями Никейскаго собора. Краковская академія въ 1582 г. внесла въ гродскія книги заявленіе о своемъ несогласіи съ Лятосомъ, а въ 1601 г. Лятосъ удаленъ былъ изъ академіи, по настоянію краковскаго епископа Мацѣйовскаго. Заслуживаетъ вниманія замѣчаніе Мацѣйовскаго, что „русскій посполитый людъ", опираясь на доводы

[1]) *Малышевскій.* М. Пигасъ I. 239.
[2]) *Wisznewski.* Historya literat. polskiej. VII. 369.

Лятоса, будетъ порицать одобренный римской церковью календарь. Къ этому то русскому люду и удалился Лятосъ, послѣ потери мѣста въ академіи. Онъ нашелъ убѣжище у князя Константина Острожскаго въ г. Острогѣ и здѣсь издалъ противъ новаго календаря „Минуціи", гдѣ доказывалъ, что исправители календаря не приняли во вниманіе нѣсколько минутъ и потому исключили изъ стараго календаря десять дней, вмѣсто семи дней. Іезуиты упрекали Лятоса, что онъ играетъ въ руку православнымъ (Ruś w uporze utwierdził). Жебровскій, ученикъ виленскихъ іезуитовъ, возражая на „Минуціи" Лятоса, жаловался, что Лятосъ въ изданныхъ въ 1598 году Минуціяхъ жестоко напалъ на новый календарь и что его Минуціями пользуются противники новаго календаря на Руси, въ Литвѣ и даже въ Москвѣ [1]). Долгое время Лятосъ былъ предметомъ злобнаго издѣвательства и насмѣшекъ религіозныхъ фанатиковъ и человѣконенавистныхъ іезуитовъ. Такъ, противъ него была пущена сатира „Dworskie Minucye nowe Sowizrzałowe". Кромѣ Жебровскаго, противъ Лятоса писалъ въ 1604 г. плоцкій іезуитъ Альбертъ Росцишевскій, причемъ называетъ его козьимъ докторомъ и оканчиваетъ свое полемическое сочиненіе грубой бѣлорусской пословицей: „собака бреше, князь ѣдзе, а календарь календаремъ будзе" [2]).

Если уже въ чисто польскихъ католическихъ земляхъ введеніе новаго календаря встрѣчено было населеніемъ съ неудовольствіемъ, то въ православной Руси къ нему отнеслись съ тѣмъ бо́льшимъ негодованіемъ, что уже въ 1583 г. здѣсь примѣнены были католиками насильственныя мѣры для введенія его въ бытовую жизнь. Въ этомъ году львовскій бурмистръ получилъ отъ Стефана Баторія предписаніе ввести въ дѣйствіе новый календарь. Львовскій католическій архіепископъ Суликовскій, подъ вліяніемъ іезуитовъ, открылъ гоненіе на послѣдователей стараго календаря. По его приказанію, братъ его Войтѣхъ, въ сопровожденіи крылошанъ и вооруженныхъ слугъ, въ навечеріе Рождества Христова по старому календарю ходилъ по церквамъ и монастырямъ, выгонялъ изъ нихъ молящійся народъ, изгонялъ священниковъ изъ алтаря, прекращалъ насильно богослуженіе, замыкалъ и опечатывалъ церкви. Это грубое насиліе взволновало львовскихъ жителей. Они сорвали печати [3]). Православный епископъ Гедеонъ Балабанъ вошелъ въ соглашеніе съ Суликовскимъ, съ цѣлью оградить православныхъ отъ насилій со стороны католиковъ. Въ то же время была подана православными жалоба королю. Въ латино-уніатскомъ сочиненіи Sowita wina

---

[1]) Тамъ же, 371. Примѣчаніе 248.
[2]) Тамъ же, 374. Примѣч. 258.
[3]) *Дѣло*. Львовъ. 1883. № 26.

находится свидѣтельство, что соглашеніе Балабана съ Суликовскимъ расположило короля къ благосклонному отношенію къ православнымъ относительно календаря[1]). Несомнѣнно также, что Стефанъ Баторій, предоставляя православнымъ право на сохраненіе стараго календаря, руководствовался соображеніями государственной пользы. Онъ хорошо видѣлъ, что могущественный князь К. К. Острожскій, а за нимъ и весь русскій народъ, рѣшительно возстали противъ григоріанскаго календаря, и, какъ умный государственный дѣятель, съ широкими планами покоренія турокъ, нашелъ неудобнымъ раздражать своихъ православныхъ подданныхъ дальнѣйшими насильственными мѣрами по введенію новаго календаря.

Мировая запись и грамоты Стефана Баторія вошли цѣликомъ въ „Апокрисисъ“ (1597 г.) Христофора Филалета. Мировое соглашеніе между Суликовскимъ и Балабаномъ состоялось, какъ говорится въ самой записи, при посредствѣ канцлера литовскаго княжества и виленскаго каштеляна Евстафія Воловича, кіевскаго воеводы кн. Константина Острожскаго, белзскаго воеводы Станислава Жолкевскаго и минскаго воеводы Ивана Глѣбовича. Эти вліятельныя имена, въ особенности имя кн. Константина Острожскаго, объясняютъ какъ появленіе самой мировой записи, такъ и заключающіяся въ ней извиненія Суликовскаго: „Хотя и произошло было нѣкоторое смятеніе и запрещеніе праздновать св. дни отъ арцибискупа львовскаго и его капитулы, которые, желая, чтобы народъ греческой вѣры праздновалъ св. дни по новому календарю, запечатывали церкви и другія производили смятенія, но поелику эти оскорбленія сдѣланы болѣе случайно, нежели съ намѣреніемъ, то подобные раздоры и смятенія съ обѣихъ сторонъ прекращены и прекращаются заразъ на вѣчныя времена... Впредь же обѣ стороны условливаются никогда не дѣлать никакихъ препятствій какъ въ празднованіи праздниковъ, такъ и въ отправленіи обрядовъ богослуженія и звона, равно и въ дѣлахъ власти и въ доходахъ“[2])...

Никто такъ сильно не злоупотреблялъ словомъ „вѣчный миръ“, какъ злоупотребляли поляки въ старинное время. И во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ восточному сосѣду, Москвѣ, и во внутреннихъ дѣлахъ, по отношенію къ православнымъ украинцамъ, сплошь и рядомъ давались обѣщанія вѣчнаго мира, вѣчной згоды, вѣчнаго равноправія, и не успѣвало высохнуть чернило на договорахъ, какъ слѣдовало самое грубое нарушеніе договора. „Вѣчныя времена“ мироваго соглашенія католиковъ и православныхъ 1585 года оказались очень кратковременными, и Стефанъ Баторій нѣсколько лѣтъ

[1]) *Sowita wina* въ *Архивѣ* юго-зап. Россіи I. VII. 467.

[2]) *Апокрисисъ*, кіев. изд. 1869. 44 и 466.

подъ-рядъ старался укрѣпить ихъ. Сохранилось три грамоты Баторія, ограждавшія православныхъ отъ насильственнаго введенія новаго календаря.

Первая грамота дана была въ Гроднѣ 21 января 1584 года. Здѣсь король торжественно заявляетъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія, отдавая приказаніе о введеніи новаго календаря, запрещать обряды и праздники греческой церкви, либо что другое, относящееся къ богослуженію. Поэтому вольно каждому отправлять свое богослуженіе и вѣру и праздновать святые дни безъ укоризны, убытка и грабежей. Король повелѣваетъ воеводамъ, каштелянамъ, маршалкамъ, старостамъ, войтамъ, бурмистрамъ, всѣмъ вообще должностнымъ лицамъ не препятствовать православнымъ въ праздкованіи праздниковъ по старому календарю и заботиться о сохраненіи мира и согласія. „По силѣ законовъ и присяги нашей, говоритъ Баторій, мы обязаны одинаково охранять спокойствіе всѣхъ подданныхъ нашихъ“.

Вторая грамота, данная въ Неполоничахъ (вблизи Кракова) 18 мая 1585 г., въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ устанавливаетъ свободное отправленіе праздниковъ православными по старому календарю. Ссылаясь на соглашеніе Суликовскаго съ Балабаномъ, король говоритъ: „мы вознамѣрились дать, позволить и утвердить людямъ греческой вѣры полную власть и свободу спокойно употреблять и содержать въ княжествѣ нашемъ всѣ уставы и обряды греческаго богослуженія, по порядку и росписанію стараго календаря отправлять и всѣ прочіе обряды и благочестивыя дѣйствія, также строить церкви своего благочестія, госпитали или богадѣльни и школы, какъ каменныя, такъ и деревянныя и все прочее имѣть и содержать по принятымъ у нихъ способамъ и добрымъ обычаямъ, которые дозволены и утверждены привилегіями отъ нашихъ предковъ. Это мы и даемъ, позволяемъ и утверждаемъ“...

Добрыя намѣренія короля разбивались объ интриги іезуитовъ и своевольство шляхты. Чрезъ годъ съ небольшимъ, 8 сент. 1586 г. король нашелъ нужнымъ еще разъ подтвердить права православныхъ на сохраненіе православной вѣры и стараго календаря, которые, очевидно, подвергались гонительству, не смотря на обиліе сильныхъ глаголовъ въ королевской грамотѣ 1585 года. Указывая на изданныя охранительныя грамоты 1584 и 1585 годовъ, король предписываетъ должностнымъ лицамъ г. Вильны и другихъ городовъ „не дѣлать православнымъ никакихъ затрудненій и препятствій въ праздновании по древнему закону и обычаю ихъ праздниковъ, особенно Рождества Христова, Крещенія, Обрѣзанія, Свѣтлаго Воскресенія, Вознесенія Господня, Сошествія св. Духа, Пресвятыя

Троицы, преблагосл. Дѣвы Маріи и другихъ праздниковъ апостольскихъ и не позывать и не отдавать ихъ въ эти дни въ ратушу къ суду войтовскому, бурмистровскому, радецкому, лавничему, гайному, выложному и потребному и къ присягѣ ихъ въ эти святые дни не приводить“ [1]).

Далѣе мы не встрѣчаемъ охранительныхъ королевскихъ грамотъ относительно стараго календаря, что обусловлено различными обстоятельствами. Однимъ изъ ближайшихъ преемниковъ Стефана Баторія былъ Сигизмундъ III, человѣкъ въ религіозномъ отношеніи нетерпимый и гонительный. Возникновеніе и развитіе въ южной Руси уніи подавало католикамъ надежду на успѣшное введеніе новаго календаря, и охраненіе стараго календаря административнымъ путемъ представлялось неудобнымъ. Эта надежда имѣла къ тому же подъ собой фактическую основу. Первые по времени уніатскіе полемисты дѣйствительно защищали новый календарь, хотя уніаты вообще остались при старомъ календарѣ.

Съ 1586 года начинается оживленная полемика между католиками и православными по поводу календаря. Въ концѣ XVI и въ XVII ст., точнѣе до пятидесятыхъ годовъ XVII ст. появилось много полемическихъ сочиненій по этому поводу, причемъ по части аргументаціи, силы доказательствъ православные не уступали своимъ противникамъ, особенно въ концѣ XVI ст., къ какому времени относятся лучшія сочиненія православныхъ въ защиту стараго календаря. Все существенно важное было высказано православными, и когда въ нынѣшнемъ уже столѣтіи въ шестидесятыхъ годахъ возобновилась въ Россіи полемика между протестантами и православными о календарѣ, и затѣмъ въ текущемъ десятилѣтіи при возникновеніи въ Галиціи споровъ о календарѣ между католиками и уніатами, старинная полемика по этому поводу оказалась гораздо болѣе сильной и болѣе содержательной, и не только Стефанъ Качала въ Галиціи, но и покойный О. М. Бодянскій въ Москвѣ, писавшіе въ защиту стараго календаря, съ пользой для себя и для дѣла могли бы воспользоваться православными полемистами конца шестнадцатаго вѣка, Смотрицкимъ, Суражскимъ и Бронскимъ.

Первымъ по времени талантливымъ и сильнымъ защитникомъ стараго календаря является Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, отецъ знаменитаго впослѣдствіи Мелетія Смотрицкаго, авторъ бойкаго полемическаго сочиненія „Ключъ царства небеснаго“, въ который вошелъ трактатъ „Календарь римскій новый“. До послѣдняго времени эта книга принадлежала къ числу величайшихъ библіографи-

[1]) *Апокрисисъ*, изд. 1869. 45—49, 468—472.

ческихъ рѣдкостей, и извѣстія объ ней были очень скудны[1]). Въ прошломъ 1887 г. „Ключъ“ былъ изданъ въ 1 ч. VII т. „Архива юго-западной Россіи“ стр. 232—266. По содержанію, изложенію и языку—это одинъ изъ самыхъ крупныхъ и цѣнныхъ южнорусскихъ литературныхъ памятниковъ конца XVI ст. „Ключъ“ вышелъ во Львовѣ въ 1587 г. Оставляя въ сторонѣ любопытныя въ историко-бытовомъ отношеніи предисловія автора съ обращеніемъ къ князю А. К. Острожскому и русскимъ народамъ, находящіяся въ началѣ книги, и нѣсколько замѣчаній его о различіяхъ между православіемъ и католицизмомъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги, мы остановимся на главной ея части, средней, посвященной обличеніямъ новаго календаря. Смотрицкаго прежде всего возмущало дерзкое отношеніе папства къ старому календарю: „Домъ тежъ законный, на седми столпахъ моцныхъ оныхъ святыхъ соборовъ вселенскихъ укгрунтованный и вѣчно убудованный, (папа) перебѣгши недѣль четыре напередъ, ободралъ, порубалъ, поламалъ и розметалъ, мало ся кого въ томъ радилъ, все давное погамовалъ и огнь Духа Святаго до конца погасилъ... Мѣсяцы иначей покрестилъ, христіанскую пасху съ жидовскою далеко отмѣнилъ и опакъ посадилъ“ (253 стр.). Католики „не тылько дни и свята праздникамъ господскимъ и нарочитыхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ отмѣнили на земли, але и на небѣ лунного бѣгу дорочного, дванадесятимъ мѣсяцамъ имена, отъ начала свѣта ведле временъ и часовъ имъ данные, поотмѣняли, подобно у римскую вѣру ихъ покрестили, хотяче и тыхъ подъ послушенство папы своего привести, абы и они безъ воли его ничого справоваты не смѣли, февраль назвали мартомъ, а мартъ квѣтнемъ. Бачитмися, и май у нихъ змѣнитъ своего имене скутокъ, такъ и всѣ дванадесятъ мусятся мѣнити; что жъ дѣлать, коли то ихъ папѣ вольно чинити; только тое на него яко бы полихо, же имя отмѣнити можеть, але прироженья и скутку свыше поданаго трудно. Зимна въ тепло, снѣгу въ дождь преминити то не римского Бога сила и справа, хотя бы и всѣ кардиналы собралъ, до того не помогутъ ничого“ (стр. 264).

Смотрицкій не останавливается на томъ, была ли надобность въ исправленіи стараго календаря и въ чемъ состоятъ его недостатки или достоинства, сравнительно съ новымъ календаремъ. Вмѣсто того, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ говоритъ о той массѣ практическихъ житейскихъ неудобствъ, которыя были вызваны появленіемъ григоріанскаго календаря. По словамъ Смотрицкаго, „съ котораго то поправленія яко видимъ заправды мало што доброе дѣется, только

---

[1]) *Каратаевъ*, Описаніе слав.-рус. книгъ. 1883. I. 235.

великій и дивный розрухъ стался по всемъ праве свѣтѣ. Не только у дѣйствахъ законныхъ церковныхъ, але и во всѣхъ справахъ и поступкахъ свѣтскихъ, и великая васнь (ссора, злоба) и ненависть межи людьми съ того поправленія всчалася, тягнуче за собою много трудностей и утратъ безпотребныхъ невинне".

„Первое. Человѣкъ бѣдный, убогій, который отъ працы рукъ своихъ и въ потѣ лица мраситъ ясти хлѣбъ свой и съ тоеяжъ працы и поту мусить досыть чинити и давати пану, што ему роскажуть, звыклъ былъ отъ предковъ своихъ отдавати, што належало Богу и што належало пану, теперь ужъ въ тое жаднымъ способамъ гараздъ потрафити не можетъ. Панъ ему кажетъ у дни святые Богу ку чти и хвалѣ ведле звычаю церковнаго давного належачие робыты. Боится и Бога, боится и пана, мусытъ большого опустити, а меньшему служити, бо о ономъ слыхаетъ, же есть долготерпеливъ и многомилостивъ, а сего вѣдаетъ, же есть короткотерпеливъ и троха милостивъ. Если не его тѣло поведутъ, то волове певне. Панское тежъ свято прійдетъ, радъ бы бѣдный убожество свою роботою подпомогъ, боится пана, мусить лишити, а часомъ за тыми бѣдами но только панского нового свята не памятаетъ, але и своего старого забываетъ, въ чемъ и Богу и пану неправъ бываетъ, а собѣ пакъ рѣдко або николи. Зверху нендза (нужда) доѣдаетъ, а внутръ сумнене грызетъ. Чого иншимъ способомъ ратоваты не могучи, мусить нареканіемъ, вздыханіемъ и слезами часто бѣду свою нагорожаты и не вѣдати, если въ таковой своей роскоши и оного календарного поправителя часомъ зъ-лиха не проклинаетъ...

„Второе. Такъ тежъ въ мѣстахъ затвористыхъ (т. е. городахъ), нашихъ на свое новыя свята зброиъ (изъ брамъ?) не пущаютъ, въ роботахъ заказуютъ, забираютъ и сажаютъ. Они тежъ, якъ христіяне правовѣрные будучи повинни свята свои церковныя давныя обходити и святити мусять, въ чемъ не малые забавы (т. е. промедленія), трудности и утраты въ своихъ справахъ и господарствахъ домовыхъ и полныхъ (т. е. полевыхъ) и дорогахъ гостинныхъ (т. е. въ торговлѣ), невинне мусятъ относити (т. е. переносить) и тые не маютъ, за што оногожъ благословиты.

„Третье. Такъ тежъ въ ярмаркахъ и у справахъ купецкихъ великихъ, въ записяхъ, въ цырографехъ (т. е. запискахъ, счетахъ) едны по старому, другіе по новому мѣшатися и великихъ трудностей и безпотребныхъ забавъ, накладовъ и утратъ, а часомъ и завасненья (т. е. злобы) уживаты мусять, и съ тыхъ подобно не всѣ мовятъ: бодай здоровъ поправлявъ, якожъ не много ся тутъ послѣ того забавлявъ.

„Четвертое. Къ тому еще мужъ и съ женою, которыхъ самъ Богъ напередъ прозираетъ здалека, а потомъ словомъ своимъ всетворительнымъ черезъ слуги свои церковные злучаетъ въ едно тѣло, межи которыми въ доброй згодѣ и порядку, якъ тѣло едино, такъ воля и мысль маетъ быти едина, первому росказовати и рядити, второму слухати и повиноватися... Теперь тотъ календарь новый нашелъ и тамъ скутки свои новые, въ тыхъ мовлю, где зъ религіи грецкое и римское станъ малженскій приняли, яко жъ то бывало не только межи посполитыми, але и межи зацными станы. Кгдыжъ единому бываетъ средопостье, а другому мясопусты, потомъ единому жалостное роспамятованіе Христовыхъ страстей, а другому веселые роспусты; также тежъ и всѣ свята дорочные, што первѣй съ радостью, съ дѣтками и съ челядкою (т. е. прислугой) хвалу даючи Богу обходили сполечне, теперь мусятъ далеко розно. Съ чого подобно часомъ единому бываетъ маркотно (т. е. скучно, досадно), а другому немило" (стр. 254—255).

Смотрицкій приходитъ къ тому выводу, что календарь потерпѣлъ „покривленіе", а не поправленіе.

Гнѣвомъ Божіимъ за покривленіе календаря авторъ объясняетъ холодную весну 1586 года, когда даже подъ Свѣтлое Воскресеніе было „бурливое и страшное зимно съ великимъ снѣгомъ, же не кождому вольно было и калачи до костела святити отослати, хто былъ въ мили або далей отъ костела, кгдыжъ не только санями или пѣшому, але и на кони не можено гдѣ потреба доѣхати. И много быдла розмаитого въ тотъ день отъ зимна, вѣтру и кгвалтовного снѣгу поздыхало, што и зъ людей мало ся кому не придало" (стр. 258).

Уже изъ приведенныхъ отрывковъ „Ключа" видны литературныя достоинства этого памятника: мѣткость, сила, выразительность и простота. Въ этомъ отношеніи, т. е. по складу мысли и способу выраженія ихъ, Герасимъ Смотрицкій имѣетъ много общаго съ Іоанномъ Вишенскимъ, но онъ превосходитъ послѣдняго со стороны общаго своего развитія, что выражается преимущественно въ систематичности его полемическихъ доводовъ. По справедливому замѣчанію проф. Завитневича, „Ключъ царства небеснаго" не можетъ быть названъ ученымъ трактатомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. „Онъ больше напоминаетъ собою написанную въ популярной формѣ публицистическую статью, чѣмъ ученое сочиненіе въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, онъ отличается несомнѣнными достоинствами... Широта и трезвость взгляда, способность къ тонкому анализу, легкость изложенія, по мѣстамъ живой, невольно вызывающій въ читателѣ улыбку, юморъ, все это

заставлетъ отнести этотъ небольшой трактатъ къ числу лучшихъ памятниковъ нашей первоначальной полемики" [1]).

Почти одновременно съ Герасимомъ Смотрицкимъ противъ новаго календаря выступилъ острожскій священникъ Василій Суражскій, полемистъ столь же энергичный и даровитый. Католики, писавшіе о календарѣ, въ особенности Касьянъ Саковичъ, со злобой отзываются объ острожскомъ клирикѣ Василіѣ. Замѣчаніе Саковича, высказанное въ 1640 г., о томъ, что Василій Суражскій получалъ плату отъ князя Константина Константиновича Острожскаго, заслуживаетъ довѣрія. Князь Константинъ Острожскій, человѣкъ очень богатый, съ отличнымъ образованіемъ, покровительствовалъ вообще людямъ науки, каковы бы ни были ихъ религіозныя убѣжденія. При его дворѣ въ разное время жили и пользовались его высокимъ покровительствомъ и католикъ Лятосъ, и склонявшіеся къ социніанству Мотовило и Бронскій. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ особенности благорасположеніемъ могущественнаго покровителя православія князя Острожскаго пользовались тѣ писатели, которые брали на себя тяжелый трудъ полемики съ латинцами и уніатами, каковы Смотрицкій и Суражскій, православные типографщики, напр. Өедоровъ и другіе, столь же полезные люди для гонимаго православія. Въ самомъ фактѣ платы или денежнаго пособія, если только существовалъ такой фактъ, не было рѣшительно ничего предосудительнаго, такъ какъ въ шляхетной Польшѣ литературное меценатство было весьма развито и всѣ имъ пользовались, такъ что не существовало даже мысли, что такое патронатство можетъ стѣснять умственную свободу.

Настоящая фамилія автора извѣстна изъ польскихъ источниковъ, именно полемическихъ латинскихъ сочиненій XVII в. Въ „Книжицѣ" 1588 г., гдѣ говорится о новомъ календарѣ, находится подпись: „многогрѣшный и хуждшій въ христіанѣхъ оубогый Василей" [2]). Въ письмѣ къ Ипатію Потѣю 1596 года клирикъ Василій называетъ себя „наименьшимъ клирикомъ церкви острожской". Довольно цѣннымъ представляется потому указаніе Касьяна Саковича, что фамилія просвѣщеннаго и энергичнаго сотрудника кн. Острожскаго была Сурасскій.

Самое сочиненіе Василія Суражскаго, гдѣ между прочимъ говорится и о календарѣ, имѣетъ нѣсколько названій. Въ I т. „Описанія славяно-русскихъ книгъ" Каратаева оно называется Сборникомъ; но въ старину оно было извѣстно подъ названіемъ „Книжицы". „Кни-

---

[1]) *Завитневичъ.* Палинодія Захарія Копыстенскаго, 88.

[2]) *Каратаевъ.* Обз. сл.-рус. книгъ I, 240.

жица" эта вышла въ 1588 году въ г. Острогѣ. Названіе сборника она получила потому, что состоитъ изъ шести отдѣловъ: 1) о единой вѣрѣ; 2) объ исхожденіи св. Духа; 3) о первенствѣ римскомъ и о старшинствѣ ихъ епископа; 4) о нѣкоторыхъ разностяхъ въ ученіи между восточной и западной церквами (опрѣснокахъ, субботнемъ постѣ, чистилищѣ и др.); 5) объ измѣненіи дней и праздниковъ и 6) о храмахъ и иконахъ [1]). Въ „Книжицѣ" затронуты и посильно рѣшены всѣ важнѣйшіе вопросы, волновавшіе православныхъ южноруссовъ конца XVI и въ первой половинѣ XVII ст. По замѣчанію г. Завитневича, „Книжица" представляетъ лучшій полемическій памятникъ конца XVI ст. Слабость общей научной подготовки въ значительной степени искупается другими достоинствами, напр. хорошимъ знакомствомъ автора съ св. Писаніемъ, богатый подборъ мѣстъ изъ котораго часто замѣняетъ недостатки научнаго пріема [2]). Въ пятомъ отдѣлѣ Суражскій говоритъ: „Непотребно мню и о нынѣшнемъ дерзопреступленію латинскомъ воспомянути: о премененію дней и святъ, а наболышей о самомъ томъ праздникѣ дня спасительнаго святыя Пасхи, Вознесенія и Духа Святаго въшествія. То нынѣшняго времени латины самомнѣніемъ ослѣпившися и мудростью свѣта сего обезумѣвшися, все преницовали" [3]). Суражскій говоритъ, что замѣчанія его о старомъ календарѣ вызваны главнымъ образомъ проповѣдями Станислава Млодецкаго, сказанными въ г. Вильнѣ въ 1587 г. противъ стараго календаря. Сочиненіе Суражскаго о календарѣ превосходитъ сочиненіе Смотрицкаго по величинѣ и научной основательности. Вообще, все сочиненіе свящ. Василія, въ особенности глава о календарѣ представляются капитальной научной работой. По обширности знаній, начитанности въ свящ. Писаніи и логичности изложенія Василій Суражскій стоитъ наряду съ Захаріей Копыстенскимъ. Въ началѣ трактата о календарѣ Суражскій говоритъ о сотвореніи міра и человѣка, о лунномъ и солнечномъ годахъ, о праздновапіи пасхи евреями, затѣмъ о зодіакальныхъ знакахъ, о лѣтосчисленіи отъ сотворенія міра, о возникновеніи пасхальныхъ вычисленій, о соборныхъ постановленіяхъ касательно времени празднованія Пасхи и наконецъ обращается къ православнымъ съ увѣщаніемъ твердо сохранять старый календарь, не поддаваясь на католическіе соблазны „Не подобаетъ преступати, говоритъ онъ,—предѣловъ старыхъ, яже положили отцове наши" [4]).

---

[1]) „Книжица" издана въ 7 т. Русск. историч. библіотеки (Вторая кн. памят. полемич. литер.). О „Книжицѣ" см. *Завитневича.* „Палинодія" 95—104, *Каратаева.* Обзоръ I. 240; *Филаретъ.* Обзоръ I, § 154.

[2]) *Завитневичъ*, 103.

[3]) *Русск. историч. библіот.* VII. 853.

[4]) Тамъ же, 909.

Въ статьѣ „о премѣненію дней" находится нѣсколько любопытныхъ замѣчаній автора о сотвореніи міра, недостаткахъ евреевъ и зодіакѣ. „Не мнимай, говоритъ онъ, о зодіакальныхъ знакахъ, ижъ бы што изъ тыхъ помененныхъ животовъ или быдлятъ въ обитаніи небесномъ быти мѣло. Ничого бо такъ грубого въ небѣ не есть, ни овецъ, ни быковъ, на львовъ и прочихъ бестій" и далѣе объясняетъ названія зодіакальныхъ знаковъ: „1) *Овенъ*: Яко овенъ зимѣ лежитъ на сторонѣ лѣвой, на весну же начинаетъ лежати на сторонѣ правой, такъ же и солнце предъ тымъ часомъ пребываетъ на лѣвой сторонѣ тверди, т. е. на полудни, а въ то время входитъ на сторону десную, иже есть сѣверъ. 2) *Быкъ*—есть моцнѣйши овна, также крѣпче солнце силою въ то время. 3) *Близнецъ*—зане въ то время мощь солнца двоится, начанаетъ бо быти тепло и сухотворительне. 4) *Ракъ*—солнце въ то время вспять грядетъ, отходя отъ насъ, въ полуночной странѣ продолжаючи день. 5) *Левъ*—въ то время всякія сѣмена, плоды и быліе до совершеннаго возрасту и силы доспѣвше крѣпостью дебелѣютъ. 6) *Дѣва* остатняя часть лѣта; яко бо дѣва ничтоже рожаетъ, сице и время то неплодно. 7) *Вѣсы* или *вагы*—отъ ровности ночи съ днемъ. 8) *Скорпіонъ*—время то болѣзниво есть, для неравности воздуха: споранку бо студень дотыкаетъ, а въ полудни теплота признояетъ. 9) *Стрѣлецъ*—зане въ то время отъ работъ упразднившися чаще ловитвою забавляются. 10) *Туръ* или *козорогъ*—на высокихъ горахъ и въ глубокихъ роздолахъ пасется, также солнце на высочайшемъ стопню къ полудню ночь продолжаетъ и студень умножаетъ. 11) *Водолей*—время то мокростью и вѣтры обфитующи, и 12) *Рыбы*—есть время рыболовства" [1]).

Такихъ житейскихъ, бытовыхъ доводовъ въ пользу сохраненія стараго календаря, какіе привелъ Смотрицкій, въ „Книжицѣ" не оказывается.

Въ Слѣдованной псалтири, изд. въ Острогѣ въ 1598 г., Василій Суражскій снова говоритъ о „новоутворенномъ богопротивномъ календарѣ" [2]).

Въ 1596 г. вышло „Казанье св. Кирилла объ антихристѣ" въ переводѣ Стефана Зизанія, съ комментаріями, въ которыхъ развивается мысль, что римскій епископъ есть антихристъ. Мысль эта вышла изъ среды протестантовъ и охотно принята была православными въ лицѣ Стефана Зизанія, такъ какъ находила оправданіе въ тѣхъ насиліяхъ, которыя терпѣли православные отъ католиковъ.

---

[1]) Тамъ же 889—891.
[2]) *Каратаевъ*, I, 298.

Вмѣстѣ съ „Казаньемъ" Зизаній издалъ посланіе константинопольскаго патріарха противъ новаго календаря. Іезуитъ Жебровскій, возражая Зизанію, говоритъ, что въ своей книгѣ онъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: имѣлъ въ виду поселить въ народѣ ненависть къ іезуитамъ и новому календарю и развить ненависть къ папѣ, выдавая его за антихриста. Далѣе Жебровскій отвергаетъ подлинность посланія константинопольскаго патріарха въ томъ видѣ, какъ привелъ его Зизаній, на томъ основаніи, что оно написано съ дѣтской наивностью и состоитъ изъ непристойныхъ словъ и ругательствъ, что не согласно съ достоинствомъ патріарха [1]).

Блестящій періодъ полемики православныхъ противъ новаго календаря завершается Апокрисисомъ Христофора Филалета. Въ первой части отвѣта главѣ 8 заключаются „разсужденія людей древней греческой вѣры о томъ, почему они не хотятъ принять новаго календаря". Христофоръ Филалетъ (Бронскій) съ свойственной ему силой логики, спокойно и послѣдовательно наноситъ ударъ за ударомъ гонителямъ стараго календаря. Прежде всего Бронскій указываетъ, что и на католическомъ западѣ новый календарь встрѣченъ съ неудовольствіемъ. „Нѣкоторые западные астрономы, говоритъ онъ, издали книги противъ этого исправленія, доказывая, что оно сдѣлано безъ нужды; другіе признаютъ, что исправленіе было нужно, но сдѣлано несоотвѣтственно нуждѣ". Не упоминая о чужестранныхъ астрономахъ, Бронскій приводитъ выдержку изъ Мѣсяцеслова Лятоса 1597 года, гдѣ говорится о нарушеніи правила Никейскаго собора о времени празднованія Пасхи. Не входя въ астрономическій споръ о календарѣ, авторъ Апокрисиса замѣчаетъ, что перемѣною прежняго церковнаго исчисленія у самихъ астрономовъ римской церкви, издающихъ календари, такъ помѣшаны соображенія, что они въ своихъ мѣсяцесловахъ на одинъ воскресный день полагаютъ разныя евангелія. Весьма важнымъ для пониманія исторіи полемики о календарѣ представляется слѣдующее замѣчаніе Бронскаго: „Когда мы видимъ, что господа римляне, называя это вещью маловажною, усиленно стараются и намъ внушить тоже, то опасаемся, чтобы подъ видомъ этого календаря не были приняты средства къ чему-либо иному и чтобы съ этимъ выдуманнымъ папой календаремъ не было со временемъ выдано намъ изъ того же Рима что-нибудь болѣе пріятное. Поелику господа римляне принятіе календаря почитаютъ дѣломъ маловажнымъ, говоря, что оно не есть догматъ вѣры и не относится къ спасенію, то имъ поэтому нечего домагаться отъ насъ принятія его, и они не имѣютъ причины негодовать на насъ, если

[1]) *Завитневичъ*. Палинодія 135.

мы не угождаемъ имъ въ томъ, что они сами считаютъ маловажнымъ".—„Что во всѣхъ городахъ, исповѣдующихъ греческую вѣру, есть люди римскаго закона, объ этомъ мы не спрашиваемъ. Да если бы и въ самомъ дѣлѣ было такъ, поелику въ этихъ городахъ большинство людей греческаго исповѣданія, то справедливѣе было бы, чтобы въ этомъ случаѣ мéньшая часть слѣдовала большей. Если же это не угодно, то что мѣшаетъ всякому праздновать святые дни по преданію своей церкви? Жиды, явные хульники величія Божія, тоже не имѣютъ своихъ ни селъ, ни городовъ, а живутъ вмѣстѣ съ христіанами; однакожъ они празднуютъ святые дни свои, когда хотятъ, по своему закону. А мы, люди греческаго исповѣданія, легко можемъ доказать, что у насъ есть много селъ такихъ, въ которыхъ римлянъ вовсе нѣтъ. Что касается согласія, то если дѣло идетъ о согласіи политическомъ, мы не видимъ, почему бы могла мѣшать ему теперь разность календаря, когда она не мѣшала ему прежде. А если дѣло идетъ о согласіи духовномъ, то начинать его принятіемъ календаря значило бы начинать съ весьма тонкаго конца, потому что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ мы имѣли одинъ календарь, и все таки твердаго согласія между нами не было, поелику была разность въ другихъ вещахъ" [1]).

Вишневскій въ числѣ защитниковъ стараго календаря упоминаетъ Льва Мамонича, не обозначая при этомъ ни его сочиненія, ни времени его составленія [2]). Такъ какъ въ другихъ случаяхъ всегда упоминается и то, и другое, то можно думать, что Вишневскій не читалъ и не видѣлъ такого сочиненія Мамонича. Левъ Козьмичъ Мамоничъ принадлежалъ къ образованной и богатой семьѣ Мамоничей, имѣвшей въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст. въ Вильнѣ типографію. Самой ранней книгой, вышедшей изъ виленской типографіи Мамоничей, былъ Служебникъ 1583 г., затѣмъ идетъ цѣлый рядъ изданій этой типографіи, и послѣднее, Служебникъ, относится къ 1607 году. Изъ предисловій къ изданнымъ Мамоничами книгамъ можно извлечь кое-какія данныя о самихъ издателяхъ. Оказывается, что типографія принадлежала двумъ братьямъ, Козьмѣ и Лукѣ, причемъ Козьма Ивановичъ Мамоничъ былъ бурмистромъ виленскимъ, а Лука Ивановичъ—скарбнымъ короля. Въ 1600 г. еще встрѣчается имя Козьмы Мамонича, но въ 1602 г. является уже въ предисловіяхъ сынъ его Левъ. Въ 1602 г. вышли въ Вильнѣ „Молитвы повседневныя", въ типогр. Л. Мамонича, въ 12 д. л.

---

[1]) *Апокрисисъ*, 75—78.
[2]) *Wisznewski*. Hist. literat. polskiej. VII. 373.

Здѣсь находится статья „О пасхаліи и пасцѣ". Пасхалія оканчивается 1615 годомъ; продолженіе утрачено[1]).

Такимъ образомъ православные вступили въ семнадцатый вѣкъ уже съ обширной литературой въ защиту стараго календаря. Для характеристики и правильной оцѣнки тогдашняго умственнаго состоянія русскаго общества важно, что православные столь быстро выдвинули научную и литературную защиту стараго календаря и сказали въ его пользу и огражденіе болѣе, чѣмъ сказали въ тотъ же періодъ времени его противники. Послѣдніе берутъ верхъ въ литературной борьбѣ въ половинѣ XVII вѣка, къ какому времени православная полемика относительно календаря слабѣетъ и почти совсѣмъ прекращается. Противники стараго календаря въ половинѣ XVII ст. нападаютъ лишь на старыхъ его защитниковъ, Герасима Смотрицкаго, Василія Суражскаго и Христофора Бронскаго. Вопросъ о превосходствѣ того или другаго календаря почти всегда разсматривался въ тѣсной связи съ догматическими и обрядовыми особенностями католицизма и православія, въ особенности въ связи съ латинскимъ ученіемъ о главенствѣ и непогрѣшимости папъ, и потому во всѣхъ статьяхъ о старомъ и новомъ календаряхъ находится много религіозной нетерпимости, полемическаго задора и страстныхъ выходокъ.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору направленныхъ противъ стараго календаря сочиненій римско-католиковъ, мы должны уяснить причину, почему въ семнадцатомъ вѣкѣ католики берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ православными въ литературной полемикѣ о календарѣ, какъ по числу сочиненій, такъ и по научной ихъ доброкачественности.

Сильное развитіе полемической литературы православныхъ въ концѣ XVI ст. объясняется тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, что въ это время православнымъ покровительствовалъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, человѣкъ могущественный по уму, энергіи, богатству и связямъ съ королемъ и высшей аристократіей. Онъ поддерживалъ защитниковъ православія матеріально и нравственно, настойчиво разыскивалъ ихъ и сближалъ на общей почвѣ литературнаго труда на пользу роднаго края. Важное значеніе князя К. Острожскаго хорошо оцѣнено было уже южнорусскими людьми XVII ст. и въ особенности Захаріей Копыстенскимъ. „Княжа Острожское Василій Константиновичъ, говоритъ онъ въ Палинодіи, рожай свой зъ благословеннаго Яфето-Росскаго поколѣня провадитъ, пресловутого Володимера, монархи великаго, и Даніила, княжатъ Росскихъ, власный потомокъ.... высоце преславный въ дѣлности и

[1]) *Каратаевъ.* Описаніе слав.-рус. книгъ, I 221, 229, 232, 233, 235, 236, 246, 247, 250, 252, 254, 255, 256, 260, 292, 296 и 309.

правовѣріи, первый межи княжаты россиими, великій заступъ и утѣха всего народу русского, муръ (т. е. стѣна) желѣзный на Украинахъ, страхъ и трепетъ татарамъ, слава и свѣча ясносвѣтная кролевства польского, оздоба и окраса сеймовая, всѣхъ публичныхъ съѣздовъ око и сила потужная.... урода Гекторова, красота лица и особы Іосифа Прекраснаго, постава всѣннялая (т. е. величественнаго вида), мужъ обычаевъ царскихъ, ласкавости и цнотъ побожныхъ полный.... Згола (т. е. вообще)—мужъ словомъ, силою и дѣломъ, цнотами и добродѣйствы преславный". „Найдовалися при его дворѣ, говоритъ далѣе Копыстенскій, и мовцы оному Демосфенови ровныи и иные различные любомудрцы, найдовалися и докторове славныи, въ греческомъ, славенскомъ и латинскомъ языкахъ выцвѣчоныи, найдовалися и математикове и астрологове превыборныи, межи которыми презацный математикъ, философъ и астрологъ Янъ Лятосъ, который календарь новый славне зганилъ и перомъ доводне чрезъ друкъ показалъ, же есть омыльный"[1]). 13 февраля 1608 года скончался князь К. К. Острожскій. Дѣти его приняли католицизмъ, а внучка Анна Александровна является уже фанатической гонительницей православія. Всѣ имѣнія князя К. К. Острожскаго, острожское училище и типографія перешли въ руки іезуитовъ. Полное паденіе Острога, какъ православнаго литературнаго и научнаго центра, должно было вредно отразиться и на Львовѣ, и на всей юго-западной Руси, черпавшей силы для научной и литературной борьбы съ католиками въ волынскихъ и галицкихъ школахъ. Люди науки не могли найти ни матеріальнаго обезпеченія, ни простой безопасности. А потому они должны были молчать, а другіе переселились въ Кіевъ, пристроились къ Печерской лаврѣ, и здѣсь нѣкоторые, напримѣръ, Захарій Копыстенскій, продолжаютъ трудиться въ направленіи, установленномъ ранѣе острожскими учеными. Важно при этомъ было то обстоятельство, что въ Кіевѣ подъ вліяніемъ Петра Могилы и учрежденной имъ коллегіи измѣняется вся система научнаго образованія. Она рѣзко уклоняется отъ принятыхъ ранѣе въ братскихъ школахъ греко-славянскихъ началъ, особенно прочно установленныхъ во львовской школѣ учителемъ греческаго языка митрополитомъ еласонскимъ Арсеніемъ въ концѣ XVI ст., и усвоиваетъ схоластическую форму и содержаніе латино-польской науки, а вмѣстѣ съ измѣненіемъ системы научнаго образованія не могъ до нѣкоторой степени не измѣниться общій характеръ религіозной полемики и выборъ полемическихъ темъ.

Латино-уніаты неоднократно упрекали православныхъ, что они пользуются услугами аріанъ. Въ этомъ упрекѣ была значительная

---

[1]) *Русская историч. библіотека.* IV. 1135–1136.

доля правды, только въ приложеніи къ кн. К. К. Острожскому и главнымъ его литературнымъ сотрудникамъ. Князь К. К. Острожскій не отвергалъ услугъ иновѣрныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда услугами этими православіе ни мало не нарушалось, а воинствующему папизму наносился чувствительный вредъ. Такую услугу православнымъ болѣе всего могли оказать социніане. Аріанство, отвергавшее божественное происхожденіе Спасителя, возникло въ IV ст. и было осуждено тогда же въ 325 г. на Никейскомъ соборѣ. Время отъ времени оно возрождалось въ разныхъ мѣстахъ Европы. Въ XVI ст. представителемъ аріанства въ Европѣ былъ Серветъ. Послѣдователи его, Лелій и Фаустъ Социны, внесли въ 1551 г. аріанство въ Польшу, гдѣ оно стало быстро развиваться подъ именемъ социніанства. Въ богослуженіи и обрядахъ социніанство представляло много сходнаго съ лютеранствомъ. Въ 1585 г. различные аріанскіе толки и партіи были объединены въ Польшѣ Фаустомъ Социномъ, и въ концѣ XVI ст. социніанство получаетъ блестящее развитіе въ Польшѣ и западной Руси. Въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ появились социніанскія общины, а при нихъ школы и типографіи. Рука объ руку съ социніанствомъ развивался протестантизмъ. Въ началѣ XVII в. іезуитамъ удалось подорвать протестантизмъ и лютеранство, при дѣятельномъ содѣйствіи правительства, которое въ 1644 г. закрыло социніанскія церкви и школы на Волыни [1]). Въ блестящій періодъ развитія социніанство выставило рядъ энергичныхъ и талантливыхъ писателей. На почвѣ иновѣрческой протестантской науки воспитался, между прочимъ, Христофоръ Филалетъ—Бронскій, одинъ изъ самыхъ сильныхъ защитниковъ православія и стараго календаря. Во мнѣніи о значеніи поминовенія усопшихъ на сторону лютеранъ склонялся и Василій Суражскій, такъ какъ, повидимому, молитвы за усопшихъ признавалъ полезными собственно для поминающихъ [2]). Уклоненія Христофора Бронскаго и Василія Суражскаго въ нѣкоторыхъ частныхъ богословскихъ вопросахъ въ сторону протестантизма давало латиноуніатамъ возможность частныя ошибки и заблужденія отдѣльныхъ лицъ распространять на весь южнорусскій народъ и обвинять его огульно въ склонности къ лютеранству, въ ереси. Между тѣмъ, эти ошибки и заблужденія обусловлены были лишь преобладаніемъ въ данный моментъ протестантскихъ научныхъ пособій. Отъ характера пособій зависѣлъ и позднѣе характеръ православныхъ полемическихъ сочиненій. Когда въ системѣ научнаго образованія окончательно утвердилась латино-польская схоластика, и православные полемисты

---

[1]) *Левицкій* въ Кіев. Стар. 1882 г.; *Соколовъ*. Отнош. протест. къ Россіи 252—262, *Любовичъ*. Исторія реформаціи въ Польшѣ, 273 и др.

[2]) *Завитневичъ*. Палинодія, 100 и слѣд.

второй половины XVII вѣка стали руководствоваться почти исключительно католическими научными сочиненіями, преимущественно Бароніемъ, то въ ихъ трудахъ стали появляться латинскія мнѣнія, напримѣръ, мнѣніе о времени пресуществленія св. Даровъ.

Въ XVII вѣкѣ православные лишь изрѣдка выступаютъ въ защиту стараго календаря, причемъ говорятъ о немъ въ короткихъ словахъ, удѣляя вниманіе преимущественно на полемику противъ латинскихъ ученій объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына и о главенствѣ римскаго папы. Они ищутъ не столько научной, сколько правовой опоры въ знаменитыхъ охранительныхъ грамотахъ короля Стефана Баторія 1585 и 1586 годовъ. Такъ, виленское православное братство издало въ 1621 году въ защиту возстановленной патріархомъ Ѳеофаномъ западно-русской іерархіи сочиненіе „Verificatia niewinnósci“, въ которомъ заявляло, что по смыслу привилегій, данныхъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, православные не могутъ допустить ни малѣйшей перемѣны въ календарѣ, церковныхъ обрядахъ и богослуженіи безъ разрѣшенія константинопольскаго патріарха [1]).

Въ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго (окончена въ 1622 г., но не была въ XVII ст. издана) части II раздѣлѣ IX артик. 7 находится краткое замѣчаніе о новомъ календарѣ, какъ „правдѣ и старожитности противномъ“. Этотъ календарь „весь христіанскій свѣтъ замѣшалъ и межи всѣми народамит урбацію справилъ“ [3]).

Въ сочиненіи Захаріи Копыстенскаго „О правдивой едности“ (1623 г.) говорится, что не восточная, а римская церковь должна быть приведена къ потерянному ею единству, такъ какъ она уклонилась отъ многаго такого, что прежде сама признавала, напримѣръ, перемѣнила календарь [4]).

Прежде чѣмъ обратимся къ направленной противъ стараго календаря полемической литературѣ католиковъ, опредѣлимъ здѣсь отношеніе къ нему первыхъ уніатовъ, точнѣе сказать, родоначальниковъ религіозной уніи въ южной и западной Россіи, Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго. И въ этомъ случаѣ, какъ во всемъ прочемъ, относящемся къ южнорусской народности, эти дѣятели оказались измѣнниками и предателями. Но въ отношеніи стараго календаря ихъ предательство не нашло подражателей и послѣдователей, и уніаты до сихъ поръ тщательно сохраняютъ старый календарь. Изъ письма луцкаго бискупа Маціевскаго отъ 22 августа 1588 года къ папскому нунцію въ Польшѣ видно, что уже въ 1588 г. брестскій

---

[1]) *Архивъ* юго-зап. Россіи. I, VII. 316.
[2]) *Русская историч. библіотека* т. IV. 785.
[3]) *Завитневичъ*. Палинодія 292.

судья Адамъ Потѣй—впослѣдствіи владимірскій епископъ Ипатій, имѣлъ мысль подчинить южнорусскій народъ римскому престолу [1]). Подготовляя почву для открытой дѣятельности по уніатской пропагандѣ, Ипатій Потѣй обнаружилъ враждебное отношеніе, между прочимъ, и къ старому календарю. Въ число первоначальныхъ условій уніи была поставлена статья о введеніи новаго календаря, и епископы Терлецкій и Потѣй согласились на принятіе ея. Өома отъ Іисуса въ сочиненіи „Opera omnia" (1684 г.) говоритъ, что отъ имени братіи еще до присоединенія къ уніи согласились принять новый календарь, но съ условіемъ сохраненія старыхъ праздниковъ: „Calendarium novum, si secundum morem antiquum fieri possit, suscipimus". Они напечали въ Римѣ въ 1596 г. книжку о новомъ календарѣ, изъ которой въ печати извѣстно только два листика, изданные Я. Ө. Головацкимъ въ Зап. Акад. Наукъ. И здѣсь авторъ книги выставляетъ на видъ, что „старая пасхалія и порядокъ святъ, въ ней предписанныхъ, не отмѣнился" [2]). Православные, современники Потѣя, знали о его замыслѣ перемѣнить календарь и ставили ему это въ вину. Въ „Перестрогѣ" неизвѣстнаго львовскаго священника (м. б. Андрея Вознесенскаго) 1600—1605 годовъ говорится, что Терлецкій и Потѣй, „склѣтивши тую унію и выдруковавши тамъ же (т. е. въ Римѣ) календарь новый, съ тымъ до насъ пріѣхали и не отворялися такъ явнѣ, только потаемнѣ и скрытнѣ межи собою то ховали.... И выдали еще книжку свою противъ книжки нѣякого Филалета, грозячи ему кіемъ.... и пишетъ въ этой книжкѣ Поцѣй о новомъ календарѣ, отпечатанномъ въ Римѣ, хвалячи той богопротивный календарь, яко есть добрый и весьма потребный" [3]).

Ипатія Потѣя считаютъ авторомъ книги объ уніи, вышедшей въ 1595 г. въ Вильнѣ. Этотъ трактатъ былъ своего рода исповѣданіемъ вѣры, подъ которымъ должны были подписаться тѣ изъ православныхъ, которые рѣшили войти въ единеніе съ Римомъ. Въ числѣ главныхъ условій для уніи стоитъ перемѣна календаря, на томъ основаніи, что старый календарь подкрѣпляетъ въ православныхъ чувство вражды къ латинянамъ [4]).

Въ защиту новаго календаря выступали преимущественно іезуиты, Жебровскій, Смиглецкій, Росцишевскій. Первоначально предметомъ нападенія былъ Лятосъ, затѣмъ почти исключительно православные. Изъ польскихъ сочиненій въ защиту новаго календаря

---

[1]) *Макарій, митроп.* Исторія рус. церкви. IX. 470.
[2]) *Головацкій.* Книга о новомъ календарѣ, XXXII.
[3]) *Акты Зап. Россіи.* IV № 149, стр. 225.
[4]) *Завитневичъ.* Палинодія, 104—110.

болѣе всего могли быть извѣстны православнымъ сочиненія Вуска, какъ довольно популярнаго въ Польшѣ писателя и двѣ проповѣди доктора и профессора Виленской академіи Гродзицкаго (1589 г.)[1]. Такъ какъ православные при всякомъ удобномъ случаѣ указывали на охранительныя грамоты Стефана Баторія, какъ на доказательство того, что по мнѣнію самаго короля принятіе новаго календаря могло состояться лишь съ разрѣшенія константинопольскаго патріарха, то католики издали въ 1621 году въ подрывъ православнымъ сочиненіе „Sowita wina" гдѣ приводится та мысль, что во всякой привилегіи есть двѣ стороны или части, главная и второстепенная, principale et accessorium. Въ грамотахъ Стефана Баторія главное дарованіе права хранить старый календарь, а второстепенное и неважное—вопросъ объ отношеніи православныхъ южно и западно-руссовъ къ константинопольскому патріарху[2].

Въ 1634 г. нотаріусъ старой Варшавы Скупинскій издалъ полемическое сочиненіе „Rozmowa albo rellatia rozmowy dwoch rusinow schizmatica z unitem". Сочиненіе это направлено противъ изданнаго въ 1632 г. православнымъ виленскимъ братствомъ „Synopsis'a". Въ „Розмовѣ" схизматикъ жалуется, что написты испортили старый календарь, а уніатъ устами автора отвѣчаетъ ему, что въ общей суммѣ различій между православіемъ и католицизмомъ различіе въ календарѣ представляется наименѣе важнымъ. Скупинскій думаетъ, что западная церковь не обнаружила бы неудовольствія, если бы восточная церковь предупредила ее въ исправленіи календаря[3].

Наиболѣе сильныя нападенія католиковъ на старый календарь относятся къ сороковымъ годамъ семнадцатаго вѣка. Въ это время противъ него выпущены были спеціальные объемистые труды Саковичемъ, Брожекомъ и Дубовичемъ.

Кассіанъ, въ мірѣ Каллистъ, Саковичъ родился около 1578 года въ Подтеличѣ отъ православнаго священника. Образованіе получилъ въ академіяхъ замойской и краковской. Нѣкоторое время онъ жилъ при дворѣ перемышльскаго уніатскаго епископа Аѳанасія Крупецкаго, затѣмъ перешелъ въ Кіевъ, гдѣ, какъ человѣкъ энергичный и хорошо къ тому времени образованный, быстро выдвинулся и занялъ мѣсто ректора кіево-братской школы. Саковичъ былъ человѣкъ весьма талантливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне легкомысленный и честолюбивый[4]. Въ 1625 г. онъ, разсорившись съ

---

[1]) *Wisznewski.* Hist. literat. polskiej, VII 373, X 517.
[2]) *Архивъ* Юго-Зап. Россіи, I, VII, 467.
[3]) Тамъ же, 693.
[4]) *Голубевъ.* Исторія кiев. дух. акад. I, 216; *Wisznewski,* VIII, 363.

люблинскимъ братствомъ, перешелъ въ унію, затѣмъ въ католицизмъ и написалъ въ пользу его нѣсколько сильныхъ полемическихъ сочиненій, въ которыхъ нападаетъ на православныхъ и уніатовъ. Свою „многомятежную" жизнь Саковичъ окончилъ въ 1647 г. въ Краковѣ, не достигнувъ высокаго іерархическаго положенія (пробощемъ) [1]).

Саковичъ написалъ много сочиненій—„Вирши на погребъ Конашевича-Сагайдачнаго", „Трактатъ о душѣ", „Епанортозисъ" и нѣсколько другихъ, за исключеніемъ Виршей, на польскомъ языкѣ и въ католическомъ духѣ.

Въ 1640 году, состоя архимандритомъ Дубенскаго монастыря, Саковичъ издалъ въ Вильнѣ сочиненіе: „Kalendarz stary, w którym iawny i oczywisty błąd pokazuje się około święcenia Paschy i responsy na zarzuty Starokalendarzan i co za pożytki ruskiemu narodowi z przyjęcia nowego kalendarza a jakie szkody z trzymania się starego, i jako się ma rozumieć poprawa kalendarza" [2]).

Второе изданіе этого календаря вышло въ Краковѣ въ 1644 году подъ заглавіемъ „Okulary kalendarzowi staremu". Мы пользовались экземпляромъ „Окуляровъ", находящимся въ фундаментальной библіотекѣ харьковской духовной семинаріи, и всѣ наши дальнѣйшія ссылки и цитаты сдѣланы по этому экземпляру.

„Окуляры"—небольшая книжка, въ 8 д. л. и 44 страницы. На заглавномъ листѣ авторъ уже объясняетъ, что онъ прежде (въ 1640 г.) былъ уніатскимъ архимандритомъ Дубенскаго монастыря, а теперь, въ 1644 г., состоитъ католическимъ священникомъ.

На сочиненіе Саковича о календарѣ уже обратили вниманіе Пекарскій [3]) и г. Кояловичъ, но замѣчанія ихъ ограничиваются нѣсколькими словами. Г. Кояловичъ называетъ „Окуляры" „пустымъ" сочиненіемъ [4]), съ чѣмъ трудно согласиться. Сочиненіе это содержательно въ ряду другихъ схоластическихъ книгъ XVII в. и написано бойко и толково. Православнымъ приходилось серіозно считаться съ Саковичемъ, и Петръ Могила нашелъ нужнымъ выступить противъ него, именно другаго его сочиненія, „Епанортозиса," не только съ серіозными фактическими опроверженіями, но и съ бранью и поношеніемъ Саковича, какъ человѣка одноухаго и толстобрюхаго.

На первой страницѣ „Окуляровъ" находится гербъ Любомирскихъ; на второй—посвященіе книги краковскому воеводѣ Станиславу Любомирскому. Безъ изображенія герба того или другаго магната и безъ посвященія ему книги, большею частью высокопарнаго и льсти-

---

[1]) Тамъ же, 216.
[2]) *Wisznewski*, IX, 517.
[3]) *Пекарскій*, въ Отечеств. Запискахъ 1862, II, 573.
[4]) *Кояловичъ*. Литовск. церк. унія, I, 203.

ваго, не обходилось ни одно сочиненіе XVII в. Обыкновеніе это глубоко вкоренилось въ нравы тогдашнихъ писателей, что вполнѣ гармонировало съ шляхетскимъ строемъ польскаго быта. Самохвальство древностью и благородствомъ происхожденія, имѣвшее мѣсто въ западной Европѣ при феодальномъ строѣ западной жизни, вполнѣ усвоено было поляками. Шляхтичи старались возводить исторію своихъ родовъ ко временамъ отдаленнымъ. По замѣчанію проф. Голубева, „іезуиты цѣлые полтораста лѣтъ наполняли Польшу дымомъ отъ сожигаемаго передъ панами и ихъ клейнодами ѳиміама. Гербы толковались и восхвалялись ими почти всюду, въ проповѣдяхъ, надгробныхъ эпитафіяхъ, панегирикахъ, предмовахъ къ книгамъ, рѣчахъ [1])". Это обыкновеніе усвоено было въ XVII ст. православными писателями и получило широкое распространеніе въ южной Россіи; въ особенности прославлялся гербъ Петра Могилы, затѣмъ гербы князя Острожскаго, Желиборскихъ, Балабановъ и др. вельможныхъ.

Въ посвященіи книги Любомирскому Саковичъ говоритъ, что православные увидѣли уже свои нестроенія изъ другаго его сочиненія—„Переспективы" (т. е. „Епанортозиса" 1642 г.) и стремятся установить у себя порядокъ. Въ послѣднихъ словахъ нужно видѣть указаніе на просвѣтительную дѣятельность Петра Могилы.

Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе автора къ благочестивому читателю. Здѣсь Саковичъ жалуется, что подвергся „burliwosci y nienawisci" со стороны православныхъ, и въ отвѣтъ на ихъ нападенія онъ издаетъ книгу о календарѣ, съ помощью пресв. Богородицы и католической церкви и съ одобренія уніатскаго митроп. Селявы.

„Okulary" раздѣляются на 12 пунктовъ, или главъ. Въ первомъ пунктѣ Саковичъ говоритъ, что православные готовы принять унію при условіи, чтобы кіевскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ, причемъ находитъ это условіе неудобоисполнимымъ, такъ какъ ничего подобнаго ранѣе въ Польшѣ не было и даже папскій нунцій не засѣдаетъ въ сенатѣ. На 4 стран. Саковичъ замѣчаетъ: „я знаю многихъ уніатовъ и православныхъ, которые желаютъ принять григоріанскій календарь, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много католиковъ (praevalet catholicismus) и гдѣ православнымъ русскимъ не позволяютъ ни торговать, ни заниматься ремеслами въ католическіе праздники".

Во второмъ пунктѣ Саковичъ говоритъ, что католическая пасха освящается въ надлежащее время, а православная въ ненадлежащее. Въ этомъ пунктѣ на стран. 9 находится цѣнное свидѣтельство о „великомъ" защитникѣ стараго календаря Василіѣ Суражскомъ, из-

---

[1]) *Голубевъ*, въ Трудахъ кіевск. духов. акад. 1872, X, 300.

давшемъ въ Острогѣ въ 1588 г. книгу на русскомъ языкѣ въ защиту стараго календаря. Саковичъ слово великій въ данномъ случаѣ употребляетъ въ ироническомъ смыслѣ; но изъ того, что онъ неоднократно возвращается къ Василію Суражскому съ колкими и язвительными словами, видно, что этотъ малоизвѣстный православный писатель конца XVI ст. своимъ сочиненіемъ о старомъ календарѣ сослужилъ хорошую службу родному краю. Ко второму пункту близко стоятъ по содержанію пункты третій и шестой. Въ третьемъ пунктѣ Саковичъ довольно ловко и хитроумно, съ фактической аргументаціей, доказываетъ, будто православные въ 1643 и въ 1644 годахъ справляли пасху противъ правилъ св. отцовъ, а въ 6 пунктѣ осмѣиваетъ Василія Суражскаго за то, что онъ будто совѣтывалъ при опредѣленіи времени празднованія Пасхи руководствоваться не только правилами св. отцовъ, но и появленіемъ весенней растительности, травъ и цвѣтовъ. Саковичъ указываетъ здѣсь на позднее появленіе травъ и цвѣтовъ въ холодныхъ странахъ.

Въ 5 пунктѣ авторъ говоритъ, что математикъ Лятосъ находилъ недостатки въ старомъ календарѣ, и если потомъ писалъ въ его защиту, то будто бы по подкупу. Православные платили тѣмъ, которые писали противъ римской церкви и отклоняли православныхъ отъ соединенія съ нею, причемъ поименовываются Христофоръ Филалетъ и Василій Суражскій.

Въ 7 пунктѣ находится опроверженіе мнѣнія православныхъ, что римская Пасха можетъ иногда приходиться въ день еврейской Пасхи. Саковичъ усматриваетъ въ этомъ мнѣніи „хлопское“ пониманіе календаря.

Въ 8 пунктѣ опровергается мнѣніе старокалендарцевъ, что папа не могъ исправлять календаря безъ согласія восточныхъ патріарховъ. Въ этой же главѣ опровергается распространенное на всемъ православномъ востокѣ вѣрованіе, что подъ Свѣтлое Христово Воскресенье небесный огонь нисходитъ ко Гробу Господню въ Іерусалимѣ и возжигаетъ свѣтильники. На Руси вѣрованіе это встрѣчалось уже въ XII в., въ „Хожденіи“ игумена Даніила, гдѣ подробно говорится о „свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ ко Гробу Господню“. Старинные западные путешественники раздѣляютъ это вѣрованіе. Саковичъ усматривалъ въ этомъ вѣрованіи опору греческой вѣры и потому старался его устранить.

Въ пунктѣ 9 проводится та мысль, что многочисленность послѣдователей и сторонниковъ стараго календаря не можетъ доказывать его превосходства надъ новымъ календаремъ; въ пунктѣ 10,— что православнымъ, съ принятіемъ новаго календаря, не придется производить перемѣнъ въ праздникахъ. Въ 11 пунктѣ находится

объясненіе, когда, кѣмъ и какимъ образомъ исправленъ былъ юліанскій календарь.

Послѣдній пунктъ, 12-ый, посвященъ изложенію тѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ выгодъ, которыя получатъ православные съ принятіемъ новаго календаря. Тутъ же высказывается и основное желаніе автора, чтобы православные приняли сначала новый календарь, а затѣмъ и все остальное въ католицизмѣ. Восхваляя послѣдній, Саковичъ дѣлаетъ любопытное признаніе, что онъ, будучи еще православнымъ священникомъ, поминалъ на литургіи папу и признавалъ латинскій догматъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Обращаясь въ концѣ своего сочиненія къ малороссіянамъ съ предложеніемъ принять григоріанскій календарь, Саковичъ проситъ ихъ не обращать вниманія на то, что стараго календаря придерживаются греки и москвитяне, причемъ старается унизить тѣхъ и другихъ. Въ вину грековъ Саковичъ ставитъ, что они живутъ подъ турецкимъ игомъ, а москвитянъ обвиняетъ въ жестокости и ереси. Въ московскомъ государствѣ, по словамъ Саковича, „jak w Turcech o wierze nie disputują, boc mieczem gębe zatkają. Ale ty szczęsliwy narodzie ruski wrodziwszy się w zlotej wolnośći możesz o sobie radzic, y to co y według dusze, y według ciała pożytesznego obierac". „Смилуйся надъ собой, добродѣтельный русскій народъ, восклицаетъ Саковичъ, и сбрось съ своихъ плечъ тяжесть стараго нелѣпаго календаря, какъ бы обрядъ жидовскаго закона, и прими календарь новый".

Въ концѣ книги приложенъ указатель времени празднованія Пасхи православными и католиками съ 1645 по 1933 годъ.

Янъ Брожекъ, или Бросціусъ, противникъ іезуитовъ, относительно календаря съигралъ въ ихъ руку. Докторъ теологіи и профессоръ краковской академіи, Брожекъ (род. 1581, † 1652) пользовался славой знаменитаго математика. Въ 1641 г. онъ издалъ въ Краковѣ „Apologia pierwsza kalendarza rzymskiego powszechnego.... do zacnego narodu ruskiego" и въ томъ же году въ Варшавѣ „Apologia wtóra"[1]). Въ этомъ сочиненіи онъ подкрѣпляетъ доводы Саковича противъ стараго календаря[2]). Нѣкоторые южнорусскіе писатели второй половины XVII в. изрѣдка упоминаютъ сочиненія Брожека, напр., Галятовскій, и потому можно думать, что и его апологіи не остались вполнѣ неизвѣстными православнымъ, тѣмъ болѣе, что Брожекъ прямо обращался къ русскому народу.

Сынъ виленскаго бурмистра, Янъ Дубовичъ († 1652) пользовался извѣстностью, какъ ученый полемистъ. Въ рукописныхъ за-

---

¹) *Wisznewski*, IX, 517; VII, 150, 374, 539, 544; VIII, 247; IX, 134, 506 и 523.
²) *Macejowski*, Piśmiennictwo polskie III 830.

мѣткахъ Саковичъ вспоминаетъ, что Петръ Могила будто бы говорилъ: „gdybym miał pod moim poszłuszeństwem oyca Ioanna Dubowicza y oyca Kassiana Sakowicza, tedy bym wszystkę Ruś do siebie przyciągnał“ [1]). Дубовичъ былъ архимандритомъ Дерманскаго монастыря, послѣ Мелетія Смотрицкаго. и издалъ много сочиненій противъ православныхъ [2]), изъ которыхъ отмѣтимъ здѣсь его „kalendarz prawdziwy“ и „Jerarchia“, такъ какъ мы нашли эти сочиненія въ библіотекѣ харьковской духовной семинаріи.

„Kalendarz prawdziwy“ Дубовича вышелъ въ 1644 г. въ Вильнѣ, въ 8 д. л. Въ книжкѣ 2 л. посвященія и 45 л. текста. При составленіи „Календаря“ Дубовичъ зналъ о сочиненіи Саковича о календарѣ и ссылается на него въ пятой главѣ, при опроверженіи доводовъ православныхъ противъ новаго календаря.

Въ началѣ книги находится гербъ князей Острожскихъ и Заславскихъ, во владѣніи которыхъ находился Дерманскій монастырь. Отсюда вытекаетъ желаніе Дубовича угодить своему вельможному пану. За гербомъ на второй страницѣ находится посвященіе книги князю Острожскому и Заславскому Владиславу Доминику, причемъ перечисляются его предки, начиная отъ великаго князя кіевскаго Игоря и жены его Ольги.

Сочиненіе состоитъ изъ пяти главъ: въ первой говорится о тѣхъ, кто писалъ о календарѣ, т. е. излагается литература предмета, во второй—о солнечномъ и лунномъ годахъ; въ третьей—о ветхозавѣтной Пасхѣ и о времени празднованія Пасхи новозавѣтной, въ четвертой—о томъ, почему необходимо исправить старый календарь, и въ пятой главѣ находится опроверженіе мнѣній противниковъ новаго календаря.

Сравнительно съ Касьяномъ Саковичемъ Дубовичъ обнаруживаетъ болѣе спокойствія. Любопытна его наклонность къ историческимъ справкамъ. Такъ, Дубовича интересуетъ литература предмета; онъ начинаетъ съ указанія на еґипетскихъ и персидскихъ математиковъ и астрономовъ, положившихъ начало научнаго изученія солнечнаго и луннаго годовъ. По словамъ Дубовича, самымъ знаменитымъ астрономомъ въ древности былъ царь Соломонъ, но сочиненія его по астрономіи будто бы затеряны, равно какъ, по словамъ Дубовича, затеряны его книги объ изгнаніи нечистыхъ духовъ. Далѣе упоминаются александрійскій епископъ Өеофилъ, Кассіодоръ и нѣкоторые другіе писатели древности, какъ составители пасхалій.

Во второй главѣ обнаруживаются астрономическія свѣдѣнія Дубовича. Свѣдѣнія эти отсталыя, средневѣковыя. Свѣтъ точной

[1]) *Голубевъ.* Исторія кіев. дух. акад. I. 216.
[2]) *Wisznewski.* VIII, 372, 373, 378, IX, 189; 518; VII, 374.

науки, распространявшійся въ западной Европѣ отъ сочиненія Коперника, долго не проникалъ въ Польшу. Дубовичъ говоритъ, что солнце движется вокругъ земли. На землѣ слѣдовало бы быть дню шесть мѣсяцевъ, когда солнце надъ землей, и ночи шесть мѣсяцевъ, когда солнце спускается подъ землю; но его уклоняетъ въ сторону особое солнечное небо десятаго ряда (niebo sloneczne od dziesiątego koła).

Въ одномъ мѣстѣ „Календаря" Дубовича находится замѣчаніе, что слуцкій архимандритъ Шицикъ въ одномъ своемъ словѣ высказалъ мнѣніе, что съ перемѣной календаря должно пострадать времясчисленіе и воскресенье обратится тогда въ четвергъ. Дубовичъ опровергаетъ это мнѣніе.

Въ концѣ книги Дубовичъ, подобно Саковичу, высказываетъ желаніе, чтобы православные присоединились къ католикамъ не только относительно календаря, но и во всемъ остальномъ, до вѣры относящемся.

Яну Дубовичу принадлежитъ еще другое сочиненіе, также направленное противъ православія, именно, „*Hierarchia abo o zwierchności w cerkwi bożej*", изданное во Львовѣ въ 1644 г. въ 8 д. л., стр. 256. При составленіи этого сочиненія авторъ пользовался преимущественно Анналами Баронія, на котораго ссылается на 101, 136 и др. страницахъ. Въ началѣ книги находится гербъ Гембицкихъ и посвященіе книги луцкому епископу Андрею Гембицкому. Затѣмъ слѣдуетъ апробація, или одобреніе книги, сдѣланное нѣкіимъ Скробышовскимъ, должно быть іезуитомъ, такъ какъ цензура духовныхъ книгъ въ Польшѣ семнадцатаго вѣка находилась въ рукахъ іезуитовъ. Сочиненіе раздѣляется на 4 главы. Въ первой главѣ находятся общія разсужденія о католической церкви, какъ единой святой и апостольской церкви,—верховномъ судьѣ въ спорахъ и о священникахъ, какъ членахъ воюющей церкви. Во второй главѣ находится объясненіе словъ Спасителя къ Петру, находящихся въ 16 гл. Евангелія отъ Матѳея и 21 гл. Евангелія отъ Іоанна, въ пользу главенства папы, и затѣмъ приводятся церковныя молитвы, говорящія, по мнѣнію Дубовича, въ пользу главенства папы. Въ третьей главѣ излагаются другія основанія римско-католическаго ученія о главенствѣ папы, какъ то: будто папы занимали первое мѣсто на вселенскихъ соборахъ; безъ папы не могъ состояться ни одинъ вселенскій соборъ; къ папамъ обращались съ жалобами, какъ высшей аппеляціонной инстанціи; папы возстановляли константинопольскихъ патріарховъ, низложенныхъ свѣтской властью, иногда судили и проклинали патріарховъ. Дубовичъ говоритъ въ концѣ главы, что греки наказаны за отложеніе отъ римскаго престола во первыхъ

тѣмъ, что потеряли политическую независимость, во вторыхъ—они будто бы лишились проявленія благодати божіей въ мощахъ святыхъ; третье наказанье—у нихъ отняты науки и въ духовенствѣ происходятъ разныя нестроенія и замѣшательства. Въ четвертой главѣ говорится, что Русь крестилась три раза: а) при Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ, б) Ольгѣ и в) Владимірѣ. Затѣмъ слѣдуетъ фактическое и довольно толково составленное перечисленіе русскихъ митрополитовъ отъ Михаила (ок. 1000 г) до Антонія Селявы, послѣ чего слѣдуетъ уже объясненіе вреда подчиненія Руси константинопольскому патріарху и пользы отъ подчиненія папѣ. Авторъ соблазняетъ православныхъ тѣмъ соображеніемъ, что „вольности, права привилегіи" составляютъ удѣлъ лишь католиковъ и уніатовъ, и для полученія ихъ рекомендуется унія.

Въ историко-литературномъ отношеніи „Hierarchia" Дубовича любопытна потому, что подъ вліяніемъ этаго сочиненія въ концѣ XVII ст. (въ 1696 г.) Өеофилъ Рутка составилъ „*Herby abo znaki kosciola prawdziwego*". Книга эта издана въ Люблинѣ, въ типографіи мѣстной іезуитской коллегіи, и всецѣло направлена противъ православныхъ. Послѣ краткаго предисловія перечисляются признаки истинности и святости католицизма, съ іезуитской схоластической точки зрѣнія, именно: единство вѣры (jednośċ wiary), благочестіе католиковъ (swiątobliwośċ), всеобщее распространеніе (powszechnośċ), древность (starodawnośċ), непрерываемость папской власти (succesia), причемъ перечисляются папы, начиная даже съ ап. Петра, сила дѣйствія вѣры и чудеса (scutecznośċ i cuda), пророки и мученики (swiatło prorockie i krew męczeńska), страшная смерть гонителей католицизма и свидѣтельства въ пользу католицизма враговъ его.

За этой спеціально католической частью слѣдуетъ обширное Corrolarium или полемическій походъ противъ православія, съ доказательствами, что православная церковь не имѣетъ истинъ, не древня, не крѣпка вѣрой, не имѣетъ чудесъ, подчинялась западной церкви, страдаетъ упадкомъ церковныхъ порядковъ, умноженіемъ ересей. Въ Corollarium'ѣ выдаются слѣдующія обвиненія православныхъ, по смѣлости самого обвиненія. Православные имѣютъ въ своемъ календарѣ имена людей, не достигшихъ святости (стр. 179), по отдѣленіи отъ Рима не имѣли ни одного святаго (179), не имѣютъ чудесъ (196), не имѣютъ теперь того чудеснаго огня, который нѣкогда исходилъ съ неба въ Великую Субботу въ Іерусалимѣ (195), нанимаютъ еретиковъ для защиты своей схизмы, не обезпечили своего духовенства свободою (prawa i wolnosci duchownych były zepsowane, на стр. 209). Москвитяне обратили въ христіанство казанскихъ и астраханскихъ татаръ не проповѣдью, а силой (193). Почти всѣ эти доводы и

ранѣе выдвинуты были противъ православія, въ „Оборонѣ“ на стр. 43 и въ „Іерархіи“ на стр. 157.

Почти всѣ католическіе писатели, дѣйствовавшіе противъ православія, въ особенности Саковичъ и Рутка, напираютъ на невѣжество православныхъ, отсутствіе у нихъ наукъ, и превозносятъ свою схоластическую мудрость. Такъ, Рутка на стр. 205—206 говоритъ, что Богъ лишилъ православныхъ науки, хотя православные и завели школы въ Кіевѣ, но профессорами въ нихъ стоятъ люди, получившіе образованіе въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ, и самое обученіе производится по латинскимъ учебникамъ. Кто въ Кіевѣ учитъ грамматикѣ, поэтикѣ, риторикѣ, философіи? Отцы іезуиты: Эмануилъ Альваръ и Кипріанъ Зоарій. Ни одного грека или русскаго. Если иные, какъ Ороологъ, учатся въ школахъ виттембергскихъ, лейпцигскихъ, кролевецкихъ (кенигсбергскихъ), то это должно составить стыдъ для православныхъ, „такъ какъ они ищутъ свѣта у Лютера и Кальвина“. Православные проповѣдники берутъ содержаніе изъ католическихъ сочиненій, хотя и нападаютъ на католиковъ, какъ на еретиковъ. Ранѣе Рутки Саковичъ въ „Kalendarz stary“ говоритъ, что въ любомъ предмѣстьѣ или пригородномъ мѣстѣ Кракова, Познани, Вильны, Львова, въ каждомъ большомъ католическомъ монастырѣ болѣе ученыхъ людей, богослововъ, чѣмъ во всей Россіи, а математика тамъ ни одного нѣтъ.

Это презрительное отношеніе къ русскому народу вообще, въ особенности къ его наукѣ, красной ниткой проходящее черезъ всѣ полемическія латино-уніатскія сочиненія, заслуживаетъ того, чтобы на немъ подробнѣе остановиться. Всматриваясь внимательно въ полемическую литературу католиковъ и православныхъ семнадцатаго вѣка, нельзя усмотрѣть въ католической литературѣ научной высоты, а въ православной—научной отсталости. И тамъ, и здѣсь мы видимъ опредѣленные, выработанные пріемы въ расположеніи научнаго матеріала и въ пользованіи имъ; и тамъ и здѣсь мы находимъ много сходныхъ или даже тожественныхъ пособій. Сочиненія Петра Могилы и Сильвестра Коссова, не уступаютъ ни въ чемъ сочиненіямъ Саковича, Дубовича и Рутки, а такая крупная научная работа, какъ Палинодія Захарія Копыстенскаго, или такія сильныя и выразительныя произведенія, какъ посланія Іоанна Вишенскаго, составляютъ положительно блестящія явленія южнорусской науки и литературы семнадцатаго вѣка. Фактическій уровень знаній латино-уніатскихъ полемистовъ, равно какъ и нравственный ихъ уровень, насколько то и другое отразилось въ ихъ сочиненіяхъ, вовсе не говорятъ въ ихъ пользу. Узкіе фанатики и узкіе схоластики, они вертятся въ одномъ и томъ же кругѣ устарѣлыхъ литературныхъ формъ, и страхъ какъ

гордятся сухой и формальной стороной своей науки, своими избитыми аргументаціями, рогатыми силлогизмами и макаранизмами. Свѣтъ европейской науки, правильное воззрѣніе на міроустройство, гуманное отношеніе къ человѣку не проявляются въ латино-уніатской литературѣ, тогда какъ и то, и другое начинаетъ уже изрѣдка пробиваться въ научныхъ и литературныхъ сочиненіяхъ православныхъ, напримѣръ, у Іоанна Вишенскаго и въ особенности у Епифанія Славинецкаго. Основное различіе воззрѣній Саковича, Дубовича и людей ихъ лагеря съ одной стороны отъ воззрѣній Вишенскаго, Петра Могилы, Славинецкаго съ другой—обнаруживается не въ научной сферѣ, а въ области національной, въ степени отрѣшенности отъ народа, въ степени большаго или меньшаго предрасположенія и склонности измѣнить ему и предать его въ личныхъ эгоистическихъ интересахъ. Не въ слабости греко-славянской науки XVII в. скрывалась слабость южнорусскаго народа, а въ томъ, что по словамъ Іоанна Вишенскаго, „паны надъ Бога богами выспими надъ своими подручными подданными ся починили и надъ Творца, ровнымъ зданіемъ образа своего всѣхъ почтившаго, судомъ беззаконнымъ вознеслися“, а за панами потянулось и высшее духовенство, и хранителемъ лучшихъ преданій и обычаевъ страны осталось почти исключительно низшее духовенство, мѣщане и крестьяне,—люди, поглощенные матеріальными заботами текущаго дня. Здоровые и свѣжіе люди, вышедшіе изъ этой среды на поприще литературной дѣятельности, легко могли усмотрѣть, что латино-уніатскіе писатели „во тьмѣ поганскихъ наукъ затворились“ и что „злоковарная латинская душа насыщена поганскими (т. е. языческими) тщеславными и гордыми догматами“.

Сочиненіемъ Дубовича о календарѣ заканчивается этотъ полувѣковой споръ, точнѣе сказать, замираетъ, и южнорусскіе писатели второй половины XVII вѣка почти вовсе не касаются календаря, что не мѣшало имъ наносить посильные удары католикамъ въ томъ основномъ пунктѣ, откуда исходило, между прочимъ, и гонительство стараго календаря,—въ вопросѣ о церковномъ главенствѣ папы. Съ переходомъ южнорусской церкви подъ власть московскаго патріарха былъ устраненъ одинъ изъ крупныхъ поводовъ къ спорамъ о календарѣ—вопросъ о власти константинопольскаго патріарха въ предѣлахъ южной Россіи и объ отрицательномъ его отношеніи къ григоріанскому календарю. Съ переходомъ лѣвобережной Украины и Кіева во власть московскаго правительства, украинская интеллигенція и прежде всего кіевскіе ученые стали тянуть къ Великороссіи и уклоняться отъ тѣхъ вопросовъ южнорусской жизни, которые сильно волновали умы и затрогивали интересы православныхъ въ первую половину семнадцатаго вѣка. Невозсоединенная часть

Украины пришла въ значительное запустѣніе, матеріальное и нравственное, и кіевская наука все съ большимъ и большимъ равнодушіемъ къ ней относилась, такъ что въ восемнадцатомъ вѣкѣ юго-западная Русь, холмская, волынская и галицкая, была почти забыта представителями науки и литературы. Возсоединенная часть Украины была свободна отъ какихъ бы то ни было новыхъ посягательствъ на старый календарь, подъ охраной московскихъ властей. Что русское правительство въ прошломъ вѣкѣ обращало вниманіе и на календари, даже выходившіе заграницей въ польскихъ предѣлахъ, доказываетъ одно любопытное дѣло, находящееся въ настоящее время въ харьковскомъ историческомъ архивѣ (Малоросс. дѣла № 1091, изъ дѣлъ бывшей Малорос. Коллегіи). Въ 1738 году вышелъ въ Львовѣ на польскомъ языкѣ календарь доктора философіи и профессора математики Станислава Дунчевскаго. Такъ какъ въ „прогностикахъ" этого календаря оказались „многіе непристойные и весьма предосудительные злостно вымышленные пассажи" объ императрицѣ, то послѣдовалъ указъ на имя войсковой генеральной канцеляріи объ отобраніи этого календаря отъ всѣхъ лицъ, какъ свѣтскихъ и духовныхъ, гдѣ только онъ окажется. Въ теченіи года не поступило въ генеральную канцелярію ни одного экземпляра, и генеральная канцелярія разослала снова напоминаніе о томъ въ разныя мѣста Малороссіи.

Въ исторіи многое повторяется, и съ грустью нужно сказать, что чаще всего повторяется то, что идетъ въ разрѣзъ съ чувствомъ справедливости и добра. Въ послѣднее время въ Галиціи въ миніатюрѣ повторяются многія изъ тѣхъ печальныхъ явленій народной жизни, которыя имѣли мѣсто въ южной Руси XVI и XVII вв. Воинствующій католицизмъ вноситъ въ край интригу, раздоръ и гнетъ. Появились іезуиты и принялись съ стародавнимъ усердіемъ разрушать основныя опоры мѣстной русской народности. Выплылъ изъ забвенія и стародавній споръ о календарѣ,—явились пропагандисты новаго и защитники стараго календаря.

Еще въ 1812 г. въ Галиціи проявилась было агитація о замѣнѣ стараго календаря новымъ; но австрійское правительство тогда поспѣшило „populum ruthenum pacificare", предоставивъ ему полную свободу въ сохраненіи стараго календаря и вполнѣ безпрепятственное отправленіе праздниковъ [1]). Нѣсколько иначе стало относиться австрійское правительство къ старому календарю въ послѣднее время. Оно косвенно поддерживаетъ направленную противъ него агитацію католиковъ—поляковъ.

[1]) Дѣло. Львовъ 1883. № 18.

Въ 1882 году нѣкто A. Z. издалъ въ Краковѣ брошюру „Polityka nerwów. Авторъ, полякъ по происхожденію и образу мыслей, опредѣляетъ здѣсь тѣ мѣры, которыя могутъ содѣйствовать развитію политическаго значенія поляковъ. Мѣры эти—1) unia i łączność z bóstwem, 2) unia z całością Polski, 3) unia z duchowieństwem, 4) unia z Rusią, 5) unia z żydami i 6) unia stanow,—шесть уній, столь разнородныхъ, частью прямо противорѣчивыхъ[1]).

Наиболѣе любопытной здѣсь является четвертая унія, съ галицкими русскими, такъ какъ въ основу этой уніи полагается съ одной стороны согласіе поляковъ на умноженіе русскихъ школъ въ краѣ и признаніе его польско-русинскимъ краемъ, а съ другой галицкіе русскіе должны отказаться отъ стараго календаря и кириллицы,—условія, очевидно, для послѣднихъ невозможныя, особенно относительно замѣны кириллицы латинской азбукой.

Какъ A. Z., такъ и другіе противники стараго календаря въ Галиціи, указываютъ на то, что новый календарь превосходитъ старый въ научномъ отношеніи по точности и что съ принятіемъ его уменьшится число праздниковъ, такъ какъ галицкіе русскіе иные праздники справляютъ и по старому и по новому календарямъ, а съ уменьшеніемъ праздничныхъ дней выиграетъ экономическая жизнь народа. Остроумно отвѣтила на эти доводы газета „Дѣло" въ 1883 г. (№ 83): Что бы A. Z. и его сторонники сказали, если бы русины, основываясь на прогрессѣ наукъ и имѣя въ виду экономическое развитіе края, предложили полякамъ во имя внутренняго согласія и дружбы отказаться отъ ультрамонтанства и аристократизма или шляхетскаго высокомѣрія, такъ какъ и то и другое наукой осуждено, и затѣмъ исторія доказала, что ультрамонтанство и шляхетское своеволіе погубили Польшу, а затѣмъ предложили полякамъ во имя экономіи и справедливости провѣрить, сколько налоговъ они взвалили на народъ, польскій и русскій, и излишекъ принять на себя. Хотя бы народъ работалъ и всѣ 365 дней, говорится далѣе въ „Дѣлѣ", онъ, при существующихъ тяжкихъ налогахъ, не можетъ заработать себѣ матеріальнаго благосостоянія и культурнаго развитія.

Въ № 26 „Дѣла" за 1883 годъ извѣстный галицко-русскій историкъ и публицистъ Стефанъ Качала помѣстилъ „нѣсколько словъ о намѣреніи уничтожить старый календарь". Прежде всего въ этой статьѣ бросается въ глаза большой пробѣлъ, строкъ въ тридцать, съ помѣткой въ серединѣ: „сконфисковано". Оказывается такимъ образомъ, что галичане не могутъ въ конституціонной Австріи защищать печатно вполнѣ безпрепятственно издавна существующій у

---

[1]) Дѣло, львов. газета. 1882. № 78.

нихъ старый календарь, и цензура въ этомъ отношеніи накладываетъ на газеты свою руку—по истинѣ мизерная свобода слова, и въ этомъ отношеніи поляки конца XVI вѣка, современники Стефана Баторія, стояли несравненно выше своихъ галицкихъ соплеменниковъ конца XIX вѣка. Указавъ въ краткихъ словахъ на львовскія смуты 1583 г. и охранительныя грамоты Стефана Баторія, г. Качала говоритъ, что съ принятіемъ новаго календаря простой галицко-русскій народъ будетъ праздновать святые дни по прежнему, стародавнему обычаю. „Русинъ — селянинъ консерватистъ, винъ каже: „наши дѣды, батьки не робыли и мы не будемо“. На основаніи тридцатилѣтней близости къ народу, вообще хорошаго съ нимъ знакомства, г. Качала говоритъ, что народъ нерушимо празднуетъ дни, не признанные австрійскими властями за праздники, напримѣръ, второй день послѣ Крещенія и третій день Зеленыхъ святокъ. Если его принудить къ принятію новаго календаря, то онъ сохранитъ праздники и по старому, и по новому календарямъ, что только нанесетъ матеріальный вредъ краю. Въ концѣ статьи г. Качала говоритъ, что стремленіе католиковъ поляковъ и легкомысленно поддающихся ихъ внушеніямъ нѣкоторыхъ галицкихъ русскихъ замѣнить старый календарь новымъ ведетъ къ латинизаціи и полонизаціи русскихъ. Новый календарь нанесетъ ударъ уніи, направитъ народъ въ костелы и подготовитъ полонизацію края. Намъ грозитъ руина, замѣчаетъ г. Качала, и потому нужно отнестись очень внимательно и осторожно къ вопросу о перемѣнѣ календаря, особенно тѣмъ, кто дорожитъ нравственной самобытностью своего народа.

Такъ какъ въ настоящее время въ Австріи не можетъ быть практикуемо прямое насиліе въ дѣлахъ религіозныхъ и церковно-обрядовыхъ, какое было въ ходу въ Польшѣ XVII вѣка, то на первое мѣсто въ Галиціи выдвигается интрига и обманъ; галицкіе поляки, преимущественно іезуиты, примѣняютъ ихъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ для уничтоженія стараго календаря и русскихъ праздниковъ. Галицко-русская интеллигенція отлично поняла, что съ этой стороны грозитъ большая опасность національной самобытности галицкихъ русскихъ и поспѣшила дать противникамъ стараго календаря посильный отпоръ въ преданныхъ народнымъ интересамъ органахъ мѣстной печати и прежде всего раскрыть махинаціи и интриги враговъ русскаго народа. Въ этомъ отношеніи весьма цѣнныя статьи помѣщены въ газетѣ „Дѣло“ 1883 г. „Нови хмары“ (№№ 12, 14 и 18) и „Што намъ чиниты?“ (въ № 31).

Главными дѣятелями по части агитаціи противъ стараго календаря являются два поляка—помѣщикъ Поляновскій и ксензъ Стояновскій. Поляновскій уже въ семидесятыхъ годахъ выступилъ

на галицкомъ сеймѣ противникомъ греческо-православной обрядности уніатовъ и въ особенности стараго календаря. Онъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у австрійскаго императора, причемъ императоръ разспрашивалъ его о галицко-русскихъ дѣлахъ, послѣ чего Поляновскій съ большимъ усердіемъ сталъ стремиться къ уничтоженію стараго календаря, подбивая духовенство и мѣщанъ просить правительство о замѣнѣ стараго календаря новымъ. Ксендзъ Стояновскій напечаталъ въ польскихъ газетахъ форму прошенія на имя императора о замѣнѣ стараго календаря новымъ, причемъ заявилъ, что такая замѣна желательна и для проживающаго въ Вѣнѣ папскаго нунція. Нѣкоторыя галицко-русскія повѣтовыя рады поддались на эту удочку. Поляновскій и Стояновскій нашли поддержку въ клерикальной польской печати. Съ наибольшей откровенностью о вожделѣніяхъ галицкихъ поляковъ высказался познанскій „Przegląd Kościelny“ добрые русины, по словамъ этой газеты, должны признать, что въ Галиціи живетъ только одинъ народъ—польскій для укрѣпленія этого убѣжденія нужно ввести новый календарь, безбрачіе духовенства и нужно позаботиться, чтобы галицко-русскіе священники не писали „хлопскимъ діалектомъ“ и чтобы галицко-русскій народъ читалъ и молился по польскимъ книгамъ.

Не трудно представить себѣ, какое тяжелое чувство нравственнаго угнетенія вызываютъ эти интриги въ мыслящей части галицко-русскаго общества, и съ какой горечью приходится его встрѣчать, при сознаніи общей матеріальной и политической придавленности галицко-русскаго народа мѣстной польщизной.

„Кто такой этотъ ксендзъ Стояновскій“, спрашиваетъ редакція „Дѣла“, „что это за важная персона, что говоритъ urbi et orbi, отъ имени высшихъ вѣнскихъ правительственныхъ сферъ, свѣтскихъ и духовныхъ? Это плебанъ изъ Куликова. Что будетъ, если каждый польскій плебанъ (т. е. приходскій священникъ) будетъ вести политическую агитацію, прикрываясь авторитетомъ папы и правительства, до чего мы тогда дойдемъ и какой хаосъ, какая анархія воцарятся въ краѣ. Русины не могутъ допустить, чтобы всякій ксендзъ Стояновскій вторгался въ права русскаго духовенства и народа, тѣмъ болѣе, что, въ силу договора съ Римомъ, папа давно уже призналъ унію и обязался подвергать проклятію всякого нарушителя церковнаго устава греческаго обряда“.... Какъ все это старо! какъ все это похоже на польскую исторію времени Сигизмунда III! Львовская галицко-русская газета нашихъ дней заговорила тономъ и въ духѣ православныхъ львовскихъ гражданъ 1583 года, и весь вопросъ въ силѣ сопротивленія и національной устойчивости современнаго галицко-русскаго народнаго организма.

Какъ глубоко взволнованы галичане іезуитскимъ подкопомъ подъ старый календарь и русскіе праздники, показываетъ горячая статья „Что намъ дѣлать?“... „Настоящая минута въ жизни галицко-русскаго народа обильна чрезвычайно важными фактами, опредѣляющими и настоящее, и будущее народа. Мы живемъ во время всякихъ неожиданностей. Какъ молнія, каждую минуту можетъ упасть на насъ какая-нибудь „реформа“. Ошеломленные ея скоропостижностью, мы теряемся; сначала мы съ раздраженіемъ и гнѣвомъ бросаемся то тогда, то сюда, но вскорѣ съ болью въ сердцѣ и безсильной злобой мы падаемъ. Такъ было въ 1882 году, когда появились іезуиты и захватили Добромильскій монастырь. Они сломали базиліанъ, теперь принялись за всѣхъ насъ. Да! Теперь для нихъ въ Галичинѣ весна— время пахаты, еще снѣга по колѣна лежатъ на русскихъ нивахъ, а въ воздухѣ уже нависъ монсиньоръ жаворонокъ іезуитской весны эксъ-іезуитъ ксендзъ Стояновскій. Петиціями къ императору объ уничтоженіи русскихъ праздниковъ онъ засыпалъ весь русскій край. Онъ навербовалъ много *завалюгъ* деморализаторовъ и агитаторовъ. Мы просили правительство о защитѣ, мы указывали, что агитація противъ русскихъ праздниковъ отзовется вредными послѣдствіями для края и государства; но министръ вѣроисповѣданій Конрадъ заявилъ, что правительство не получало отъ мѣстныхъ властей свѣдѣній объ агитаціи противъ русскихъ праздниковъ и что вообще онъ не намѣренъ вмѣшиваться въ это дѣло, какъ вполнѣ будто бы церковное. Галицко-русское церковное начальство спокойно смотритъ на направленную противъ стараго календаря агитацію и упорно молчитъ. Чтожъ намъ дѣлать? „спрашиваетъ авторъ статьи“, молчать ли? Нѣтъ, въ дѣлѣ іезуитскихъ интригъ противъ русскихъ праздниковъ нужно говорить, потому что это дѣло не только церковно-обрядовое, но касается народно-политическаго и экономическаго положенія галицко-русскаго народа. Уничтоженіемъ русскихъ праздниковъ по старому календарю поляки и іезуиты хотятъ разорвать еще одну нить, связывающую галицкихъ русскихъ съ милліонами ихъ братьевъ, живущихъ за желто-черными пограничными австрійскими столбами, чтобы затѣмъ уничтожить народную особность галицкихъ русскихъ и ополячить ихъ“.

Вообще споры о календарѣ свидѣтельствуютъ, что строго научный интересъ тутъ не былъ замѣшанъ. Никто не принималъ близко къ сердцу различіе въ минутахъ или секундахъ и не волновался изъ опасенія, что при старомъ календарѣ черезъ десять тысячъ лѣтъ празднованіе Рождества Христова отодвинется на лѣто. Въ тѣхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь заходила о научномъ достоинствѣ юліанскаго и григоріанскаго календарей, высту-

пало сознаніе, что различіе между обоими календарями не крупное и что оба они неточны, хотя григоріанскій календарь и въ меньшей степени. Въ европейскомъ ученомъ мірѣ многократно обнаружились попытки исправленія григоріанскаго календаря. Въ 1835 г. такую реформу предлагалъ аббатъ Мастрозини, въ 1364 г. дерптскій профессоръ астрономіи Медлеръ. Французское астрономическое общество назначило даже премію за реформу григоріанскаго календаря и въ настоящемъ 1888 году выдало первую премію за эту работу „Гастону Армелину, который предложилъ ввести слѣдующія упрощенія въ счисленіи времени: день новаго года долженъ стоять отдѣльно отъ другихъ дней: онъ не причисляется ни къ днямъ недѣли, ни мѣсяца, а именуется прямо днемъ новаго года. Такимъ образомъ, остается раздѣлить 364 дня; эти дни раздѣляются на 4 триместра, по 91 дню или 13 недѣлямъ каждый. Изъ 3 мѣсяцевъ триместра, первый будетъ имѣть 31 день, а остальные по 30 дней каждый. День же, который прибавляется высокоснымъ годомъ, будетъ стоять совершенно отдѣльно, какъ и день новаго года. На взглядъ автора, календарь тогда значительно упростится; всѣ годы будутъ тогда одинаковы, а также всѣ триместры; мѣсяцы съ 31 днемъ слѣдовали бы одинъ за другимъ въ простомъ порядкѣ, а всѣ дни мѣсяца будутъ приходиться каждый годъ въ одинъ и тотъ-же день недѣли.

Въ основѣ споровъ о преимуществахъ юліанскаго и григоріанскаго календарей всегда лежали причины церковно-обрядовыя и политическія. Григоріанскій календарь пропагандировался какъ орудіе папскаго вліянія, а въ послѣднее время какъ средство полонизаціи. Пропаганда новаго календаря причинила южнорусскому народу много горя, много страданій, оскорбляла лучшія его чувства, вносила раздоръ и озлобленіе въ общество и въ семью. Исторія всей жизни русскаго народа за послѣдніе триста лѣтъ обязываетъ насъ вполнѣ отрицательно относиться къ григоріанскому календарю, какъ орудію польско-іезуитской интриги, источнику гнета и насилія, духовнаго и матеріальнаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія?

Въ настоящее время, когда вся Россія готовится праздновать 900-лѣтіе крещенія своего при св. Владимірѣ, для всѣхъ сыновъ православной россійской церкви и для всѣхъ почитателей его памяти должно быть желательнымъ имѣть возможно вѣрное изображеніе просвѣтителя нашего отечества. Какія же у насъ есть данныя для того, чтобы составить хотя приблизительно вѣрный образъ св. Владиміра?

Древнихъ иконныхъ изображеній св. Владиміра, какъ извѣстно, не сохранилось. Но есть нѣсколько неиконныхъ изображеній его, по которымъ можно составить понятіе о внѣшнемъ его видѣ. Древнѣйшія изъ нихъ—на золотыхъ и серебряныхъ монетахъ св. Владиміра, лучшіе экземпляры которыхъ имѣются въ Императорскомъ Эрмитажѣ и въ музеѣ университета св. Владиміра, а оттиски ихъ можно видѣть въ „Родной Старинѣ"—Сиповскаго (ч. 1). На этихъ монетахъ св. Владиміръ изображенъ въ плащѣ, застегнутомъ на правомъ плечѣ, въ византійскомъ царскомъ вѣнцѣ на головѣ въ видѣ широкаго обруча, украшеннаго камнями и жемчугомъ, изъ коихъ одни лежатъ на вѣнцѣ, а другіе свѣшены на вискахъ въ видѣ прядей, и съ четвероконечнымъ крестомъ на длинной рукояткѣ въ правой рукѣ. Черты лица князя трудно опредѣлить по неотчетливости чеканки, но можно различать прямой носъ, длинные усы и небольшую пушистую бороду, которая впрочемъ видна только въ лупу.— Въ Новгородской Ѳедоровской церкви (1369 г.) изображены на стѣнѣ св. Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ въ высокихъ шапкахъ,

въ видѣ древнихъ круглыхъ клобуковъ съ мѣховыми околышками. Св. Владиміръ представленъ здѣсь съ сѣдою, кругленькою вьющеюся бородою и съ длинноватыми, доходящими до шеи волосами; таковы же длинные волосы и у св. Бориса. Въ правой рукѣ Владиміръ держитъ четвероконечный крестъ, лѣвая его рука нѣсколько приподнята кверху и какъ будто держитъ что-то. Глѣбъ изображенъ съ четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ и съ опущеннымъ внизъ мечемъ—въ лѣвой.—Въ Сборникѣ 1414 года подъ именемъ „Похвала св. Владиміру", имѣется изображеніе сего князя—въ шапкѣ княжеской, плащѣ и въ длинной подъ плащемъ свитѣ (Археолог. Вѣстникъ.—„Древности", январь—февраль 1867 г. ст. И. И. Срезневскаго). Черты образа св. Владиміра можно бы нѣсколько точнѣе опредѣлить по сравненію съ чертами его отца, Святослава Игоревича, описаннаго довольно подробно современникомъ его Львомъ Діакономъ, бывшимъ свидѣтелемъ его свиданія съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ на берегу Дуная. По описанію Льва Діакона, у Святослава была подстриженная борода и длинные усы, глаза голубые, брови густые, носъ немного плоскій; росту онъ былъ средняго, статенъ, широкоплечъ и съ мускулистой шеей. Но мы не знаемъ, было ли и какъ велико было сходство св. Владиміра съ его отцемъ, а по словамъ современника, Дитмара, онъ не отличался атлетическимъ сложеніемъ (Исторія Рос. Д. Иловайскаго, Кіев. періодъ, стр. 86).

Одежду, подобную Владиміровой на его монетахъ, носилъ современникъ Святослава, болгарскій царь Борисъ, внукъ царя Симеона, взятый Цимисхіемъ въ плѣнъ и приведенный потомъ въ Константинополь,—послѣ свиданія Цимисхія съ Святославомъ. На Борисѣ были тогда слѣдующіе знаки его царскаго достоинства: 1) шитая золотомъ и осыпанная камнями шапка, 2) багряный плащъ и 3) красная обувь, которые по приказанію императора сняты съ него въ присутствіи народной толпы въ Константинопольскомъ Августеонѣ, а извѣстно, что внѣшніе знаки царскаго достоинства были пожалованы прадѣду Бориса Петровича, болгарскому царю Борису, крещенному въ Константинополѣ при императорѣ Михаилѣ III патріархомъ Фотіемъ. На полученіе ихъ еще болѣе имѣлъ правъ и безъ сомнѣнія полу-

чилъ ихъ отъ Константинопольскаго двора русскій князь Владиміръ Святославичъ, вступившій въ бракъ съ сестрою императоровъ и давшій обѣтъ сдѣлать христіанскою всю обширную, ему подвластную страну. Ему, какъ шурину императоровъ, вѣроятно, даны были и высшіе знаки власти, полученіе которыхъ по темному преданію усвояется у насъ обыкновенно правнуку св. Владиміра, Владиміру Мономаху, т. е. бармы, порфира, унизанная золотомъ и жемчугомъ одежда, красныя сандаліи и вѣнецъ, по свидѣтельству Анны Комнинъ составлявшіе принадлежность параднаго костюма сына кесаря и его дочери [1]). Не удивительно потому, что св. Владиміръ на своихъ монетахъ изображенъ настоящимъ *василевсомъ,*—въ вѣнцѣ, украшенномъ камнями и съ прядями по вискамъ изъ камней и жемчуга, по свидѣтельству Анны Комнинъ составлявшими отличіе императора. Въ такомъ же нарядѣ съ четверðконечнымъ крестомъ на длинной рукояткѣ изображена на монетѣ Лицинія—Евдоксія, супруга императора Валентиніана [2]).

На основаніи этихъ историческихъ указаній слѣдуетъ признать, что св. Владиміръ можетъ быть изображенъ человѣкомъ средняго росту, съ круглымъ, но не полнымъ лицемъ и прямымъ носомъ, съ голубыми глазами и густыми бровями, по подобію Святослава, съ небольшою, круглою, пушистою бородой и съ нѣсколько продолговатыми, спускающимися до плечъ волосами, въ украшенной камнями и жемчугомъ шапкѣ въ видѣ клобука съ мѣховымъ околышемъ или въ византійскомъ вѣнцѣ—въ видѣ широкаго обруча, украшеннаго камнями, но безъ верха круглаго, составлявшаго, по свидѣтельству Анны Комнинъ, принадлежность только императора; въ багряномъ плащѣ и въ красныхъ сапогахъ, съ четвероконечнымъ крестомъ въ приподнятой правой рукѣ и съ приложенною къ груди лѣвою рукою,—въ возрастѣ или 30-лѣтнемъ, въ какомъ онъ былъ во время своего крещенія, или въ 57-лѣтнемъ, въ которомъ онъ скончался. Конечно, на

---

[1]) Визант. Истор. въ перев. профессора Карпова, сказаніе о дѣлахъ царя Алексія Комнина ч. 1. стр. 142—145.

[2]) Dictionnaire des Antiquités Chretienes par Marthigny, стр. 462.

иконныхъ изображеніяхъ приличнѣе писать св. Владиміра не въ шапкѣ, а съ открытою головой, или въ вѣнцѣ и съ взоромъ, устремленнымъ къ небу. Не будетъ историческою погрѣшностію изобразить св. Владиміра и въ томъ парадномъ нарядѣ, въ какомъ въ торжественныхъ случаяхъ являлись не только императоръ, но и кесарь—сынъ императора, т. е. въ украшенной камнями и жемчугомъ одеждѣ, въ омофорѣ и нашивной епитрахили и съ вѣнцомъ на головѣ, въ видѣ обруча, но безъ креста на немъ.

Имѣется ли у насъ гдѣ-либо подлинное изображеніе св. Владиміра, не монетное?

Къ изданной въ прошломъ 1887 году книгѣ „Холмская Русь" приложено изображеніе св. Владиміра, просвѣтителя Россіи, яко бы фресковое, и открытое недавно подъ слоемъ побѣлки въ Владимірскомъ (на Клязьмѣ) Успенскомъ Соборѣ, созданномъ в. княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ половинѣ 12 вѣка. На этомъ изображеніи св. Владиміръ представленъ сѣдымъ мужемъ, съ постнымъ лицемъ, какъ у преподобныхъ, и съ длинною остроконечною бородою, съ густыми, свернутыми и нѣсколько завитыми къ шеѣ волосами и въ расширенномъ кверху вѣнцѣ, по верхнему краю котораго сдѣланы вырѣзки, а круглая верхушка украшена крестикомъ. Одѣтъ онъ въ тунику, или „приволоку" зеленаго цвѣта, испещренную золотыми квадратиками, поверхъ приволоки ферезь, или одежда безъ рукавовъ красноватаго цвѣта, обшитая широкою золотою тесьмой, подобная которой идетъ и по подолу приволоки. Въ правой рукѣ князь держитъ небольшой 8-конечный крестъ, лѣвою придерживаетъ съ боку длинный мечъ, вложенный въ ножны. При очисткѣ этого изображенія подписи имени князя не оказалось. Въ альбомѣ открытыхъ въ семъ соборѣ древнихъ фресковыхъ изображеній, представленномъ г. оберъ-прокурору св. Синода К. П. Побѣдоносцеву, а имъ переданномъ въ музей Кіевской Духовной Академіи, этого изображенія не имѣется. Хотя костюмировка въ немъ княжеская, но признать этого князя изображеніемъ св. Владиміра современнымъ построенію храма невозможно уже по тому одному, что онъ изображенъ съ крестомъ не четвероконечнымъ, а 8-ко-

нечнымъ, каковой формы кресты явились у насъ не раньше половины 16 вѣка, а раньше не извѣстны ни у насъ, ни на православномъ Востокѣ. Кромѣ того на бородѣ и на лицѣ князя примѣтны слѣды нашей сѣверовосточной иконописи 17 вѣка. Можетъ быть это изображеніе св. Владиміра, но обновленное и передѣланное по-своему мѣстными иконниками 16 или 17 вѣка, а вѣроятнѣе это изображеніе причисленнаго къ святымъ созидателя сего храма в. князя Владимірскаго Андрея Боголюбскаго, котораго мощи почиваютъ въ этомъ же Успенскомъ Соборѣ у столба, рядомъ съ тѣмъ столбомъ, на которомъ изображенъ невѣдомый князь. Во всякомъ случаѣ его нельзя признать древнѣйшимъ и вѣрнымъ изображеніемъ св. равноапостольнаго Владиміра.

Изображеній св. Ольги изъ вѣковъ, близкихъ къ ея времени, не имѣется. На старинныхъ нашихъ изображеніяхъ св. Ольга представляется стоя, съ сложенными на груди руками, въ изукрашенной шапочкѣ, въ кикѣ, или коронѣ, надѣтой поверхъ покрывала, закрывающаго часть лба, виски и часть шеи, въ длинномъ подпоясанномъ платьѣ, похожемъ иногда на сарафанъ, т. е. съ накладкой по всему переду отъ шеи до подола, съ довольно широкими рукавами, изъ которыхъ видны другіе, узкіе; въ ожерельи, прикрывающемъ верхъ платья, т. е. плечи и часть груди, или же въ плащѣ съ отложнымъ воротникомъ, то просто накинутомъ, то застегнутомъ на груди [1]). Въ подобномъ нарядѣ св. Ольга представлена и на изображеніи, приложенномъ къ изслѣдованію князя Михаила Оболенскаго „О первоначальной русской Лѣтописи“, именно въ длинной голубоватой съ узорами туникѣ, съ широкой накладкой по концамъ широкихъ рукавовъ и подолу и отъ подола до шеи, украшенною разноцвѣтными камнями, въ плащѣ багрянаго цвѣта, красной обуви и въ бѣломъ, спускающемся съ головы на плечи покрывалѣ, вверху коего на головѣ украшенный камнями зубчатый вѣнецъ. Заслуживаютъ также вниманія для костюмировки св. Владиміра и св. Ольги находящіяся на лѣстницахъ Кіевософійскаго Собора, ведущихъ

---

[1]) „Древности“. Вѣстникъ Московск. Археол. Общества, 1867 г. ст. Срезневскаго.

на хоры, фресковыя XI вѣка изображенія судящаго князя въ византійскомъ вѣнцѣ и византійской туникѣ съ широкой украшенною камнями скрижалью на полѣ туники близь груди.

Всѣ эти историческія изображенія долженъ имѣть въ виду художникъ, желающій написать иконы равноапостольныхъ св. князя Владиміра и св. княгини Ольги, если желаетъ воспроизвести своею кистью что-нибудь близкое къ ихъ дѣйствительнымъ ликамъ.

П. Л

Критика.

Галицко-руская библіографія XIX столѣтія съ увзглядненіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Львовъ. Изъ типографіи Ставропигійского Института. Вып. I и II 1887, III 1888 г. 4°, стор. 1—72.

Извѣстный въ галицкой (русской и польской) литературѣ, какъ авторъ популярныхъ историческихъ разсказовъ и журнальныхъ статей и какъ редакторъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій („Другъ народа“ 1876, „Бескидъ“ 1880, „Миръ“ 1882—87 г.), Иванъ Ем. Левицкій приступилъ въ концѣ минувшаго года къ публикаціи труда чрезвычайно важнаго и необходимаго для всякаго изслѣдователя исторіи умственнаго развитія галицкой Руси, труда, котораго заглавіе мы выписали выше. Библіографія эта—плодъ десятилѣтнихъ тщательныхъ разысканій, о которыхъ только тотъ будетъ имѣть надлежащее представленіе, кто знаетъ, какъ тяжело бываетъ найти какую-нибудь русскую книгу, особенно болѣе давнюю, не говоря уже объ очень многочисленныхъ и для изученія умственнаго развитія народа еще болѣе важныхъ, чѣмъ книги, періодическихъ изданіяхъ, которыхъ полныхъ экземпляровъ не имѣется обыкновенно ни въ одной изъ доступныхъ покуда публичныхъ библіотекъ львовскихъ. Еще болѣе трудно найти летучіе листки и брошюры, которыя иногда (какъ въ 1848 году) представляли самыя характерныя черты всей физіогноміи литературнаго и политически-общественнаго движенія русиновъ, печатались обыкновенно въ маломъ числѣ экземпляровъ и мало кѣмъ сохранялись. То же можно сказать и о временахъ болѣе новыхъ, послѣ 1848 года даже до половины 80-хъ годовъ; многія изданія того времени сдѣлались теперь большою библіографическою рѣдкостью, нѣкоторыя жѣ, какъ напр. всѣ номера газетки „Сельская Рада“ (1850) извѣстны только въ единственномъ экземплярѣ, ко-

торый удалось открыть г. Левицкому. Поэтому естественно, что полная и научная библіографія всѣхъ этихъ изданій, которой начало, обнимающее время отъ 1801 до половины 1852 года, далъ намъ г. Левицкій въ трехъ первыхъ выпускахъ своего труда, должна сдѣлаться необходимымъ пособіемъ для всякаго, кто захочетъ заниматься галицко-русской литературою.

Г. Левицкій не первый труженникъ на этомъ поприщѣ. Начало принадлежитъ бывшему профессору русскаго языка и русской литературы въ львовскомъ университетѣ, Якову Ѳ. Головацкому, который въ львовскомъ журналѣ „Галичанинъ" 1864 г. кн. IV составилъ галицко-русскую библіографію съ 1772 по 1848 годъ. Прежде еще выслалъ онъ много рѣдкихъ книгъ и брошюръ галицко-русскихъ въ с.-петербургскую публичную библіотеку, гдѣ по этимъ изданіямъ русскій библіографъ Межовъ составилъ библіографію галицко-русской литературы съ 1830 до 1862 года, напечатанную въ іюльской книгѣ журнала „Основа" 1862 г. и изданную тоже особымъ оттискомъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1870 году издалъ другой русскій библіографъ, В. Ундольскій, свой „Очеркъ славяно-русской библіографіи церковной печати", въ который включилъ тоже галицко-русскую библіографію, но съ такими пропусками и такъ неполно, что составленное Головацкимъ и изданное въ 1874 г. въ С.-Петербургѣ „Дополненіе" къ этому очерку и обнимающее только сочиненія, печатанныя кириллицей, представляетъ довольно объемистую брошюру. Эти четыре библіографическіе труда перечисляютъ изданія первой половины нашего столѣтія, вплоть до 1865 года; съ ними, значитъ, только и можно сравнивать библіографію г. Левицкаго какъ по методу, такъ и по полнотѣ. Правда, существуетъ еще одинъ огромный и почтенный во многихъ отношеніяхъ библіографическій трудъ, въ который, не безъ политической задней мысли, включена и галицко-русская литература. Это „Bibliografia polska XIX wieku" краковскаго библіографа Карла Эстрейхера. Однако Эстрейхеру галицко-русская литература извѣстна слишкомъ мало и неполно, и самый методъ, какому онъ слѣдовалъ при составленіи своего труда, слишкомъ ненаучный, поэтому библіографія эта для историка умственной жизни не можетъ имѣть какого-нибудь серьезнаго значенія[1]).

---

[1]) Не смотря на скудость и неточность свѣдѣній, которыхъ недостатокъ г. Эстрейхеръ слишкомъ часто пополняетъ догадками, главными методическими недостатками его труда нужно считать транскрипцію всѣхъ заглавій латинскими

Прежде всего обратимъ вниманіе на массу собраннаго маетріала; здѣсь намъ представляются слѣдующія цифры. За весь періодъ времени съ 1830 до 1854 года включительно извѣстны Межову 104 галицко и угро-русскія изданія. Головацкій въ „Галичанинѣ“ за годы 1808 до 1847 включительно насчитываетъ русскихъ изданій 110; тотъ же Головацкій десять лѣтъ спустя въ „Дополненіи къ библіографіи Ундольскаго“ насчитываетъ галицко-русскихъ изданій 1801—1854 годовъ 230. Г. Эстрейхеру съ 1837 до 1863 г. извѣстно произведеній русскихъ въ Галиціи всего только 250, въ Венгріи же до 1855 года только 10. Г. Левицкій съ 1801 до 1852 года включительно (хотя послѣдній еще не конченъ печатаніемъ) насчитываетъ произведеній на галицко-русскомъ нарѣчіи, напечатанныхъ шрифтомъ кирилловскимъ, гражданскимъ и латинскимъ, 462. Однакожъ на этомъ авторъ не остановился, и первый изъ галицко-русскихъ библіографовъ (исключая Эстрейхера) попытался включить въ свой трудъ все, что печатали галицкіе русины на другихъ языкахъ: польскомъ, нѣмецкомъ, чешскомъ, латинскомъ, русскомъ и французскомъ. Такихъ сочиненій —отдѣльныхъ книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей—въ 3 первыхъ выпускахъ „Библіографіи“ оказывается 293, хотя здѣсь именно должно оказаться наиболѣе пропусковъ.

Время, которое обнимаютъ три первые выпуска „Библіографіи“ г. Левицкаго, во многихъ отношеніяхъ крайне интересно для историка умственнаго развитіи галицко-русскаго народа. Въ первыхъ годахъ XIX стол. существовали еще „русскія“ (т. е. собственно церковно-русскія) лекціи въ львовскомъ университетѣ, но вліяніе ихъ на умственную жизнь народа, на литературу, равнялось нулю. Съ 1801 до 1809 года включительно издано въ галицкой и буковинской Руси всего только 5 сочиненій кирилловскимъ шрифтомъ, а именно одинъ катихизисъ, одинъ букварь, одна инструкція для учителей народныхъ и одинъ псалтырь.

Какой-нибудь научной дѣятельности профессоровъ русиновъ нѣтъ и слѣда. Сочиненій на иностранныхъ языкахъ 21, на сюжеты большей частью церковные. Даже тогдашній митрополитъ галицкій Антоній Ангелловичъ пишетъ пастырскія посланія къ духовенству

буквами и недостатокъ хронологическаго распредѣленія матеріала. Весь матеріалъ у Эстрейхера расположенъ поазбучно, вслѣдствіе чего оказались нужными новые объемистые томы дополненій. Слѣдить въ этомъ лѣсу за постепеннымъ развитіемъ не только русской, но и польской литературы—совершенно невозможно.

по-польски, политическія статьи по-польски, по-нѣмецки и по-французски, но ни слова по-русски. Равнымъ образомъ и студенты-воспитанники духовной семинаріи привѣтствуютъ своихъ профессоровъ въ день ангела, встрѣчаютъ митрополита стихами латинскими или польскими—лучшее доказательство того, что языкъ, на которомъ читались эти несчастныя „русскія“ лекціи, всѣми считался мертвымъ и возбуждалъ большее отвращеніе, нежели мертвый же, но все-таки „ученый“ и въ то время оффиціальный языкъ латинскій.

Годы 1810—1812 представляютъ совершенный антрактъ въ умственной жизни галицкихъ русиновъ. Ни одному библіографу не удалось до сихъ поръ отыскать хотя бы одну брошюру, одинъ букварь, одну статейку, написанную и изданную галицкимъ русиномъ въ эти годы. Немного живѣе становится письменная дѣятельность въ слѣдующіе годы 1813—1820. Особенно Перемышль дѣлается на время центромъ движенія къ просвѣщенію народа; въ 1816 году тамъ основывается даже общество съ довольно широкими образовательными цѣлями; но и на этотъ разъ дѣло не вышло изъ сферы благихъ начинаній и индивидуальныхъ усилій. Съ 1813 до 1820 г. включительно извѣстны г. Левицкому 14 сочиненій, напечатанныхъ кирилловскимъ шрифтомъ (на языкѣ церковномъ), и 14 на языкахъ польскомъ и латинскомъ. Изъ книгъ кирилловскаго шрифта 4 букваря, 2 катехизиса, 2 инструкціи для школъ и одно поученіе „подданыхъ о ихъ повинностяхъ ку монарсѣ“,—прочія книги церковныя.

Слѣдующее затѣмъ девятилѣтіе 1821—1830 годовъ—это былъ періодъ броженія. Литература этого періода также скудна и ничтожна, какъ и прежняя,—всего 42 номера у г. Левицкаго, среди которыхъ 23 изданія, напечатанныя кириллицей (5 книгъ школьныхъ, 7 научныхъ, собственно грамматическихъ, и беллетристическихъ, прочія церковныя). Но нѣкоторые признаки новаго движенія, новыхъ умственныхъ потребностей начинаютъ уже сказываться. 1822 года издаетъ въ Вѣнѣ молодой студентъ духовной семинаріи, Іосифъ Левицкій, на летучемъ листкѣ, первое, хотя и совсѣмъ неудовлетворительное стихотвореніе не церковнаго содержанія, подъ затѣйливымъ названіемъ „Домоболіе проклятыхъ“. Въ томъ же году во Львовѣ профессоръ университета, нѣмецъ Гюттнеръ указываетъ на значеніе народныхъ пѣсенъ, а въ слѣдующемъ году въ календарѣ-альманахѣ „Der Pilger von Lemberg“ печатаетъ болѣе обстоятельную замѣтку о малорусскихъ пѣсняхъ народныхъ будущій историкъ „Галицко-русскаго княжества“, Денисъ Зубрицкій, присоединяя къ этому текстъ

двухъ пѣсенъ, которыя тутъ же переводятся и на языкъ нѣмецкій. Въ концѣ 1829 года появляется въ журналѣ библіотеки Оссолинскихъ замѣчательная для своего времени статья крилошанина Ивана Могильницкаго „O języku ruskim", переведенная съ малорусской рукописи; здѣсь въ первый разъ высказано печатно мнѣніе о необходимости литературы на народномъ языкѣ и мѣтко указаны примѣты этого языка.

Десятилѣтіе 1831—1840 годовъ—это время нарожденія той народной литературы, которой необходимость чувствовалась хотя и смутно въ прежніе годы, время дѣятельности „русинской троицы": Маркіана Шашкевича, Ивана Вагилевича и Якова Головацкаго, и цѣлой группы менѣе талантливыхъ, но не менѣе горячихъ писателей. Но возрожденіе это не ограничилось однимъ изданіемъ „Русалки Днѣстровой", оно было органическимъ проявленіемъ общаго умственнаго возбужденія и проснувшагося народнаго сомосознанія: въ этомъ убѣждаетъ насъ между прочимъ и настоящая библіографія. Въ это десятилѣтіе появляется почти столько же изданій, какъ въ предыдущихъ трехъ вмѣстѣ взятыхъ, т. е. 104. Изъ нихъ болѣе, чѣмъ половина (57) напечатана по-русски (кириллицей), хотя все еще, за немногими исключеніями, на языкѣ, далекомъ отъ чисто народнаго. Въ этомъ числѣ находимъ 7 школьныхъ книгъ, изданій беллетристическихъ и сборниковъ матерьяла этнографическаго 30, да научныхъ трудовъ, составленныхъ галицкими русинами на другихъ языкахъ, 21. И помимо Шашкевича и его кружка появляются сочиненія, близкія къ жгучимъ интересамъ дня, созрѣваютъ вопросы, которые долго еще впослѣдствіи будутъ волновать умы и ждать разрѣшенія, какъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ русиновъ и поляковъ, вопросъ о введеніи латинскихъ буквъ для русской письменности и проч. Процентъ сочиненій свѣтскихъ значительно увеличивается.

Съ 1841 и до конца 1847 года движеніе, начавшееся въ предыдущемъ десятилѣтіи, какъ будто пріутихло, хотя не исчезло. Въ эти тяжелые семь лѣтъ все-таки выходитъ 146 русинскихъ изданій—больше, чѣмъ за цѣлое прошлое десятилѣтіе. Изъ этихъ сочиненій только 63 изданы на русскомъ, все еще большей частью церковномъ языкѣ. Но процентъ изданій на народномъ языкѣ—беллетристическихъ, этнографическихъ и педагогическихъ становится больше, несмотря на сопротивленіе, оказанное новому движенію со стороны правительства и высшаго духовенства.

Сѣмена, брошенныя творцами новаго народнаго движенія, взошли вполнѣ только въ 1848 году, когда сразу уничтожились преграды къ ихъ развитію и когда правительство изъ роли гонителя сразу должно было перейти въ роль покровителя народнаго движенія русиновъ. Въ этомъ одномъ году появилось изданій русинскихъ болѣе, чѣмъ въ прежніе семь лѣтъ,—159. Интересно, что между этими изданіями только одна или двѣ книги религіознаго содержанія. Все прочее—сочиненія, листки, журналы и брошюры политическаго и полемическаго, литературнаго и научнаго содержанія. Интересно также, что значительную часть этой литературы 1848 года составляютъ сочиненія поляковъ, написанныя на малорусскомъ нарѣчіи.

Слѣдующіе затѣмъ годы представляютъ картину постепеннаго и быстраго паденія того движенія, которое такъ живо вспыхнуло въ 1848 году. Не вдаваясь въ разборъ причинъ этого интереснаго явленія, мы констатируемъ только фактъ самаго уменьшенія литературной производительности. Въ 1849 году русинскихъ изданій насчитываемъ только 82, т. е. почти вдвое менѣе противъ предыдущаго года; въ 1850 году изданій еще менѣе—71, въ 1851 еще менѣе—50, въ 1852 году почти столько же. Очевидно, интересъ къ русинской письменности среди русиновъ сразу ослабѣлъ, потому что письменность эта не съумѣла удовлетворительно отвѣтить запросамъ и требованіямъ жизни. Можетъ быть впрочемъ, что и начавшаяся съ 1849 года Шварценберговско-Баховская реакція, стѣснивъ и обезличивъ всѣ проявленія печатнаго слова, была причиною такого быстраго паденія юной русинской письменности. Только десять лѣтъ спустя, съ 1860 года, вмѣстѣ съ конституціонной эрой и письменность эта вновь оживляется.

Я остановился, быть можетъ, слишкомъ долго надъ обзоромъ матерьяла, какой даетъ намъ первый разъ въ такой полнотѣ библіографія г. Левицкаго потому, что именно эти первые начатки русинскаго возрожденія въ Галиціи очень интересны и поучительны для всякаго историка. Исторія этого возрожденія, не смотря на многочисленныя попытки, все еще не вполнѣ разработана; въ послѣднее время посвящаютъ ей болѣе или менѣе обстоятельныя изслѣдованія гг. Головацкій, Коцовскій, Огоновскій, Терлецкій и Павликъ.

Что касается метода, какому слѣдовалъ авторъ при составленіи своего труда, то, по моему мнѣнію, онъ отвѣчаетъ вполнѣ требованіямъ науки. Библіографія г. Левицкаго представляетъ, во первыхъ, всѣ изданія, какія появились въ границахъ Австро-Венгріи на рус-

скомъ (въ широкомъ смыслѣ) языкѣ, печатанныя кирилическимъ, гражданскимъ, латинскимъ шрифтами, независимо отъ народности ихъ авторовъ; во вторыхъ, всѣ работы, гдѣ бы то ни было и на какомъ бы ни было языкѣ напечатанныя, которыхъ авторами были галицкіе русины. Не совсѣмъ ясно поставилъ авторъ вопросъ о русинахъ венгерскихъ и буковинскихъ. Изданія буковинскія, а особенно венгерскія, очень мало извѣстны въ Галиціи; прослѣдить участіе русиновъ въ изданіяхъ румынскихъ и мадьярскихъ у насъ нѣтъ почти никакой возможности. Сознавая это, г. Левицкій и обѣщаетъ въ самомъ заглавіи дать полную библіографію одной только галицкой Руси, „съ увзглядненіемъ", на сколько будетъ возможно, Руси венгерской и буковинской.

При всякомъ сочиненіи библіографія г. Левицкаго передаетъ вѣрную копію заглавнаго листа, воспроизведенную на томъ самомъ языкѣ и такимъ самымъ шрифтомъ, какъ подлинникъ. Аккуратность его въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что не смотря на удвоенныя издержки печатанія, онъ употребляетъ восемь сортовъ шрифта. При изданіяхъ менѣе извѣстныхъ или болѣе важныхъ авторъ прибавляетъ подробныя данныя или указываетъ, гдѣ можно найти подробныя свѣдѣнія о данномъ сочиненіи. Такъ какъ самый богатый матерьялъ для исторіи галицко-русской литературы находится въ журналахъ и сборникахъ, то авторъ при заглавіи всякаго изданія такого рода сообщаетъ систематическій, составленный въ азбучномъ порядкѣ, указатель всѣхъ болѣе важныхъ содержащихся въ немъ статей.

Весь матерьялъ расположенъ хронологически по годамъ и только въ рамѣ всякаго года идетъ въ азбучномъ порядкѣ по фамиліямъ авторовъ или, въ случаѣ ихъ неизвѣстности, по первымъ буквамъ заглавія книгъ. Кромѣ того, авторъ къ нѣкоторымъ номерамъ прибавляетъ примѣчанія, въ которыхъ исправляетъ ошибочныя сужденія другихъ библіографовъ, разъясняетъ нѣкоторые спорные вопросы или же даетъ новыя, неизвѣстныя до сихъ поръ данныя, касающіяся исторіи изданія книгъ, цензуры и проч. Подробности эти почерпнулъ авторъ отчасти изъ разсказовъ ветерановъ галицко-русской письменности: Петрушевича, Дѣдицкаго, Малиновскаго,—отчасти же изъ малодоступныхъ рукописныхъ источниковъ, а именно изъ счетныхъ и дневныхъ книгъ института ставропигійскаго и типографіи Порембы, гдѣ печаталась большая часть русскихъ книгъ, далѣе изъ архива губерніальнаго, гдѣ, кромѣ многихъ рѣдкихъ печатныхъ изданій, встрѣчается много данныхъ о цензурѣ прежнихъ

временъ и о вносимыхъ въ нее сочиненіяхъ. Большая часть сочиненій, названныхъ въ библіографіи, имѣется въ библіотекѣ „Народнаго Дома“ или въ присоединенной къ ней библіотекѣ крилошанина Петрушевича; вотъ почему авторъ и не счелъ нужнымъ при всякомъ сочиненіи дѣлать замѣчаніе, гдѣ можно его найдти. Самымъ крупнымъ недостаткомъ труда г. Левицкаго можно считать упомянутую мною выше неопредѣленность на счетъ библіографіи буковинской и венгерской. Другой недостатокъ въ томъ, что авторъ не включилъ въ свой трудъ также сочиненій чуженародныхъ авторовъ о галицкой Руси и о русинахъ, какъ это дѣлалъ Эстрейхеръ въ своей польской библіографіи. Въ концѣ концевъ, не смотря на десятилѣтній трудъ собиранія, оказывается, что библіографія г. Левицкаго все-таки еще не полна даже по части галицкой Руси; къ первому тому, который долженъ появиться еще въ настоящемъ году, приложено будетъ дополненіе.

Галицко-русская библіографія за 1887 г. Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Львовъ 1888 (большое 8°, 60 стр. текста и 10 стр. указателя).

Такъ какъ галицко-русская библіографія XIX стол., о которой мы говорили выше, должна оканчиваться 1886 годомъ, то галицко-русское общество „Руска Матиця“ поручило г. Левицкому составлять для издаваемаго имъ „Литературнаго Сборника“ ежегодную библіографію за слѣдующіе годы, по тому же методу, какъ и прежній трудъ. Такимъ образомъ „Библіографія“ 1887 года является прямымъ продолженіемъ неоконченной пока библіографіи 1801—1886 годовъ. Этотъ новый трудъ, напечатанный въ „Литературномъ Сборникѣ“ Матицы, вышелъ на дняхъ особымъ изданіемъ.

Помимо значительнаго количества—280 номеровъ—сочиненій и изданій галицкихъ русиновъ въ прошломъ году, литература ихъ представляетъ вообще довольно прискорбный видъ. Изъ 280 номеровъ 80 или не относятся совсѣмъ къ литературѣ (портреты и пр.), или напечатаны на иностранныхъ языкахъ. Остальная масса, за вычетомъ нѣсколькихъ книгъ и альманаховъ и около десятка газетъ и журналовъ, представляетъ эфемерную литературу листковъ и брошюръ, не имѣющихъ почти никакого значенія для умственнаго развитія страны, или же литературу популярную, почтенную слишкомъ часто болѣе по своимъ намѣреніямъ, чѣмъ по ихъ исполненію.

Очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ настоящей книгѣ является указатель именъ авторовъ и заглавія публикацій. При нѣкоторыхъ авторахъ, особенно галицкихъ, г. Л. разоблачаетъ ихъ псевдонимы, на сколько это было возможно.

Миронъ.

Н. Н. Оглоблинъ Провинціальные архивы въ XVII в. (Очеркъ изъ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи). Спб. 1886.

Книга журнала „Вѣстникъ археологіи и исторіи", въ которой помѣщенъ этотъ очеркъ, вышла только въ концѣ прошлаго года, чѣмъ и объясняется его позднее появленіе въ свѣтъ. Въ виду интереса этого очерка, проливающаго много свѣта въ совершенно еще неразработанную у насъ область архивовѣдѣнія, мы считаемъ нелишнимъ хотя теперь дать о немъ отзывъ. Изслѣдованіе г. Оглоблина важно еще и потому, что, благодаря серьезному изученію авторомъ вопроса, оно прокладываетъ новый путь для подобныхъ же работъ, въ которыхъ особенно нуждаются южно-русскіе архивы, еще такъ мало разработанные. Правда, изъ южно-русскихъ архивовъ г. Оглоблинъ описываетъ одинъ только кіевскій, но и это одно уже заслуживаетъ вниманія со стороны южно-русской библіографіи. Почему наша задача сводится къ тому, чтобы указать изслѣдованныя г. Оглоблинымъ стороны вопроса объ архивахъ вообще и выдѣлить то, что относится собственно къ Кіеву.

Указавъ на предъявленный въ началѣ текущаго столѣтія спросъ на архивный матеріалъ и на важность работъ, основанныхъ на этомъ матеріалѣ, авторъ ставитъ вопросъ о той обстановкѣ, въ которой находились архивы въ XVII в. Для разрѣшенія этого вопроса г. Оглоблинъ пользуется „смѣтными книгами" и „росписными списками", т. е. отчетами, составлявшимися при сдачѣ города однимъ воеводою другому, и ежегодными отчетами воеводъ, представлявшимися ими въ „разрядный приказъ", вѣдавшій служилое сословіе и военныя силы государства. Въ числѣ столовъ „разряда" былъ и кіевскій, учрежденный, конечно, со времени присоединенія Кіева къ Россіи. Въ своихъ отчетахъ воеводы, описывая городъ, сообщаютъ также о количествѣ и содержаніи разнаго рода документовъ, хранящихся въ „съѣзжихъ избахъ", „приказныхъ палатахъ" и т. п. учрежденіяхъ. Вотъ на этихъ то вѣдомостяхъ о дѣлахъ, или точнѣе

ихъ описяхъ, которымъ до сихъ поръ у насъ придавалось мало значенія, и построилъ авторъ свои интересныя заключенія.

Авторъ находитъ, что названіе „архивъ", какъ собраніе документовъ, въ XVII в. было совершенно неизвѣстно и документы носили общее названіе „писма". Далѣе, авторъ опредѣляетъ: 1) что главными начальниками центральныхъ архивовъ для всей провинціи были воеводы; провинціальными же архивами завѣдывали другіе лица, напр. земскіе старосты; наблюденіе за архивами въ воеводскихъ канцеляріяхъ распредѣлялось между подъячими, дежурившими вмѣстѣ со сторожами въ мѣстахъ храненія документовъ; 2) что помѣщеніями для архивовъ служили: избы, комнаты, казенки, чуланы, казенные дворы, амбары, житницы и даже зелейные (пороховые) погреба; само собою разумѣется, что здѣсь архивы страдали отъ тѣсноты, сырости, пожаровъ и т. п.; 3) что разнообразные столпы и столпики, книги и тетради, связки и свертки помѣщались на столахъ, лавкахъ и даже на полу, уложенные въ коробья, деревяныя или лубяныя, за печатями и замками, въ простые ящики или роскошные ларцы (смотря по важности документовъ), въ сундуки или лукошки; 4) что архивныя описи составляютъ свѣтлое явленіе въ области архивнаго дѣла XVII в. Авторъ различаетъ описи краткія и подробныя и видитъ въ нихъ лишь зачатки систематическаго дѣленія документовъ на группы. Главныхъ системъ дѣленія авторъ различаетъ 4: а) по родамъ документовъ (встрѣчается довольно часто); б) хронологическое (самое распространенное); в) географическое (рѣдкое) и г) по содержанію, представляющее, по вѣрному замѣчанію автора, систему высшаго порядка. Въ заключеніе авторъ указываетъ на значеніе описей вообще, когда описанные документы уже не существуютъ. Въ приложеніи помѣщены типичные документы, подтверждающіе положенія автора: описаніе приказной (сѣвской) палаты, описаніе архива съѣзжей (усердской) избы, стоимость канцелярскихъ принадлежностей, примѣры описи столпа и распоряженіе о вписаніи грамоты въ „росписной списокъ", приписывавшееся въ концѣ грамоты.

Что касается до Кіева, то авторъ даетъ сначала довольно подробное описаніе кіевской приказной палаты, которое мы и приводимъ въ виду его мѣстнаго интереса. Эта палата помѣщалась, какъ извѣстно, въ верхнемъ городѣ (нынѣ Старый Кіевъ); она состояла изъ „горницы съ комнатою, къ комнатѣ прирублена казенка, передъ ними сѣни, въ сѣняхъ чюланъ на жилыхъ подклѣтяхъ, покрыты тесомъ. А въ той приказной палатѣ моленіе иконы—образъ

Господа Бога"... и еще два образа. Далѣе, на столѣ находились: „книга Соборное Уложеніе, печатная, ветха; новоуказные, присланные съ Москвы въ Кіевъ, статьи[1]). На столѣ жъ коверъ старый, ветхъ, да сукно красное, да лазоревое, ветхи жъ. Лавки, гдѣ сидятъ бояре и воеводы, побиты сукномъ краснымъ, старымъ. Три тюшака коженыхъ, старыхъ. Два сукна красныхъ, одно жъ сукно старое вшивное, красное и зеленое. Два шендала мѣдныхъ, въ томъ числѣ одинъ двойной, другой—тройной". Дѣла кіевской приказной палаты, какъ и въ другихъ палатахъ, распредѣлялись между подъячими, завѣдывавшими тѣмъ или другимъ столомъ. Описи этихъ дѣлъ весьма богаты указаніями на матеріалы, драгоцѣнные для политической и бытовой исторіи южн. Руси; изъ нихъ мы узнаемъ о существованіи въ архивѣ палаты „тайныхъ дѣлъ", какъ напр. донесенія о пріѣздѣ въ Кіевъ въ 1689 г. митрополита Досифея отъ волошскаго воеводы Стефана Петра, свѣдѣнія отъ 1669 г. о польскомъ и литовскомъ послѣ Беневскомъ, о бѣлоцерковскомъ комендантѣ 1679 г. да Степанѣ Куницкомъ; подъ 1694 г. упоминается о тайной царской грамотѣ къ воеводѣ кн. П. П. Хованскому, безъ означенія ея содержанія; далѣе указаны, напр., дѣла о пріѣзжихъ изъ Польши Вас. Искрицкомъ, Гедеонѣ Одорскомъ, о подложномъ подметномъ письмѣ на Печерскѣ, о провѣдываніи вѣстей, донесеніе кіевск. воеводы о дьяконѣ Чудова м-ря Стефанѣ, грамота по письму патр. Досифея о раскольщикѣ церкви Божіей, появившемся въ Мультанской (Молдаво-валашской, а не магометанской, какъ догадывается авторъ) землѣ, указано еще нѣсколько извѣтовъ о непристойныхъ словахъ нѣкоторыхъ болтливыхъ кіевлянъ; другія дѣла касаются исторіи кіевскихъ монастырей, напр. Выдубицкаго; два дѣла трактуютъ вообще о судьбѣ малороссіянъ, извѣстныхъ въ сѣв.-русск. актахъ XVII в. подъ именемъ черкашанъ, напр: „поручная запись отъ 1643 г. по черкашенинѣ... въ томъ, что дочь свою... онъ долженъ выдать за рускава человѣка, а за черкашанина не выдавать", или грамота государева отъ 1644 г., что велѣно „измѣнничи черкасскіе жены и дѣти отдать воронежцамъ разнымъ людямъ въ работу на вѣки" и др. Къ сожалѣнію, авторъ не упоминаетъ, сохранились ли эти дѣла до настоящаго времени и не находятся ли они въ Архивѣ М-ва Юстиціи, хотя, впрочемъ, повѣрка наличнаго по приводимымъ описямъ и не была цѣлью автора.

[1]) Ни о литовск. статутѣ, ни о магдеб. правѣ совершенно не упоминается, хотя они должны были бы имѣть здѣсь мѣсто.

Это серьезное и вполнѣ научное изслѣдованіе Н. Н. Оглоблина оставляетъ желать очень немногаго. Такъ, напр., авторъ не обратилъ вниманія на отношенія законодательства къ архивамъ, къ способу храненія документовъ и составленія ихъ описей, а такого рода указаніе было бы не безполезно для сравненія, насколько города и учрежденія отступали отъ законныхъ требованій, да и каковы были сами требованія и какими цѣлями они вызывались. О строгихъ требованіяхъ власти относительно храненія документовъ можно судить лишь по одной цитатѣ автора изъ указа 1697 г., въ которомъ предписывается въ случаѣ потери документа производить розыскъ „со всею жесточью", ибо „подъячіе старые и молодые" обязаны „всякіе дѣла дѣлать и беречь со всякимъ опасеніемъ и радѣніемъ", при этомъ упоминается о нещадныхъ наказаніяхъ и большихъ пеняхъ; само собою разумѣется, что этимъ однимъ указомъ законодательство не могло ограничиться, были, конечно, и другія распоряженія, съ которыми автору слѣдовало бы ознакомить читателей. Другимъ недосмотромъ разбираемаго труда мы считаемъ не строго установленную терминологію относительно описей. Авторъ различаетъ краткую и подробную опись, краткое и подробное описаніе документовъ; этого рода описи онъ дѣлитъ еще на меньшія группы, которыя часто перемѣшиваются одна съ другой, такъ что разобраться въ этой терминологіи можно лишь съ нѣкоторымъ усиліемъ. Въ понятіе о подробномъ описаніи авторъ вноситъ требованіе описанія внѣшности документа, кромѣ подробнаго изложенія его содержанія. Мы не вполнѣ согласны съ опредѣленіями г. Оглоблина и различаемъ краткое и подробное описаніе архива, разумѣя подъ нимъ общій обзоръ архива относительно помѣщенія, внутренней обстановки, количества и качества заключающагося въ немъ матеріала, его расположенія, описей къ нему и пр., словомъ, вносимъ въ описаніе все, что мы замѣчаемъ при первомъ знакомствѣ съ архивомъ; далѣе, различаемъ списки (иначе: регистры, перечни, каталоги, росписи или назовите какъ хотите) связокъ, книгъ, ящиковъ и пр. съ указаніемъ на время документовъ, мѣсто (по происхожденію), количество и мѣсто, занимаемое ими на полкахъ; описи краткія излагаютъ самую сущность каждаго документа: время, мѣсто, предметъ договора и имена договаривающихся или родъ документа и лицо, его выдавшее; подробныя указываютъ внѣшніе признаки документа: форматъ и достоинство бумаги, почеркъ, особенности письма, водные знаки, украшенія и, наконецъ, подробное содержаніе документа съ

отмѣткой о степени его научной важности, по мнѣнію составителя описи. Мы думаемъ, что большимъ подспорьемъ (даже замѣной подробныхъ описаній) могли бы служить указатели: личный, географическій и предметный. Извлеченій изъ сыраго матеріала мы никоимъ образомъ отнести къ описямъ не можемъ, такъ какъ они скорѣе примыкаютъ къ собранію матеріаловъ, ибо въ извлеченія вносится лишь то, что кажется интереснымъ составителю, и опускаются подробности, важныя для другихъ изслѣдователей.

Для полноты очерка необходимо было бы также сказать, хотя нѣсколько словъ, объ архивахъ до XVII в.; это сдѣлало бы болѣе понятнымъ ихъ состояніе въ этомъ вѣкѣ.

Наконецъ, мнѣ кажется, читателей не мало затрудняетъ хронологія автора, которая ведется по древнему лѣтосчисленію, отъ сотворенія міра, вмѣсто привычнаго намъ отъ Р. Х.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ повторить, что указанные недосмотры нисколько не уменьшаютъ достоинствъ труда г. Оглоблина и является желательнымъ, чтобы этотъ трудъ былъ доведенъ до конца, т. е. чтобы авторъ познакомилъ общество съ судьбою архива въ XVI и XVIII вв.; авось тогда рѣшеніе вопроса о будущемъ этихъ „храмовъ безсмертія“ окажется легче.

Желательно также, чтобы трудъ г. Оглоблина вызвалъ подобныя же работы и по исторіи южно-русскихъ архивовъ.

И. Каманинъ.

Украинскія легенды въ французскомъ журналѣ.

Южнорусскія библейско-христіанскія легенды и апокрифы въ самое послѣднее время обратили на себя вниманіе изслѣдователей. Кромѣ извѣстнаго читателямъ нашего журнала труда Н. Ѳ. Сумцова, разработкой ихъ занимались и нѣкоторые изъ столичныхъ ученыхъ.

Излишне распространяться о значеніи этихъ сказаній, показывающихъ, какъ отражались библейскіе мотивы въ народномъ умѣ, поясняющихъ ихъ съ точки зрѣнія народной психологіи и особенностей народнаго быта. Можетъ казаться загадочнымъ ихъ возникновеніе и долгая жизнь въ народѣ. Но, имѣя въ виду обособленность этой жизни, совершившуюся въ ней, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій быта, выработку характера и понятій и близкую преемствен-

ность ея съ духовной жизнью эпохъ болѣе раннихъ,—существованіе легендъ и апокрифовъ становится понятнымъ. Какъ на ряду съ писаннымъ законодательствомъ, народъ создаетъ свое обычное право, такъ рядомъ съ церковно-библейскими книжными разсказами создаетъ онъ апокрифы, фантазируя на библейскія темы въ духѣ своихъ понятій и представленій, не останавливаемый здѣсь даже тѣмъ соображеніемъ, какое является на счетъ закона, „незнаніемъ котораго не можетъ отговариваться никто". Въ числѣ другихъ проявленій самостоятельной умственной жизни народныхъ массъ, европейская наука усердно занимается и этими народно-библейскими разсказами, обычными многимъ племенамъ. Отрасль науки, получившая международное названіе Folk—lore (изученіе народныхъ вѣрованій, представленій, обычаевъ, творчества и жизни) дѣлаетъ на Западѣ все новыя и новыя завоеванія и обладаетъ въ настоящее время многими періодическими органами. Дѣло собиранья и разработки наблюденій надъ жизнью и творчествомъ некультурныхъ массъ привлекаетъ къ себѣ постоянно научныя силы и изъ частичныхъ наблюденій этнологовъ и этнографовъ создается величественная наука исторіи развитія человѣческихъ идей и представленій, исторія раскрытія человѣкомъ міровой загадки. Понятно значеніе, какое имѣетъ въ этой разработкѣ элементъ національный. Какъ во всякой молодой наукѣ, методы здѣсь вырабатываются параллельно съ наростаніемъ, такъ сказать, самаго капитала науки. Теперь господствуетъ сравнительная теорія, изъискивающая у народовъ преемственность идей и представленій. Но недалеко, конечно, время, когда, насытившись сближеніями и исканіями *сходства*, адепты сравнительнаго метода обратятся и къ пунктамъ *различія* и, достаточно убѣдивши себя въ общности нѣкоторыхъ человѣческихъ чертъ (другіе въ этомъ и не сомнѣваются) умѣрятъ свои головоломныя экскурсіи по лицу земнаго шара.

Одинъ изъ французскихъ органовъ Folk—lor'а, парижскій „Revue des traditions populaires", въ двухъ изъ недавнихъ своихъ книжекъ (1887 №№ 9 и 11) вводитъ украинскія христіанскія легенды въ кругъ научнаго изученія. Переводчикъ ихъ г. Инсъ и ранѣе занимался изслѣдованіемъ русской народной литературы и издалъ книгу по этому предмету („La Russie devoileè au moyen de sa litterature populaire". Paris—1883). Въ ней онъ не касался ни Южной Руси, ни ея христіанскихъ легендъ. Объ этихъ легендахъ во французской печати не появлялось до сихъ поръ ничего, кромѣ нѣсколькихъ стра-

ницъ въ „Russie Epique“ Рамбо, гдѣ разбираются легенды о Соломонѣ. Пока г. Инсомъ напечатанъ переводъ всѣхъ тринадцати легендъ, относящихся къ событіямъ и лицамъ Ветхаго Завѣта, помѣщенныхъ въ кіевскомъ сборникѣ „Малорусскіе народные преданія и разсказы“.

Какъ общее впечатлѣніе отъ этихъ народно-библейскихъ разсказовъ, переводчикъ высказываетъ удивленіе тому, съ какимъ постоянствомъ народная память остается вѣрною идеямъ, вѣрованьямъ и нравамъ эпохи, жизнью которой народъ пересталъ жить давно. Въ большинствѣ легендъ онъ видитъ только легкую библейскую окраску. Дьяволъ замѣнилъ въ нихъ просто имя стародавнихъ божествъ низшаго разряда, обитающихъ въ водахъ и болотахъ. Въ разсказахъ о Соломонѣ сведены черты многихъ стародавнихъ сказокъ, герою которыхъ придано библейское имя и оставлена его мудрость. Въ легендѣ „Про мудрого Соломона и его злую матиръ“ имя его встрѣчается только два раза въ началѣ; дальше онъ называется просто богатыремъ и только въ разсказѣ о сотвореніи міра и благословеніи его Богомъ Сатанаилъ является такимъ, какимъ рисуется библейскій Сатана, напримѣръ, въ книгѣ Іова. Впрочемъ, разсказу этому, какъ и другимъ разсказамъ съ дуалистическимъ оттѣнкомъ, редакторъ сборника приписываетъ болгарское происхожденіе и приводитъ, въ подкрѣпленіе своей мысли, болгарскую легенду, во всемъ сходную съ украинской.

Переводъ легендъ сдѣланъ г. Инсомъ чрезвычайно близко къ подлиннику, совершенно согласно съ имъ же высказываемой мыслью, что въ дѣлѣ передачи на другой языкъ произведеній народнаго творчества личность переводчика, съ заботами о слогѣ, должна стушевываться совсѣмъ и что единственною его задачею должно быть стараніе о близкой и точной передачѣ выраженій оригинальнаго текста.

В. Горленко.

Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ 14-го ноября 1886 г. по 14 ноября 1887 г. Одесса. 1888.

Одесское историческое общество, вступившее въ настоящемъ году въ 49-ю годовщину своего существованія, насчитываетъ нынѣ 15 почетныхъ членовъ, 100 дѣйствительныхъ и 35 корреспондентовъ. Въ отчетномъ году оно имѣло пять очередныхъ засѣданій. На нихъ сдѣланы слѣдующія сообщенія: вице-президентомъ В. Н.

Юргевичемъ: 1) составленный имъ указатель музея древностей, 2) о двухъ печатяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Херсонеса въ 1887 году; секретаремъ В. А. Яковлевымъ—о рукописномъ сочиненіи Дюбуа-де-Кура „Изысканія о приморской части азовской губерніи", писанномъ въ 1794 г.; дѣйствительнымъ членомъ А. И. Маркевичемъ—переводъ узаконеній валахскаго господаря Іоанна Караджи 1817 г. и 8 писемъ къ генералу Инзову, основателю болгарскихъ и устроителю нѣмецкихъ колоній въ Новороссіи и Бессарабіи (1817—1845); дѣйствительнымъ членомъ А. Л. Бертье-Делагардомъ—составленный имъ каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и рисункамъ, хранящимся въ музеѣ общества; бразильскимъ консуломъ въ Генуѣ барономъ А. Биберштейномъ—переводъ сочиненія вице-адмирала Л. Финкати „Взятіе Константинополя турками"; дѣйствительнымъ членомъ А. А. Кочубинскимъ—славянская надпись изъ Аккермана, конца XV в.; дѣйствительнымъ членомъ П. О. Юрченкомъ—переводъ рукописныхъ статей бывшаго неаполитанскаго консула въ Ѳеодосіи Ф. Лагоріо „Четыре эпохи въ жизни Ѳеодосіи", „Историческое свѣдѣніе о Ѳеодосіи и ея торговлѣ", „Историческая записка о причинахъ упадка нынѣшней Ѳеодосіи" и „Проэктъ о средствахъ поднять гор. Ѳеодосію", съ введеніемъ и примѣчаніями; дѣйствит. членомъ А. М. Подшиваловымъ—„о монетахъ царей босфорскихъ первой династіи".

Заслушанные въ засѣданіяхъ общества матеріалы и статьи поступали потомъ въ издательскій комитетъ, состоявшій изъ вице-президента, секретаря и дѣйств. членовъ А. А. Кочубинскаго и Ѳ. И. Леонтовича; въ настоящемъ году комитетъ намѣренъ приступить къ печатанію XV тома „Записокъ".

Подобно тому, какъ и въ прошлые годы, общество принимало мѣры къ охранѣ мѣстныхъ памятниковъ старины. Дѣйствія его въ этой области выразились въ отчетномъ году въ слѣдующемъ: 1) Въ 1886 г. аккерманскій городской голова вошелъ съ ходатайствомъ къ губернатору о дозволеніи срыть аккерманскую крѣпость, или, по крайней мѣрѣ, разобрать на матеріалъ контръ-эскарповыя стѣны крѣпостнаго рва; временный одесскій генералъ-губернаторъ запросилъ общество объ исторической важности этой крѣпости, на что оно представило свое мнѣніе; аккерманское городское общество, сославшись на свою бѣдность, уклонилось отъ принятія на себя обязательствъ по содержанію крѣпости въ исправности; общество, озабочиваясь вопросомъ о томъ, на какой источникъ отнести расходы по содер-

жанію и ремонту крѣпости, сносилось съ предсѣдателемъ археологической коммиссіи гр. А. А. Бобринскимъ, но, хотя и получило обѣщаніе объ ассигновкѣ средствъ отъ правительства, въ концѣ концовъ остановилось на томъ, что достаточно оградить крѣпость отъ умышленнаго разрушенія, ибо стѣны ея, достаточно еще прочныя, могутъ простоять не одно столѣтіе. 2) Общество освѣдомилось, что крымскіе татары расхищаютъ на матеріалъ стѣны Мангупа, древней готской крѣпости, а караимы подобнымъ же образомъ разрушаютъ Чуфутъ-Кале; сообщавшій объ этомъ членъ общества писалъ, что на его глазахъ разбита въ послѣднемъ каменная плита съ надписью, ломомъ отбитая отъ мавзолея дочери Тохтамыша. Узнавъ объ этомъ, общество просило начальника края обязать мѣстныя власти смотрѣть за сохранностью древнихъ памятниковъ. 3) За смертью И. С. Безкровнаго, завѣдывавшаго мелекъ-чесменскимъ курганомъ (близь Керчи) и находящеюся въ немъ гробницею, приспособленною къ помѣщенію древнихъ памятниковъ, общество утвердило въ званіи завѣдывающаго этимъ курганомъ своего корреспондента В. Ѳ. Гролиха. 4) По вопросу о сохраненіи древностей Херсонеса въ Крыму и о раскопкахъ въ немъ вице-президентъ общества В. Н. Юргевичъ сообщилъ свои соображенія гр. А. А. Бобринскому, предсѣдателю археологической коммиссіи; соображенія эти слѣдующія: впредь до построенія нарочитаго зданія подъ музей съ квартирою для смотрителя и сторожа (на что имѣются небольшія средства), поручить наблюдать за сохранностью архитектурныхъ остатковъ Херсонеса смотрителю изъ воиновъ-ветерановъ (по документальному выраженію), съ помощью сторожа и урядника; монеты и другіе предметы домашняго быта, находящіеся въ квартирѣ настоятеля херсонесскаго монастыря, оставить тамъ до постройки музея; половина ассигнованной правительствомъ на раскопки суммы отдается въ распоряженіе общества, которое производитъ ихъ по соглашенію относительно мѣста и плана съ археологической коммиссіей; руководство раскопками принимаетъ на себя членъ общества, постоянно живущій въ Севастополѣ, А. Л. Бертье-Делагардъ.

Библіотекой, а равно и другими коллекціями общества пользовались не только члены его, но и нѣкоторыя посторонія лица.

На ярославскій археологическій съѣздъ командированъ былъ д. чл. А. А. Кочубинскій, сдѣлавшій на немъ сообщеніе „о русскомъ племени въ придунайскомъ Залѣсьѣ (Трансильваніи)“.

Въ отчетномъ году общество пріобрѣло покупкою пять старинныхъ портретовъ малороссійскихъ гетмановъ Богдана и Юрія Хмельницкихъ, Мазепы, Апостола и Разумовскаго, кромѣ того—найденный около м. Криваго Рога камень съ высѣченною посерединѣ конскою головою, а вокругъ нея—загадочными знаками, и еще камень съ молдавскимъ гербомъ и славянскою надписью вязью, свидѣтельствующею о постройкѣ воротъ въ аккерманской крѣпости въ правленіе воеводы Стефана Великаго, около 1482 г.

Въ приложеніи къ „Отчету“ находимъ краткія свѣдѣнія о ѳеодосійскомъ музеѣ древностей, находящемся въ вѣдѣніи общества.

На заглавной страницѣ, въ видѣ виньетки, издана неизвѣстная доселѣ въ ученой литературѣ монета города Тиры времени императора Адріана.

Основываясь на обѣщаніи прошлогодняго отчета, мы ожидали найти въ нынѣшнемъ некрологъ основателя общества и его вице-президента въ теченіе многихъ лѣтъ, Мурзакевича, но таковаго не нашли.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ XI. Выпускъ III. Москва. 1887.

Въ названной книгѣ „Трудовъ“ находимъ рефератъ А. В. Прахова о кіевскихъ памятникахъ византійско-русскаго искусства, читанный авторомъ въ московскомъ археологическомъ обществѣ въ декабрѣ 1885 г. Докладъ этотъ есть плодъ шестилѣтнихъ трудовъ г. Прахова по очисткѣ и изученію мозаикъ и фресокъ Софійскаго собора, Михайловскаго монастыря и Кирилловской церкви въ Кіевѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію своихъ открытій, референтъ выясняетъ историческое значеніе византійскаго искусства, при чемъ проводитъ параллель между этимъ послѣднимъ и древне-греческимъ искусствомъ. По заключенію г. Прахова, Византія выдвинула на первый планъ живопись, на смѣну скульптурѣ, созданной античной Греціей, и въ сферѣ зарожденія и развитія живописи имѣла такое же огромное значеніе, какъ древняя Эллада—въ области пластики.

Переходя затѣмъ къ памятникамъ кіевскимъ, авторъ задается слѣдующими вопросами: 1) что принесъ намъ христіанинъ-византіецъ: мертвенное ли что-либо, или зажигающее новую жизнь, и 2) какъ мы отнеслись къ этому культурному дару: были ли мы тѣмъ

лукавымъ рабомъ, который зарылъ въ землю свой талантъ, или мы были способны и готовы на тотъ живой откликъ, какой видимъ во всей западной Европѣ?

Передавъ въ общихъ чертахъ исторію своей работы, г. Праховъ приступаетъ къ результатамъ ея, начиная съ Софійскаго собора, древнѣйшаго изъ изслѣдованныхъ памятниковъ. Разсказавъ исторію собора, онъ описываетъ открытыя мозаики: изображеніе Іисуса Христа въ днищѣ главнаго купола, ангела—въ воронкѣ того же купола, св. Павла—между окнами главной бани и св. Аарона—на сѣверномъ столпѣ царской арки. Заключеніе автора объ этихъ мозаикахъ таково: „византійское искусство пришло къ намъ, въ XI в., въ лучшихъ своихъ образцахъ и въ ту пору, когда оно само было живымъ, ищущимъ и домогающимся искусствомъ, еще не замершимъ въ условномъ схематизмѣ, т. е. Византія въ области художествъ дала намъ могучій и живой толчекъ".

Рѣшивъ въ такомъ смыслѣ первый изъ поставленныхъ двухъ вопросовъ, г. Праховъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, „какъ мы воспользовались его ученьемъ" (ученьемъ „византійскаго учителя"), и съ этой цѣлью описываетъ памятники XII в.: мозаики Михайловскаго монастыря и фрески Кирилловской церкви, останавливаясь подробно на послѣдней. Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ въ его изложеніи исторіи Кирилловской церкви и описаніи всѣхъ открытыхъ тамъ фресокъ,—большая часть ихъ открыта въ 1881—2 гг. и описана въ рѣчи, произнесенной имъ въ общемъ собраніи русскаго археологическаго общества въ началѣ 1883 г. и напечатанной сначала въ „Журналѣ Мин. Нар. Пр.", а потомъ въ „Кіевской Старинѣ" (томъ VI, май 1883 г., стр. 97—110), рѣчь эта теперь цѣликомъ включена имъ въ разбираемый рефератъ,—но укажемъ на дополненія, сдѣланныя въ немъ на основаніи работъ 1883 года. Мы находимъ въ немъ описаніе изображенія Рождества Христова и Успенія Богородицы на стѣнахъ теплаго алтаря, свв. Кирилла и Меѳодія (предположеніе автора), Климента Болгарскаго, Іоанна Македонскаго, Іосифа Селунскаго, Евмена, Наума и Киріака—всѣ на стѣнахъ „жертвенника"; на стѣнахъ главнаго алтаря: три фигуры свв. воиновъ безъ надписей, свв. Константина и Елены; на переходѣ изъ внутренней паперти въ среднюю церковь—св. Христины; въ проходѣ изъ паперти въ средній корабль—двухъ иноковъ. По разсмотрѣніи фресокъ Кирилловской церкви, авторъ приходитъ къ заключенію, что „въ живописи XII вѣка стиль, прежде условный и нѣ-

сколько деревянный, уступаетъ мѣсто большей естественности, большей свободѣ“, что за сто лѣтъ ученія на югѣ Россіи народилась уже русская художественная школа, что̀ можно видѣть какъ въ русскихъ костюмахъ на изображеніяхъ XII в., такъ и въ русскихъ надписяхъ къ нимъ. „Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, говоритъ г. Праховъ, XII—началомъ самостоятельной художественной дѣятельности; да, самостоятельной, повторяетъ онъ, такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ *наблюдать дѣйствительность и вносить свои наблюденія* въ искусство“.

Оканчиваетъ свое сообщеніе г. референтъ указаніемъ важнаго значенія изслѣдованія древнихъ византійскихъ памятниковъ, а въ особенности внутренняго убранства и расписанія ихъ—для современнаго русскаго архитектора и перечисляетъ извѣстные въ наукѣ памятники, украшенные фресками и мозаиками. Статья заключаетъ въ себѣ и эпиграфическій матеріалъ. Къ ней приложено семь изображеній фресокъ и мозаикъ; изъ нихъ для историка южной Руси особенно важны два снимка съ фресокъ Кирилловскаго монастыря, на которыхъ византійскій императоръ изображенъ въ костюмѣ русскаго князя.

В. Я.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Проекты кіевской губернской канцеляріи, представленные въ Елисаветинскую и Екатерининскую законодательныя коммиссіи.

24 августа 1754 г. сенатъ потребовалъ отъ кіевской губернской канцеляріи составить „пункты" (проектъ) реформъ и новыхъ учрежденій, которыя „по мнѣнію мѣстнаго начальства необходимо принять во вниманіе при сочиненіи новаго уложенія". Кіевская губ. канцелярія, или, точнѣе, тогдашній вицегубернаторъ Ив. Ив. Костюринъ поспѣшили выполнить указъ сената, а именно: уже 15 окт. 1754 г. вицегубернаторъ представилъ въ сенатъ „пункты" о стародубскихъ и черниговскихъ раскольникахъ, а 27 окт. того же года— проэктъ разныхъ учрежденій и нововведеній по Кіеву и кіевской губ., а въ 1755 г., по новому требованію сената, проектъ устройства запаснаго хлѣбнаго магазина.

Что сдѣлала Елисаветинская коммиссія съ этими проектами, неизвѣстно. При созывѣ депутатовъ въ знаменитую Екатерининскую коммиссію, сенатъ приказалъ кіевской губ. канцеляріи (ук. нояб. 16 1766 и 4 янв. 1767 г.) вновь разсмотрѣть пункты 1754 г. и представить ихъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія. 15 февр. 1767 г. кіевская губ. канцелярія донесла сенату и въ коммиссію, что она не находитъ нужнымъ ничего добавить къ прежнему проекту.

Между тѣмъ генералъ-прокуроръ кн. А. А. Вяземскій предложеніемъ отъ 29 августа 1768 года поставилъ на видъ кіевской канцеляріи, что не смотря на всѣ предшествовавшіе указы сената о немедленной присылкѣ изъ каждой губ. канцеляріи пунктовъ о „недостаткахъ" и о способахъ ихъ исправленія, изъ кіевской канцеляріи они будто бы еще не были получены, „а коммиссія о сочиненіи проэкта новаго уложенія, находясь уже съ нѣкотораго времени

въ дѣйствіи своемъ, требуетъ тѣхъ пунктовъ". Быть можетъ, сенатъ и кн. Вяземскій не считали пунктовъ 1754 г. достаточными.

Отвѣчая на это требованіе, кіевская канцелярія рѣшила представить опять безъ измѣненія копію тѣхъ же пунктовъ 1754 года, приложивъ къ ней докладъ Костюрина о раскольникахъ, и пункты 1715 года, представленные въ Кіевѣ губерн. кн. Голицынымъ Петру В. и имъ разрѣшенные.

Считаемъ нелишнимъ возстановить здѣсь содержаніе упомянутыхъ сейчасъ документовъ (къ сожалѣнію по рукописи, полуистлѣвшей). Изъ нихъ видно, какіе недостатки усматривала русская правительственная власть въ тогдашнемъ состояніи Малороссіи 1715—1754 г. Вниманіе ея, какъ увидимъ, было наиболѣе устремлено на недостатки экономическаго быта и на условія жизни въ Малороссіи великороссійскихъ людей: гарнизоновъ, раскольниковъ и купцовъ, которыхъ кіевская канцелярія беретъ подъ свою защиту отъ притѣсненій малороссовъ. Затѣмъ достойно замѣчанія, что кіевскіе правители считали своею прямою обязанностію заботиться о нуждахъ православнаго востока, или, какъ онѣ пишутъ, „Греціи".

Пункты 1754 года.

1. „Малороссійскимъ и великороссійскимъ купцамъ о долговыхъ деньгахъ имѣть *судъ по вексельному уставу*, такъ какъ нынѣ у нихъ происходитъ, что малороссійскій купецъ возметъ деньги и дастъ по ихъ называемой обликъ, а на срокъ не отдаетъ, въ томъ производятъ въ малороссійскихъ канцеляріяхъ письменные суды и часто бываютъ долго не рѣшительны; а купецъ (великороссъ) принужденъ лишатися торгу, или отстать отъ дѣла.

2. Въ Кіевѣ, въ Нѣжинѣ, въ Стародубѣ, да и на ярмонкахъ въ малороссійскихъ городахъ: Королевцѣ, въ Ромнахъ, въ Борзнѣ, въ Переяславлѣ, для *словеснаго между купцами суда*, въ силѣ указу, избрать купцовъ, да и въ случаѣ великороссійскимъ съ малороссійскимъ и греческимъ братствомъ судъ производить имъ же.

3. Въ Кіевѣ, яко въ городѣ знатномъ и многолюдномъ, собираются для поклоненія святымъ мощамъ изъ разныхъ городовъ Россійской Имперіи, Сербіи, Греціи, Волахіи и т. д. (По̀

рукописи, совершенно испорченной, дальнѣйшій точный текстъ 3-го пункта возстановить нельзя; но сущность дѣла въ томъ, что проектируется для заболѣвающихъ богомольцевъ *устроить больницу* (шпиталь) на слѣд.) основаніяхъ: по излеченіи больному выдается „докторскій аттестатъ". Если выздоровѣвшій не имѣетъ ничего для своего пропитанія, то при выпускѣ изъ больницы, комисаръ выдаетъ ему 10 коп., „покамѣстъ сыщетъ работу и нѣсколько выработавъ на дорогу, (долженъ) ити въ свою сторону, откуда пришелъ. А коммисару и доктору больныхъ въ работы свои по излеченіи отнюдь не принимать". Для строенія того госпиталя и на содержаніе больныхъ, (на покупку) медикаментовъ, пищи, устройство кроватей и для службы работнымъ людямъ опредѣлить сумму изъ прибыли отъ переписи въ малороссійскихъ раскольническихъ слободахъ. „Ежели повелѣно будетъ полевую аптеку изъ Лубенъ, яко изъ пустаго мѣста, гдѣ никакого лекаря нѣтъ, слѣдовательно и купить некому, перевесть въ Кіевъ,—оная (аптека) можетъ лекарства въ Кіевѣ продавать съ прибылью надежно, странныхъ больныхъ медикаментами удовольствовать; а къ тому въ здѣшнихъ мѣстахъ разныхъ травъ доволно можетъ збирать".

4. „Оному доктору поручить завесть *ботаническій садъ* и збирать коренья, травы, которыхъ въ Кіевѣ и около оного число многое, какъ мнѣ [1]) здѣшніе лекари объявляли. А оной садъ, по усмотрѣнію доктора, завесть на пустомъ мѣстѣ и взять то мѣсто котораго (бы) монастыря земля ни была, для такой государственной ползы и что отъ пустой земли пользы никакой не приходитъ, безденежно. Сіе кажется полезнымъ служить можетъ медицинской канцеляріи: то, что предъ симъ выписывали изъ другихъ государствъ, по здѣшнему (кіевскому) климату надежно рѣдко что-бъ родиться не стало".

5-й пунктъ нельзя возстановить по истлѣвшей рукописи.

6. Народъ Малороссійской къ земледѣлію не прилеженъ и запаснаго хлѣба не имѣетъ; и когда у нихъ одинъ годъ хлѣба не родится, терпятъ голодъ, какъ то въ 1748 году, когда са-

[1]) Т. е. Костюрину.

ранча на полѣ хлѣбъ пожрала, въ 1749-мъ году всеобщимъ голодомъ назвать было мочно, ибо въ самомъ въ Кіевѣ, въ великомъ городѣ, въ торговые дни пятидесяти четвертей ни за какую дорогую цѣну купить было не мочно. Да и въ нынѣшнемъ году отъ недороду во всякомъ хлѣбѣ нужда необходимо быть можетъ. Не соизволено ль будетъ въ Кіевѣ магистрату *всегдашней имѣть магазейнъ*, хотя до 5 т. четвертей, и въ случаѣ нужды раздавать бѣднымъ людемъ съ поруками, а какъ хлѣбъ уродится и въ настоящую цѣну придетъ, збирать безъ излишества?

7. „Въ Кіевѣ и въ Переяславлѣ не малое число шелковичнаго дерева; ктобъ пожелалъ возрастить оные, въ три и въ четыре года можетъ червей кормить и шелкъ дѣлать"; но „народъ къ этому полезному труду не прилежитъ". Далѣе проэктируется, сколько можно усмотрѣть изъ истлѣвшей рукописи, развитіе въ Кіевѣ заведеній для *шелководства*.

8. „Въ Кіевѣ множество есть народа малороссійскаго празднаго безъ всякаго дѣла, не стараются, какъ токмо о ежедневной пищѣ, не думая о завтрашнемъ дни ни мало; да и способа къ поправленію себя отъ праздности не имѣютъ, ибо фабрикъ никакихъ нѣтъ и работы сыскать негдѣ. А способно видѣтся быть здѣсь *суконной фибрикѣ*, потому что шерсть изъ за Дунаю лучшею во всей Греціи почитается; а отъ Кіева разстояніемъ всѣхъ россійскихъ границъ ближе и можно тяжелыми возами пріѣхать въ двѣ недѣли, или малымъ чѣмъ болѣе, которая потому и дешевле другихъ всѣхъ мѣстъ станетъ, а къ тому и малороссійскую прибавлять годится и когдабъ расходъ (сбытъ) усмотрѣли, тогда-бъ можетъ быть Малороссіяне на ту шерсть своихъ овецъ и по два раза въ году стричь стали".

9. „Здѣсь находится три *краски*, которыми здѣсь красятъ кушаки и шнурки: одна при нѣкоторыхъ травахъ при корени, которой цвѣтъ подходитъ къ кошенелю и называется здѣсь червецъ; другая трава—дрокъ краситъ желтою, третья материнка, мѣшая съ кисличными листомъ, малиновою. Оныя (краски) при доношеніи изъ кіевской губернской канцеляріи въ правительствующій сенатъ для пробы посланы. Ежели цѣна положена будетъ, почему (почемъ) за лотъ червецъ, а прочіе травы за пудъ

платить, всякая женщина и ребенокъ приносить будутъ къ тѣмъ, кому покупать приказано будетъ. И тако сими тремя, т. е. шелковичнымъ, суконнымъ и красочнымъ дѣлами, народъ постарается себя изъ праздности въ должный трудъ перемѣнять".

10.—Десятый пунктъ касался торговли солью, но возстановить его нельзя.

11. Во всей Греціи въ монастыряхъ и по церквамъ рукописныя книги, и хотя въ Венеціи и печатаютъ, но токмо перемѣняютъ многія рѣчи по разсужденію западной церкви. Греки принуждены нынѣ оныхъ книгъ удаляться, почитая противными; а со временемъ какъ привыкнутъ, можетъ западной церкви ученіе вкорениться въ Греціи. Не малое удавольствіе, яко единаго исповѣданія, народу быть можетъ, когда соизволено будетъ повелѣть *въ Кіевѣ учинить типографію* для печатанія книгъ греческихъ сперва церковныхъ, а потомъ разныхъ ученыхъ писаній. Для исправленія книгъ надобно совершенно знающихъ еллинскій языкъ и для набиранія литеръ таковыхъ людей изъ Греціи рѣдко сыскаться могутъ; а для заводу печатанія книгъ сперва сумма денегъ потребна, которая вскорѣ съ прибылью откупиться можетъ"

12. 12-й пунктъ касается кіевскаго гарнизона, который состоитъ изъ пяти полковъ. Служащіе въ гарнизонѣ не имѣютъ никакихъ *земельныхъ и лѣсныхъ угодій*. Поэтому „не соизвольно-ль будетъ имъ опредѣлить противъ Остзейскихъ пограничныхъ войскъ изъ состоящихъ въ близости къ Кіеву монастырскихъ земель на содержаніе нѣкоторую часть сѣнныхъ покосовъ и для рубки дровъ лѣсныхъ угодій"?

„Что-жъ касается до другихъ приписныхъ къ Кіеву крѣпостей въ оныхъ все по воинскому артикулу и указамъ повелѣнное исполненіе чинится; а при тѣхъ крѣпостяхъ малороссійскіе городы съ ихъ форштатами состоятъ подъ вѣдомствомъ малороссійскаго правленія, а до кіевской губернской канцеляріи совсѣмъ не принадлежатъ".

Подлинные подписано тако: *Иванъ Костюринъ.*

Пункты о раскольникахъ 1754.

1. „По указу блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго въ 1715-мъ году повелѣно въ Малой Россіи раскольниковъ переписать и положить въ окладъ, чего ради и опредѣленъ былъ полковникъ Ергольскій съ товарищи, который опись учинилъ неосновательно, ибо описалъ токмо сколько въ Малой Россіи слободъ и въ нихъ жителей имѣется, а сколько въ которой слободѣ земли и пока тѣ урочища, того ничего не показано. А малороссійскіе владѣльцы, которые безъ указовъ тѣхъ великороссійскихъ людей на тѣхъ своихъ земляхъ селить допущали, послѣ той Ергольской описи, стали оныхъ раскольниковъ къ тому ихъ земляному владѣнію всячески не допущать, за что непристанныя тѣхъ слободъ у жителей съ малороссіянами въ земляхъ ни токмо великія ссоры, но и смертныя убивства и челобитія въ малороссійскихъ канцеляріяхъ происходятъ". Далѣе, повидимому, проектируется общее *размежеваніе* земель раскольничьихъ слободъ.

2. Малороссійскіе правители берутъ съ раскольниковъ консистенскія дачи, между тѣмъ на раскольниковъ положенъ большой окладъ на военныя издержки. „Ежели такой окладъ на нихъ положится, то уже тѣ всѣ малороссійскіе сборы отставить, потому-что *великороссійскій народъ* кажется ни почему *не имѣетъ платить податей малороссіянамъ* въ положенье и ежели посему тѣ раскольники переписаны и въ одинъ окладъ положены будутъ, то увѣдавъ за границею живущіе великороссійскаго и и малороссійскаго народа раскольники въ Россійскую Имперію охотно на житье въ тѣ слободы переходить пожелаютъ".

3. „Въ тѣхъ слободахъ, какъ о томъ не безъизвѣстно, земли весьма недостаточно; а по смежности тѣхъ слободъ имѣются немалое число ранговыхъ и владѣльческихъ земель, которыя состоятъ въ пустѣ. Кажется незапотребно повелѣть имъ добровольною цѣною *покупать земли въ Малой Россіи къ слободамъ*, а не къ одному крестьянскому дому и тѣ купчія писать у крѣпостныхъ дѣлъ въ Кіевѣ и записывать въ книги; а для отказу посылать великороссійскихъ служивыхъ людей".

4. Въ четвертомъ пунктѣ дѣло идетъ о правѣ раскольниковъ держать своихъ поповъ. Пунктъ заключается такъ: „Изъ Польщи вѣтковскіе жители особливо просятъ *устроить два монастыря одинъ мужескій, а другой женскій* и отправлять имъ (богослуженіе); ежели церкви построить не мочно, то хотя часовни, и какъ такое позволеніе они получатъ, то совершенно могутъ нѣсколько тысячъ великороссійскаго народа людей вытти въ Россію безъ всякихъ затрудненій“.

5. „А ежели кто изъ тѣхъ слободъ жителей будутъ по купечеству, или другимъ какимъ дѣламъ имѣть претензію на малороссіянъ, о томъ имъ *искать суда* и просить по порядку въ *великороссійскихъ судахъ*, гдѣ кто вѣдомъ; тако-жь ежели малороссіяне будутъ о чемъ имѣть претензію тѣхъ слободъ на обывателей,—искать и просить суда у управителей тѣхъ раскольническихъ слободъ въ волостной конторѣ, по которымъ прошеніямъ оному управителю безволокитно по самой справедливости чинить рѣшеніе въ силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ. Ежели же кто его судомъ не будетъ доволенъ, искать въ кіевской губернской канцеляріи“.

Что касается до пунктовъ, представленныхъ Петру Великому въ Кіевѣ въ 1715 году, то они касаются вывоза за границу монеты и юфти, устройства въ Кіевѣ аптеки для войскъ, найма рабочихъ для постройки кіевской крѣпости, обложенія раскольниковъ окладомъ. Изъ отмѣтокъ Петра интересно слѣдующее: „вмѣсто Полтавы сдѣлать замокъ въ Переволочнѣ и тамъ быть главному мѣсту полку Полтавскаго... и прибавить великороссійскихъ сколько возможно“.

Сообщилъ **М. Владимірскій-Будановъ.**

На комъ былъ женатъ Мазепа.

„Мазепа былъ женатъ на богатой вдовѣ Фридрикевичъ, у которой отъ перваго брака былъ сынъ по имени Криштофъ. Бракъ этотъ совершился въ Корсунѣ, во время службы Мазепы у Дорошенка. Какое имя носила его жена по родителямъ—не извѣстно, но она была близкая родственница прилуцкому полковнику Горленку“. Такъ говоритъ Костомаровъ въ его монографіи „Мазепа“

(стр. 15). Къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ сообщаемъ здѣсь нѣсколько поясненій.

О томъ, что Мазепа былъ женатъ на вдовѣ Фридрикевичъ, свидѣтельствовали въ 1729 г. старожилы с. Смячи и д. Конотопа (городницкаго уѣзда), разсказывая, что Смячь и Конотопъ „якъ они упомнятъ были въ вѣдомствѣ и владѣніи полковниковъ черниговскихъ, а потомъ *гетманъ Мазепа отдалъ ихъ своему пасынку Криштофу Фридрикевичу,* а по немъ владѣлъ сынъ его Григорій" и т. д.[1]).—Кто же были отецъ и мать Криштофа Фридрикевича, объ этомъ говорятъ документы, находящіеся въ архивѣ черниговск. двор. депутатскаго собранія при дѣлѣ о дворянствѣ Фридрикевичей. Одинъ изъ этихъ документовъ—грамота польскаго короля Яна Казиміра 1653 г., по которой король, „имѣя уваженіе и призрѣніе на вѣрные Рѣчи Посполитой заслуги шляхетныхъ *Самуила Фридриха,* полковника давняго, и *тестя его Семена Половця*", подтверждаетъ за ними право на двѣ мельницы, „на грунтахъ ихъ Буки, на р. Роси". Изъ этой грамоты видно, что Семенъ Половецъ съ своимъ зятемъ Самойломъ Фридрихомъ въ 1653 г. держали еще сторону поляковъ; но въ 1654 г. Семенъ Половецъ воевалъ уже противъ поляковъ, будучи полковникомъ бѣлоцерковскимъ[2]). Бѣлоцерковскимъ полковникомъ былъ и Самуилъ Фридрихъ, какъ видно изъ слѣдующаго акта: „мы особы по именахъ и прозвискахъ выраженные, меновите: я, Иванъ Кравченко, полковникъ войска его ц. пр. вел. запорожскаго бѣлоцерковскій, Тишко Деркачъ, Андрей Проценко, атаманъ городовый, Яцко Клиша, Андрей Любарскій, Ляшко Гребюнка, Петро Ярмоленко, сотникъ, Иванъ Марченко, вѣдомо чинимъ симъ нашимъ писмомъ, ижъ за волею и позволеньемъ ясневельм. его мил. п. войскъ его ц. в. запорозскаго славной памяти пана и антецессора нашего, а тожъ за вѣдомомъ, радою и позволеніемъ всего товариства нашего, за высланьемъ и укладаньемъ и шацункомъ зъ вышереченнихъ особъ, продалисмо домъ дмитровскій, прозываемій Аврамковскій, въ рынку бѣлоцерковскомъ грунтомъ лежачій, арендарскій, противъ козацкого шпиталя будучій—славетному п. Самуелю Фридриховичу Козмѣ, а бывшому полковнику бѣлоцерковскому за 90 золотыхъ. Марта 11 року 1660".

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетност. Черниг. полка, рукопись б—ки коллегіи Павла Галагана.

[2]) А. ю. з. Р., X., 405.

Такъ какъ въ грамотѣ Яна Казиміра Самуилъ Фридрихъ называется „давнимъ" полковникомъ, то можно думать, что онъ занималъ этотъ урядъ въ Бѣлой Церкви прежде своего тестя и былъ полковникомъ польскимъ, а не козацкимъ.

Изъ приведенныхъ документовъ можно заключить, что Мазепа былъ женатъ на дочери бывшаго бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца, бывшей сначала замужемъ за иноземцемъ Самойломъ Фридриховичемъ, который умеръ послѣ 1660 г., оставивъ сына Криштофа. Съ этою женою Мазепа перешелъ и на лѣвый берегъ Днѣпра, въ 1674 г.[1]).

Костомаровъ не говоритъ, откуда взято имъ свѣдѣніе о близкомъ родствѣ жены Мазепы прилуцкому полковнику Горленку. Повидимому, это свѣдѣніе не имѣетъ никакихъ основаній, какъ и другое, приводимое Русск. Родосл. Книгою (I, 150) о томъ, что Дмитрій Горленко былъ женатъ на дочери Мазепы, бывшей сперва за Голубомъ....

А. Л.

Письмо воронежскаго сотника Холодовича къ намѣстнику черниговской „катедры" Саввѣ Шпаковскому, 1721 г.

Висоце в Богу преподобнѣйшій мосцѣ отче намѣсникъ катедри Чернѣговской, мой велце милостивій господине в Духу Светомъ отче и дознанний благодѣтелю благорачителній висоце в Богу превелебности вашой листъ в отвѣтъ писемъ до его милости отца Думи, городничаго свѣржанского, посланнихъ ко мнѣ милостивно адрисованній, которій typum veritatis exprimit calamo з достойнимъ принявши почитаніемъ, ласкавіе а благоразсудителніе вичиталемъ в немъ контента. Правда же не надлежалобъ in domestico opere заводу нашего висоцеповажную рейментарскую всегда войсковими публѣчними и приватними дѣлами затрудненную особу, своими дискоммодовати доношеніи; еднакъ nescit tacere dolor, понеже отецъ Дума по своей сусѣдской приязни чили неприязни, ставши amicus personae inimicus causae и давши ansam ясне в Богу преосвященному concedere sibi на власнихъ дѣдизнахъ, а по преставленіи родителей моихъ

---

[1]) А. ю. з. Р. XI, 611.

successive мнѣ спалихъ нѣкою тридцати уже лѣтъ фундушами и унѣверсалами лицъ можнихъ и нынѣшного ясневелможного добродѣя уконфѣрмованнихъ сѣножатахъ (якіе отецъ Дума sua sponte привлащаетъ) около млина моего и войскового будучихъ, на килко сотъ возъ exorbitanter забралъ и звюзъ; мусѣлемъ в томъ обжаловании ясневолможного добродѣя особу турбовати; и любо его панская велможность многократно писалъ листъ свой доясне в Богу преосвященного, которого копію ввѣденіе висоце в Богу превелебности вашой тутже прилагаю, дабы помянутый отецъ Дума в тихъ моихъ заборахъ учинилъ реституцѣю, еднакъ вложенеся за мною его панской велможности ажъ до сихъ часъ пошло якъ горохъ о стѣну nonne laeditur honor principis если жъ не тяжесть сія терпѣть, не пронзаетъ ли жалость дому моего, же при якой колвекъ моей войсковой службѣ од отца городничего Свѣржанского нестерпимую терплю до сихъ часъ обиду. Melius est ab externo hoste premi quam a domestico opprimi подаю сіе ad trutinam mentis поважной особѣ висоце в Богу превелебности вашой и всепокорственно упрошаю благоволи преподобіе ваше, по своему природному паче же отческому ковсѣмъ благоутробію, увѣщаніемъ своимъ здевѣнковати отца Думу, аби такъ обжалованніе козаки сотнѣ моей преображіевскіе в справѣ одержали з кого надлежитъ управу, яко и я не patiar plus injuriam, жеби сяя искерка cineri posita doloso од отца Думи возгнѣтившаяся, болшъ якого впред не учинила incendium, бо если бы его м. отецъ Дума поважніе ясневелможного добродѣя прежніе писанія и нынѣшними его жъ рейментарской листъ без сатисфакцѣи in opprobrium еще схотѣлъ пустити, то принужденъ буду на его жъ самого за волею принципала моего ясневелможного добродѣя, alios querere Deos, у пресвѣтлѣйшого двору монаршого его царского величества нашего всемилостивѣйшаго государя моего апеляцѣею обявляю и при семъ премилосердной висоце в Богу превелебности вашой ласце и респектовѣ з всенижайшимъ моимъ поклоненіемъ.

Себе вручаю висоце в Богу преподобію вашому велце милостивому господину в Духу Святомъ, отцу и благодѣтелевѣ, щирозичливий и нижайший слуга Іванъ Холодовичъ сотникъ воронѣжский. З Воронѣжа, 8 врія 31, року 1721.

Иванъ Ивановичъ Холодовичъ, воронежскій сотникъ (1713—23 г.), считался въ свое время однимъ изъ лучшихъ дѣльцовъ. Первую свою жалобу въ сенатъ на Вельяминова Полуботокъ отпра-

вилъ съ Холодовичемъ, который и исполнилъ это щекотливое порученіе очень успѣшно (Русск. Арх. 1880 г., I, 158 и 162). Будучи дѣльцомъ, Холодовичъ въ то же время слылъ еще и за хорошаго стилиста, которые и встарину цѣнились... Приведенное письмо Холодовича, списанное съ подлинника, представляетъ собою интересный образчикъ малорусскаго „стиля" нач. XVIII в.

А. Л.

Легенда о Паліѣ.

Въ Екатериносл. Губ. Вѣдом. за настоящій годъ печатаются чрезвычайно интересныя легенды и преданія, записанныя изъ устъ народа мѣстнымъ любителемъ старины Я. П. Новицкимъ. Одна изъ такихъ легендъ приведена въ 4-й книжкѣ Кіевск. Стар. Здѣсь же перепечатываемъ легенду о Паліи (Екат. Губ. Вѣд., 1888 г., № 10), которая тѣмъ интереснѣе, что представляетъ собою совершенно новый видъ изъ преданій о знаменитомъ бѣлоцерковскомъ полковникѣ, не имѣющій ничего общаго съ легендами, напечатанными въ Запискахъ о Южной Руси (I, 115—131).

Семенъ Палій.

Семенъ Палій бувъ лыцарь велыкій. Про его, було, де-чого розсказують запорожци нашымъ батькамъ, а батькы уже намъ. Десь-то, кажуть, жылы козакы и мижъ ными бувъ молодый козакъ Семенъ. Разъ кошовый зибравъ військо и махнувъ воювать орду и ляхивъ, а Семенъ зостався глядить добра. Тоди ще хатъ було не дуже товсто, бильше жылы куринямы. Отъ дохозяинувався той Семенъ, покы спалывъ кошового куринь. Шо его робыть?—дума винъ: прыидуть—буде мини. Взявъ рушныцю и подався. Довго винъ ишовъ байракамы и зайшовъ въ таки пущи [1]), шо тико небо и выдно. Сивъ винъ и спочыва. Ось насунула хмара, ставъ крапать дощъ, потимъ гримъ, блыскавка [2]). Дывитця винъ на скелю, колы выскакуе лукавый. Якъ загремыть гримъ, винъ пидъ скелю, якъ затыхне—винъ вылизе и гнивыть Господа. Семенъ и дума: шо-жъ теперъ робыть? Або ему смерть, або мини. Тико шо выскочывъ винъ на скелю, Семенъ прыцилывсь и убывъ. „Ой, бый ще, каже, разъ бый", просе

---

[1]) Пустыня.

[2]) Молнія.

лукавый. „Буде съ тебе и разу“. Винъ знавъ, шо якъ выпале вдруге, то побижыть. Зарядывъ Семенъ рушныцю и посунувся очеретамы въ пущу. Иде винъ, тай иде, а очеретъ густый та высокій и свита не выдно. Чуе винъ, трищыть очеретъ и шось суне прямо до его. Шо Богъ дасть, каже, та туды. Колы ось показався дидъ старый, старый та билый. Здоровъ, каже, сыну!—Здоровъ, дидусю!—Куды тебе Богъ несе?—Такъ и такъ, каже, диду: доли шукаю: або звирюка зъистъ, або дійду до Велыкого Лугу въ Запорожжя. И ставъ ему Семенъ розсказувать: спалывъ, каже, куринь и боюся гнива козацького: або кіямы забьють, або на шыбыныцю. Дидъ и каже: теперъ за тобою погоня—сорокъ чоловикъ; тико ты не бійся: пиды до кошового, винъ простыть. Дали показуе дидъ свою рушныцю и каже: тутъ таке цилке, тико наведешъ, такъ и е; давай, каже, поминяемось. Вгори литала очеретянка. Дидъ прыцилывся, бахнувъ, вона и упала.—Добра, каже Семенъ, рушныця, а моя ще лучша. Я, каже, не такого звиря убивъ. Отъ дидъ упьять и каже: ну, колы минять не хочешъ, то дарую я тоби цю рушныцю за те, шо убывъ сатану, тико шануй его. Будешъ ты, каже, велыкый лыцарь и побиждатымешъ непрыятеля; будешъ ты, каже, минятьця, якъ мисяць: мисяць зостаріетця, зостаріешся и ты, зійде молодыкъ—будешъ молодымъ и ты. Вертайся жъ, сыну, до кошового. Сказавъ це дидъ и Богъ зна де дився, бо не простый чоловикъ винъ бувъ, а святый апостолъ. Помолывся Семенъ и пишовъ до кошового. Прыйшовъ, та прямо въ куринь. А кошовый тико шо умывся, втераитьця и молытву творе. Семенъ навколяшкы.—А шо, каже, еретычый сыну, прыйшовъ?—Не клады, каже, тату, велыкого гнива: то я спалывъ куринь.—Щастя жъ твое, каже, шо не піймала погоня,—заколола бъ. Дали кошовый и каже: за те, шо спалывъ куринь—будь же ты, еретычый сыну, *Паліемъ*. Ставъ винъ козакувать, ставъ такый сыльный, шо нихто его не подужа. Було якъ воюють козакы, то де Палій, тамъ и удача. Выбралы его козацькимъ батькомъ, тобъ-то кошовымъ. Отъ прыихавъ Швецкій король до проклятого Мазепы и давай воны пыть. Пылы, пылы, а потимъ и поклыкалы до себе Палія. Король и каже: погуляймо, братци, та визьмимось рубаты въ пень [1]). москаля.—Не диждешь! каже Семенъ Палій. Якъ схопытьця король, якъ схопытьця проклятый Мазепа, та до Семена Палія. Берить, вьяжить, слугы, сякого такого! Взялы Семена Палія, скувалы въ зализо рукы, ногы и замуровалы въ темныцю. Не богато жъ винъ

[1]) Рубаты въ пень—поголовно.

тамъ сыдивъ, не ивше и не пывше,—двадцять годъ. Черезъ двадцять годъ пишовъ шведъ войною на царя Петра, пишовъ съ нымъ и проклятый Мазепа. Сталы пидъ Полтавою. У царя сыла війська, а у шведа и проклятого Мазепы ще бильша. Ставъ шведъ побывать москаля, а Петро и каже: дай мини, шведо, хоть трохы отдыху. Той давъ, Петро пишовъ у свій станъ и пыта: чы нема, братци, мижъ вамы богатыря, або характерныка? Вызвався хлопець 16-ты литъ и каже: я бъ помигъ, та ще лита не выйшлы, а есть, каже, замурованный въ темныци Семенъ Палій, той побидыть шведа. Пославъ царь за Паліемъ. Одмуровалы его, глянулы, ажъ у его борода и коса по колина, вусы по поясъ. Сорочка, штаны на ему опалы,—страшно и глянуть. Надилы одежу, пидвелы коня. Шо стане Семенъ Палій сидать,—кинь такъ и вгрузне по колина. Стико не пидводылы,—ни одынъ кинь не здержавъ. Тоди прывелы царського коня. Винъ сивъ и поихавъ. Прыижжае до царя. Царь посадывъ его за дубовый стилъ, угощае и правды пытае.—Шо, каже, Семене Палію, чы звоюемо шведа?—Звоюемо, каже, тико дай тры дни хлиба святого поисты та спочыть. У шведа була баба хымородныця [1]). Отъ глянула вона на Петрове війско и каже: ой шось за напасть велыка буде на насъ. Велы, каже, королю, кувать коней назадъ гакамы [2]), та нумо тикать. Покы шведъ покувавъ коней,—ось уже и Семенъ Палій спочывъ. Надивъ винъ дорогу одежу, сивъ на коня и сунувъ зъ військомъ на шведа. Чы довго винъ тамъ бывся, чы ни,—выбигъ на могылу и пыта царя: бачышъ шведа?—Бачу, каже: подався черезъ гору. Выбигъ тоди Палій на кряжъ и пыта упьять: а теперъ бачышъ? Бачу, каже: одынъ другого черкае шаблямы.—А короля бачышъ?—Побигъ, каже, король степомъ, а за нымъ проклятый Мазепа, ажъ курява знялась. Якъ звоювавъ Палій шведа, Петро и каже: ну, Семене Палію, теперъ я дамъ тоби грошей стико схочешъ, дамъ я тоби и паньски области. Ни, каже Палій, не треба мини ни грошей, ни паньскихъ областивъ: дай мини мылу украину, за котору я двадцять литъ страждавъ,—бильше у тебе ни прошу ничого. Давъ Петро Палієви украину и ставъ винъ выжывать ворогивъ. Якъ вывивъ всихъ, тоди и самъ Богъзна де дився. Винъ, кажуть, и теперъ десь жывый и якъ Господь ему веливъ, миняитьця якъ мисяць: старіе и молодіе.

---

[1]) Колдунья, знахарка.

[2]) Передней частью подковы назадъ; собственно гакы—острые зубцы снизу у подковы.

Право „презенты“ и его значеніе въ исторіи юго-западнаго края.

Скоро исполнится столѣтіе со времени присоединенія Юго-Западнаго края къ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упраздненія въ томъ краѣ уніи. Разныя историческія пертурбаціи, пережитыя Юго-Западнымъ краемъ подъ властью Польши, настолько богаты событіями изъ культурно-политической борьбы малоруссовъ съ поляками за преобладающую роль въ историческихъ судьбахъ края, что самые выдающіеся наши историки съ особеннымъ вниманіемъ останавливались на „краевыхъ“ историческихъ фактахъ и событіяхъ малорусской народной жизни. Достаточно назвать такихъ авторовъ, какъ Костомаровъ, В. Б. Антоновичъ, Кулишъ, И. Дашкевичъ, Кояловичъ (по исторіи уніи) и мн. другіе. Тѣмъ не менѣе еще хранится подъ спудомъ и не разработана масса архивнаго матеріала, касающагося „краевой“ исторіи, разработка котораго можетъ пролить новый свѣтъ на прошлую и будущую судьбы юго-западнаго края. По исторіи культурно-политической борьбы католицизма съ православіемъ въ Юго-Западномъ краѣ цѣнныя свѣдѣнія и указанія можно было бы извлечь изъ архивовъ бывшихъ уніатскихъ консисторій брацлавской и радомысльской. Къ сожалѣнію, эти архивы, какъ извѣстно, почти не разрабатываются. Теперь-то, на канунѣ истеченія столѣтія со времени присоединенія юго-западнаго края къ Россіи, казалось бы, и время для разработки данныхъ памятниковъ прошлаго, предшествовавшаго присоединенію;—для извлеченія изъ архивныхъ историческихъ актовъ всего того, на что историкъ могъ бы опереться для спокойной, объективной оцѣнки прошлаго, и для того, чтобы бросить правильный, ретроспективный взглядъ на будущее. Впрочемъ, какъ видно изъ вновь вышедшаго XX тома „Кіев. Старины“, починъ въ указанномъ нами направленіи уже сдѣланъ каменецъ-подольской епархіальной администраціей. Мы заговорили о необходимости разработки бывшихъ уніятскихъ архивовъ еще и потому, что въ нихъ, безъ сомнѣнія, хранится не мало данныхъ, касающихся и затронутаго въ нашей замѣткѣ вопроса о правѣ „презенты“.—Право презенты по своему существу представляется актомъ чисто юридическимъ, входя въ составъ другихъ правъ помѣстнаго землевладѣльца и составляя одну изъ существенныхъ принадлежностей права вотчиннаго. Презента—въ переводѣ—это вообще рекомендація. Актъ же презенты,—это право польскаго помѣщика не только рекомендовать,

но и представлять въ свои помѣстья кандидатовъ на занятіе мѣстъ настоятелей церквей. Представленіе такого рода выдавалось обыкновенно рекомендуемому на письмѣ къ митрополиту; безъ нея трудно было получить мѣсто священника въ данномъ приходѣ. Право презенты установлено еще въ 1647 г. сеймовой конституціей, и предоставлено было польскимъ помѣщикамъ, какъ одна изъ важныхъ прерогативъ ихъ политическаго положенія и значенія въ краѣ (см. Vol. legum., т. IV, стр. 59). Правомъ презенты, какъ юридическимъ правомъ и какъ привилегіей, польскіе помѣщики воспользовались въ высшей степени умѣло и энергично, въ особенности во 2-й половинѣ XVIII в., обративъ данное юридическое право въ орудіе политической и культурной борьбы съ малорусскимъ населеніемъ,—съ его православіемъ, этикой и экономическими условіями жизни. Во 2-й половинѣ XVIII в., во время, предшествовавшее раздѣлу Польши, и въ особенности съ 1772 г. и до втораго ея раздѣла — культурно-политическая борьба папизма съ православіемъ и энергическая пропаганда уніи въ юго-западномъ краѣ идутъ самыми смѣлыми и быстрыми шагами; казалось даже, что коренному населенію трудно будетъ выйти побѣдителемъ изъ неравной борьбы. Борьба къ тому же со стороны поляковъ ведется такими рѣшительными и дѣятельными дипломатами, какимъ является бывшій въ то время уніятскій митрополитъ Смогоржевскій, и при содѣйствіи такихъ вооруженныхъ всевластными правами лицъ, каковы магнаты края: Потоцкіе, Любомирскіе и т. д. (Кояловичъ „Унія въ Западной Россіи“). И въ самомъ дѣлѣ, право выбора и назначенія пастырей для „подданныхъ“ своихъ помѣстій давало помѣщику могущественное орудіе для распространенія черезъ сельское духовенство, какъ болѣе культурный классъ, своего политическаго и моральнаго вліянія на русское православное населеніе. Понятно также, что зависимое матеріально и юридически отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, сельское духовенство находилось въ безусловномъ подчиненіи у своихъ „презентаторовъ“ и творило волю пославшихъ его. Такимъ порядкомъ вещей только и можно объяснить усилившееся распространеніе уніи въ юго-западномъ краѣ, на канунѣ, можно сказать, разложенія самаго польскаго государственнаго организма. Удерживая подъ исключительнымъ своимъ протекторатомъ сельское духовенство, придерживаясь въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ единомыслія съ высшей духовной администраціей края, польское помѣстное дворянство не безъ основанія было увѣрено въ близкомъ торжествѣ ихъ культурно-

политическихъ идей,—въ скорой полонизаціи самаго края. Въ такомъ смыслѣ понималъ помѣстный правящій классъ право презенты и старался осуществить его на дѣлѣ. Такъ, графъ Францискъ-Салезій Потоцкій, владѣлецъ громадныхъ помѣстій въ Уманщинѣ и Брацлавщинѣ, основалъ въ своихъ владѣніяхъ болѣе 100 церквей уніятскихъ, съ условіемъ подчиненія и зависимости ихъ отъ уніятскаго митрополита; зависимость же духовенства этихъ церквей отъ Потоцкаго обоснована была de jure на правѣ презенты (см. В. Б. Антоновича: Очерки состоянія православ. церкви въ юго-запад. Россіи, изд. 1876 г.). Для поощренія же уніятскаго духовенства къ культурной политической борьбѣ съ кореннымъ населеніемъ необходимо было по чисто политическому разсчету создать и этому духовенству болѣе привилегированное и сравнительно съ православнымъ духовенствомъ болѣе заманчивое общественное положеніе, для наглядности контраста. Въ видахъ такого рода политики рядомъ польскихъ сеймовъ 1667 и 1678 гг. издаются узаконенія, по силѣ которыхъ уніятское духовенство освобождается отъ всѣхъ военныхъ повинностей, всѣхъ вообще тягостей и взысканій и сравнивается въ своихъ политическихъ правахъ съ католическимъ духовенствомъ и дворянствомъ, такъ какъ данныя привилегіи признавались однѣми изъ важнѣйшихъ дворянскаго сословія (Vol legum, т. V, стр. 306). Не удивительно поэтому, что правящій въ краѣ классъ—польскіе магнаты, а за ними и вся помѣстная шляхта, пользуясь указанными выше благопріятными условіями своего юридическаго и политическаго положенія, шли увѣренными и смѣлыми шагами по пути полонизаціи юго-западнаго края. Но историческая судьба сулила краю другую жизнь и иную культурно-политическую судьбу... И вотъ, когда истекаетъ столѣтіе со времени присоединенія кореннаго русскаго края къ своей естественной метрополіи, въ самомъ краѣ въ настоящее время уже въ значительной мѣрѣ изгладились и отошли въ забвеніе всѣ рѣзкія черты столь недавней и столь упорной культурно-политической борьбы поляка съ малоруссомъ. Теперь-то самое время и для разработки матеріаловъ по исторіи этой борьбы; своевременна ея безпристрастная оцѣнка.

Въ заключеніе приводимъ текстъ презенты графа Салезія Потоцкаго, выдающагося пропагандиста уніи въ юго-западномъ краѣ, презенты, выданной одному изъ нашихъ предковъ и случайно сохранившейся въ фамильныхъ бумагахъ. Текстъ презенты излагаемъ въ переводѣ. Презента написана на польскомъ языкѣ на гербовой бумагѣ фор-

матомъ въ большой листъ почтовой бумаги, съ подписью въ концѣ Потоцкаго и за его фамильной, гербованной печатью.

„Францъ Салезіушъ на Крыстинополѣ, Тартаковѣ, Струсовѣ, Могилевѣ, Браиловѣ, Тульчинѣ и Умани,—Потоцкій—воевода и генералъ земли кіевской.

Его Высокопреосвященству Фелиціану-Филиппу Володковичу, съ Божьей и съ столицы апостольской милости архіепископу, митрополиту кіевскому и всей Россіи. При засвидѣтельствованіи покорныхъ желаній моихъ, до свѣдѣнія довожу, что въ имѣніи моемъ, въ селѣ Яроваткѣ, (уничтожено со введеніемъ военныхъ поселеній въ кіев. губ.) къ уманской волости принадлежащемъ, а въ епархіи вашей находящемся, имѣется церковь во имя св. Михаила Архистратига, въ которой, дабы хвала Божія „не уставала“ въ пользу спасенія рода человѣческаго, предположилъ Вашему Высокопреосвященству *рекомендовать въ настоятели* (presentować za porocha) урожденнаго ксендза Вас. Чеважевскаго, хорошо мнѣ аттестованнаго и въ уніи съ костеломъ с-мъ римско-католическимъ соединеннаго. Оффиціально его рекомендуя, прошу за него, дабы Ваше Высокопреосвященство *его, а никого другаго* (iego, a nie kogo jnnego) въ вышеупомянутую церковь яроватскую назначить изволили. Каковую рекомендацію для большей вѣры и вѣсу рукою собственною при оттискѣ обыкновенной печати моей свидѣтельствую и подписываю. Дано въ Крыстинополѣ, 27 іюня 1772 года. Францъ Потоцкій, воевода“. (М. П.).

В. Чеважевскій.

Херсонъ, 28 марта 1888 г.

„Прыказка“ о нюхарахъ.

Съ усвоеніемъ козачествомъ первыхъ пріемовъ куренія табаку пресловутая „люлька“ становится какъ бы непремѣнною принадлежностью козацкой „яснои зброи“. Она дѣлается для козака дороже „жинкы“, которую онъ безъ сожалѣнія промѣниваетъ, по словамъ одной quasi—народной пѣсни, на необходимую для него въ степи люльку. Ею франтятъ, за нее даже кладутъ голову,—какъ типично изображено это въ гоголевскомъ Тарасѣ Бульбѣ.

Появленіе въ козацкихъ зубахъ люльки порождаетъ въ нѣкоторыхъ украинскихъ селахъ, особенно въ окрестностяхъ Зинькова полтавской губ. цѣлый, существующій и по настоящее время, кустар-

ный промыселъ — ея производство. Коренковая, окованная мѣдью „люлька-зинькивка“ съ красиво расположеннымъ узоромъ древесныхъ слоевъ достигаетъ величины хорошаго кулака и прокопченная, какъ бы лакированная, такъ наз. „муруга“, цѣнится охотниками въ рубль и дороже. Такою славою въ 50—60 годахъ еще пользовались „плесковати сорочинкы“, выдѣлывавшіяся въ знаменитыхъ по мѣсту дѣйствія сорочинской ярмарки Сорочинцахъ.

Куреніе хотя и считалось въ народѣ грѣхомъ, но козакъ не могъ даже и ради спасенія разстаться съ единственнымъ зачастую развлеченіемъ въ степномъ одиночествѣ „на варти“, на попасѣ, какимъ для него являлась въ подобныхъ случаяхъ люлька; тѣмъ болѣе, что люлька тогда считалась признакомъ хорошаго тона и молодечества, которое было для него всѣмъ. Онъ ограничивался тѣмъ только, что, отправляясь въ церковь, вытряхивалъ изъ „кишень“ начисто всякіе остатки и признаки табаку, даже надѣвалъ новые, не окуренные табачнымъ дымомъ штаны... Это дѣлается и въ наше время, особенно пожилыми „куріями“.

Насколько было популярно куреніе, почитавшееся похвальнымъ молодечествомъ, настолько же было презираемо нюханіе, практиковавшееся по большей части людьми пожилыми и коренными хлиборобами. Народный юморъ осмѣялъ ихъ въ своихъ присказкахъ—поговоркахъ, въ которыхъ „нюхари“ являются въ довольно непрезентабельномъ видѣ.

Привожу одну „прыказку“, записанную мною въ александровскомъ уѣздѣ екатеринославской губ. Она, кромѣ своего содержанія, обращаетъ на себя вниманіе еще тѣмъ, что составлена какъ-будто складомъ извѣстныхъ „думъ“, или же подъ ихъ вліяніемъ.

Якъ бувъ соби Свырыдъ
Та Давыдъ;
У Давыда дуда,
А въ Свырыда нема.
Давыдъ заснувъ,
А Свырыдъ за дуду тай махнувъ.

—

Ставъ до берега доплывать,
Стала дуда намокать,
Ставъ Свырыдъ потопать,
Ставъ Господа-Бога прохать:

„Колы бъ мени, каже, до берега доплывсты,
Братови Давыдови дуду однесты“.

—

Прыплывъ на краець,
Ажъ сыдыть дидъ Макарець,
А у его пидъ носомъ и кабакы на палецъ.
—Здоровъ тоби, диду Макарець!
—„А почимъ ты взнавъ, шо я Макарець?“
—А я глянувъ, каже, шо у тебе пидъ носомъ кабакы на палець,
Тай пизнавъ, шо ты Макарець“.
—„Ну здоровъ, Свырыдъ!“
—А почимъ ты взнавъ, шо я Свырыдъ?
—„А я, каже, глянувъ на выдъ,
„Тай пизнавъ, шо ты Свырыдъ“.

—

—Дай же, диду, кабакы, понюхать.
—„А хыба ты вжываешъ?“
—Вживаю.
„А батько? А маты?“
—Вжыва,
Тилко те не вжыва,
Шо въ колысци спочыва“.
—„На жъ тоби, хлопче, отцю роговыну,
„Та научы ту малу дытыну.“

—

Та дытына нюхнула, не нюхнула,
Богу душу оддала.
Якъ прылетило тры янголы—
Куцыхъ та мохнатыхъ,
Та вытришкуватыхъ....
Якъ взялы тото гришного душечку—
На мотузочку
Та понеслы очеретами та болотамы...
Очерета та болота трищать,
От-то жъ того гришного душечку тащать.

Ив. Маджура.

Отчетъ о рефератѣ проф. В. Б. Антоновича, читанный въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 3 апрѣля 1888 г.

Предметомъ реферата В. Б. Антоновича были нѣкоторыя замѣчанія о городищахъ, осмотрѣнныхъ имъ во время археологической экскурсіи лѣтомъ 1887 года. Предварительно референтъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о городищахъ вообще. Вопросомъ о городищахъ занимались очень немногіе и его можно считать почти неразработаннымъ. Первая работа о городищахъ въ русской литературѣ принадлежитъ Ходаковскому, который собралъ значительный фактическій матеріалъ, но въ обработкѣ имъ этихъ фактовъ при тогдашнемъ слабомъ развитіи археологіи онъ даетъ много мѣста своей фантазіи, строитъ апріорныя гипотезы и подгоняетъ подъ нихъ факты.

Гораздо серьезнѣе изслѣдованіе Срезневскаго, напечатанное во 2 изд. зап. одесск. общ. ист. и древ. Это добросовѣстная попытка дать классификацію городищъ, но писано это лѣтъ 50 назадъ, когда фактовъ было собрано еще мало. Съ того времени разработка вопроса о городищахъ почти не подвинулась впередъ. Въ новѣйшей литературѣ мы встрѣчаемся съ этимъ вопросомъ въ трудѣ г. Самоквасова „Древніе города Россіи"; но въ сочиненіи этомъ нѣтъ попытки классификаціи городищъ; авторъ собралъ свѣдѣнія о городищахъ, находящихся на территоріи Сѣверской земли, и всѣ безразлично считаетъ укрѣпленіями древнихъ славянскихъ городовъ. Въ настоящее время, полагаю, слѣдуетъ собирать матеріалы и свѣдѣнія и прежде чѣмъ относить городище къ извѣстному опредѣленному времени, необходимо выработать методъ для ихъ классификаціи и установить признаки, по которымъ каждая категорія могла бы быть отнесена къ извѣстной эпохѣ. Референтъ предложилъ нѣсколько такихъ пріемовъ.

Чтобы отнести данное городище къ извѣстной категоріи, нужно имѣть его планъ. затѣмъ слѣдуетъ собрать всѣ историческія данныя, къ нему относящіяся, если таковыя сохранились въ письменныхъ источникахъ; когда такимъ путемъ будетъ опредѣлена мѣстность, то, сопоставляя это опредѣленіе съ планомъ, можно пріурочить данное городище къ извѣстному историческому времени. Но это, конечно, не всегда возможно. При отсутствіи историческихъ данныхъ нужно прибѣгнуть къ двумъ другимъ пріемамъ: 1) раскопать курганы, состоящіе въ непосредственной связи съ городищемъ и слу-

жившіе мѣстомъ погребенія населявшихъ послѣднее жителей и по похоронному обряду можно будетъ примѣрно опредѣлить время возникновенія городища, и 2) собрать по возможности вещи, находимыя въ городищѣ, и по сравнительному изученію ихъ стараться опредѣлить эпоху существованія даннаго города. Пользуясь этими тремя способами, можно съ большей или меньшей точностью отнести городище къ извѣстной эпохѣ, хотя, конечно, здѣсь могутъ быть наслойки различныхъ эпохъ.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ В. Б. Антоновичъ ограничился райономъ отъ береговъ р. Раставицы, притока Роси, къ сѣверу до р. Тетерева и его притоковъ, обнимающихъ западную часть середины кіевской губерніи и прилегающую къ ней небольшую часть житомирскаго уѣзда. Имъ изслѣдовано 24 городища, которыя можно раздѣлить на двѣ группы: первую по р. Раставицѣ и вторую по р. Тетереву и его притокамъ. Относительно первой, на основаніи историческихъ данныхъ, можно предполагать, что это городища черноклобуцкія, и даже точнѣе—бывшіе города берендичей. Референтъ привелъ въ пользу этого слѣдующія мѣста изъ лѣтописи: подъ 1071 г. „воеваша Половци у Растовца и Неятина". Подъ 1169 г. разсказывается, что Владиміръ Мстиславичъ задумалъ козни противъ своего племянника Мстислава Изяславича, занимавшаго кіевскій столъ, и хотя, будучи уличенъ въ этомъ, цѣловалъ племяннику крестъ, но не устоялъ на крестномъ цѣлованіи, вслѣдствіе подстрекательствъ черноклобуцкихъ князей „Чагровичей" Чекъмана, брата его Тошмана и Моначюка; Владиміръ обратился къ дружинѣ и, когда она отказалась слѣдовать за нимъ, поѣхалъ къ Берендичамъ только въ сопровожденіи дѣтскихъ „и снялся с Берендичи ниже Растовця". Подъ 1177 годомъ разсказывается о набѣгѣ половцевъ на южные предѣлы кіевской земли; княжившій тогда Романъ Ростиславичъ послалъ брата Рюрика и сыновей въ землю берендичей, гдѣ половцы „взяша 6 городовъ Береньдиць и поидоша к Ростовцю"; тутъ то князья нагнали половцевъ, но были разбиты и едва убѣжали въ Растовецъ. Такимъ образомъ ясно, что въ Растовцѣ, Неятинѣ и 5 другихъ городахъ жили берендичи. Растовецъ—это нынѣшнее мѣстечко Бѣлиловка, одно изъ предмѣстій котораго называется этимъ именемъ и которое называлось Раставицею въ документахъ до конца XVII ст. (въ послѣдній разъ въ 1701 г. документъ говоритъ: „Раставица alias Билиловка"). Неятинъ—это, вѣроятно, нынѣшнее с. Ягнятинъ. Сосчитавъ городища по Раставицѣ, получимъ 7 городищъ, т. е. счетъ лѣ-

тописи: 6 городовъ берендичскихъ и Растовецъ. Эти городища расположены такъ: у Растовца, у Ружина, (прежде до XVI в. называвшагося Щербовъ), у Ягнятина (2 городища), у Карабчіева, у Паволочи и у Бакожина (нынѣ село Буки, часть котораго удерживаетъ старое названіе).

Другая группа городищъ расположена по Тетереву и его притокамъ. Среди этихъ городищъ можно указать два извѣстныхъ изъ лѣтописи: Мичьскъ и Городескъ. Мичьскъ—это нынѣшній Радомысль, одно изъ предмѣстій котораго, лежащее въ углу между рѣками Тетеревомъ и Мыкою и сохранившее, хотя въ значительно испорченномъ видѣ, древнее городище, носитъ это имя. О Мичьскѣ упоминается подъ 1150 г. Когда Изяславъ Мстиславичъ шелъ на Владимірка Галицкаго, то дошелъ до р. Уши, встрѣтилъ тутъ Владимірка и отступилъ чрезъ Мичьскъ. Затѣмъ, когда походъ Владимірка на Кіевъ не удался и онъ отступилъ въ свою очередь, то, проходя черезъ Мичьскъ, онъ потребовалъ у жителей серебра и мичанки должны были даже вынуть изъ ушей серьги и снять шейныя гривны для уплаты контрибуціи галицкому князю, чтобы спасти городъ отъ разоренія. Городескъ упоминается подъ 1257 г., гдѣ лѣтопись упоминаетъ о цѣломъ рядѣ городовъ по Тетереву, не перечисляя впрочемъ ихъ именъ. Здѣсь разсказывается о походѣ Шварна Даниловича, желавшаго отнять у татаръ добровольно имъ подчинившіяся области; въ лѣтописи сказано, что онъ взялъ Городескъ и города по Тетереву „до Жедечева". О другихъ городахъ по Тетереву мы не имѣемъ свѣдѣній, за исключеніемъ Котельни, лежащей на притокѣ Тетерева рѣкѣ Гуйвѣ; мѣстечко это нѣкоторое время играло роль удѣльнаго города въ кіевскомъ княженіи. Подъ 1143 годомъ говорится о сильной бурѣ „около Котелничѣ". Въ 1147 году она была отдана съ 4 другими городами Святославу Всеволодовичу. Въ 1148 году ее съ другими городами получилъ Ростиславъ Юрьевичъ. Въ 1162 году здѣсь снялись Рюрикъ Ростиславичъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ, отправляясь на половцевъ. Въ 1169 г. Мстиславъ Изяславичъ отпускаетъ въ „Котелничю" своего дядю Владиміра Мстиславича. Далѣе имѣемъ объ этомъ городѣ рядъ позднѣйшихъ фактовъ. Онъ продолжалъ быть укрѣпленнымъ мѣстомъ до конца XVI в. При описаніи житомирскаго замка 1545 г. люстраторы между прочимъ говорятъ: „Котельня, городище повидаютъ велми доброе, мало не такое якъ житомирское". Въ 1581 г. городъ подаренъ былъ сеймомъ кн. Кирику Ружинскому, который перестроилъ

замокъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ Конецпольскимъ. Во время этихъ переходовъ слѣды древняго городища все болѣе и болѣе затемнялись.—Объ остальныхъ городищахъ, какъ объ укрѣпленныхъ мѣстахъ, нѣтъ письменныхъ данныхъ ни въ древней лѣтописи, ни въ позднѣйшихъ документахъ.

Всѣ городища, за исключеніемъ испорченныхъ и одного городища ясно позднѣйшаго происхожденія, у села Минійки, относятся къ типу, который можно назвать велико-княжескимъ. Изъ городищъ такого типа только немногіе находятся на ровной мѣстности, какъ Грубскъ, но обыкновенно расположены на возвышенности на берегу рѣки. Самымъ лучшимъ считалось положеніе въ видѣ уединенной горы, но, такъ какъ такое положеніе очень трудно найти, то выбиралась гора, которая мысомъ врѣзывалась между двумя оврагами, и эта гора отрѣзывалась отъ континента рвомъ, дно котораго по б. ч. лежитъ на одномъ уровнѣ съ дномъ овраговъ, которые ровъ соединяетъ. Такое городище окружалось по контурамъ горы довольно высокимъ валомъ, слѣдовавшимъ по контурамъ возвышенности и образовывавшимъ кривизны какъ выпуклыя, такъ и вогнутыя; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ валъ достигалъ весьма значительныхъ размѣровъ; съ наружной стороны городище окапывалось рвомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ является нѣсколько такихъ валовъ, расположенныхъ концентрически. Это видно во всѣхъ важнѣйшихъ городищахъ, сохранившихся отъ княжескихъ временъ. Какъ на примѣръ, можно указать въ окрестностяхъ Кіева на Вышгородъ съ 7 и Пересѣченъ съ 3 концентрическими кругами валовъ. Типъ этотъ, быть можетъ, можно тнести исключительно къ княжескому періоду. Нѣкоторые варіанты представляютъ тѣ изъ городищъ этой эпохи, которыя стоятъ на равнинѣ, какъ Грубскъ и Щигліевка.

Городища у Карабчіева, Ивницы и Мининъ отличаются тѣмъ, что внутренняя площадь ихъ сдѣлана выпуклою къ серединѣ для того, чтобы избавиться отъ застоя воды.

О раскопкахъ кургановъ, находящихся въ связи съ этими городищами, проф. Антоновичъ докладывалъ въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій. Характеристическій типъ древлянскаго похороннаго обряда встрѣчается во всѣхъ этихъ курганахъ безъ исключенія. Слѣдовательно, можно полагать, что эти курганы возникли въ то время, когда древлянское племя уже сложилось въ общественную группу, составлявшую союзъ древлянскихъ городовъ, о которомъ упоминаетъ лѣтопись при разсказѣ о походахъ Ольги на древлянъ.

Относительно предметовъ, находимыхъ въ городищахъ, референтъ указалъ на двѣ коллекціи, составленныя имъ въ городищахъ Грубскѣ и Городскѣ. Въ Грубскомъ городищѣ найдено значительное количество *пряслицъ,* употреблявшихся до конца XIV ст.; онѣ дѣлались изъ краснаго шифера (фабрика ихъ находилась въ овручскомъ уѣздѣ) и служили вмѣсто маховаго колеса для веретенъ. Въ томъ же городищѣ найдена печать изъ краснаго шифера съ изображенными на ней 4 крестами. Наконецъ, оттуда же бронзовая стрѣлка, (подобныя наконечности стрѣлокъ встрѣчаются почти исключительно въ полосѣ юго-восточныхъ русскихъ степей, т. е. въ той полосѣ, которую долго занимали кочевники тюркскаго племени. Въ этомъ городищѣ найдены были также тяжелые шары изъ стекла, называемые „гало" и служившіе орудіемъ при производствѣ ткани для *намитокъ,* которыя въ древности носили замужнія женщины всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и княгини. Всѣ эти вещи подкрѣпляютъ мнѣніе, что это городище относится къ княжескому періоду.

То же можно сказать о городищѣ въ с. Городскѣ. Здѣсь кромѣ значительнаго количества пряслицъ, имѣемъ нѣсколько экземпляровъ крестовъ двухстворчатыхъ (тѣльниковъ), обломокъ креста изъ краснаго шифера, большой желѣзный боевой топоръ, нѣсколько рыболовныхъ снарядовъ, что вполнѣ естественно, такъ какъ это городище расположено на большой, рыболовной рѣкѣ; большую фибулу, орнаментированную двумя удлиненными фигурами звѣрей. Всѣ эти вещи подтверждаютъ мнѣніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ укрѣпленіями христіанской эпохи, существовавшими въ княжеское время.

Н. Н. Чернышевъ.

(Некрологъ).

Въ г. Кременчугѣ 22 марта текущаго года скончался на 28 году жизни Николай Николаевичъ Чернышевъ, извѣстный читателямъ „Кіевской Старины" по статьямъ, помѣщеннымъ въ этомъ же изданіи въ прошломъ году. Статьи, появившіяся за подписью Чернышева, не велики по объему, но онѣ не могли затеряться въ журнальномъ матеріалѣ, не могли не обратить на себя серьезнаго вниманія читателей: въ такой степени работы его выдѣлялись изъ ряда прочихъ журнальныхъ статей по своей оригинальности, широтѣ воззрѣній автора и по тому методу, какой пытался примѣнять покой-

ный къ вопросамъ южно-русской этнографіи. За литературныя работы вообще онъ брался съ жаромъ даровитой натуры, къ сотрудничеству въ „Кіевской Старинѣ“ влекли его глубокія симпатіи къ родинѣ, живѣйшій интересъ къ изученію бытовыхъ особенностей роднаго края, и потому мы не можемъ не помянуть Н. Н. добрымъ словомъ, не можемъ не пожалѣть о безвременно утраченной силѣ, много обѣщавшей въ будущемъ и подкошенной сначала нуждою, а потомъ тяжелой болѣзнью на самой зарѣ литературной дѣятельности... Н. Н. умеръ отъ чахотки, когда ему едва исполнилось 27 лѣтъ.

Біографическія свѣдѣнія наши о покойномъ весьма скудны, хотя, нужно сознаться, немногіе прожитые имъ годы и не могли изобиловать разнообразнымъ, интереснымъ біографическимъ матеріаломъ. Родился онъ въ Кіевѣ въ 1861 г.; родители его содержали частный приготовительный пансіонъ. Отецъ Чернышева оставилъ послѣ себя въ Кіевѣ добрую память какъ литераторъ. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ былъ редакторомъ неоффиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей въ то время, когда въ нашемъ городѣ не было еще ни одной газеты. Не смотря на скромныя рамки своего изданія, онъ успѣлъ его оживить въ значительной степени, умѣлъ найти мѣстныхъ интеллигентныхъ корреспондентовъ и значительно заинтересовать читающую публику; затѣмъ онъ издалъ 3 памятныя книжки кіевской губерніи (1856—1858 гг.), которыя послужили образцемъ для подобнаго рода изданій, появившихся въ послѣдствіи въ разныхъ другихъ губернскихъ городахъ и старавшихся собрать возможно полныя въ то время свѣдѣнія объ исторіи, географіи, статистикѣ и экономическихъ отношеніяхъ своей мѣстности. Послѣ 30 лѣтняго промежутка времени, не смотря на все то, что въ продолженіи его успѣла пріобрѣсти наука, и губернскія вѣдомости и памятныя книжки, издававшіяся Чернышевымъ, не потеряли интереса для лицъ, занимающихся изученіемъ кіевской земли, и приходится понынѣ не безъ пользы справляться съ этими изданіями.

Въ первой гимназіи Н. Н. началъ свое образованіе, но потомъ перешелъ въ кіевское реальное училище, которое и окончилъ въ 1878 г. Въ томъ же году онъ поступилъ въ петербургскій технологическій институтъ, гдѣ пробылъ недолго. Уволнившись изъ института, Н. Н. уѣхалъ за-границу, въ Бернѣ поступилъ на медицинскій факультетъ и съ особеннымъ усердіемъ занимался анатоміей. Тогда же онъ началъ серьезно интересоваться исторіей и на послѣдніе гроши составилъ себѣ порядочную библіотеку капитальныхъ истори-

ческихъ сочиненій. 19—20 лѣтъ онъ снова въ Россіи, въ Петербургѣ, гдѣ пошли скитанія по урокамъ, конторамъ, переписка бумагъ и т. п. занятія ради насущнаго хлѣба, пока въ 1883 г. онъ не поступилъ на службу въ министерство путей сообщенія сначала на 25 р., потомъ на 40 и даже на 75 р. жалованья въ мѣсяцъ. Въ томъ же 83 году онъ женился на слушательницѣ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, А. Я. А—вой.

Все свободное отъ службы время Н. Н. посвящалъ самообразованію, подготовкѣ себя къ литературной дѣятельности въ области южно-русской этнографіи. Ему казалось, что здѣсь онъ обрѣлъ свое настоящее призваніе, и онъ съ жадностью накидывался на всякую книгу по исторіи Малороссіи, на всякое изслѣдованіе или сообщеніе о вѣрованіяхъ, обычаяхъ, обрядахъ южно-русскаго племени. Новые языки онъ зналъ хорошо, читалъ въ подлинникѣ и древне-классическихъ писателей. Любимѣйшимъ чтеніемъ его были труды по описательной этнографіи англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ; добытыя европейской наукой общія положенія по исторіи культуры онъ переносилъ на родную почву и съ помощью ихъ старался выяснить черты глубокой южно-русской старины, сохранившіяся въ обычаяхъ и обрядахъ. Въ послѣднее время сильно занимала его мысль объ изготовленіи для „К. Старины" статьи о похоронныхъ малорусскихъ обычаяхъ и обрядахъ, объясняемыхъ на широкой основѣ сравнительной этнографіи.

Въ іюлѣ прошлаго года покойный по слабости здоровья вынужденъ былъ покинуть Петербургъ и поселиться въ г. Кременчугѣ, куда онъ былъ переведенъ на ту же должность по министерству путей сообщенія. Къ концу жизни судьба сжалилась надъ Н. Н.: матеріальныя обстоятельства его значительно улучшились,—даже завѣтная мечта его о поселеніи въ Кіевѣ близка была къ осуществленію. Здѣсь ему обѣщано было мѣсто въ томъ же вѣдомствѣ на 1800 р. жалованья. Но въ январѣ этого года онъ слегъ въ постель, а въ мартѣ его не стало... Люди, близко знавшіе покойнаго, всегда говорили о немъ съ любовью и сердечнымъ участіемъ, какъ о человѣкѣ замѣчательно скромномъ, одаренномъ отзывчивой, любящей душой, и неустанномъ работникѣ.

Изъ Кременчуга-то Н. Н. и присылалъ свои статьи въ „К. Старину", свидѣтельствовавшія о разностороннемъ европейскомъ образованіи автора и о постоянномъ обращеніи его съ лучшими сочиненіями по общей и южно-русской этнографіи.

Въ „К. Старинѣ“ за подписью Н. Чернышева напечатаны: „Опытъ истолкованія обычая понедилкуванья“ (1887, апр.), пространная рецензія на книгу Змыгродскаго *die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes*, München. 1886 (1887, окт.) и „Къ вопросу о парубоцтвѣ, какъ особой общественной группѣ“ (тамъ же, ноябрь). Имена Леббока, Макъ-Леннана, Бахофена, Спенсера, Жиро-Телона, Плосса, Ефименка, Зибера, Ковалевскаго и др., часто упоминаемыя Чернышевымъ, съ достаточною ясностью опредѣляютъ то научное направленіе, въ которомъ работалъ покойный съ увлеченіемъ.

Путемъ анализа и многочисленныхъ сближеній онъ дѣлаетъ попытки проникнуть въ первоначальный смыслъ и прослѣдить судьбу особаго рода чествованія понедѣльника въ Малороссіи, выяснить значеніе т. н. „парубоцькой громады“ въ связи съ архаическими формами быта малорусскаго племени, а въ рецензіи на сочиненіе Змыгродскаго Н. Н. предлагаетъ нѣкоторыя поправки къ поспѣшнымъ и одностороннимъ выводамъ автора о нѣкоторыхъ свадебныхъ или передбрачныхъ обрядахъ въ Малороссіи. Во всѣхъ статьяхъ Н. Н. нисходитъ къ до-историческому прошлому, къ такимъ явленіямъ общежитія, коими характеризуются т. н. коммунальныя брачныя отношенія, періодъ материнства и эпоха перехода къ индивидуальному и моногамическому браку; съ наибольшимъ интересомъ Н. Н. останавливается на переходныхъ моментахъ и на свойственныхъ имъ явленіяхъ смѣшаннаго порядка. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ старается съ наибольшею вѣроятностью возстановить промежуточныя звенья, лежащія между нынѣ живущимъ обрядомъ или учрежденіемъ и тѣмъ архаическимъ общественнымъ и домашнимъ строемъ, въ которомъ измѣнившіеся отъ времени или окаменѣлые остатки были живыми бытовыми явленіями, полными реальнаго смысла и практическаго значенія.

Разумѣется, работы Н. Н. не представляютъ собою въ общей сокровищницѣ этнографіи чего-либо крупнаго, тѣмъ менѣе законченнаго и цѣльнаго; но онѣ весьма интересны, какъ первые опыты даровитаго изыскателя, добросовѣстно, съ любовью прилагающаго сравнительный научный методъ къ отдѣльнымъ явленіямъ народной южно-русской жизни. Критическія замѣчанія на книгу Змыгродскаго яснѣе всего обличаютъ въ Н. Н. близкое, широкое знакомство съ этнографической иностранной литературой и умѣніе его воздерживаться отъ скороспѣлыхъ обобщеній въ такой области, гдѣ требуется

прежде всего осторожность въ заключеніяхъ и неослабное вниманіе къ подробностямъ объясняемаго явленія.

Что касается собственныхъ его попытокъ истолкованія „понедилкуванья" и „парубоцтва", то, во-первыхъ, онѣ пріурочиваются къ слишкомъ небольшому, хотя и старательно собранному матеріалу гг. Василенка и Боржковскаго, появившемуся также на страницахъ „К. Старины" (1887 г. янв., августъ, а не сентябрь, какъ отмѣчено у Чернышева). Во-вторыхъ, самый этотъ матеріалъ требуетъ болѣе детальнаго разбора, болѣе строгаго расчлененія на составные элементы, чѣмъ это сдѣлано въ статьяхъ Чернышева; только при соблюденіи этихъ условій слѣдуетъ приступать къ сближенію и сравнительному истолкованію данныхъ явленій малорусской жизни. Въ интересной статьѣ о „понедилкуваньѣ" авторъ самъ сознается, что въ обычаѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ эротическаго элемента, что̀ однако не мѣшаетъ ему выводить обычай цѣликомъ изъ первобытной формы половыхъ отношеній. По нашему мнѣнію, авторъ былъ бы ближе къ истинѣ, если бы обратилъ больше вниманія на сопутствующее половымъ отношеніямъ экономическое положеніе замужней женщины въ архаическомъ періодѣ общежитія. Равнымъ образомъ въ статьѣ о „парубоцтвѣ", наблюденномъ г. Боржковскимъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ литинскаго и винницкаго уѣздовъ, опущены при истолкованіи обычая нѣкоторыя существенныя подробности, какъ наприм., строгое воспрещеніе парубку „зачипаты", или „займаты" дѣвушку, съ которою онъ намѣренъ „шлюбъ браты". Потомъ, въ рецензіи на сочиненіе Змыгродскаго, народъ, у котораго дѣти распредѣлялись между неизвѣстными отцами по сходству ихъ съ послѣдними, ошибочно называется агаѳирсами вмѣсто насамоновъ, причемъ должна быть сдѣлана ссылка на Геродота IV, 180, а не IV, 104, какъ у Чернышева. Нельзя не отмѣтить и того, что Н. Н. многократно, во всѣхъ статьяхъ упоминаетъ извѣстное сочиненіе Бахофена о материнствѣ, каждый разъ называя Бахофена (Bachofen) Баховеномъ и т. п.

Однако эти и подобныя несовершенства, понятныя и извинительныя въ первыхъ опытахъ молодаго изслѣдователя, не умаляютъ общаго значенія попытокъ такого рода. Не говоря о томъ, что при помощи данныхъ и пріемовъ сравнительной этнографіи Н. Н. удалось въ одномъ исправить и восполнить своихъ предшественниковъ, другое вѣрно поставить и самостоятельно разъяснить, — не говоря уже объ этомъ, статьи Чернышева принадлежатъ къ весьма неболь-

шому пока числу работъ, убѣждающихъ читателя въ пригодности общихъ пріемовъ научной этнографіи для разработки этнографическаго матеріала южно-руссовъ, въ необходимости широкой научной подготовки для успѣшнаго разрѣшенія частныхъ повидимому вопросовъ родиновѣдѣнія. Таковъ урокъ, преподанный покойнымъ Н. Н. молодому поколѣнію любителей родной старины, желающихъ поработать на пользу мѣстныхъ изученій.

Ѳ. М.

Къ редакторской дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева.

(Изъ письма въ редакцію).

Къ библіографической замѣткѣ г. С. П. о трудахъ покойнаго Ѳ. Г. Лебединцева прошу прибавить моихъ два слова. Я хочу вспомнить о томъ невидимомъ, огромномъ трудѣ, который онъ вложилъ въ основанную имъ „Кіевскую Старину", трудѣ, который онъ несъ въ значительной степени самостоятельно, до послѣднихъ мелочей и который свелъ его въ могилу. Этотъ трудъ на поприщѣ новомъ, обставленномъ многими тяжелыми данными, съ слабой и вялой общественной поддержкой, требуетъ всего человѣка. Какъ въ театрѣ публика не думаетъ о режиссерѣ, такъ, читая, журналъ онъ забываетъ о редакторѣ. Публика знаетъ только то, что появляется изъ журнальнаго матерьяла въ книгѣ. Она не знаетъ той массы недомыслія и умственной слабости, которую приходится отвергать, не знаетъ процесса переработки, предшествующаго появленію многаго въ печати. Невидимая лабораторія, гдѣ продѣлывается все это—редакторскій столъ. У этого стола, едва покинувъ этотъ трудъ, и умеръ Лебединцевъ. Кто знаетъ размѣры этого труда, тотъ забудетъ и проститъ ошибки покойнаго, если онѣ были, и вспомнитъ только то высокое и доброе, что было плодами его работы.

Просматривая библіографическій указатель къ нашему журналу за шесть истекшихъ лѣтъ, читатель не встрѣтитъ ни одной статьи съ полной подписью Ѳ. Г. Это обстоятельство могло обращать вниманіе и при жизни покойнаго, обращаетъ вниманіе и теперь. Знающимъ его изслѣдованія о южно-русскихъ церковно-общественныхъ братствахъ или о Мелхиседекѣ Яворскомъ кажется непонятнымъ, почему писатель, заявившій себя, хоть бы въ этихъ двухъ работахъ, крупнымъ историческимъ изслѣдователемъ, какъ бы воздер-

живался отъ участія въ своемъ собственномъ журналѣ. Дѣло въ томъ, что Ѳ. Г. обладалъ большою авторскою скромностью и писалъ постоянно подъ псевдонимами. На большое изслѣдованіе, на затяжную работу обязанности редактора не оставляли ему рѣшительно времени. Не успѣлъ онъ приступить и къ воспоминаньямъ своимъ, которыя для всѣхъ знавшихъ его талантъ разсказчика и неисчерпаемый юморъ обѣщали любопытнѣйшее явленіе. Имъ написано за шесть лѣтъ множество рецензій, замѣтокъ и маленькихъ очерковъ, никогда не превышавшихъ размѣра печатнаго листа и всегда писавшихся къ выходу книжки. Чаще всего писалъ онъ подъ псевдонимомъ К. Цыбульскій, имѣвшимъ анекдотическое происхожденіе. Другими псевдонимами его были: Лобода, Кулюмбашъ, Б. Д—ръ, Холмскій Старожилъ, Холмскій Братчикъ, Фратеркулусъ и въ послѣднихъ книжкахъ прошлаго года—Т. Шнейдеръ, разсчитанный на полное недоумѣніе лицъ, близко знавшихъ весь кругъ сотрудниковъ. Всѣ редакціонныя статьи и замѣтки принадлежатъ ему, также какъ и многія изъ появившихся безъ подписи. Изъ статей, имъ совершенно переработанныхъ, укажемъ для примѣра на любопытныя „Воспоминанія отшельника", помѣщенныя въ послѣдней книгѣ прошлаго года. Участіе Ѳ. Г. въ обработкѣ этого матерьяла было такъ велико, что, по желанію самого почтеннаго автора, статья подписана прозрачными иниціалами Іер. Ѳ. Л—въ. О подробностяхъ издательской дѣятельности Ѳ. Г., о его даровитой и сложной натурѣ, быть можетъ, прійдется сказать когда-нибудь подробнѣе. Смерть его для того, кто зналъ его близко и искренно, слишкомъ большая потеря, чтобы быть въ состояніи съ необходимымъ спокойствіемъ начертать теперь его благородный образъ.

В. Г.

Для справокъ.

Воззваніе отъ Комитета по устройству соборнаго храма во имя Успенія Божіей Матери въ г. Переяславѣ, полтавской губерніи, какъ историческаго памятника.

8 генваря 1654 года въ соборной Успенской церкви г. Переяслава, нынѣ полтавской губерніи, совершилось событіе, закрѣпившее за этимъ храмомъ вѣчную славу въ отечественной исторіи: подъ сводами его въ тотъ день подданство Малороссіи царю великой Русской Державы запечатлѣно присягою знаменитаго гетмана, Богдана Хмельницкаго, съ малороссійскимъ народомъ по лѣвую сторону Днѣпра; а 20 февраля, 1674 года, и представители Заднѣпровской Украины тамъ

же, подтвердили присягой свое вѣрноподданство Россійскому Самодержцу. Малороссія, измученная въ ту пору иноземными притязаніями и кровопролитіями, такимъ образомъ, на всегда обезпечена въ своемъ политическомъ спокойствіи, а съ другой стороны, слитіе ея съ Великой Россіей, съ державой единовѣрной и единоплеменной, лучше всякихъ завоеваній способствовало возвеличенію нашего отечества. Славными дѣяніями нашихъ предковъ мы дорожимъ; стыдно предавать ихъ забвенію; мы даже роемся въ нѣдрахъ земли, чтобъ откопать и потомъ ознаменовать славное прошлое монументальными постройками. „Присоединеніе Малороссіи"—не такое маловажное происшествіе, чтобъ дѣятели въ немъ и святыня, бывшая пріятелищемъ и свидѣтельницею достопамятной присяги, оставлены были нами въ пренебрежительномъ невниманіи. Вотъ, въ настоящее время, на сборъ доброхотныхъ пожертвованій по всей Россіи, уже сооружается памятникъ главному виновнику совершившагося въ Переяславскомъ Успенскомъ храмѣ событія съ надписью: „Богдану Хмельницкому—единая недѣлимая Россія",—чѣмъ ясно выражается ему признательность благодарнаго потомства. Самый же храмъ, въ которомъ совершилось клятвенное соединеніе Малой Россіи съ Великою, не уцѣлѣлъ до нашихъ дней. Въ 1660 годахъ, отъ бывшаго въ городѣ большаго пожара, онъ сгорѣлъ до основанія. Благовѣрный Царь Великія и Малыя Россіи, Алексѣй Михайловичъ, узнавъ о томъ, благоволилъ оказать царственное содѣйствіе переяславцамъ къ возсозданію на томъ же мѣстѣ новаго храма. Присланный изъ Москвы стрѣлецкій голова, Федоръ Михайловичъ Иртищевъ, (онъ же окольничій и дворецкій большаго дворца Царя Алексѣя Михайловича), на Государевъ коштъ, (какъ сказано въ одномъ архивномъ документѣ Успенской церкви), при участіи въ дѣлѣ гражданъ Переяславскихъ, воздвигъ опять большую деревянную церковь, тоже во имя Успенія Божіей Матери и на томъ же самомъ мѣстѣ. Но и это зданіе Успенской церкви не уцѣлѣло до нашихъ дней: 30 марта 1761 года оно сгорѣло.

Въ 1767 году прихожанами, на счетъ своихъ и стороннихъ доброхотныхъ жертвъ, былъ снова построенъ, все на томъ же мѣстѣ, храмъ во имя Успенія Божіей Матери и деревянный же. Но это зданіе, въ настоящее время, до того обветшало, что Богослуженіе въ немъ не совершается.

Боголюбивые и отчизнолюбивые сыны православной Великой и Малой Россіи! Во имя Божіе и во славу отечества нашего, не оставьте безъ святаго усердія вашего святаго предпріятія: имѣется въ виду возсоздать храмъ каменный, во имя Успенія Божіей Матери, въ г. Переяславѣ. Съ 8 генваря 1654 года храмъ сей, такъ сказать, перестал уже быть мѣстнымъ приходскимъ храмомъ, а сталъ храмомъ всего Малороссійскаго края, такъ какъ всѣ представители его, съ разныхъ мѣстъ, тамъ молились и приносили присягу; съ того времени онъ дѣлается храмомъ, достойнымъ благоговѣйнаго вниманія всей Россіи. Храмъ этотъ въ роды родовъ, дѣтямъ и внукамъ нашимъ, будетъ напоминать о славномъ, незабвенномъ дѣяніи нашихъ предковъ и о нашей признательности къ ихъ дѣянію, будетъ отъ насъ—сыновъ единой недѣлимой Россіи—даромъ и жертвою святой православной Вѣрѣ христіанской, которая просвѣтила насъ и объединила, возвеличила и самодержавныхъ Царей нашихъ, и Землю нашу: въ храмѣ семъ будетъ выну возноситься безкровная молитвенная жертва о упокоеніи въ селеніяхъ святыхъ всѣхъ братій нашихъ—ревнителей единенія земли Русской,—и о насъ живыхъ,—да благоденствуемъ въ мирѣ и единеніи подъ державою, изъ рода въ родъ, Благочести-

вѣйшихъ, Самодержавнѣйшихъ, Великихъ Монарховъ нашихъ: пусть не отяготѣетъ надъ нами и нашимъ временемъ горькій укоръ потомства въ равнодушіи къ святому патріотическому дѣлу.

Комитетъ по устройству соборной церкви въ г. Переяславѣ, какъ историческаго памятника, будетъ принимать пожертвованія съ глубокой благодарностію и проситъ адресовать таковыя въ г. Переяславъ, полтавской губерніи, прямо на имя его—Комитета.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе газетъ.

Кіевлянинъ (№№ 70—91). *Кіевское Слово* (№№ 356—375). *Подольскія Епарх. Вѣдомости* (№№ 13—16). *Подольскія Губернскія Вѣдомости* (№№ 1—30). *Волынскія Епарх. Вѣдомости* (№№ 10—12). *Волынскія Губерн. Вѣдомости* (№№ 1—30). *Екатерин. Губ. Вѣдомости* (№№ 24—30). *Одесскій Вѣстникъ* (№№ 1—50). *Новороссійскій Телеграфъ* (№№ 3951—4044). *Крымъ* (№№ 7—17). *Полтавскія Епарх. Вѣдомости* (№№ 5—7). *Полт. Губ. Вѣдом.* (№№ 1—30). *Черниговск. Губ. Вѣдомости* (№№ 24—32). *Харьковскія Губ. Вѣдомости* (№№ 1—86). *Южный Край* (№№ 2488—2510). *Орловскій Вѣстн.* (№№ 1—51). *Донская Рѣчь* (№№ 1—45). *Донъ* (№№ 1—44).

Кіевлянинъ №№ 70—91.

№ 70. О *реставраціи иконостаса св. Софіи кіевской.*

№ 71. *Къ реставраціи черниговскаго каѳедральнаго собора.* Работы предположено произвести подъ наблюденіемъ А. В. Прахова и затрата на это будетъ простираться до 100,000 руб. Нѣсколько словъ объ исторіи собора и краткое описаніе его достопримѣчательностей.

№ 74. *Некрологъ т. с. Ф. С. Стоинскаго*, бывшаго начальникомъ юнкерской и ланкастерской школъ въ Кіевѣ, а въ 1833—39 гг. предсѣдателемъ черниговской гражданской палаты.

Очеркъ исторіи г. Млина. Заимствовано изъ корреспонденціи „Рус. Курьера“ по случаю приближающагося празднованія 300-лѣтняго юбилея этого города.

Перепечатка изъ „Южн. Края“ о томъ, что вся восточ. часть г. Полтавы стоитъ на минахъ, относимыхъ преданіемъ ко временамъ татарскихъ набѣговъ.

№ 76. *Корреспонденція изъ Чернигова* о найденной въ р. Сновѣ близь с. Кобылянки безымянной кости (os innominatum) неизвѣстнаго животнаго; длина ея 1 арш. 4′ в. ширина—1 арш. $2^3/_4$ в., вертлужная впадина $^1/_4$ арш., вѣсъ—$36^1/_4$ фунт.

№№ 78, 80, 81, 83. *Между дѣломъ.* Путевые эскизы и наброски врача во время призыва новобранцевъ въ одной изъ юго-западныхъ губерній.

№ 80. *Засѣданіе историч. общества Нестора-Лѣтописца* 3 апрѣля. Отчетъ о докладахъ: пр. В. С. Иконникова „о X главѣ Наказа", проф. В. Б. Антоновича „о городищахъ кіевской земли" и пр И. В. Лучицкаго „о сябринномъ владѣніи".

№ 81. Перепечатка отрывковъ изъ статьи „Варш. Дневн." объ украинофильствѣ.

№ 83. Археологич. находки въ Михайловскомъ монастырѣ. „Выемка земли для устройства калориферовъ подъ церковью Михайловскаго монастыря начата снаружи церкви, у западнаго входа въ южный придѣлъ (св. Екатерины). Обнаженные фундаменты зданія состоятъ изъ кирпичей, съ промежутками бутоваго камня; по линіи поверхности почвы въ стѣнахъ лежитъ рядъ большихъ дикихъ камней. Какъ кирпичи, такъ и связывающій ихъ цементъ, повидимому, довольно хрупки. Въ глубину вырыто до 1$^1/_2$ саж., при площади около 4 кв. саж. Въ этомъ небольшомъ, сравнительно, пространствѣ найдено въ землѣ до десятка человѣческихъ скелетовъ. Кости находятся въ различной степени разрушенія: попадаются, особенно на большой глубинѣ, кости полуистлѣвшія; ближе къ поверхности—болѣе крѣпкія. Отъ гробовъ сохранились только слѣды, въ видѣ небольшихъ кусковъ гнилого дерева и древесной трухи. Костяки довольно бѣдны вещами. При нѣкоторыхъ скелетахъ найдены остатки одежды—куски черной шерстяной ткани. При одномъ изъ скелетовъ лежали въ землѣ монашескія четки. Всѣ найденныя кости вмѣстѣ съ оказавшимися при нихъ предметами складываются въ большой сундукъ, выставленный съ этою цѣлью возлѣ ямы, и уже до-верху его наполнили".

№ 89. Археологич. раскопки. Говорится о курганахъ на границахъ смоленск., могил. и черниг. губ. по бер. р. Ипути у д. Доброносичъ краснозаборской вол. рославльск. у.

№ 91. *Новинки Владимірскаго собора.* Свѣдѣнія о ходѣ работъ въ этомъ храмѣ.

Народное преданіе. Перепечатка изъ Черниг. Губ. Вѣдом. преданія объ избавленіи отъ татаръ, относимаго къ Троицкому или Елецкому монастырю въ г. Черниговѣ.

Въ разныхъ номерахъ замѣтки о предстоящемъ 900-лѣтнемъ юбилеѣ крещенія Руси.

Кіевское Слово №№ 356—377.

№ 357. Къ вопросу объ устройствѣ въ Кіево-Владимірскомъ соборѣ мозаичнаго пола по проекту проф. Прахова.

№ 359. *Охота за куницей* (въ лѣсахъ волынской губ.). Мих. Огіевскаго.

№ 393. *Отчетъ* о засѣданіи историч. общества Нестора-Лѣтописца 3 апрѣля и краткое содержаніе рефератовъ В. С. Иконникова, В. Б. Антоновича и И. В. Лучицкаго.

№№ 366 и 375. *Церковно-археологическая замѣтка.* Авторъ, между прочимъ, обращаетъ вниманіе на изображеніе св. еванг. Іоанна въ церкви свв. Бориса и Глѣба въ Кіевѣ. Икона эта, по мнѣнію автора, есть „удачная русская копія съ весьма древней греческой иконы, которой, очень можетъ быть, нельзя уже больше найти даже на Аѳонской горѣ“.

Къ вопросу о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ р. Днѣпромъ въ Черкасскомъ уѣздѣ. В. Васильева.

Народное образованіе въ каменецкомъ уѣздѣ подольской губ.

№ 367. Замѣтка на замѣтку г. Завитневича. П. Голубовскаго.

№ 375. *Библіографическая замѣтка.* По поводу „Житія св. равноапостольнаго князя Владиміра“ соч. И. И. Малышевскаго. Іером. Августина.

Рядъ замѣтокъ въ разныхъ номерахъ по поводу 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости. Отчетъ священника Онуфрія Кашубскаго по осмотру харьковскаго свѣчнаго завода. Прод. (№ 12, ст. 155—162; № 13, ст. 174—184). Отчетъ свящ. Іоанна Мироновича по осмотру херсонскаго епархіальнаго свѣчнаго завода вмѣстѣ съ свящ. О. Кошубскимъ (№ 14, стр. 194—200; № 15, стр. 208—215, № 16, стр. 234—245).

Памяти протоіерея Михаила Іоакимовича Орловскаго, (№ 12, стр. 257—278) извѣстнаго мѣстнаго изслѣдователя и историка.—К. Доброловскаго.

Основательны ли притязанія поляковъ на юго-западную Русь (по поводу изданія ч. VII т. 1 Архива ю-з. Россіи. Акты о заселеніи ю-з. Россіи, Кіевъ 1886 г. (№ 14, стр. 308—320).

Нѣсколько словъ о церковномъ пѣніи. Свящ. І. Сул—скій (№ 15, стр. 328—343).

Постановленіе общаго редакціоннаго собранія по изданію Под. Епарх. Вѣдомостей, утвержденное Его Преосвященствомъ Пр. Донатомъ 23 марта 1888 г., изъ котораго между прочимъ узнаемъ, что изданіе это задается между прочимъ весьма почтенною цѣлью—разработать исторію управлен. под. епархіи съ 1793 г., и съ этою цѣлью приглашаетъ всѣхъ сочувствующихъ къ помощи при собираніи нужныхъ для того свѣдѣній и матеріаловъ и разработкѣ ихъ.

Библіографія: XIV т. актовъ Виленской археографической коммиссіи (№ 16, стр. 351—357).

Подольскія Губернскія Вѣдомости. № 9. Отчетъ распорядительнаго комитета каменецъ-подольской русской публичной библіотеки за 1887 годъ. *№ 15.* Отчетъ правленія общества вспомоществованія нуждающимся ученикамъ

и ученицамъ каменец-подольскихъ мужской и маріинской женской гимназіи за 1887 годъ.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (прод.) *с. Броники*, с. Новый Дворъ, с. Великій Житинъ, с. Городище, с. Малый Житинъ, с. Бармаки, с. Оборовъ, с. Тынное, с. Золотіевъ. *Ровенскій уѣздъ*. 1 благоч. округъ: м. Александрія, с. Арестовъ, с. Богдашевъ, с. Бѣлевъ, с. Старый-Жуковъ, с. Дитковъ, с. Городокъ, с. Грабовъ, с. Голышевъ, с. Глинскъ, с. Пятигоры, (№ 10; стр. 359—379), с. Гручивица, м. Деражно, с. Деревянное, с. Дюксинъ, с. Забороль, с. Зарицкъ, с. Короевичъ, (№ 11, стр. 411—417); м. Клевань, с. Корнинъ (№ 12, стр. 449—460).

Въ приложеніи. Предметный указатель содержанія неоффиціальной части Вол. Епарх. Вѣд. (1867—1887) стр. 75—94, (№ 10) стр. 95—110, (№ 11) стр. 111—126, (№ 12)

Волынскія Губернскія Вѣдомости. Въ №№ 6, 10, 13, 14, 18, 21, 24, 25, 26 и 27 помѣщена (еще пока неоконченная) статья „Изслѣдованіе Житомірскаго Могильника—С. С. Гамченка. *№ 30*. Отчетъ о занятіяхъ волынскаго губернскаго статистическаго комитета за 1887 годъ, дающій точныя и подробныя свѣдѣнія о дѣятельности этого учрежденія, выразившейся между прочимъ въ послѣдніе годы изданіемъ весьма почтенныхъ памятныхъ книжекъ волынской губерніи.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости. *Изъ церковной лѣтописи*: Я. П. Новицкій сообщилъ указъ 5 янв. 1604 г. изъ екатеринославской духовной консисторіи въ маріупольское духовное правленіе о перемѣщеніи согласно Высочайшаго указа новороссійскаго архіерейскаго дома съ консисторіею и семинаріею изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ и о именованіи архіепископа вмѣсто новороссійскаго и днѣпровскаго—екатеринославскимъ, херсонскимъ и таврическимъ (№ 24).

Матеріалы къ исторіи народнаго просвѣщенія Г. И. Чернявскій сообщилъ распоряженіе правителя екатеринославскаго намѣстничества бригадира Синельникова 7 авг. 1784 г. казенной палатѣ объ отпускѣ необходимыхъ суммъ на училища въ приказъ общественнаго призрѣнія (№ 25). Народное образованіе въ екатеринославскомъ уѣздѣ въ 1886 — 87 учебномъ году (№ 30).

Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. Изъ рукописнаго сборника Я. П. Новицкаго „Полозъ“ (№ 25), „Химородникъ“ (№ 26), „Каменныя бабы“ (№ 27), Происхожденіе камней, чудовищныя змѣи, полозы. Великаны (№ 29).

Некрологи: В. М. Гаршина (№ 25, 26).

Библiографич. замѣтки. Краткiя рецензiи на вышедшiя книги и брошюры: „Сусликъ и истребленiе его сѣрнистымъ водородомъ"—К. Бербенка. „За правду. Изъ области сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной дѣятельности"—И. Бѣловодскаго. „Кiевская Старина" № 1—3. 1888 г. (№ 25).

Матерiалы къ исторiи губернiи. Предложенiе генерала Тутолмина—екатеринославскому приказу общественнаго призрѣнiя 16 iюня 1784 г. объ открытiи въ немъ засѣданiй (№ 26). Запорожскiй храмъ въ Новомосковскѣ (заимствованъ изъ Кiевск. Стар.) (№ 28) Изъ бумагъ И. М. Скрыльникова. Городъ подрядчикъ (окончанiе) А. Егорова (№ 30).

Корреспонденцiи: изъ Александровска—Я. П. Новицкаго о старомъ заштатномъ городскомъ кладбищѣ.

Одесскiй Вѣстникъ 1888 г. №№ 1—50.

Статьи, извѣстiя и замѣтки. **№ 9**. Очаковъ въ 1799. (Отрывокъ изъ путешествiя Павла Сумарокова).

№ 32. Наиболѣе рѣдкiя и дорогiя изданiя одесской городской публичной библiотеки. (Указаны инкунабулы съ 1488 г. и книги съ 1634 г., находящiяся въ библiотекѣ).

№ 31. Назначенiе библiотеки П. О. Бурачкова. (Характеризовано пожертвованiе г. Бурачкова въ одесскую гор. библiотеку и названы наиболѣе цѣнныя рукописи и изданiя).

№ 46. Одесская городская публичная библiотека.

№ 45. Археологическiй музей А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. (Поименованы болѣе интересныя древности этого музея).

№№ 3,6 и 11. Объ обычномъ правѣ и волостныхъ судахъ. (Полемика съ проф. Табачниковымъ и „Новоросс. Телеграфомъ").

№ 38. Дѣло о Вишневецкомъ имѣнiи (корреспонд. изъ Кiева).

№ 19. Народное преданiе о прiемѣ запорожцевъ имп. Екатериною II. (Изъ Екатер. Губ. Вѣд.).

Критическiя замѣтки и рецензiи. **№ 44**. Трудъ комитета для историко-статистическаго описанiя подольской епархiи.

№ 23. Послѣднiй томъ черниговской земской статистики.

№ 37. Къ двадцатилѣтiю „Сборника херсонскаго земства".

№ 38. Результаты подворной переписи александрiйскаго уѣзда.

№ 50. „Безталанна". Драма Карпенка-Карого.

№№ 34 и 47. „Мартынъ Боруля". Комедiя, его же.

Въ этой же газетѣ встрѣчаются беллетристическiе эскизы и очерки изъ народнаго быта, напр. „Маленькiй Посѣвальщикъ" Стрѣлки (№ 2), „Тюремщикъ" Карла Францоза (№ 5), „Маленькiй пассажиръ" Ивана Колючаго (№ 37), переводъ изъ Балуцкаго и др. польскихъ авторовъ и т. п.

„Новороссійскій Телеграфъ“ №№ 3951—4044.

Статьи, извѣстія и замѣтки. **№№ 4027, 4036.** О народной этимологіи *В. И. Шерцля.* (Изслѣдованіе объ измѣненіи иностранныхъ словъ въ рѣчи разныхъ народовъ, преимущественно въ русскихъ и славянскихъ нарѣчіяхъ).

№ 4041. Новые матеріалы для исторіи новороссійскаго края. (Перечень книгъ, изданныхъ въ 1887 г. съ передачею найболѣе интересныхъ фактовъ).

№№ 3941, 3945 и **3951.** О волостныхъ судахъ. *Табачникова.* (Находя крестьянъ неподготовленными ни въ нравственномъ, ни въ юридическомъ отношеніи къ отправленію правосудія, авторъ считаетъ волостные суды излишними и предлагаетъ ихъ упразднить).

№ 4044. Сельское правосудіе. (Тоже съ приведеніемъ фактовъ изъ жизни херсонской губерніи).

№№ 3986, 3988. Пятидесятилѣтіе Ялты. 1837—87. (Библіографич. замѣтка).

№ 3976. Малорусская труппа. (Критич. замѣтка). Изъ очерковъ беллетристическаго содержанія въ этой газетѣ попадаются касающіеся отчасти народнаго быта южной россіи романы и разсказы Потапенка: „Возмущенный ангелъ“ (№ 3949), „Романъ“ (№ 3955), „Внезапный“ (№ 3964), „Заблужденіе“ (3992), „Молоко“ (3978), „Выборная должность“ (3971), „Оксана“ (4026, 4033, 4040). Общій ихъ характеръ—фотографичность безъ умѣлой ретушевки, но съ вѣрными подъ часъ изображеніями бытовыхъ чертъ отдѣльныхъ лицъ. Разсказы Лидіи Пашковой, Назарьевой, Морскаго, Лихачева и др. касаются быта интеллигентныхъ слоевъ.

Крымъ №№ 7—17

№ 7. *Таврическая ученая архивная коммиссія.* Ѳ. Лашкова. Авторъ указываетъ на необходимость сосредоточить въ коммиссіи и въ музеѣ при ней памятники мѣстной старины письменные и вещественные, которые находятся теперь въ рукахъ частныхъ лицъ.

№ 8. *Къ исторіи г. Симферополя. Г. Т.* Авторъ обращаетъ вниманіе на двѣ надписи на стѣнѣ мечети „Джамигъ Кебирь“ и на два надгробныхъ памятника на кладбищѣ при этой мечети.

Исторія виноградарства въ сѣверныхъ уѣздахъ таврич. губ.

№№ 9 и **10.** *Херсонесъ, какъ купѣль св. Владиміра.* (Окончаніе). Х. Ящуржинскаго.

№ 11. *Учебная экскурсія* симферопольской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности для ознакомленія учениковъ съ древними памятниками, историч. судьбой и замѣчательными мѣстностями Крыма.

№ 14. *Упадокъ рыбнаго промысла* въ таврич. губ.

№ 15. *На туземной окраинѣ.* (Замѣтки туриста). Ѳ. Описаніе г. Алешекъ.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г.

№№ 5 и 7. Свѣдѣнія о переяславско-полтавской семинаріи за время отъ 1798 по 1818 г., извлеченныя изъ дѣлъ архива полтавской духовной академіи. (Продолженіе).

Полтавскія Губернскія Вѣдомости 1888 г. № 1—30.

№ 12. Воззваніе отъ комитета по устройству соборнаго храма во имя Успенія Божіей Матери въ г. Переяславѣ, полтавской губ. какъ историческаго памятника (въ отдѣлѣ объявленій).

Черниговскія Губернскія Вѣдомости № 24—25.

Въ отдѣлѣ „Къ исторіи края“ распоряженія графа П. А. Румянцева по управленію Малороссіей (1779 г.). 60) По жалобѣ генеральнаго бунчучнаго Тарновскаго на Заводовскаго за разореніе д. Борковки. 61) О назначеніи секундъ-майора Гребелинча управляющимъ Бѣловежскою колоніею. 62) По жалобамъ генеральнаго бунчучнаго Тарновскаго на Заводовскаго. 63). О мѣрахъ для безопаснаго отъ огня размѣщенія винокурень. 64) О принятіи мѣръ противъ корчемства на границѣ трубчевскаго уѣзда. 65) О производствѣ бунч. тов. Коропчевскаго и есаула импер. артиллеріи Лихошерстова въ чинъ коллежскаго ассесора. 66) О запрещеніи выдавать заручные листы. 67) О производствѣ Михаила Гудовича въ чинъ войсковаго товарища. 68) О принятіи мѣръ противъ лѣсныхъ пожаровъ. 69) Объ отправленіи казеннаго „серебренного“ сервиза въ Курскъ. 70) О порядкѣ разсмотрѣнія гродскими судами гвалтовныхъ дѣлъ. 71) О принятіи мѣръ къ уменьшенію винокуренія. 72) По жалобѣ нѣжинскаго полковаго хоружаго Клецунова за невозвращеніе движимости, взятой при отобраніи отъ него ранговаго села Ильинецъ. 73) Объ опредѣленіи канцеляристовъ и другихъ малороссіянъ на службу въ курское намѣстничество. 74) О производствѣ черниговскаго полковаго судьи Якова Бакуринскаго въ чинъ коллежскаго асссора. 75) По жалобамъ генеральнаго бунчучнаго Тарновскаго на генералъ-маіора Заводовскаго. 76) О производствѣ канцеляристовъ Сидора Остренскаго и Ивана Ждановича въ чинъ войсковаго товарища.

№ 27. Изъ фамильнаго архива А. И. Ханенка: а) письмо гет. Іоанна Мазепы къ пану Василію Дуброховскому, обозному войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорескаго енералному 11 мая 1680 г., съ присылкою „удовольствованія з справъ бывшаго гетмана Івана Самойлова кунтуша ластроваго соболымъ обшитымъ и жупана ластрового“. б) Оповѣщеніе Лазаремъ Барановичемъ, Архіепископомъ Чернѣговскимъ, Новгородскимъ и всего Сѣвера духовенства своей епархіи отъ 15 мая 1690 г. на съѣздъ въ Кіевъ „на елекцію“ Кіевскаго Митрополита послѣ смерти князя Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго. в) Универсалъ Гетм. Івана Мазепы 26 іюня 1691 г. по жалобѣ Загоровскаго

на Прокоповича за кгрунта, захваченные послѣднимъ у перваго и г) Объявленіе Александра Меншикова 11 апр. 1709 г. о нечиненіи обидъ опошнянскимъ жителямъ въ городахъ и мѣстахъ казанерскаго полка.

№ 30. Іосифъ Ж—ій передаетъ преданіе, по его словамъ относящееся къ Троицкому монастырю въ Черниговѣ.

№ 32. Изъ архива Л. С. Лишина напечатаны два документа, выданные представителямъ этого рода малороссійскою коллегіею на землевладѣніе въ 1738 и 1748 годахъ.

Харьковскія Вѣдомости 1888 года. № 28. *Д. И. Багалѣй, Харьковскія ярмарки въ прошломъ столѣтіи.* Въ этой статьѣ опредѣленъ характеръ харьковскихъ ярмарокъ прошлаго столѣтія, какъ-то: какіе купцы, откуда и какіе товары привозили и по какой цѣнѣ ихъ продавали.

№ 45. *Н. Ѳ. Сумцова, О наводненіи въ г. Харьковѣ въ 1853 г.*—небольшая статья о самомъ сильномъ наводненіи въ Харьковѣ, составленная по оффиціальнымъ даннымъ того времени.

№ 47. *А. Н. Стояновъ, Памяти Александра Осиповича Михайлова,* краткій некрологъ учителя гимназіи А. О. Михайлова, около 50 лѣтъ преподававшаго латинскій языкъ.

№№ 59—60. *Н Т. О наборѣ пѣвчихъ въ Малороссіи къ Высочайшему Двору Елизаветы Петровны и Екатерины Великой,* обширная и интересная статья, составленная по архивнымъ документамъ изъ историческаго архива при Харьковскомъ университетѣ.

№ 64. *Н. Ѳ. Сумцовъ, Александра Матвѣевна Погорѣлко,*—некрологъ и воспоминаніе объ А. М. Погорѣлко, имѣвшей въ 60-хъ годахъ въ Харьковѣ пансіонъ для воспитанія дѣтей обоего пола.

№ 71 *Н. К. К.*, Рецензія на обширное сочиненіе А. В. Гурова „Отчетъ полтавскому губернскому земству", заключающее въ себѣ геологическое описаніе полтавской губерніи.

№ 77 *Н. К. К.* Библіографическая статья о первомъ томѣ „Описанія старой Малороссіи" Ал. Лазаревскаго.

№ 86. *О первой книжкѣ „Кіевской Старины" подъ редакціей А. С. Лашкевича,* изложеніе содержанія статей и сочувственный отзывъ.

Южный Край. Харьковъ 1888 г. № 2491, 2493, 2498. Малоземелье и крестьянскій поземельный банкъ. (Отчетъ крест. позем. банка 1886 г.). К—ъ.

№ 2494. Корреспонденція изъ Полтавы о происходившихъ и происшедшихъ недавно провалахъ въ восточной части города Полтавы, построенной на минахъ, куда скрывались было, по преданію, жители во время татарскихъ набѣговъ.

№ 2509. О предполагаемыхъ раскопкахъ проваловъ въ Полтавѣ, такъ какъ обнаружены цѣнныя вещи для археологіи: оружіе до-петровской эпохи, монеты, глиняные сосуды.

№ 2510. Корреспонд. изъ мелитопольск. уѣзда о находкѣ на ровномъ мѣстѣ нѣсколькихъ фунтовъ серебряныхъ монетъ съ изображеніемъ на нихъ арабскихъ буквъ, должно быть относящихся къ XIII в.

Орловскій Вѣстникъ 1888 г. № 51. *16-го апрѣля.* Небольшая статейка „Вербное воскресеніе въ старину на Руси“ интересна нѣкоторыми этнографическими указаніями, и „275-лѣтіе дома Романовыхъ“—очеркъ, имѣющій общій интересъ.

Донская Рѣчь 1888 г. № 42. „Свадьба крестьянъ великороссовъ (на Дону)“—интересна сравненіемъ свадебныхъ обрядовъ у великороссовъ и малороссовъ.

Донъ 1888 г. №№ 39, 40 и 43. *Всеволодъ Веселовскій:* „Колыбель русскаго флота“, историческій очеркъ—имѣетъ общій интересъ. Очеркъ составленъ хорошо и посвященъ весьма важнымъ событіямъ, происходившимъ на югѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Отчетъ одесской город. публичной библіотеки за 1888 г. 8° 12 стр. Къ 1 янв. 1888 г. б-ка состояла изъ 23,593 назв. въ 52,266 тт. Въ отчетномъ году она обогатилась многими пожертвованіями (2,722 назв. въ 4,829 тт.), изъ которыхъ важнѣйшее П. О. Бурачкова (1776 названій въ 3,176 тт.); покупкою пріобрѣтено 763 назв. въ 1501 т. Посѣтило б-ку 1640 лицъ 26,900 разъ. Наиболѣе требовались книги по беллетристикѣ, исторіи и журналы (изъ послѣднихъ наиболѣе Вѣст. Евр.). Для занятій въ б-кѣ пріѣзжали даже изъ другихъ городовъ Новороссіи.

Отчетъ коммиссіи народныхъ чтеній въ Кіевѣ за 1882—87 г. К. 1888. 8°, 20 стр. Коммиссія нар. чт. въ Кіевѣ, состоящая нынѣ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Хржонщевскаго, начала свою дѣятельность въ 1882 г. Въ 1-мъ году чтенія были безплатны, но затѣмъ была установлена небольшая плата отъ 5 до 40 к. (150 бил. выдается безплатно), что увеличило скромныя средства коммиссіи. Всѣхъ чтеній было 122 (религ.-нрав.—13, историч.—12, біогр. рус. писат.—4, этнограф.—2, по естествозн.—18, медицинѣ и гигіенѣ—10, произв. рус. писателей и повѣстей для народа—11). Платныхъ посѣтителей было 38204,—ср. числомъ по 318 на чтеніи, безплатныхъ не менѣе 300 чел. на каждомъ чтеніи. Замѣчается увеличеніе числа посѣтителей изъ рабочаго класса. Къ сожалѣнію коммиссія располагаетъ весьма скромными средствами:

приходъ за всѣ 6 отчетныхъ годовъ—5577 р. 16 к. Съ 1885 г. коммиссія получаетъ ежегодно 300 р. пособія отъ городской думы.

Отчетъ церковно-археологич. общества при Кіев. Дух. Академіи за 1887 г. Н. Петрова. К. 1888. 8°. 30 стр. Въ отчетномъ году въ обществѣ считалось 166 членовъ. Въ музеѣ и его библіотекѣ числилось 18,921 предметъ, изъ нихъ 677 поступили въ 1887 г. Приходъ общества въ отчетномъ году равнялся 1471 р. 74 к., а расходъ 762 р. 72 к.

Пьянковъ Вас. Ѣдущимъ въ Крымъ на грязи: Справочная книжка города Евпаторіи и его уѣзда. Евпат. 1888. Толково составленная книга, необходимая для желающихъ воспользоваться черноморско-лиманнымъ купаньемъ и майнокскою и сакскою грязелѣчебницами, съ нѣкоторыми историческими и статистическими свѣдѣніями.

Bańkowski.—Ruś Chełmska od szasu rozbioru Polski. Lwów 1887.

Barta.—Ryby, zyjące w Serecie i jego dopływach. Lwow 1887.

Батюшковъ.—Холмская Русь, историческія судьбы русскаго Забужья. С.-Петербургъ. 1887.

Борисъ и Глѣбъ свв. мученики ростовскіе, во св. крещ. нареченные Романъ и Давидъ. Изд. О. Лузиной. М. 12°. 36 стр.

Буренинъ В.—Критическіе этюды. Спб. 1888. 8° 398 стр. Есть этюдъ о Гоголѣ.

Waigiel.—O Hucułach, zarys etnograficzny. Krakow 1887.

Добролюбовъ В. А.—О положеніи каменноугольной промышленности Донецкаго бассейна и объ отношеніи къ ней ея руководителей и руководимыхъ. Ч. I. Съ прил. карты Донец. бас. Спб. 1888. 8° 224 стр. 1 р. 70 к.

Жизнь и страданіе св. муч. кн. Михаила чернпг. и боярина его Θеодора. Изд. отд. распростр. дух.-нрав. книгъ. М. 16°. 20 стр.

Жизнь преп. и богон. отца нашего Θеодосія печерскаго. Изд. Лузиной. М. 12°. 36 стр.

Заклинскій.—Географія Руси. I Русь галицкая, буковинская и угорская, съ картою. Львовъ. 1887.

Lindeman. K. (dr). Die schädlichsten Insekten des Tabak in Bessarabien. Moscau. 1888. 8°. 67 стр.

Nowicki.—Ryby dorzeczy Wisły, Styru, Dniestru ì Prutu w Galicji. Kraków. 1887.

Petrovits.—Nationaltrachten Osterreichs: Galizien, Schlesien, Bukowina. Wien. 1887.

Polanski.—Karpatische Novellen iu Kleinrussisch Sprache. 2 B-de. 236 und 265 S. Leipz. 6 M.

Протоколъ засѣданія общества одесскихъ врачей № 8. 24 янв. 1887. Од. 1887. 8° 8 стр.

Протоколъ торжеств. годич. засѣданія общества одесск. врачей № 20, 3 окт. 1887 г. Од. 8° 16 стр.

Склабовскій Д. Штунда. Подробный разборъ и опроверж. ученія штундистовъ. М. 8° 52 стр.

Соколовъ А. А. Зиновій — Богданъ Хмѣльницкій, освободитель Малороссіи. Историч. романъ въ 2 част. Спб. 1888. 394 стр. 1 р. 50 к.

Справочная книжка на время контрактовъ для лицъ пріѣзжающихъ и живущихъ въ Кіевѣ на 1888 г. Изд. В. Э. Бублика К. 1888. 8°. 117 стр. 20 коп.

Tarłowski — Statystyka pijaństwa w Galicji i na Bukowinie. Lwow. 1887.

Указатель статей, напечатанныхъ въ „Филологич. Запискахъ" за весь 25-лѣтній періодъ этого изданія. Воронежъ 1888. 8° 58 стр. 40 к.

Фейгинъ А. А. Путеводитель по Крыму и справочная книжка. Съ 10 рис. М. 1888. 12° 152 стр. 1 р. 50 коп.

Szarowski Stanisławów i powiat stanisławowski pod względem historychno-statystychnym. Stanisławów. 1887.

Янчукъ. Малорусская свадьба въ корницкомъ приходѣ константиновскаго уѣзда седлецкой губ. Москва. 1887.

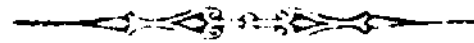
Важнѣйшія опечатки въ № 4.

	напечатано:	нужно читать:
Стр. 23—послѣд. стр.	разсудительные и	разсудительные
Стр. 24—стр. 14 (свер.)	море	люде
„ стр. 21	Тыбитьки	Шыбитьки.

СОДЕРЖАНІЕ.

Май, 1888 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СПИСОКЪ ИЗДАНІЙ

КОММИССІИ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной

при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ.

(Цѣны по возможности понижены).

Памятники Коммиссіи. Томъ IV, изд. 2-е 1859 г., стр. 950, ц. 2 р.

Лѣтопись Самоила Величка. Томъ IV, изд. 1864 г., стран. 420, ц. 1 р. 25 к.

Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ, подъ ред. *О. И. Левицкаго*, изд. 1878 г., стран. 568, ц. 2 р.

Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи г. Кіева и его окрестностей, 1874 г., стр. 416, ц. 1 р. 50 к.

Архивъ юго-западной Россіи.

Часть первая, т. 2-й и 3-й. Матеріалы для исторіи православія въ Западной Украинѣ въ XVIII ст. Архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій (1759—1771 г.). Изд. 1864 г. стр. во 2-мъ т. 897, въ 3-мъ 907. Ред. *Ѳ. Г. Лебединцевъ*. Оба тома составляютъ одно цѣлое и продаются вмѣстѣ, ц. 3 р.

Часть первая, т. 5-й. Акты о подчиненіи Кіевской митрополіи Московск. патріархату (1620—1694 г.). Изд. 1872 г. стр. 671. Подъ ред. *С. Терновскаго*. ц. 2 р.

Часть первая, т. 6-й. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-зап. Руси (1322—1648 гг.). Под. ред. *О. И. Левицкаго*. Изд. 1883 г. стр. 1120, ц. 2 р.

Часть первая, т. 7-й. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссовъ съ латино-уніатами въ XVI—XVII вв. съ присоединеніемъ записокъ М. Петра Могилы и неизданныхъ сочиненій Іоанна Вишенскаго). Подъ ред. профес. *Голубева*. Изд. 1887 г. стр. 816, ц. 2 р.

Часть третья, томъ 2-й. Акты о козакахъ (1679—1716 гг.). Изд. 1868 г. стр. 1048. Подъ ред. проф. *В. Б. Антоновича*, ц. 2 р.

Часть третья, томъ 2-й. Акты о гайдамакахъ (1700—1768 гг.). Изд. 1876 г. стр. 1025. Подъ ред. проф. *Антоновича*. ц. 2 р.

Часть четвертая, томъ 1-й. Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-зап. Россіи (1442—1760 гг.). Изд. 1867 г. стр. 577. Подъ ред. пр. *Антоновича*, ц. 2 р.

Часть шестая, томъ 1-й съ Приложеніемъ въ видѣ особаго тома. Акты объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ юго-зап. Россіи въ XVI—XVIII вв. (1499—1795 гг.). Изд. 1876 г. стр. 775+793. Подъ ред. *И. П. Новицкаго*. Оба тома продаются вмѣстѣ, ц. 4 р.

Часть седьмая, томъ 1-й. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Изд. 1886 г. стр. 744. Ред. пр. *Антоновичъ* изслѣдов. пр. *Владимірскаго-Буданова*, ц. 2 р.

Указатели къ изданіямъ Коммиссіи:

Томъ I. Имена личныя. Изд. 1878 г. стр. 892. Сост. *И. П. Новицкимъ*, ц. 2 р. 50 к.

Томъ II. Имена географическія. Изд. 1883 г. стр. 978. Состав. *И. П. Новицкимъ*, ц. 2 р. 50 к.

БРОШЮРЫ:

О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-зап. Россіи, *Н. Иванишева* 1863 г. стр. 73, ц. 50 к.

Отвѣтъ Кіевской Коммиссія для разбора древнихъ актовъ на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ по поводу выхода въ свѣтъ 2-й части Архива юго-зап. Россіи. Изд. 1861 г. стр. 49, ц. 40 к.

Тотъ-же отвѣтъ на польскомъ языкѣ. Изд. 1861 г. стр. 152, ц. 40 к.

О началѣ христіанства въ Польшѣ. *Архіеп. Иннокентія* 1886 г. стр. 50, ц. 40 к.

Тоже—на польскомъ языкѣ. 1886 г. стр. 51, ц. 40 к.

Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра (Предисловіе ко 2-му тому 3-й части Архива юго-зап. Россіи). *В. Б. Антоновича*, ц. 1 р.

Окончены печатаніемъ и скоро поступятъ въ продажу:

Архивъ юго-зап. Россіи *часть 2-я*, томъ 2-й. Акты для исторіи провинціальныхъ сеймиковъ юго-зап. края во 2-й половинѣ XVII вѣка. Изд. 1888 г. стр. 720, ц. 2 р.

Сборникъ Лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Изд. 1888 г., стр. 386, ц. 1 р. 50 к.

Печатаются или приготовляются къ печати:

Архивъ юго-зап. Россіи часть VII т. 2-й. Акты о евреяхъ въ юго-зап. Россіи въ XVIII ст.

Акты о семейныхъ отношеніяхъ въ юго-зап. Россіи въ XVI—XVII ст.

Акты, относящіеся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго.

Примѣчаніе. Каждый томъ каждой части „Архива" составляетъ отдѣльное и самостоятельное цѣлое и снабженъ б. или м. обширнымъ изслѣдованіемъ по извѣстному вопросу.

Означенныя изданія продаются въ складѣ Коммиссіи, Кіевъ, Елисаветинск. ул. № 9.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ 25% съ номинальной цѣны, но подъ условіемъ **покупки за наличныя деньги**; коммиссіонерство вовсе не принимается. Учебнымъ заведеніямъ и служащимъ въ нихъ дѣлается также уступка въ 25%.

Пересылку Коммиссія принимаетъ на свой счетъ.

О ПОДПИСКѢ НА
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ
на 1888 годъ.

Годовое изданіе **„Русскаго Вѣстника"**, состоящее изъ **12** ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1888 г. стоитъ въ **Петербургѣ и Москвѣ** безъ доставки и пересылки **15 р. 50 к.**, съ доставкою **16 руб.**, съ пересылкою во всѣ города Россіи **17 руб.**

Допускается взносъ **въ два срока**, а именно: при подпискѣ **9** руб., а остальная сумма **къ 1-му Іюня.**

Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—**18 руб.** Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на **„Русскій Вѣстникъ"** принимается въ **Петербургѣ:** для городскихъ—въ Конторѣ Журнала **„Русскій Вѣстникъ"** въ **Товариществѣ „Общественная Польза"** (Б. Подъяч., 39), въ книж. магазинѣ **„Новаго Времени"** (Невск., 38) и въ **Редакціи** (Большая Морская, д. 32 кв. 7): въ **Москвѣ:** въ Редакціи **„Московскихъ Вѣдомостей"**—на Страст. бульв., въ книж. магазинѣ **„Новаго Времени"** (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у **Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи).

Иногородные адресуются въ Контору **„Русскаго Вѣстника"**—СПБ., Б. Подъяч., № 39, въ **Товарищество „Общественная Польза"**. Редакторъ, **Фед. Ник. Бергъ**, принимаетъ по вторникамъ и четвергамъ до 1 часу дня. (Большая Морская д. 32, кв. 7). Мелкія статьи и стихотворенія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія, не возвращаются.

посопи и денежніе годовие поборы, какъ имѣючіесь въ Магистратѣ Погарскомъ записние старинные книги явствуютъ; и содержаны были съ тѣхъ селъ и деревень къ полегченію мѣщанству Погарскому для переходячихъ и переѣзжаючихъ регулярнихъ войскъ всякихъ чиновъ и подъ полковіе тягости конние вмѣсто почтъ стойки; а съ 1731 года разные владѣлцы полку Стародубовского тѣ ратушние села и деревнѣ какъ стали умишленно називать уже не ратушними, но свободними, то отъ оного года села и деревнѣ отойшли безъ имянныхъ, безсмертной славы достойнихъ Всероссійскихъ Монарховъ, Ея Императорского Величества предковъ височайшихъ указовъ за разнихъ владѣлцовъ и тако чрезъ ~~выше~~ изъясненіи (завладѣнія) всѣ(хъ) какъ на урядъ Магистратовій принадлежащихъ маетностей, такъ и отъ древнихъ векуистихъ годовъ бывшихъ подъ видѣніемъ ратуши Погарской (что нынѣ Магистратъ) селъ и деревень городъ Погарь остался въ краинемъ оскудѣніи и недостаткахъ. Прошлогожъ 729 года хотя Магистратъ Погарскій имѣлъ въ своемъ владѣніи устроенніи на реке Судости, подъ самимъ городомъ Погаромъ между обосторонними города Погару мѣскими землями текущей, на греблѣ мѣской о двухъ камняхъ млинъ, которій и отъ прежнихъ Гетмановъ: Скоропадского и Апостола, унѣверсалами утвержденъ, но какъ гребля Погарская отъ 1736 году чрезъ силное наводненіе прорвалась и за нерачителствомъ и разногласіемъ устроившихъ на той греблѣ многими владѣлцами своихъ частеи мелницъ въ неучиненіи Магистрату противъ тѣхъ частей спомоществованій даже доселѣ не загачена состоить въ пустѣ, то изъ оной мелницы бывшихъ приходовъ Магистратъ Погарскій лишился вовся. Хотяжъ, въ силѣ вишепрописанной памяти Хлоповой и Гетманскихъ подтвержденій и прежде бывшихъ Малороссійскихъ Коллегій и Генералной Войсковой Канцеляріи указовъ, Магистратъ Погарскій имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ важницу мѣскую, съ коей съ вещихъ разнихъ товаровъ и протчего денежніи приходи Магистратъ Погарскій получалъ, но въ силѣ имянного блаженния и вѣчно достойния памяти Великія Государини Императрицы Елисаветъ Петровны состоявшогось и въ Правительствующемъ Сенатѣ прошлого 755 года Априля 2 дня напечатан-

ного указа, егда Малороссійская индукта и эвекта и протчіе националние зборы отрѣшены, то и тѣ важничіе приходы доселѣ приустановлены, но токмо подъ присмотромъ Магистрата Погарского содержится та важница, да за опустѣніемъ намѣненной мѣской Погарской гребли на реке Судости отъ Магистрата хотя и устроенъ перевозъ собственнимъ мѣскимъ коштомъ, токмо такъ ни зъ важницы за вѣсъ, яко и съ перевозу почти вовся ничего въ Магистратъ не получается (кромѣ что хто развѣ доброволно дастъ). И такъ Магистратъ Погарскій для ресторацiи и подчинки себе и находячимся при немъ присудствуючимъ урядникамъ, писарамъ и канцелярскимъ служителямъ по отходѣ селъ и деревень и всякихъ доходовъ ничего не имѣетъ. Для того повѣряется вамъ, Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше рабски представя о пожалованiи вишеизображенних отъ Магистрата отшедшихъ селъ и мелницы Савостяновской со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи и о подтвержденiи дву камней млива на реке Судости, универсалами Гетмановъ Скоропадского и Апостола наданнихъ на содержаніе Магистрата и находячихся при немъ урядниковъ и для облегченія и вспомоществованія мѣщанамъ, на украшеніе града церквами Божіими и на призрѣніе бѣдственно страждущихъ вдовъ и сыротъ, нищихъ и убогихъ, неимѣющихъ своего препитанія, ко устроенію богодѣлень и всякихъ гражданскихъ потребностей и протчихъ чистотъ и благопорядочій и на всякіе краине необходиміе нужные росходы, дабы въ томъ Магистратъ Погарскій противъ другихъ Малороссійскихъ упривилѣованнихъ городовъ недостатка и отмѣны не имѣлъ и безнуженъ быть моглъ, по прежнему къ Магистрату Погарскому, и на то всемилостивѣйшей высочайшей Ея Императорскаго Величества жалованной подтвердителной грамоти просить.

2.

Каково имѣемъ мы по предкамъ нашимъ болѣе отъ ста лѣтъ Право Маидебурское, жалованное первоначально отъ Королей Польскихъ, на основанiи онихъ жалованнихъ отъ Великихъ Государей Царей и отъ високославнихъ безсмертнія памяти достойнихъ монар-

ховъ всероссійскихъ грамотъ, книгу Порядокъ, на полскомъ языке зъ латинскимъ напечатанное, коимъ по своимъ волностямъ предки наши судились и нинѣ судимся, употребляя къ оному и книгу Саксонъ; а яко съ тѣхъ правнихъ книгъ на россійскомъ діалектѣ печатнихъ неимѣемъ, что за нужно потребно, для того вамъ поверяемъ: просить всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества, дабы повелено было тѣ обѣ Правніе Книги на русскій языкъ подъ Превысочайшимъ Ея Императорскаго Величества титуломъ перепечатать зъ дополненіемъ въ онихъ: 1) чтобъ мѣщане по жалобнимъ дѣламъ чрезъ писменніе позва о болшихъ дѣлахъ яко то: о земляхъ, знатнихъ долгахъ, о бояхъ и ранахъ и о протчемъ къ суду Магистратовому призивани были на четиренедельній, а въ случае далней отлучки на шестонеделніе сроки, а по меншихъ дѣлахъ чрезъ слугу магистратового въ Магистратъ сискиванибъ были; 2) чтобъ мѣщане недвижиміе свои добра производили въ продажу другъ другу между собою, а не воинскимъ чиновникамъ, разночинцамъ и козакамъ, съ таковимъ обрядомъ, чтобъ на тѣ продажи купчіе крепости писани были, равнимъ образомъ какъ и Малороссійское шляхетство и козаки между собою чинятъ, съ подписомъ трехъ мѣщанъ рукъ и приложеніемъ ихъ печатей, и оніе при конфирмованіи урядовомъ вѣчне за дѣйствителніе признавани и принимани на всякихъ урядахъ были; 3) понеже многіе чины, не точію шляхетство и козаки, но и вышедшіе зъ мѣщанъ, первіе въ козаки, а потомъ и въ називаючоесь шляхетство, урядниковъ и мѣщанъ города Погару, мужиками и посполитими причитая въ равенство зъ своими подданними, називають и порицають съ немалимъ намъ безчестіемъ и обидою и приключають чрезъ разніе гвалти, нападеніи, бои и въ здоровьи увѣтча, для того побудило насъ поверить вамъ всеподданнѣйше просить високомонаршей милости, чтобъ урядники и мѣщане Погарскіе отъ шляхетства и ни отъ кого другого впредъ мужиками и посполитими непорицани и не безчещени; 4) навязку бъ свою получали, равно какъ и въ привилѣованнихъ городахъ Кіева, Нѣжина, Чернѣгова и Переясловля имѣютъ, и примѣромъ Кіевскихъ и Стародубовскихъ мѣщанъ дозволенно бъ было намъ при шабляхъ ходить въ знакъ

жалованной намъ височайшой Ея Императорскаго Величества на мѣщанское званіе милости; 5) чтобъ всѣ владѣющіе воинского званія разночинцы и козаки по крепостямъ правилнимъ и неправилнимъ мѣщанскими землями, по тяжебнимъ дѣламъ, равножъ и всѣ пріежающіе купечество, какъ въ привилегіяхъ Королей Полскихъ Магистратамъ жалованнихъ точно изображено, подълеглими били праву Майдебурскому и судились на Магистратѣ, якожъ и въ подтвержденіе о битіи всѣмъ торговимъ людемъ указомъ Височайшимъ блаженной памяти и вѣчной слави достойной Императора Петра Великого, Монарха Всероссійскаго, состоявшійся въ 1721 году Сентябра дня, повелено тожъ по всякимъ дѣламъ купцамъ быть судимимъ въ Магистратѣхъ; 6) чтобъ впредъ въ городъ Погарь отъ главной Малороссійской команди и ни отъ коль въ чини Войтовства Магистратового Погарского нихто зъ воинского званія и ни съ какого другого чина опредѣляеми и насилаеми не били, а вибираеми бъ были въ Войтовство Магистратовое по древнему обикновенію, въ силѣ Майдебурскогожъ жалованного намъ права, въ придаточнихъ артикулахъ напечатанного, между нами от природныхъ и оседлыхъ мѣщанъ Погарскихъ, достойнихъ къ тому людей, а не такъ какъ отъ прошлого 757 году стали насилатись въ Малороссійскіе города, въ томъ числѣ и въ Погарь, зъ войскового званія Войти, кои не для должного правосудія и градского благопорядочія, но для собственного ихъ обогащенія и користей, а мѣщанамъ въ немалое изобижденіе на властяхъ своихъ себе содержать.

3.

Состоящіе въ окрузѣ Погарскомъ землѣ со всѣми на нихъ застроенними селами и деревнями, футорами и мелницами и тѣми людми, кои на оних жителствуютъ со всѣми угодіями, чемъ прежде мѣщане здешніе Погарскіе издавно владѣли, просить во владѣніе Магистратовое и мѣщанское для построенія мѣсто обетшалого нового двора Магистратового, лавокъ и протчіихъ нужнихъ необходимихъ въ городѣ мѣскихъ потребностей, вмѣсто того что оними владѣлцы користуются неподлежаще; также чтобъ и состоящіе за разно-

чинцами по правильнимъ куплямъ отъ мѣщанъ доставшіесь, повелено было отъ Ея Императорскаго Величества: кто оними владѣетъ,— употреблять въ повѣнность мѣщанскую и налагать на онихъ равно зъ мѣщанами Магистрату податѣ по препорціи тѣхъ земель, а безъ крепостей владѣеміе землѣ и другія угодія отобрать Магистрату и наслѣдникамъ въ прежнее владѣніе отдать, чіи оніи были, и о всемъ на то всеподданнѣйшие просить Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа.

4.

Всѣ владѣлцы, старшины всѣхъ приказовъ воинскихъ, разночинци и козаки, какъ въ городѣ Погарѣ, такъ и въ сотнѣ Погарской жиючіе и тѣхъ подданніе зъ допущенія командующихъ не мѣщанского званія, но воинского, Войтовъ и другихъ старшинъ, поустроили лавки и постоялые доми и шинки, понаселили въ городѣ на мѣщанской землѣ и неотбувають зъ онихъ къ Магистрату никакой общенародной повинности, ни сами отъ себѣ, ни подданнихъ своихъ недопущають отбувать указнихъ дачь, нарядовъ и посылокъ; а отнявши промисли торговіе въ мѣщанъ, сами владѣлци, старшини и разночинцы и подданніе ихъ, не записавшись въ мѣщанство и цехи, торгують и всякое ремесло дѣлають; а и съ того мѣщанству Погарскому во всякихъ повинностяхъ жадного вспомоществованія не чинять и цехмистромъ по ихъ цеховимъ порядкамъ послушенства, какъ у нихъ имѣющіесь зъ древнихъ годовъ урядовіе и отъ вишшей власти конфирмованніе писменние документа гласятъ, недѣлають; а при томъ инногороднимъ купцамъ и расколничихъ слободъ крестяномъ, доми свои имѣя на мѣщанской землѣ построенніе, отдаютъ въ найма и позволяютъ всякіе товары въ городѣ и въ уѣздахъ покупать и продавать въ розницу и оптомъ въ обиду всему мѣщанству, кои и торгують досель. А Высокомонаршимъ указомъ, состоявшимся въ 1752 г. Октября 30 д., о недопущеніи инногороднимъ купцамъ и всякаго званія людямъ (торговать) въ розны товары ни подкакимъ видомъ на чужихъ городѣхъ, въ подтвержденіе прежнихъ отъ 1705 года состоявшихся указовъ накрепко

всѣмъ иногородцамъ и разночинцамъ въ рознь торговать, покупать и продавать найстрожайше запрещено съ тѣмъ Высочайшимъ иовелѣніемъ: еслибъ кто въ такой противо указной торговлѣ былъ поймань и изобличенъ, въ онихъ тѣ ихъ товары отбирать безъ всякого послабленія безденежно; а будебъ находячіесь и въ услуженіи люде допущени были отъ своихъ хозяевъ къ розничной торговлѣ, то за несмотрѣніе съ тѣхъ хозяевъ штрафа за каждое преступленіе по 1000 рублей взимать за тѣхъ служителей. Да и по состоявшемусь в 1755 году Декабра 14 дня по собственной Ея Императорскаго Величества блаженной и вѣчно достойной памяти Великой Императрицы Елисаветъ Петровны конфирмаціи за подписаніемъ Високоправительствующаго Сената указу, розничная продажа вовся отсѣчена. Въ силѣ которихъ Височайшихъ указовъ и таможеннаго устава проситъ вамъ всеподданнѣйше у Ея Императорскаго Величества, чтобъ въ городѣхъ и во уѣздахъ какъ великороссійскіе и другіе купци въ рознь не покупали и не продавали никакихъ товаровъ, такъ и Малороссійское шляхетство, козаки и старшини козачіи и всѣ разночиньцы и ихъ подданніе отнюдъ ничимъ не торговали, изъ рукъ въ мѣщанъ торговихъ користей не виривали и себѣ не привлекали, а родившіесь бы въ нихъ товары городскимъ жителямъ продавали, а торговъ въ селѣхъ въ уѣзду Погарскомъ не имѣлѣ, всемилостивѣйшого въ подтвержденіе указа.

5.

Прежде сего изъ древнихъ годовъ какъ протчихъ Малороссійскихъ городовъ, такъ и города Погару мѣщанство имѣли свободное въ себе винное куреніе; а въ прошломъ 1761 году за бытіе въ Малой Россіи Гетманомъ Графа Кирила Григоривича Его Сіятелства Разумовского безъименного Вашего Императорскаго Величества указа, таково винное куреніе надъ прежнюю волность и свободу мѣщанству запрещено, а вмѣсто того Малороссійское шляхетство после того запрещенія для своего большаго обогащенія и користей винокурнихъ котловъ противъ прежняго вновь пріумножили, въ немалую

мѣщанамъ обиду. О яковомъ свободномъ винномъ куреніи просить у Ея Императорскаго Величества всевисочайшого дозволительного указа.

6.

Въ имянномъ блаженнія памяти и вѣчной славы достойнія Великой Императрицы Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійской, въ прошломъ 1744 году, Іюля 15 дня, состоявшемся указѣ въ 4 пунктѣ изображено: всякіе казенніе доимки, какъ на купечествѣ въ пошлинахъ и на подрядчикахъ и откупщикахъ за неисправленія по контрактамъ и по векселямъ и на протчихъ всякого званія людехъ, такъ недоборы, какогобъ званія они ни были, по оконченнимъ щетамъ на комъ суммою не болшь 500 рублей, кромѣ подушного збору, по тотъ 744 годъ невзискивать и изъ доимки исключить; да имяннимъ Ея Императорскаго Величества прошлого 762 году Сентябра 22 дня состоявшимся указомъ по 4-му пункту до 500 рублей всякая доимка прощена. А отъ Полковой Стародубовской Щетной Коммиссіи отъ Магистрата Погарского по комисарству порціонние и раціонние доимки за удоволствомъ полковъ и другихъ командъ за прежніе года взискуются къ немалому и несносному мѣщанству отягощенію. Чего рады поручается вамъ всеподданнѣйше просить въ Ея Императорскаго Величества, чтобъ таковихъ доимокъ зъ города Погару въ силѣ вишеизображенныхъ указовъ впредъ было невзискивано, всемилостивѣйшого подтвердителного указа.

7.

Въ высочайшемъ указѣ блаженния и вѣчно достойной памяти Великого Государя Петра Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, о винтеръ квартирахъ въ Гетманскомъ Региментѣ въ 1722 году генваря 8 дня состоявшимся, по прежнимъ Правительствующаго Сената приговорамъ сентября 26, декабря 14 чиселъ 720 году, регулярние полки Всемилостивѣйше повелено квартерами ставить, не обходя никого: ни гетманскихъ, ни полковничихъ, ни

старшинскихъ, ни козачихъ, ни Великороссійскихъ особъ подданнихъ, ни расколщиковъ; цѣлимижъ ротами въ однихъ мѣстахъ не ставить, а ставить сколко гдѣ надлежить, толко не менше капралства; конюшень вновь не дѣлать, а содержать тѣхъ драгунскихъ лошадей въ сараяхъ здешнихъ обытателей, каковіе въ нихъ есть, развѣ гдѣ такихъ не будетъ, то дѣлать и вновь толко такіе, въ которихъ можнобъ было содержать капралство лошадей; у заслуженнихъ особъ, у Полковниковъ, у сотниковъ и протчей старшины, у поповъ и у церковниковъ на дворѣ ихъ, гдѣ сами живуть, кватеръ не имѣть; а на загороднихъ дворахъ и на подворкахъ, также и въ подданнихъ, ставить, отнюдь не виключая никого; какъ за драгуны, такъ и оберъ и штапъ офицеры смотрить, чтобъ собою квартиръ не занимали, лишняго провіянта и фуража и дровъ не имали, и ничего сверхъ опредѣленного указами отнюдь не запрашивали, и ни вчемъ отягощенія малороссійскимъ обивателямъ не чинили. Нынѣ же по ордерамъ Полковой Стародубовской Канцеляріи сотенная Погарская старшина регулярнихъ полковъ штапъ и оберъ офицерства, карабинернихъ и пехотнихъ полковъ чиновниковъ и рядовыхъ и полковыхъ служителей, въ отмѣнность того высочайшаго указа, минуя не токмо козачіе доми, разночинскіе, шинки, подварки и ихъ подданическіе двори, вибирая саміе лучшіе по городу мѣщанскіе дворы, не смотря очереди, где хотятъ по всему мѣщанству по своей волѣ, минуяжъ уѣздніе села и деревни и защищая своихъ и другихъ владѣлцовъ сѣлскихъ подданнихъ, отводятъ и разставливаютъ; а на конюшнѣ саміе лучшіе товарніе мѣщанскіе амбары занимають, въ немалую мѣщанскую обиду и всекрайнѣишее утѣсненіе. И чтобъ въ томъ города Погару одни урядничіе и мѣщанскіе дворы таковими постоями впредъ безъ очереди незанимами были, а равнобъ поставляно было во владѣльческихъ и всякихъ разночинскихъ и козачихъ домахъ, Вамъ повѣряется всеподданнѣйше просить у Ея Императорскаго Величества, чтобъ повелено было квартирующихъ офицеровъ и рядовихъ въ городѣ Погарѣ самому Магистрату по мѣщанскимъ и всякого званія людей дворамъ безъ вистатченія дровъ, свечей и протчего, что нынѣ сверхъ рублевого окладу взимаются,

квартери отводить, а въ уѣздних селахъ и деревняхъ отъ сотенной команди разставливать, чтобъ не въ одномъ городѣ Погарѣ квартери занимани были.

8.

Чтожъ благоразсудно славной Ея Императорскаго Величества арміи Генераломъ Аншефомъ, Губернаторомъ, Малороссійской Коллегіи Президентомъ и кавалеромъ, Его Сіятелствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Г-мъ Румянцовымъ, рублевій окладъ въ Малой Россіи учрежденъ на удовольствіе полковъ, то мѣщане Погарскіе будучи тѣмъ довольни, повѣряемъ всемъ всенижайше просить у Ея Императорскаго Величества високоматерняго милосердія и помилованія, чтобъ сверхъ того учрежденного платежа никакихъ окладовъ съ мѣщанъ впредъ не собиранобъ было, да и отъ всякихъ до сего бывшихъ и впредъ случаючихся работъ былибъ свободни; да и чрезъ послѣдовавшую въ Малой Россіи въ прежнихъ годахъ чрезъ изяденіе саранчею, а паче что сряду чрезъ пять лѣтъ за неурожаемъ озимого и ярового хлѣба скудость и небывалую до сель въ цѣнахъ дорожству, къ томужъ зъ допущенія Божіяго отъ ежечастнихъ пожарнихъ случаевъ, гражданомъ бедность приключилась, хотя малийшаго въ облеченіе всенижайше просить помилованія.

9.

Состоявшимся Ея Императорскаго Величества за собственно ручнимъ подписаніемъ 1763 года декабря 10 д. и обнародованнимъ Малороссійскому народу манифестомъ соблагоизволено по нашимъ правамъ и вольностямъ съ мѣста на мѣсто свободній переходъ по прежнему имѣть, всемилостивѣйше, въ согласіе имянного височайшаго блаженнія и вѣчно достойнія памяти Великія Государыни Императрицы Елисаветѣ Петровны, самодержицы всероссійской въ прошломъ 1742 году августа 18 дня состоявшаго указа, подтвердить, и високоматернею милостію дозволено малороссійскому народу стародавною волностію и прежними обикновеніи своими въ свободномъ переходи, какъ прежде ползовался, такъ безъ всякой неволѣ по оному высочайшему манѣ-

фесту ту же свободу имѣть и до указного (на представленіе отъ бывшаго Малороссійскаго Гетмана, Графа и Кавалѣра, Кирила Григоріевича Его Сіятельства Г-на Разумовскаго, Высокоправительствую-Сената съ напечатаніемъ Малороссійскихъ статутовихъ правнихъ артикуловъ) запрещенія безотмѣнно содержано было. А съ того времени, егда кто съ посполитого народа, яко то зъ маетностей владѣлческихъ и другихъ местъ Малороссійскіе Государевы свободніе люде, по тѣмъ своимъ природни́мъ прежнимъ волностямъ и найпаче котоpie неимѣютъ своихъ прямихъ осѣдлостей, а проживаютъ токмо въ хозяйскихъ хатахъ для прокормленій заработками, переходятъ съ мѣста на мѣсто, между чемъ и въ городъ Погаръ на жилля и по своимъ бедностямъ первія у мѣщанскихъ дворахъ и подворкахъ живутъ, после же мѣщанскіе дворики, чрезъ работизненніи свои труда купя, подъ вѣдомствомъ Магистратовимъ жить желаютъ, то таковихъ, желающихъ въ Погарѣ жительства имѣть, усиловуются владѣльци со всѣми ихъ собственними нажитки на прежнее свое подневолніе житіе сискивать, неразсуждая того, что тѣ переходячіе всѣ свои собственние осѣдлые и природние въ подданство отданіе грунта и протчіи угодіи при ихъ же владѣльцахъ оставляютъ, и оними единственно сами тѣ владѣльци, получая прибилѣ, користуются, да не будучи тѣмъ довольни, тѣхъ жиючихъ въ нихъ свободнихъ народа Малороссійскаго людей, какъ бы крепостнихъ во вѣчность имъ отданнихъ, отъ Магистрата надъ волность вѣчную сискиваютъ, и тѣмъ оніе владѣлци не точію той свободности не охраняютъ, но отваживаются въ отмѣнность Височайшихъ повелѣній, денегъ пожилихъ, примерно крепостнихъ Великороссійскихъ крестянъ напрасно искать; чего ради всеподданнѣйше повѣрается вамъ просить Ея Императорскаго Величества, чтобъ въ силѣ вышеупомянутихъ всемилостивѣйшихъ о свободномъ съ мѣста на мѣсто малороссійскому народу переходѣ указовъ, кто въ городъ Погарь волній малороссійскаго народа человѣкъ самъ или изъ семьею своею на жиллѣ перейдетъ, таковимъ дозволенобъ жить подъ вѣдомствомъ Магистрата Погарскаго, безъ отисканія онихъ владѣлцами на прежніе жилля, свободно.

И о всѣхъ вишеписаннихъ нуждахъ и недостаткахъ нашихъ донести Ея Императорскому Величеству, на всевисочайшую Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Височомонаршую волю, всеподданнѣйше рабски во всемъ предаемся.

1767 года мая 29 дня.

X.

1767.

Наказъ жителей города Стародуба.

Въ силу Ея Императорскаго Величества высочайшаго Всемилостивѣйшаго указа, гражданству Стародубовскому обнародованного, и приложеннаго при ономъ обряда, отъ насъ, того города гражданъ, выбранному въ коммиссію, въ столицы Ея Величества о сочиненіи проэкта нового уложенія учрежденную, Депутату, Магистрата Стародубовского Буймистру, Данилѣ Родинскому,

наказъ.

Привилеемъ Короля Польского Третьего Жигмонта, въ року 1620-мъ февраля 15 дня на волности и Магдебурское право данымъ мѣщанамъ Стародубовскимъ, на вѣчные и потомные часы всѣмъ мѣщанамъ Стародубовскимъ торги, гандле и всякіе купеческіе промыслы имѣть позволено и утверждено купцомъ перекупнымъ, ремесленникомъ, шинкарямъ и всякого званія мѣскимъ людемъ, да естьлибы якои кольвекъ кондиціи человѣкъ, либо шляхтичъ, либо козакъ запорожскій, домъ, городъ альбо грунтъ мѣскій Стародубскій якъ кольвекъ набувъ, либо гандлемъ, шинкомъ и ремесломъ якимъ кольвекъ въ томъ мѣстѣ Стародубѣ забавлялся, быть подлеглымъ праву Магдебурскому и уряду мѣскому Стародубовскому и повинности мѣскіе поносить; купцамъ пріѣзжимъ, ремесленникамъ, перекупнымъ и иншимъ людямъ, которые бъ, изъ иныхъ мѣстъ до Стародуба пріѣхавши, збытокъ альбо выступокъ якій пополнили, албо чимъ кольвекъ противу слушности и права поступили, быть потомужъ подъ су́домъ уряду мѣского стародубовского, и о прибытии своемъ до

мѣста, на томъ же мѣстѣ ознаймовать, а товари свои въ дому мѣскомъ гостинномъ складать; Войта избирать съ межи себе доброго человѣка, способного и умѣснаго и присылать до Его Королевского Величества для подверждeнія его уряду; каждому мѣщанину напоемъ домовымъ и иностраннымъ шинковать безъ всякого препятствія; на войтовство Стародубовское уволокъ двадцать съ подданными и млиномъ, на Бурмистровъ пятнадцать уволокъ, на писара уволокъ шесть, да на хуторъ ратушный двѣ деревни со всѣми принадлежностми и пожитками до скринки мѣскои, а надъ тое всѣ сборы до той же скринки на мѣскіе потребы, торговое отъ всякихъ вещей привозныхъ и отъ пашенъ, также и важчое отъ ваги, вѣчно надано; дворъ гостинный въ мѣстѣ, баню посполитую, рѣзницкіе ятки устроить уряду мѣскому Стародубовскому, и отъ того всего доходы, также отъ купцовъ взглядомъ ихъ купечества, отъ рѣзниковъ, пекаровъ и всякихъ ремеслениковъ, ведлугъ общаго постановленія, въ рокъ до скринки мѣской отбирать уряду мѣскому, то есть Магистрату, и съ тѣхъ приходовъ въ мѣстѣ дзегаръ содержать повелѣно; да и млинъ, подъ самимъ мѣстомъ, на рѣкѣ Бабинцу стоячій, до той же скринки мѣской надано. Блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца грамотою, по челобитью Стародубовского Войта Андрея Шабловского и всѣхъ мѣщанъ, отъ созданія міра въ 7174-мъ году ноября 29 дня, мѣщанамъ Стародубовскимъ стародавное ихъ право и вольности утверждено, и ихъ, мѣщанъ, Високчайшею Его Царского Величества милостію впредъ обнадежено; за силу которой Высочайшой грамоты и привилегія, граждане города Стародуба, подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского состоящіе, по Магдебурскому праву всякіе росправы имѣли и имѣютъ.

По вышеписанной королевской привилегіи явственно, что въ то время, какъ та привилегія мѣщанамъ на право и вольность ихъ дана, въ городѣ Стародубѣ, кромѣ мѣщанства, другаго званія людей осѣдлости не было, и всѣ тѣ мѣщане состояли въ вѣдомствѣ уряду мѣского. А нынѣ въ томъ городѣ подъ вѣдѣніемъ Маги-

страта мѣщанъ осталось малое число; но большимъ числомъ бывшія въ вѣдѣніи того Магистрата мѣщанскіе дворы, ихъ пашенные и сѣнокосные земли и другіе принадлежащіе мѣсту угодія, иные въ давнихъ, а другіе въ недавнихъ годѣхъ, владѣльцамъ, попамъ и другаго званія людямъ, въ Стародубѣ на мѣской землѣ, такожъ и въ другихъ мѣстахъ жительствующимъ, во владѣніе съ подъ вѣдѣнія Магистратского одошли, коими иные сами, а другихъ наслѣдники, владѣя и имѣя нѣкоторые зъ владѣльцовъ и другаго званія людей въ Стародубѣ торги и промислы, никакого гражданамъ, подъ вѣдѣніемъ нынѣ магистратскимъ состоящимъ, въ гражданскихъ нужностяхъ и малѣйшаго вспоможенія не чинять и подъ правомъ Магдебурскимъ не состоять. Да и живущіе въ нѣкоторыхъ многихъ мѣщанскихъ, за владѣльцами и другаго званія людьми состоящихъ дворахъ, за наемъ, бывшіе прежде мѣщане и зашедшіе съ другихъ мѣстъ люде имѣютъ же свободный торгъ и промыслъ, а въ вѣдѣніи магистратскомъ не состоятъ же, и состоящему нынѣ подъ вѣдѣніемъ оного Магистрата гражданству въ нуждахъ ихъ градскихъ никакого вспоможенія не чинятъ, но, по защитѣ ихъ хозяевъ, отъ того въ свободѣ до сего состояли и нынѣ состоятъ. Да и съ прежде бывшихъ же мѣщанъ, подъ вѣдѣніемъ Магистратскимъ состоявшихъ, нѣкоторые немалымъ числомъ отойшли въ званіе козачое и пушкарское, и живя въ тѣхъ же дворахъ, въ коихъ они и до того жительство имѣли, а другіе, покупя мѣщанскіе дворы, мѣщанскими грунтами и другими угодіями владѣютъ и разные купеческіе промыслы, такожъ винное куреніе и шинки разного напою содержатъ, а никакихъ обще съ мѣщанами Магистрату гражданскихъ повинностей не отбываютъ, а щитятъ себе иные шляхетствомъ, а другіе козачествомъ, съ чего оставшимся нынѣ въ вѣдѣніи Магистратскомъ Стародубовскомъ мѣщанамъ въ торгахъ и промыслахъ препятствіи и обида слѣдовали и нынѣ есть, потому съ нихъ нѣкоторые во оскудѣніе пришли и дворы свои жилые, такожъ грунта, спродать разнымъ чинамъ принуждены.

2.

Во мѣсто жалованныхъ вышепрописаннымъ королевскимъ привилегіумомъ на Войта Стародубовскаго двадцати уволокъ, прежніе Воиты, по уряду ихъ (какъ зъ данного въ 1709 году Сентября 15 дня отъ Гетмана Скоропадского универсала явственно), владѣли двома селами: Озаровкою и Сининомъ. А съ того году бывшій Войтъ Демянъ Ермолаевичъ владѣлъ уже только однимъ селомъ Озаровкою, а Сининомъ владѣла бывшого до его, Ермолаевича, Войта Спиридона Ширая жена; а нынѣ онымъ Сининомъ наслѣдники ея владѣютъ, нынѣшній же Войтъ владѣетъ только половино(ю) села Озаровки.

А вмѣсто по той привилегіи жалованныхъ на Бурмистровъ пятнадцати уволокъ, по надачѣ прежде бывшими Гетманами, во владѣніи всѣхъ обще урядниковъ Магистратскихъ, то есть: двухъ Бурмистровъ, двухъ Райцовъ и двухъ Лавниковъ, состоятъ въ Стародубовскомъ уѣздѣ два села: Хустичи и Сергіевскъ, съ которыхъ отъ тамошнихъ жителей въ годъ чиншового получается платежа только сто сорокъ четыре рублей, съ коихъ денегъ урядникамъ въ годъ, въ коемъ они въ Магистратѣ присудствіе имѣютъ (яко они, по стародавнему мѣскому обыкновенію, по третій годъ другими къ присутствію перемѣняются), на ихъ содержаніе по раздѣлу доводится получать каждому Бурмистру тридцать шесть рублевъ, Раицѣ двадцать четыре рублей, а Лавнику дванадцать рублей; якими деньгами они, урядники, имѣя всегдашнее въ Магистратѣ присутствіе и чрезъ то лишась торга и промысла, продовольствовать себе крайне не могуть, но уже тотъ годъ, въ коемъ присутствіе имѣютъ, снабдѣваютъ они себе нужно тѣми прибыльми, а и не чрезъ два года, въ коихъ они въ Магистратѣ не присутствуютъ и торга и промысла получить могутъ.

Во владѣніи Писаря шесть уволокъ, такожъ и при Магистратѣ на хуторъ двѣ деревни за силу прописанной Королевской привилегіи въ прежнихъ давнихъ годахъ слѣдовательно были, но оныхъ уже въ Писаря и при Магистратѣ здавна не имѣется, и гдѣ оные уволоки и деревни положеніе свое имѣютъ, за утераніемъ, во время

бывшого въ давнихъ годѣхъ отъ Литовскихъ людей разоренія, государственныхъ жалованныхъ грамотъ, о коихъ и въ вышеприсанной, отъ созданія міра въ 7174 году данной, жалованной грамотѣ изображено, и прежнихъ давнихъ Гетмановъ универсаловъ, знать не можно, и за умертвіемъ старожиловъ, справки о томъ забрать не съ кимъ. Писару жъ Магистратскому жалованья производимо было и нынѣ производится по годно денегъ тридцать рублей, жита шесть четвертей да пшеницы двѣ четверти, изъ приходовъ зъ мельницы, вышеписаннымъ королевскимъ привилегіемъ къ Магистрату наданной, на рѣкѣ Бабинцу имѣючойся, бывающихъ; которимъ жалованьемъ тотъ Писарь, яко уже онъ, по бытію его касающихся дѣлъ, торга и промисла не имѣетъ, снабдѣваетъ себе съ нуждою. Протчіежъ, по вышеизображенной привилегіи на мѣскіе потребы къ Магистрату жалованные приходы, хлѣбные и денежные, отъ состоянія Высочайшой блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, вышезначащоися грамоты, уже кромѣ ваговаго, которое отъ вѣсовъ Магистратъ въ устроенной отъ тогожъ Магистрата важницѣ, на мѣскіе необходимые расходы получаетъ, собираны въ казну Его Величества, а за жизни блаженныя и вѣчнои славы достойныя памяти Великія Государини Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской, по Высочайшому Ея Величества милосердію тѣ зборы отставлены и не собираются. Потому, нетокмо тому магистратскому Писару, къ безнужному его снабдѣнію, въ жалованьи прибавки учинить, но и дзегаря въ городѣ Стародубѣ и другихъ необходимихъ Магистратскихъ нужностей содержать не съ чего.

Мельница вышезначащась, на рѣкѣ Бабинцѣ, помянутою королевскою привилегіею къ Магистрату во вѣчность на расходы мѣскіе хотя вся надана и утверждена, однакъ только зъ двухъ частей въ Магистратъ на необходимые нужные расходы прибыли получаются, а третей части таковы прибыли нынѣшній повѣту Стародубовского Подкоморій Михайло Ширяй, которого умершій дѣдъ Спиридонъ Ширяй былъ въ Стародубѣ Войтомъ, получаетъ. А по какимъ

обстоятельствамъ та часть мельницы во владѣніи его Ширяя состоить, о томъ при Магистратѣ вида не съискуется.

На базарномъ мѣстѣ, близъ полисаду, где торги и ярманки бываютъ, къ продажѣ ѣстныхъ и питейныхъ потребъ и другихъ надобностей, не токмо амбары, но и жилые избы и дворы самовольно, а въ самомъ городѣ и крамные лавки и амбарчики нѣкоторые владѣльцы и козаки устроили, и за наемъ оныхъ получаютъ себѣ прибыль, а Магистрату на мѣскіе расходы никакова платежа не чинятъ.

Въ состоявшемся въ минувшемъ 1755 году декабря въ 1-й день таможенному уставѣ повелѣно въ главѣ шестой: „Пріѣзжимъ во всѣ города изъ другихъ городовъ купцамъ, товары свои складывать въ гостинныхъ дворахъ и въ протчихъ мѣстахъ, гдѣ въ которомъ городѣ складка товаровъ позволена; и продавать оные товары тамошнимъ гражданамъ и пріѣзжимъ купцамъ обтомъ, а врознь на чужихъ городахъ отнюдъ не продавать". Да въ десятой главѣ по четвертому пункту: „Крестьянамъ въ знатныхъ селахъ и деревняхъ, состоящихъ по большимъ дорогамъ, а не въ ближнемъ отъ городовъ разстояніи, ради проѣзжающаго народа и ихъ крестьянскихъ необходимихъ нуждъ, по приложенному при томъ реестру по званіямъ товарами, мелочнымъ ядломъ, торговать, и которыхъ де въ деревняхъ недѣлается, покупать въ городахъ и на ярмонкахъ и съ лавокъ; а окромѣ тѣхъ товаровъ другими, такожъ въ городахъ и слободахъ городскихъ, и кои слободы и села отъ городовъ разстояніемъ не далѣе пяти верстъ, отнюдь не торговать".—Въ городѣ же Стародубѣ иногородные купцы, иные сами, а другихъ прикащики, привозя товары, продаютъ мимо гражданъ пріѣзжимъ же купцамъ и другого званія людемъ врознь; такожъ, купя въ Стародубѣ и въ уѣздѣ оного во владѣльцовъ и другого званія людей товары, въ нихъ родящіесь, якото: пеньку, медъ, воскъ, олей, всякій звѣрь и протчое, отпускаютъ къ порту; а на то и зъ Великороссійскихъ купеческихъ людей и крестьяне описныхъ раскольничіихъ слободъ, въ Стародубовскомъ полку находящихся, нѣкоторые, въ томъ городѣ покупивъ мѣшанскіе, а другіе разного званія людей нанявъ дворы, живутъ и всякіе купеческіе торги и промыслы имѣютъ не продажею

обтомъ но врознь. Да тѣжъ слободскіе крестьяне въ городовыхъ крамныхъ лавкахъ продажу товаровъ производятъ; а въ слободахъ раскольничіихъ, не по большимъ дорогамъ состоящихъ, и въ нѣкоторыхъ селахъ въ недавнихъ годѣхъ заведены торги и ярманки, и тамошнихъ же слободъ крестьяне торгуютъ, кромѣ показанныхъ въ таможенномъ уставѣ по реестру товаровъ, портовыми, крамными и иностранными товарами. Отчего въ городѣ Стародубѣ торги и ярманки умалились, а купцамъ и промышленникамъ того города чинится въ купеческомъ производствѣ помѣшательство и убитокъ; да и не за присылкою на торги въ городъ Стародубъ тѣхъ селъ и деревень, кои не въ дальности отъ тѣхъ слободъ и селъ, въ которыхъ торги и ярмарки бываютъ, обивательми озимого и ярового хлѣба, дровъ, сѣна и протчихъ потребностей, въ томъ городѣ Стародубѣ недостатокъ происходитъ.

Ростовскому карабинерному полку, какъ гражданству Стародубовскому извѣстно, определены квартиры вѣчно въ Стародубѣ, якій полкъ, зъ вступленія его въ Стародубовскій полкъ, имѣлъ винтеръ-квартеры съ 1764 на 765 годъ въ городѣ Стародубѣ и въ уѣздахъ Стародубовского полку по шквадронно, съ 765 на 766 въ единомъ городѣ Стародубѣ помѣщался; истекающей же винтеръ-квартеры, оного Ростовского полку въ другіе Стародубовского полку городы, яко-то: Погаръ и Почепъ, выведено на квартиры только два эскадрона, а три и генералитетъ изъ его штабомъ въ Стародубѣ состоятъ. А кромѣ того полку, другихъ регулярныхъ полковъ командамъ, чрезъ Стародубъ переходячимъ и переѣзжающимъ, и по розным коммиссіямъ разного чина людемъ бывающимъ гражданскіе дворы въ постои отводимы бываютъ, и тѣмъ гражданству Стародубовскому происходитъ утѣсненіе, а въ торгахъ и промыслахъ не малое помѣшательство и остановка. А тѣ Стародубовскіе граждане до сего, во время бывшей Пруской войны, чрезъ квартированіе и переходъ чрезъ Стародубъ многихъ Россійскихъ войскъ, немалое уже терпѣли утѣсненіе.

Въ облегченіе происходившаго Малороссійскому народу отъ довольствія натурою опредѣленныхъ къ беззаплатному отъ того Малорос-

сійского народа довольствію армейскихъ и компанейскихъ полковъ бывшаго обтяженія, отъ Его Сіятельства Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійского Генералъ-Губернатора, Украинского и Малороссійского корпусовъ главного Командира и Малороссійской Коллегіи Президента и Кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова учинено полезное и неотяготительное тому народу распоряженіе, чтобъ на исправленіе покупкою къ продовольствію тѣхъ полковъ провіанта и фуража, по квартально съ хатъ тѣхъ, кои къ дачамъ состоятъ, съ каждой добирать въ годъ только по одному рублю, что и собирается. Каковымъ Его Графского Сіятельства, яко учиненнымъ въ облегченіе народныхъ нужностей и недостатковъ, распоряженіемъ граждане довольны.

До 1740 году въ Стародубѣ лекаря такова, кой бы жалованья отъ Магистрата съ приходовъ оного либо отъ гражданъ могъ получать, не было; а съ того году опредѣленъ въ городъ Стародубъ полковый лекарь Иванъ Кобсъ, которому перво отъ одного Магистрата Стародубовского, зъ бывшихъ приходовъ зъ важницы, чрезъ нѣсколько годовъ, а потомъ уже отъ трехъ Магистратовъ, яко-то: Стародубовского, Погарского и Мглинского, съ повелѣнія зъ бывшой Генеральной Войсковой Канцеляріи, производилось жалованье въ годъ по сту сорокъ четыре рубли; нынѣшнемужъ, въ томъ городѣ находящемусь полковому лекарю Петру Адольфу Келлеру, за силу указа Малороссійской Коллегіи, такова жалованья едному Стародубовскому Магистрату,—потому, что уже зъ важницы приходу никакова нѣтъ, а бываемые въ оный Магистратъ съ вышеписанной мельницы, зъ двухъ частей прибыли на необходимые мѣскіе расходы, яко то: на производство годового Магистратскому Писарю, подпискамъ и служителямъ жалованья, да на покупку въ оной же Магистратъ дровъ, бумаги, сургучу, свѣчей и протчихъ необходимыхъ нужностей, едва могутъ ставать,—брать не откудова.

Издревле при Стародубѣ и между поселянами мѣщанскими для выпуску и пастьбы скота имѣли свободные мѣста и заросли; но отнынѣ, иные въ давнихъ, а другіе въ недавнихъ годѣхъ разными чинами самовольно завладѣны, а едно мѣсто, называемое Березовка,

къ артиллеріи полковой отобрано, и потому въ пастьбѣ лѣтнимъ временемъ скота гражданского, и переѣзжающимъ во время ярмонковъ купцамъ и другимъ иногородцамъ, въ продовольствіи ихъ скота, состоитъ немалая нужда.

Мѣщане Стародубовскіе, по ихъ вольности и по стародавному обыкновенію, винное куреніе свободно производили, всякъ кто зъ нихъ имѣлъ къ тому желаніе, для полученія себѣ съ того, къ своему продовольствію и для отбуванія общенародныхъ повинностей, прибыли; на потребы мѣскіе къ Магистрату Стародубовскому, надано Гетманомъ Скоропадскимъ 1717 году марта 18 млины: въ селѣ Газукахъ на рѣкѣ Виблѣ о единомъ колѣ, въ селѣ Шаршавичахъ на рѣкѣ Росусѣ о двухъ колахъ, въ селѣ Артюшкахъ о едномъ колѣ, да въ Вистриковѣ о едномъ же колѣ,—которые надачи тѣхъ млиновъ зъ универсала Гетмана Данила Апостола, данного въ 1728 году ноября 7 явственно; которые млины, кромѣ артюшковского, находятся зъ давнихъ лѣтъ, по причинѣ той, что свободные села и деревни, подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского состоявшіе, коихъ селъ обывательми означенные млины подчиняемы были, разныхъ чиновъ людемъ розданы, находятся въ пустѣ, а съ Артюшковского млина хотя въ Магистратъ получается розмирового хлѣба весьма малое число, но и то на подчинку тогожъ млина, по неимѣнію чѣмъ оного подчинить, употребляется.

За мимошедшіе нѣкоторые годы, на мѣщанахъ Стародубовскихъ, подъ вѣдѣніемъ Магистратскимъ состоящихъ, коммисарского и другого збору денежные доимки взыскуются; и тѣ деньги остались не на ихъ, но на иныхъ въ тѣхъ годѣхъ бывшихъ мѣщанахъ, съ которыхъ иные змерли, а другіе безвѣстно зъ Стародуба посходили, и наслѣдниковъ ихъ въ Стародубѣ съискать не возможно; и ежели оные деньги за тѣхъ измерлыхъ и безвѣстно изшедшихъ тѣмъ, нынѣ подъ вѣдомствомъ магистратскимъ состоящимъ мѣщанамъ уплатить, то они могутъ притти въ отбуванію квартальныхъ рублевого оклада денегъ и въ снабдѣніи себе во изнеможеніе.

Вышеизображенною Королевскою привилегіею утверждено: мѣщанамъ Стародубовскимъ Войта зъ межи себе выбрать съ прирожо-

ныхъ тамошнихъ; а нынѣжъ въ томъ городѣ Воитъ Войсковый Товаришъ Петръ Грозинскій находится, не по выбору гражданскому и не изъ мѣщанъ тамошнихъ прирожоныхъ.

А понеже за силу Высочайшого именного Ея Императорского Всепресвѣтлѣйшего Величества Всемилостивѣишаго указа, кой въ городѣ Стародубѣ обнародованъ, въ коммисію, въ первостольномъ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества городѣ Москвѣ учрежденную, о сочиненіи проэкта новаго уложенія, отъ насъ, того города гражданъ, выбраны вы Депутатомъ; для того сей наказъ и при ономъ зъ вышепрописанныхъ: Высочайшія, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, грамоты, отъ созданія міра въ 7174 году ноября 29 дня,—Короля Польского Третяго Зигмонта привилегіи въ 1620 году февраля 15 дня, мѣщанамъ Стародубовскимъ на вольности и право Макдебурское жалованныхъ,—да зъ универсаловъ отъ бывшихъ Гетмановъ: Ивана Скоропадскаго, въ 1709 году сентября 15-го, Данила Апостола, въ 1728 году ноября 7-го дня данныхъ, вѣрные копіи, и къ Ея Императорскому Всепресвѣтлѣишому Величеству отъ насъ рабское всеподданнѣйшее о вышепрописанномъ всемъ представленіе съ прошеніемъ вамъ препоручается; и вы, принявъ оные, за прибытіемъ въ первостоличный Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣишаго Величества городъ Москву, имѣете оное всеподданнѣйшее наше прошеніе въ высокоправительствующемъ Сенатѣ поднесть, и яко согражданинъ нашъ, къ общей нашей гражданской пользѣ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Всевисочайшаго и Всемилостивѣйшаго матерняго милосердія и конфермаціи всеподданнѣйше просить:

О утвержденіи Стародубовскимъ гражданамъ прежнихъ вольностей о Макдебурского права и о бытіи всѣмъ гражданамъ и пріѣзжимъ въ тотъ городъ купцамъ и промышленникамъ и другого званія людемъ въ судахъ и росправахъ и во всѣхъ гражданскихъ повинностяхъ подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовского.

О перепечатованіи Макдебурского права съ Польскаго на Россійскій языкъ, подъ превисочайшимъ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества титуломъ.

О пожалованіи вѣчне на урядъ войтовства Стародубовского двухъ селъ и мельницы, какъ и прежде бывшіе до Демьяна Ермолаевича Стародубовскіе Войты владѣли, а на Писара Магистратоваго шести уволокъ, да на хуторъ Магистратскій—двухъ деревень, и о прибавленіи Магистрата Стародубовского урядникамъ, къ ихъ безнужному содержанію, жалованья.

О выводѣ зъ города Стародуба иногородныхъ купцовъ и ихъ прикащиковъ, такожъ и раскольниковъ, кои тамъ въ городѣ жительствуютъ, и о запрещеніи имъ и другимъ иногороднымъ купцамъ въ томъ городѣ ничего врознь не продавать и въ уѣздѣ того города во владѣльцовъ и другаго званія людей родящихся товаровъ, якото: пеньки, меду, воску, олеи, всякихъ звѣрей и протчаго ни явно, ни тайно не куповать, да и владѣльцамъ и другаго званія людемъ, въ Стародубовскомъ полку жительствующимъ, никакихъ товаровъ какъ самимъ не покупать, такъ иногородскимъ купцамъ и раскольникамъ не продавать, а продавать здѣшнимъ гражданамъ.

О небытіи впредъ ярманкамъ и торгамъ въ раскольничіихъ слободахъ и селахъ, въ Стародубовскомъ полку имѣющихся, въ недавнихъ годѣхъ заведенныхъ.

О имѣніи впредь Ростовскому карабинерному полку въ другихъ въ Стародубовскомъ полку имѣющихся городахъ и принадлежащихъ къ нимъ уѣздахъ поочередно винтеръ-квартированія для обывательского облегченія по шквадронно, или на форпостахъ въ ономъ же Стародубовскомъ полку, гдѣ полкъ Псковскій карабинерный состоитъ, и о переведеніи того Псковского полку въ опредѣленныя ему въ Малороссійскомъ Полтавскомъ полку вѣчные квартиры.

О увольненіи Магистрата Стародубовского отъ платежа въ Стародубѣ находящемуся полковому лекарю жалованья.

О привернении по прежнему къ городу въ общенародную пользу издавна бывшихъ для выпуску и пастьбы скота свободныхъ мѣстъ, кои самовольно разными чинами завладѣнны и къ артилеріи здѣшней отобраны.

О свободномъ Стародубовскимъ мѣщанамъ по прежнему винномъ куреніи.

О невзысканіи съ мѣщанъ комисарскихъ и другихъ доимокъ.

О утвержденіи на мѣскіе расходы мельницы одной всей, королевскою привилегіею на рѣкѣ Бабинцѣ жалованной, а четырехъ— Газуцкой, Шаршавицкой, Артюшковской и Вистриковской, Гетьманами наданыхъ, къ Магистрату Стародубовскому вѣчно.

О зборѣ по прежнему въ Магистратъ на мѣскіе жъ расходы зъ важницы мѣской вагового.

О небытіи нынѣшнему здѣшнему Воиту на томъ урядѣ; а о избраніи, въ силу прописанной королевской привилегіи, другаго зъ межи насъ, гражданъ, пригодного гражданина, къ тому уряду способного.

Ни подлинномъ подписано тако: мѣщанинъ Василь Петрила, мѣщанинъ Димитрій Ляшевка, мѣщанинъ Леонтей Животкевичъ, мѣщанинъ Степанъ Антроповъ, магистратовый Писарь Кондратъ Пашкевичъ, мѣщанинъ Терентей Спасиба, раица Алексѣй Кункевичъ, мѣщанинъ Романъ Кибалмичъ, козакъ Романъ Брезкунъ, раица Никита Ивановъ, лавникъ Федосей Евтифьевъ, мѣщанинъ Семенъ Скопецъ, мѣщанинъ Лазарь Васковичъ, мѣщанинъ Якимъ Солодовникъ, мѣщанинъ Гаврило Цалабанъ, мѣщанинъ Петро Попольскій, мѣщанинъ Семенъ Чумаковъ, мѣщанинъ Петро Брезкунъ, мѣщанинъ Романъ Киболкинъ, мѣщанинъ Григорей Щербиновичъ, мѣщанинъ Петро Чечуй, мѣщанинъ Степанъ Спасиба, мѣщанинъ Степанъ Софроно, мѣщанинъ Петро Постолникъ, мѣщанинъ Иванъ Софроно, мѣщанинъ Іосифъ Нечаевъ, лавникъ Федоръ Коробовскій, мѣщанинъ Григорей Ладуха, мѣщанинъ Афанасей Бордиковскій, мѣщанинъ Власъ Гапеевъ, лавникъ Петръ Гафмарешъ, мѣщанинъ Алексѣй Криница, мѣщанинъ Марко Слесарь, абшитованный сотникъ Федоръ Прожика, райца Петро Ростургуй, лавникъ Семенъ Худыня, мѣщанинъ Алексѣй Гамзуль, мѣщанинъ Иванъ Худыня, козакъ Иванъ Мойсеевъ сынъ Мишковъ, значковый полку Стародубовского Товаришъ Леонъ Денбовскій, мѣщанинъ Козьма Дмитріевъ, мѣщанинъ Яковъ Коменокъ, мѣщанинъ Дорофей Медвѣдовъ, мѣщанинъ Алексѣй Гончаръ, мѣщанинъ Федосъ Поджарка, козакъ Степанъ Квитка, мѣ-

щанинъ Яковъ Ятрилокатовъ, мѣщанинъ Гаврило Филько, мѣщанинъ Илья Насека, мѣщанинъ Егоръ Полешодъ, мѣщанинъ Илья Гаменда, мѣщанинъ Григорій Чумаковъ, мѣщанинъ Иванъ Кащенокъ, мѣщанинъ Тимофей Злотниковъ.

XI.

1767.

Наказъ жителей города Полтавы.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государиня Всемилостивѣйшая!

Возшествіе Вашего Императорскаго Величества на Всероссійскій Императорскій престолъ мы вѣрноподданніе рабы почитаемъ за особливій промислъ Божій къ возстановленію какъ общаго всея Россіи, такъ и собственного нашего благополучія. Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше опитомъ доказать уже соизволили Височайшее Свое матернее о благоденствіи нашемъ попеченіе, когда при учрежденіи Малороссійской Коллегіи всемилостивѣйше опредѣлили намъ ходатая Его Сіятелство Графа Петра Александровича Румянцова, и указали Его Сіятелству имѣть о возстановленіи мѣщанства торговъ и промисловъ ихъ старателство. Напоследки Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше соизволили состоявшимся и въ народѣ публикованнимъ Височайшимъ манѣфестомъ о присилки въ Коммисію Сочиненія Нового Уложенія Депутатовъ, — открить намъ свободной путь приносить наши всеподданнѣйшіе прошенія, о всѣхъ нашихъ нуждахъ. Мы воображая ежевременно ко всѣмъ вѣрноподданнимъ Вашего Императорскаго Величества неищетніе милости и щедрости во устроеніе на вѣчное время благоденствія ихъ, приносимъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее наше рабское благодареніе за оную Височайшую Вашего Императорскаго Величества милость, также и за опредѣленіе намъ ходатаемъ Его Сіятелства, которого отменное о возстановленіи нашемъ попеченіе за

особливое щастіе мы почитаемъ. И потому, пріемля, дерзость, написали сію нашу всеподданнѣйшую Вашему Императорскому Величеству челобитную, въ которой чрезъ вибранного отъ насъ Депутата всеподданнѣйше представляемъ особливіе наши и общіе нужди и прошенія.

1.

Въ первомъ пунктѣ порученно(й) оному вибранному Депутату отъ города Полтави челобитно(й) всеподданнѣйше просимъ всѣ вообще граждане и жителствующіе въ городѣ Полтавѣ и доми свои пріѣзжые имѣющіе шляхетство, такожъ и мы нижеподписавшіесь о утвержденіи въ городѣ Полтавѣ имѣючогось нынѣ Магистрата во всемъ на основаніи Магдебурскихъ правъ, и о бытіи въ немъ судамъ и порядкамъ по темъ же Магдебурскимъ правамъ; но понеже жителствующіе въ городѣ Полтавѣ: Полковникъ, Старшина, владѣлци и козаки до сего, не сохраняя установленій въ Правахъ Магдебурскихъ узаконеннихъ, во всемъ генерално Магистратъ здешній къ соблюденію по темъ правамъ принадлежащой должности не допускали, утѣсняли, помѣшателство, обиди и отягощенія дѣлали,— то мы сею нашею особливою челобитною всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать на Магистратъ Височайшую привилегію; въ которой особливо для непремѣнного и твердого содержанія Всемилостивѣйше указать: 1) присудствіе въ ономъ Магистратѣ иметь и онимъ по всемъ дѣламъ управлять, такъ какъ до сего зъ давнихъ годовъ въ насъ бывало и нынѣ есть: Воиту, яко первому, и съ нимъ Бурмистрамъ, писару, раицамъ и лавникамъ; предъ которими въ Магистратѣ судъ и росправу имѣть, всеподданнѣише Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать указать всемъ обывателямъ оного города и пріѣзжимъ, кои по Магдебурскому праву суть прилеглими къ Магистрату, по всемъ дѣламъ по темъ Магдебурскимъ правамъ, и на убылые онихъ Войта и урядниковъ мѣста избирать намъ другихъ волними голосами зъ между себя. 2) Всѣ порядки городовіе и между купечествомъ здешними обивателми и пріѣзжими

единственно въ Магистратѣ устроевать имъ Воиту и урядникамъ; а въ важнѣйшихъ дѣлахъ за согласіемъ зъ мѣщанами, на такомъ точномъ и непремѣнномъ содержаніи, какъ о томъ въ правахъ узаконенно; и доходи по примѣру другихъ упривиліованихъ малороссіискихъ Магистратовъ собирать и употреблять толко на общіе городскіе нужди; и чтобъ полковникъ, старшина и никакое другое здесь правленіе в касаючіесь до учрежденія городскихъ порядковъ дѣла не вступались и не препятствовали. 3-е) Въ правѣ малороссійскомъ, книги статута, роздѣлу 3-го, въ артикулѣ 25-мъ напечатанно: „когда бы шляхтичъ, занехаевши именя и обистя своего шляхетскаго, и чрезъ худобу свою шукаючи собе поживеня, и вшедши до мѣста и мѣшкалъ тамо, торги мѣскіе ведучи, або шинкъ въ дому маючи и локтемъ меручи, або ремесло робячи на верстати, таковій уже съ волностей шляхетскихъ веселитись не маетъ“. Во исполненіе которого права, всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ: повелѣть живущимъ въ городѣ шляхтѣ, таковимъ какъ въ ономъ правѣ изображенно, торговъ и ремесла не имѣть, и оставить темъ ползоватся другихъ городскихъ обивателей. 4-е) Чтобъ какъ оние, такъ и всѣ жителствующіе въ городѣ Полтавѣ владѣлческіе жилие и пріѣзжіе доми во всемъ, что касается до гражданскихъ общенароднихъ нуждъ и повинностей, были не исключаеми и находились бы темъ въ Магистратѣ вѣдомими. 5-е) Чтобъ находячіесь въ городѣ разние майстровіе люде, живущіе подъ разними владѣлцами, въ томъ что принадлежить по ихъ майстерству и въ общихъ гражданскихъ повинностяхъ, равно какъ и магистратскіе,— вѣдоми и послушни были въ цехахъ и опредѣленныхъ въ онихъ цехмистировъ. 6-е) Чтобъ пріѣзжаючіе зъ другихъ городовъ и селъ Великороссійскіе и Малороссійскіе промишленники и художники, никакими товарами не торговали, кроме ярмонковъ.

2.

Во время пожалованія височайшою грамотою Его Императорскаго Величества блаженния и вѣчния памяти Великого Государя Петра первого и Самодержца Всероссійского на городъ Полтаву

деревень, а именно: Ивашокъ, Ивончинецъ, Грабиновки и части Осмачокъ, и когда унѣверсаломъ Гетмана Скоропадского отданни по прежнему бывшіе издревле за магистратомъ села: Мачухи, половина Гуджуловъ, Тахтауловъ и Павленки къ городу Полтавѣ во владѣніе, подданнихъ въ вишезначащихся деревняхъ, такожъ въ городѣ Полтавѣ мещанъ и другого званія людей въ Магистратскомъ видѣніи было знатное число, которие всѣ обще Государевы и гражданскіе повинности отбували безъ изятія;—и что принадлежитъ до городовихъ обивателей, то унѣверсаломъ Гетмана Мазепи 703 года состоявшимся—запрещенно отъ гражданскихъ повинностей всякого званія чинамъ ихъ укривати, но понеже невѣдомо какимъ образомъ Магистратъ взятъ былъ въ команду Полковой здешней Канцеляріи, гдѣ будучи подвластенъ, принужденъ всѣ порядки и власть свою, по правамъ Магдебурскимъ принадлежащую, уступить Полковнику и Старшинѣ; и между тѣмъ они Полковникъ и Старшина Полковая, нетокмо сами звладѣли подданическими, такожъ мѣщанскими и другого званія Магистратового ведомства дворами, грунтами и угодіями, но и многихъ стороннихъ къ тому допустили столко, что болшая часть людей съ магистратского видѣнія війшла въ разние руки. А при томъ вписано неележно въ козаки и произведено въ чини не малое число; а тѣ все бившіе въ видѣніи магистратскомъ граждане или доми ихъ находятся нынѣ въ Полтавѣ, иние будучи въ чинахъ и протекціяхъ, а другіе въ владѣлцовъ, ползуются всѣми тѣми промислами и торгами, которие гражданству принадлежать, а гражданскихъ повинностей не отбувають; и вся та тяжесть, которая несенна была бывшимъ великимъ числомъ обивателей и подданнихъ,—сложена на оставшоесь малое число. А яко намъ нижеподписавшимся отъ того есть не малая общественная тяжесть, отъ которой гражданство ежечасно вмаляется,—для того мы вѣрноподданние Вашего Императорскаго Величества рабы всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше указать: все то, что послѣ состоянія оной Височайшей грамоти, жалованнной на помянутие села, и Гетманскихъ унѣверсаловъ, кемъ что искупленно и завладѣнно, такожъ и вписанно не належно въ козаки, и произ-

веденно въ малороссійскіе чины, отдать по прежнему въ видѣніе Магистрата, къ отбуванію общенароднихъ повинностей и къ полученію съ оних доходовъ, на украшеніе города потребнихъ. За понесенніе же нами чрезъ прошедшое время тяжести и за тѣхъ, которие не належно зъ гражданского видѣнія отторгнути, всеподданнѣише Вашего Императорского Величества просимъ всемилостивѣйше повелѣть въ награжденіе,—части намъ, а части на городскіе нужніе расходы,—взыскать зъ владѣлцовъ и зъ техъ зъ самихъ, которіе не належно или подложно испросили себѣ козачество и чини, все то, что нами за ихъ понесенно.

3.

Города Полтави мы нижеподписавшіесь мещане суть всѣ вообще купно зъ урядомъ своимъ о возстановленіи комерціи для приращенія казни Вашего Императорскаго Величества отмѣнное попеченіе имѣемъ, и при томъ несемъ, яко въ пограничномъ городѣ, разніе тяжести и повинности, какъ въ томъ височайшой Вашего Императорскаго Величества интересъ потребуеть; но за всѣмъ тѣмъ не имѣемъ на себя никакого уваженія, и по вшедшему здесь обикновенію, отъ болшого до меншого, каковихъ бы кто въ своемъ поведеніи достоинствъ ни былъ,—всѣ мы порицаемся мужиками и презираеми бываемо, колми паче отъ Великороссіиских квартирующихъ и переежаючихъ Генералѣтета, штапъ и оберъ афицеровъ, даже до послѣднего салдата претерпѣваемъ, какъ Воитъ и урядники, такъ и мещане, несносние утѣсненія, обиди и поруганія, и самие побои, темъ найпаче, что намъ за нашу обиду положенъ въ правахъ небольшой платежъ. А съ Великороссійскихъ чиновниковъ, отъ которихъ мы частие имѣемъ обыди и побои, никогда и удоволствія никакого не получаемъ, и уже до того дошло, что если хто съ нихъ чемъ насъ обидить или побьеть, мы не смеемъ и въ искателства входить; чемъ самимъ отъемлется въ насъ куражъ къ купеческой жизни и промисламъ, теряя отъ унинія все то, чемъ можемъ свой авантажъ, а казнѣ Вашего Императорскаго Величества доходъ сискать. Всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ, ради прославленія на будущие

вѣки благополучнѣйшаго царствованія Вашего Императорскаго Величества, зъ единого Своего Височайшого матерного милосердія, всемилостивѣйше пожаловать намъ, мещанамъ города Полтави, Вашего Императорскаго Величества Височайшую грамоту на навязку шляхетскую, а Войту и урядникамъ Магистратовимъ—уравненіе противъ Великороссійскихъ чиновъ, коими Ваше Императорское Величество насъ вѣрноподданнихъ своихъ рабовъ Височайше пожаловать по своему матерному милосердію благосоизволите.

4.

Височайшою грамотою блаженния и вѣчно достойния памяти Государа Императора Петра Первого и Самодержца Всероссійского къ умершому Гетману Скоропадскому, 1721 году состоявшоюсь, повелено въ Малороссійскихъ городѣхъ драгунскіе полки ставить на винтеръ квартирахъ, не обходя никого: ни полковничихъ, ни старшинскихъ, ни козачихъ, ни великороссійскихъ особъ подданнихъ, ни расколниковъ; а у заслуженнихъ особъ: у полковниковъ, у сотниковъ и протчихъ старшини, и у поповъ и церковниковъ, на дворѣ ихъ, гдѣ сами живутъ—квартиръ не имѣть; а на загороднихъ дворахъ, на подваркахъ, такожъ и въ подданнихъ—ставить отнюдъ не виключая никого. Но въ городѣ Полтавѣ какъ во время квартированія, такъ и во время переходу Великороссійскихъ Генералѣтетовъ, штапъ и оберъ афицеровъ и командъ, отъ полковой здешней канцеляріи поступается не въ согласіе вышеизображенной Височайшой грамоти, но въ отмѣну оной, съ немалимъ отягощеніемъ мещанъ и другого званія магистратского обивателей; ибо по силѣ оного Височайшого указа должни волни быть отъ постою жилие толко доми полковника, сотника и старшини, поповъ и церковниковъ,—а здѣсь и въ другого разного званія людей, а особливо въ бунчуковихъ, войсковихъ и значковихъ товарищей, отводими въ квартиру не бываютъ; да и въ пріѣзжихъ загороднихъ дворахъ владѣлческихъ, старшинскихъ, сотничихъ, значковихъ товарищей и виборнихъ козаковъ, полковникъ здешній надъ точное вишеизображенное височайшое повелѣніе,—ставить постою не велѣлъ. А и съ техъ жителствующихъ въ городѣ

Полтавѣ чиновниковъ многіе суть такови, которие недавно съ мѣщанъ повиходили и въ мещанскихъ домахъ живуть и мещанскими грунтами владѣють, сверхъ того бавятся купеческимъ промисломъ, а гражданскихъ никакихъ не отбувають повинностей, лишая насъ при понесеніи нами за ихъ тяжести по праву принадлежащого намъ промислу; и хотя о томъ отъ насъ по командамъ нашимъ жалобы неоднократніе были, но во удоволство наше ничего не получили. Теперь Ваше Императорское Величество по Своему матернему милосердію соблагоизволили намъ вѣрноподданнимъ своимъ всемилостивѣйше дозволить представить намъ всѣ нашѣ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ нужди; вишеизображеній же здесь поступокъ столь для насъ горестенъ и обиденъ, что мы болѣе его сносить не въ состояніи, потому что мы видимъ зъ своихъ собратевъ ежедневно такова, которій какъ скоро, захотя отъ гражданскихъ повинностей укрится,—испрошуетъ себѣ чинъ или какое другое воинское званіе, или въ козаки впишется, то ни постою, ни виставченія подводъ, ни другихъ городскихъ тяжостей не знаетъ, но то заразъ снѣмается и слагается на насъ, остаючихся при магистратѣ въ отбуваніи гражданскихъ повинностей, а нехотящихъ по примѣру ихъ укриватся; отъ того Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ по своему матернему височайшему милосердію, въ избавленіе насъ отъ вишеизображенныхъ тяжестей, всемилостивѣйше указать, яко здесь пограничное мѣсто, въ которомъ болѣе другихъ всегдашніе постои суть, чтобъ единъ предъ другимъ въ постояхъ и другихъ городскихъ повинностяхъ обтяженни либо облегченни не были; но всѣ бъ равно граждане отбували ту гражданскую повинность. А къ тому всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать указать, чтобъ квартирноючіе въ насъ дровъ и свѣчъ не взимали и не требовали безденежно, и никакого утѣсненія намъ въ нашихъ домахъ заниманіемъ квартеръ не утѣсняли, и стояли тамъ, гдѣ отъ Магистрата отведенно будетъ; и въ случае каковой нужди обивателской сходили бъ съ оnихъ квартеръ тогда, когда отъ Магистрата потребованно будетъ, на другіе квартири безспорно.

5.

Городъ Полтава после шведской войни приведенъ былъ, яко пограничное место, въ хорошое состояніе; и какъ крѣпость порядочная, такъ и другіе нужніе городовіе строенія были; но после того, будучи въ полной дирекціи полковой здешней команди, допущенъ всемъ темъ въ крайнее опустеніе, и теперъ какъ крепости, такъ и никакихъ публичнихъ строеній и приличного украшенія не имѣетъ, а въ немъ все то имѣть противъ другихъ примѣрнихъ городовъ надлежить. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ: указать, чтобъ повеленно было Магистрату здешнему о украшеніи города попеченіе прилѣжное принять, и привесть его въ хорошое состояніе потребними публичними строеніями, при вспоможеніи околичнихъ уезду полтавского мѣстъ. Объ отпускѣ же на то потребной сумми всеподданнѣише просимъ Вашего Императорскаго Величества височайшого матерного благопризрѣнія; и притомъ височайше повелѣть собирать Магистрату доходи на оное украшеніе города со всего того, что издревле Магистрату принадлежить и нынѣ свободнимъ городовимъ есть; а къ тому

6.

Имперіи Вашего Императорскаго Величества во многихъ городахъ учрежденни дворянскіе и купеческіе банки съ казни Вашего Императорскаго Величества, и темъ купечество россійское имѣетъ въ произвожденіи своихъ торговъ не малую вигоду; въ городѣ жъ Полтавѣ хотя имѣется доволное число малороссійского купечества такова, кои суть къ умноженію и произведенію торговъ и промисловъ купеческихъ способними, но какъ всѣ здешніе обиватели, такъ и они въ денгахъ суть недостаточни, и потому въ торгахъ своихъ имеють немалое затрудненіе и остановку. Къ разумноженію оного купечества и приведенію въ цвѣтущое его состояніе Всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ, съ казни Вашего Императорскаго Величества, при Малороссійской Коллегіи, опредѣлить банковую сумму зъ слѣдующими обстоятелствами: 1-е) Чтобъ платить процентъ въ казну Вашего Императорскаго Величества за то толко

число, которое розданно будетъ. 2-е) Чтобъ отпускаемие были денги купечеству по атестатамъ урядовимъ, которіи и отвечать за то обязани. 3-е) Чтобъ позволенно, сверхъ казенныхъ шести, на вышеобявленное украшеніе города получать по два процента.

7.

Въ 5-мъ пунктѣ сей, отъ насъ чрезъ вибранного депутата подносимой Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшей челобитной, просили мы Вашего Императорскаго Величества, чтобъ повеленно было съ насъ доимокъ не взискивать, потому, что мы въ казну Вашего Императорскаго Величества ничего не должни; а должни толко одинъ другому; въ пополненіе того мы города Полтави жители Магистратского видѣнія общественно въ семъ пунктѣ всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству бьемъ челомъ о нижеслѣдующемъ: до учрежденія Его Сіятелствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовимъ во всей Малороссіи рублевого окладу, вистатчили мы на опредѣленнихъ въ Малую Россію отъ Вашего Императорскаго Величества консистентовъ и на переходящія, а въ многомъ числѣ и на несостоящіе на доволствіи въ Малой Россіи полки, указное доволство такимъ образомъ: отъ главной нашей команди или по указамъ оной отъ полковихъ здошнихъ канцеляріи ревизия было сочиняется по статямъ; и въ полковихъ канцеляріяхъ расположенія было дѣлаются по статямъ же, то есть: на богатого болше, а на убогого менше роскладается порціоновъ и раціоновъ, натурою или денгами, за себя и нащетъ другихъ полковъ; и потому было мы подлежащое всякое указное вистатченіе по расположенію здешней полковой канцеляріи и ассигнаціямъ чинимъ; однакъ мы тогда чуствовали немалую тяжесть по сему: 1-е при сочиненіи вишеобявленнихъ ревизій, пишуть насъ было не въ приличніи намъ статѣ, такъ какъ другихъ обивателей, а паче какъ полковникъ и старшини полковіе и другіе своихъ людей противъ насъ, и нашихъ подсусѣдковъ ставять было низше далеко и по темъ статямъ располагая на насъ вистатченія взискують. 2. Въ случае пространого квартированія консистентовъ въ полку Полтав-

скомъ, какъ то до сего было, асигнують намъ далекую возку, а случалось по сто и болѣе верстъ; а своихъ подданнихъ или вовся минують, или ставять надлежащое съ нихъ либо въ доимку, либо во взисканіе остаточнихъ отъ произвожденій денегъ; и мы по такимъ асигнаціямъ либо принужденни чрезъ такъ далекое разстояніе провіянтъ и фуражъ возить, либо договариватся съ консистентами о принятіи за оніе денегъ. И часто случалось, что мы платили за рацію отъ трохъ до пяти рублей во мѣсто девятидесяти копѣекъ. 3. Уведенное въ насъ нащетное произвожденіе не менше намъ тяжестно, какъ и вишеприсанно, потому 1) Что мы за тое произвожденіе не получили напослѣдки многого числа денегъ; 2-е Мы нащетние раціони и порціони вистачаемъ было въ щетъ другихъ полковъ въ разніе времена, а паче въ случае недороду, нещитая фуража и провіянта, денгами какъ и вишеписанно отъ трехъ до пяти рублей, а въ заплату себѣ получаемъ съ техъ полковъ, нащетъ которихъ произвожденіе делаемъ, по девятидесяти копѣекъ. И хотя сіе все касается до общества всего Малороссійского народа, однакъ мы города Полтави видѣнія Магистратского обиватели чуствуемъ болше другихъ обиди, потому, что въ полковой здешней канцеляріи асигнаціи дѣланно о вистатченіи нащетнихъ раціоновъ неравномѣрно, а всегда облегчая другихъ, а магистратского видѣнія обтяжая; что часто случалось магистратовимъ въ двое противъ другихъ, не по статямъ, но по единому полковничому изволенію платить. Теперичнимъ учрежденіемъ Его Сіятелства Графа Петра Александровича Румянцова о взисканіи съ насъ на доволство консистентовъ денгами — доволни и отъ всехъ техъ тяжестей, которие мы до сего чуствовали — свободни. Но поелику чрезъ прошедшое время многіе съ подданнихъ магистратовихъ посполитихъ и подсусѣдковъ нашихъ обнищали, по вишеписаннимъ резонамъ, а паче недородомъ хлеба и надежемъ ежегодно скота, которимъ мы всѣ здешніе обиватели свое содержаніе имѣемъ, особливо безвиходними постоями и тяжестію переходящихъ командъ, то всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ въ томъ всевисочайшого Вашего Величества благопризрѣнія и отъ натуралного произвожденія консистентамъ насъ всемилостивѣйше

указать, во избежаніе вишевиражєнних нам бивших тяжестей—вѣчно уволнить; а собирать съ насъ по тому Его Сіятелства учрежденію деньгами наличное число штацкою ценою. Чтожъ касается до доимокъ, которие указомъ Малороссійской коллегіи повелѣвается съ насъ всѣ взискивать на повелѣнное въ городѣ Глуховѣ строеніе, то яко по извѣстію намъ тая доимка есть не малая, а какъ мы по себѣ чуствуемъ, то состоить на некоторихъ или вовся мало, или вовся ничего; и откуду бы такова великая народная доимка взялась, знать не можемъ, яко те и протчіе народніе денги собраніемъ входими были въ полковую здешную канцелярію и въ Щетную коммисію, въ которой и знатние сумми находились; и ежели они и нынѣ есть, то должни быть тѣ самие, которіе зъ насъ взискивать повелѣвается. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣише просимъ, всемилостивѣише повелѣть со взисканіемъ недоимки на насъ считаемой обождать, и всемилостивѣйше указать первѣе между нами и здешними канцеляріями и коммисіями о всѣхъ вшедшихъ съ техъ годовъ, съ которихъ доимки взискуются, рощетъ чрезъ надежнихъ нарочнихъ при нашемъ оправданіи учинить; и ежели за темъ по справедливости съ насъ на комъ таковие недоимки сищутся, мы платить оние должни будемъ.

Всемилостивѣишая Государиня, вишеприсанние нашѣ общіе нужди чрезъ вибранного отъ насъ Депутата Вашему Императорскому Величеству представляя, всеподданнѣйше просимъ по онимъ явить свое къ намъ, вѣрноподданнимъ Вашего Императорскаго Величества рабамъ, высочайшое матернее благопризрѣніе.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣшіе рабы города Полтавы... *(подписей нѣтъ).*

XII.

1767.

1) Прошеніе гражданъ и разнаго званія жителей города Лубенъ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерына Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая!

Бьютъ челомъ Малороссійского Полкового города Лубенъ разного чина и другого званія граждане, а въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункта.

Ваше Императорское Всепресвѣтлѣйшое Величество отъ 14 декабра 766 года всевисочайшимъ манифестомъ обнародовать соизволили, что вибрание съ високославной Вашего Императорскаго Величества Имперіи для сочиненія проэкта новаго уложенія Депутати созиваются нетокмо для того, чтобы вислушать отъ нихъ нужди и недостатки каждого мѣста; но и допущени они быть имѣютъ въ комисию о сочинении упомянутого проекта.

Таковое Вашего Императорского Величества Матернее Всевисочайшое Милосердие есть руководствомъ того дерзновенія, съ которимъ мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества раби, пріемлемъ трудить Всевисочайшое Вашего Императорскаго Величества лице въ слѣдующихъ нашихъ нуждахъ.

1.

Полковий городъ Лубнѣ весма уже з давного времени множественними и безпреривними несравненно противъ другихъ таковихъ же городовъ постоями крайне обтяженъ. А именно: кромѣ давнѣйшого времени, начавъ отъ 1735 году чрезъ тридцать и болѣе годовъ, чрезъ все бывшое съ Турками военное время, и посли онаго и донинѣ сколко когда какови были и бываютъ Вашего Императорскаго Величества регулярнихъ и нерегулярнихъ войскъ движенія, многия Генералѣтети, полки и другия разния команди чрезъ городъ

Лубнѣ, яко на неусипнихъ главнихъ трактахъ состоящій, переходя, ночлегами и квартирами, чрезъ повеленное время бывая, доволствуются.

Чрезъ все тожъ бившое съ Турками военное время тамъже въ городѣ Лубняхъ еще господа Генерали, Фелтмаршали, и другіи Генералѣтетъ, по тогдашнимъ военнимъ обращеніямъ собиравшиеся, а къ тому главній Кригсъ Коммисариятъ, штапи и другие жъ разніе чыни и комманды на винтеръ квартирахъ состояли; главная жъ Полевая Аптека съ еи чинами, служителми и караульними командами изъ давнѣйшаго времени, яко до пяти-десяти уже годъ несходно и до нинѣ квартерують.

Притомъ билъ зъ 752 году опредѣленной на квартирахъ Оберъ-Провиятмейстеръ съ коммисиею и при ней разними чинами, канцелярскими служителями и командою.

После оного по виходѣ чрезъ нѣкоторое время въ другое место, опредѣленъ сюдажъ въ городъ Лубнѣ прошлаго 763 году Оберъ-Кригсъ-Комисарь тожъ съ комисиею и при ней находящимися разными чинами и канцелярскими служителми, которой и нинѣ въ городѣ на квартирахъ находится, и въ ту комисию, какъ и въ полевую аптеку, зъ разнихъ многихъ полковъ въ комисию за казною, изъ многихъ же провинций исъ казною, а въ Полевую Аптеку за медикаментами, почитай безперестанно разние чины съ командами пріѣзжають, и въ городѣ имѣютъ до отправки ихъ квартированіе съ таковимъ утѣсненіемъ, а паче егда между тѣмъ прилучаются переходящие полки и команди, что биваеть на едной квартерѣ по десяти и болѣе человѣкъ, то хозяямъ и мѣста уже не остается, и лишаются промисловъ и ремесла, и которіе уже не могуть въ городѣ зъ хозяями вомѣщатся, то принужденни становится по околичнимъ около города местамъ по квартерамъ, где такожъ отъ ежечастого квартерованія немалая тяжесть противъ протчихъ местъ слѣдуетъ.

А въ 765 году вступилъ въ городъ опредѣленній на непремѣнние квартери Ряскій пехотній полкъ; и хотя по невмѣщению оного протчие роти раставлени по околичнимь мѣстечкамъ, но въ городѣ оставленъ полковий штапъ, полковая канцелярия, тягости, аммуниция, лазарети, и двѣ роти и къ нимъ и съ онихъ протчихъ

ротъ ежечасто приезжають афицери и другие чина и прибивають на караули салдати и собираются по колкократъ по полковимъ биваемимъ дѣламъ команди.

Да тамъ же еще въ городѣ полковая Лубенская Канцелярия, гродскый и земскый Суда, полко(ва)я Лубенская Щетная Коммисія, Генеральной Описи Коммиесія и повѣтовий Лубенский, куда рублевого окладу денги привозятся Комисариятъ съ ихъ чинами и канцелярскими служителми. А городъ Лубнѣ небольшій и дворовъ со всеми духовного и мирскаго чына настоящихъ гражданскихъ малое число, всего триста шесть десять тры.

2.

Отъ такова множественного въ городѣ постою обиватели крайную узнають тяжесть, въ квартерахъ утѣсненіе; притомъ доволствують постой своими дровами. Многие жъ, не имѣя своихъ лѣсовъ, а хотя и имѣють, да по малой части, для оплету нужнихъ, принуждени покупать на торгахъ дорогою цѣною; а последние беднѣйшие отоплива(ю)ть тросникомъ и соломою, покупая и тое по скудости дровъ недешевою цѣною. Покупка жъ дровъ на торгахъ весма нужна: едно что многимъ для постояльцовъ купить надобно, другое что и въ Полевую Аптеку для казенной надобности всегда первѣйшая онихъ на торгахъ покупка искупляется, сколко бъ ни било.

3.

По какимъ обстоятельствамъ обиватели, при томъ видя обстоящій чрезъ сколко уже годъ на хлебъ недородъ и происходящие съ того и отъ оного многаго въ городѣ постою въ хлебе, въ с̓естнихъ припасахъ и въ дровахъ возвишенние ценъ, и что тожъ ежечасто еще въ обивателей биваетъ скотский падежъ, пришли въ конечное изнеможение, какъ самого тогожъ города поселеній обетшалость и упустѣня еивствуетъ.

4.

Якій при томъ городѣ самонужнѣйший для обивателского домашнего робочого и другого скота, такожъ и домовихъ птицъ, для ви-

пуску зъ двохъ сторонь города имѣлся неболший випустъ, искони всехъ обще гражданъ имъ единственно до города прин(а)длежащий и то болше по горобатимъ местамъ находящийся, да сверхъ того за рекою Сулою, кромѣ древнихъ собственнихъ владѣлческихъ и обивателскихъ земель, якъ о томъ по учиненному между полковими городами Миргородомъ и Лубнями давному разграниченню значится, еще било общой же нѣсколько толочной и сенокосной землѣ, къ томужъ городу всемъ гражданамъ принадлежащой,—съ тѣхъ съ оного, что подъ самимъ городомъ, выпусту зъ едной сторони подъ Ряский пехотний полкъ для компомента и лагеровъ, для магазеиновъ и конюшень того полку, а зъ другой сторони подъ Полевую Аптеку, для строений вънов и для огородовъ немалое число самого лутшого места занято. А за Сулою оная толочная и сѣнокосная земля всехъ гражданъ общая находится тожъ нинѣ въ разномъ владѣнии. Итакъ обивателямъ города Лубень въ прокормлении и содержании скота за неимѣніемъ въ многихъ собственнихъ земель обстоить всекрайнѣйшая нужда и недостатки. Имѣется жъ въ городѣ въ старомъ замкѣ для вистройки Полевой Аптеки, а подъ тѣмъ замкомъ для садовъ и огородовъ аптечнихъ, мѣста на то способние.

5.

Города жъ Лубень, кромѣ вишеписанного многого постою, обиватели еще многие понесли тяжести. Въ вишеписанное съ Турками бившое время военное взимались отъ нихъ воли, вози съ потребностми и погончиками, висилались зимного времени ко Днепру для безопастности отъ неприятелского нападения, для полонения лда, работники, дѣлались для того инструменти, а во время недавно прошедшого Прускаго походу взимались отъ козаковъ и посполитихъ воли, отъ козаковъ же еще лошади, а отъ посполитихъ и восмотисячный зъ Малой Россіи бивший наборъ и люде, снабдѣвая онихъ указнимъ на дорогу одѣаниемъ, обувомъ и денгами. Доволствовано переходящіе въ обѣ тѣ времена и состоявшие на квартерахъ отъ войскъ команди провиянтомъ и фуражемъ. Виcтатчаеми были указние подъ тягости и подъ болнихъ подводы, и нинѣ о томъ какови бываютъ повелѣния, по тому и исполняются.

6.

Прежде зъ давного времени чинени были по силѣ указовъ ежечасто козакамъ и посполитимъ по здешнему обикновению ревизии: по дворамъ, по хатамъ и по статямъ, различая на сколко статей ко уравнению обивателей въ консистентскихъ дачахъ, чтобъ еднимъ предъ другими въ тѣхъ дачахъ тяжести бить не могло; и подсусѣдки бѣдние и нищетние, которие въ однихъ хозяйскихъ хатахъ живуть, не имѣя никакихъ грунтовъ и питаются зъ одного поденного заработку, между настоящие посполитие, своими дворами и хатами живущие и грунта имѣющие, не верстани, а записивани особо и потому на нихъ и дача особо отличная полагана: на пѣшого на мѣсяцъ по двѣ, а на тяглого по три и по четири копейки. А после того 752 году по универсалу господина Генералъ Фелдмаршала Сенатора и разнихъ орденовъ кавалера графа Кирила Григориевича Разумовского, по битности его у Малой Россiи Гетманомъ, таковихъ подсусѣдковъ сверстанно между оние настоящие посполитие, между коими какъ того 752, такъ и 755 годовъ и въ ревизияхъ записани, и съ того на нихъ въ дачахъ последовала тяжесть.

7.

Отъ тогожъ 755 году чрезъ немалое время ревизии не чиненно, но дача на консистентовъ полагаема была по той 755 года учиненной ревизiи, по числу хатъ въ ней значащихся. По той же ревизiи чрезъ то время по свободному съ мѣста на мѣсто переходу иние безвѣстно посходили, а иние позмѣрали, и принуженни за таковихъ наличние платить, а где нѣкому, тамо требуется уплатки отъ самихъ хозяевъ, коихъ те изшедшие и измершие подсусѣдки были и по нихъ пустие хати либо плеци поостались, а хозяе за нихъ платить своимъ не одолжени.

8.

А 763 году учиненна отълична вновъ козакамъ и посполитимъ по дворамъ, по хатамъ и по душамъ перепись безъ статей, не минуя въ рядъ съ протчими подсусѣдковъ и годовихъ уже наемнихъ слу-

жителей; по которой прошлого 765 году и рублевимъ отъ хатъ окладомъ, какъ козаковъ подпомощниковъ и посполитихъ, такъ равно съ ними и онихъ подсусѣдковъ и наемнихъ годовихъ служителей обложенно съ темъ, что естли по кварталамъ чего отъ кого въ тотъ рублевой окладъ уплачено не будетъ, то взисканно будетъ въ сугубо, и хотя сложено на владѣлцовъ, чтобъ они на своихъ людей на можнѣйшихъ болше, а на убогшихъ менше полагали, почему и исходно на владѣлцовъ техъ, въ коихъ по надачамъ имѣются маетности и въ онихъ находятся между убогшими и можне-грунтовие люде, на которихъ можно владѣлцу, смотря по имуществу болше, а на убогшихъ менше положить. На подсусѣдковъ же разного владѣния, яко оныхъ въ инихъ по одной, въ другихъ по двѣ, въ некоторихъ же по три или чемъ и болше хатъ самихъ крайне нищетныхъ, зъ одного поденного заработку питаючихся, а къ тому и на наемнихъ годовихъ служителей, которие въ той службѣ одноличнo пребиваютъ, такой роскладки учинить не можно, и они не толко болшимъ числомъ, но и того рублевого окладу съ чего платить несостоятелни. Къ томужъ на козаковъ подпоможчиковъ прежде полагана дача противъ посполитого на всякого у-полъ; нинѣжъ какъ посполитихъ, такъ и козаковъ подпоможчиковъ равно темъ отъ всякой хати рублевимъ окладомъ обложено. А якъ козаки подпоможчики въ число виборнихъ козаковъ на места убилие къ виборнимъ козакамъ убогшимъ въ помощъ опредѣляются и до того комендируются въ далние места по указамъ на работи, яко то: предъ симъ отправляеми были на засѣчние по Полской границѣ, за Днепръ до крепости Святия Елисавети на роботи, а после того чрезъ нѣсколько уже годъ комендируются зъ мѣсяца марта ежегодно на Донъ до крепости Святаго Димитрия Ростовского на работу жъ, кроме проходу на шестомѣсячное время, исправляя себе подлежащимъ одѣяниемъ, обувомъ, провиянтомъ, для подъему того провиянта повозками и скотомъ, и для покупки оному фуража денгами, а между тѣмъ и въ заграничний Пруский походъ съ волами отправлялись, гдѣ на службѣ по нѣсколько годъ находились: то имъ тотъ рублевий окладъ отъ хатъ, да еще равно съ посполитими, уплачивать съ тяжестию.

9.

Нынѣ, за учрежденіемъ Малороссійской Коллегии, нарочно опредѣленними штапъ и оберъ афицерами, съ Малороссійскими старшинами дѣлается еще отличная Генералная Опись: описуются жилие наши двори, пахатние и сѣнокосние земли, лѣса, луга, съ показаниемъ имъ мери, мелницы и протчие угодия и требуется показания, сколко хлеба засѣвается и на какомъ местѣ, сколко сена укошивается, и сколко съ мелницъ приходу въ годъ биваетъ, также и о промислахъ; требуется на владѣние крепостей, описивается скотъ и пчели, и ревизуются получаемие доходи и люде, въ кого есть, мужеска и женска полу души до найменьшого младенца и все ихъ имѣние и самихъ служителей описивается. А такой описи, яко оная Малороссійскимъ правамъ, привилегиямъ и обичаямъ, Высочайшими грамотами утвержденнимъ, несходственна, искони никогда еще въ Малой Россіи не бывало.

10.

По древнему жъ здесь въ Малой Россіи обикновению и волностямъ, разного воинского и другого звания здешние граждане, живучи въ городѣ, имѣють промисли, торгъ, а некоторие и ремесло свободно, которые и впредъ имъ гражданамъ, яко съ нихъ многие не имѣють земель, войсковую жъ службу, а протчие другие повинности съ того отправляють, имѣть необходимая нужда обстоить; но имъ гражданамъ съ Великороссійскихъ купцовъ приезжие и въ городѣ Лубняхъ своими купленними и наемними дворами жительствующие, а зъ гражданами указной службы не отправляющие, чинять въ промислѣ, перекупая, помѣшательство, съ чего имъ гражданамъ явная въ томъ обида и недостатки.

11.

Здешние мещане города Лубень, какъ они еще, по отбытіи Малой России съ подъ депенденціи Полской, не подвержени въ подданство нѣкому и содержались отлично противу подданнихъ, а за упоминаемого Графа Разумовского, по полномощию уряда его гет-

манского, въ число другихъ посполитихъ взяти подъ вѣдѣние войскового скарбу.

12.

По правамъ Малороссійскимъ, Високомонаршими грамотами утвержденимъ, бѣлое духовенство Малороссійское щитается съ осѣдлостми своими въ числѣ шляхетства, и кромѣ того, что они по должности своей службу отправляють, ихъ дѣти происходятъ, за силу Духовного Регламента, въ науки иностраннихъ язиковъ, потомъ и въ войсковую службу, а за ними и наследные духовного ихъ чина грунта отходятъ. Почему и по древнему здешнего края обикновению, бѣлому духовенству какъ продажа, такъ и купля грунтовъ была какъ и протчимъ свободна; но после того, рѣшителними пунктами уже духовенству такова покупка грунтовъ запрещенна. Дѣтямъ же ихъ всѣмъ въ духовенство не умѣститься, и кои могутъ оставатся для войсковой служби—какъ то поповскихъ дѣтей по умершихъ отцахъ и велѣно уже употреблять въ войсковую службу—оной отправлять не съ чего. Къ тому-жъ инное духовенство, не имѣя къ прожитию места, живуть въ чужихъ хатахъ, да и жить инимъ, не имѣя грунтовъ, при парахіяхъ нѣ на чомъ, кромѣ одного доброхотного подаяния. Съ тогожъ, когда духовенству покупка грунтовъ была бъ невозбранна, нетолько не било бъ умаления въ войсковой службѣ, но еще могло бъ бить въ оной приращение, и отбивать съ чего би было.

13.

Города Лубень граждане какъ не имѣютъ достаточнихъ промисловъ, то къ лутшему состоянию своихъ служебъ для своихъ нуждъ инние собственнимъ своимъ скотомъ, а иние нанимая фуру, съ Криму и Сѣчи Запорожской вивозять было соль, бакалѣю и церковное вино. А какъ, за учреждениемъ въ Малой Россіи по пограничнимъ местамъ таможень, началась тарифа взиматись, то потому и граждане уже начались лишатся своихъ вигодностей и чрезъ то подвергатся къ немалимъ недостаткамъ, такъ что до тарифи въ

продажѣ била соль пудъ по 15 копеекъ, а нинѣ по 50 копѣекъ продается.

Природное Вашего Императорскаго Величества человѣколюбие толь намъ чувствително, что ми несумѣнно уповаемъ, что Ваше Императорское Величество висше донесенние нужди наши и отягощения принять соизволите лицемъ, во всемъ соотвѣтству(ю)щимъ премилосердному Вашему сердцу.

И сего рады всеподданнѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества пожаловать насъ, вѣрнихъ подданнихъ, всенижайшихъ рабовъ, височайшею Матернею милостию въ слѣдующемъ:

1. Всемилостивѣйше указать городъ Лубнѣ за толь многие понесенние его отъ давнего времени въ постояхъ и другихъ тягостяхъ изнеможения въ онихъ постояхъ облегчить. Ряскій пехотний полкъ и Оберъ Кригсъ Комисара съ комисиею съ оного города Лубенъ вивесть, якожъ бо кромѣ полевой аптеки изъ разнихъ многихъ полковъ, командъ за медикаментами къ оной приезжающихъ, еще и ежечасто чрезъ городъ Лубнѣ, поелику трактовой, переходящие полки и команды слѣдуютъ и имѣютъ въ городѣ квартиры.

2. Чинимую нинѣ жилихъ нашихъ дворовъ, имѣній и людей нашихъ генералную опись всемилостивѣйше повелѣть отставить, а чиненно би по прежнему ревизіи о дворовомъ числѣ, какъ височайшимъ 734 году августа 8 состоявшимся указомъ повелѣнно и по здешнему обикновению: по дворамъ, хатамъ и по статямъ.

3. Обивателей города Лубень отъ рублевого окладу, кои онимъ обложени, всемилостивѣйше уволить, а собирать съ техъ обивателей, которие по високомонаршимъ грамотамъ къ дачамъ подлежать на указно опредѣленнихъ консистентовъ, въ силѣ височайшихъ указовъ на одно наличество по статской ценѣ денгами, по расположениямъ таковихъ, какъ прежде о томъ чинени по ревизиямъ, по хатамъ и по статямъ.

4. Отъ вистачения Генералѣтету, штапъ и оберъ афицерамъ дровъ для топлива всемилостивѣйше уволнить, а повелѣть довольствоватся имъ по прежнему, какъ Височайшимъ 742 года Августа 18 д. указомъ повеленно, покупкою.

5. Обивателей здешнихъ отъ платежа доимочныхъ денегъ всемилостивейше уволнить, а повелеть оние, яко уже отъ производства на количество консистентовъ осталние, отставить.

6. На наемнихъ годовихъ служителей чтоби по прежнему обикновению дачи не полагать, а на подсусѣдковъ въ хозяйскихъ хатахъ жительствующихъ, кои самие нищетние, при расположенияхъ консистенскихъ класть дачу по прежнему подсусѣдческую и для того ихъ и при ревизияхъ въ число дворовое между настоящихъ хозяевъ не ставить, а писано бъ по прежнему особо, подсусѣдками.

7. Чтобъ здешнимъ гражданамъ разного войсковаго и другаго звания людямъ промисли, торгъ и ремесло били и напредки по прежнему здешному обикновению свободны; а зъ Великороссійскихъ купцовъ даби никто промисловъ и перекупокъ, въ городѣ и по селамъ ездя, здешнихъ продуктовъ не держалъ и своихъ товаровъ врознь не продавалъ, Всемилостивѣйше подтвердить Височайшою Вашего Императорскаго Величества грамотою.

8. Для вистройки полевой аптеки строений въ показанномъ старомъ Замку место, а для огородъ тамъ же подъ замкомъ пустую замлю отвесть; принадлежащой же до города Лубенъ общой гражданской землѣ по прежнему быть при томъ городѣ въ общомъ гражданскомъ владѣнии, какъ оная и спрежде была, всемилостивѣйше повелѣть.

9. Всеподданнѣйше просимъ мещанъ Лубенскихъ съ той скарбовой канцелярии исключить, а бить имъ по прежнему мѣщанами свободними.

10. Всемилостивѣише пожаловать Малороссійское бѣлое духовенство, чтобъ имъ по давнему здешнему обикновению, правамъ и волностямъ для ихъ содержания и чтоби было дѣтямъ ихъ войсковую службу—кто съ нихъ въ оной останется—съ чего отправлять, была по прежнему покупка грунтовъ свободна.

11. Хто для своей собственной нужди и недостатку посилатиметь за солию и бакалѣею, въ томъ числѣ и за церковнимъ вы-

номъ въ Сѣчъ или Кримскую Область, въ такомъ случаи о облегчении заплати по прежнему учинить всемилостивѣйшое помилование.

Сіе Всевисочайшое Милосердие тѣмъ болѣе на височайшую степень слави возвисится и дойдетъ до самого владѣющого всею тварию Бога, что въ ономъ имѣть будуть участие самие бѣднѣйшие и безпомощественнѣйшие въ свѣте люде.

Ми вѣрноподданние всенижайшие раби всѣ совокупленними сердцами должность имѣемъ молить Всевишняго Творца, да благословить Ваше Императорское Величество тисячною милостию своею въ нинѣшнемъ и въ будущемъ вѣкѣ.

1767 году, Апрѣля 17 дня.

На подлинномъ тако:

Вашего Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества вѣрние подданние и всенижайшіе раби:

Намѣсникъ Лубенскій Іерей Іоанъ Богдановичъ, Іерей церкви Николской Лубенской Алексѣй Александровичъ, Іерей Федоръ Иоакимовъ, вѣкарій Троицкои Лубенскои Ружной церкви Іерей Іоанъ Прохоровъ, Іерей церкви Николской Лубенской вѣкарій Михаилъ Алексѣевъ, Іерей Ияковъ Михайловичъ, вѣкарій церкви соборной Лубенской Рождества Богоматери, Іерей Феодоръ Івановъ Левенецъ соборной Лубенской церкви вѣкарій, Дияконъ церкви соборной Лубенской Іоанъ Евдокимовъ, Хоружій сотни Перволубенской Никифоръ Макаренко, Коморникъ повѣту Роменского Костантинъ Шулячевский, Значковий Товаришъ Михайло Полунѣй, Значковий Товаришъ Михайло Майборода, Значковый Товаришъ Александръ Шимка, Значковий Товаришъ Стефанъ Ющенко, Асаулъ Полковой Лубенской Артилерии Уласъ Рублевский, Полковой Артилерии Хоружий Игнатъ Щочка, Асаулъ сотений Ефимъ Капуста, Городничий полкового Города Лубенъ Андрей Сидорскій, Козакъ Лубенский Максимь Касяновъ, Козакъ Лубенский Андрѣй Коцарь, Козакъ городовій Лубенский Осипъ Кондраченко, Козаки городовие: Петро Лазоренко, Олефѣръ Оробченко, Кондратъ Василиевъ, Филонъ Крикуновскій, Иванъ Подгорний, Трохимъ Солодкий, Тимошъ Якименко, Василь Карунникъ, Мусѣй Нѣжинецъ, Грицко Солодовникъ, Семенъ Шапочникъ,

Яковъ Коханъ, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний козакъ Осипъ Кондратченко руку приложилъ. Войсковой музики габоистъ Данило Крошмахъ, Войсковой музики Иванъ Андреевъ, Козаки Лубенские: Андрей Белий, Федоръ Глухий, Назаръ Дѣгтярь, Артемъ Чайка, Стефанъ Мацко, Иванъ Ищенко, Назаръ Бережний, Иванъ Работенко, Ефимъ Патѣкъ, Петро Оберемокъ, Михайло Ярошенко, Остапъ Тарасенко, Антонъ Сидоренко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний волторнѣстъ Иванъ Андреевъ подписался. Козакъ городовий Лубенский Григорий Трилѣскій, Козаки городовие Роменские: Иванъ Олѣйникъ, Савка Олѣйникъ, Динись Кравецъ, Макаръ Сученко, Андрѣй Дерѣй, Иванъ Камординъ, Иосифъ Бѣличевский, Кондратъ Гиркало, Иванъ Парпура, Павло Федоровъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Козакъ Лубенский Григорий Трилѣскій подписался. Козакъ городовой Лубенский Андрѣй Крапивка, Козаки городовие Лубенские: Демко Дѣгтярь, Максимъ Петрикъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписаний козакъ Андрей Кропивка руку приложилъ. Мѣщане Лубенские: Дмитро Постольникъ, Павло Курначъ, Федорь Ковнерь, Грицко Рабуха, Иванъ Лисенко, Карпъ Лѣнко, Фома Хведоренко, Микита Борщиговецъ, Микита Горбь, вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе писарь Павло Холоднякъ подписался. Козакы: Федоръ Коваль, Павло Мазепа, Денисъ Мацко, Корнѣй Радченко и Грицко Дзекало, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ и за себе козакъ Лубенский Иванъ Петровъ подписался. Козаки: Федоръ Устименко, Грицко Чикисенко, Грицко Момотенко, Павло Устименко, Степанъ Сушко, Яковъ Устименко, Тимошь Устименко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе Козакъ Иванъ Поповичъ подписался. Войсковой музики трубачъ Михайло Малеча. Козаки: Иванъ Гринченко и Максимъ Пѣкуль, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению трубачь Михайло Малеча подписался. Мѣщане Артемъ Сивунь, Андрей Рудь, Зѣнецъ Николаенко, Микола Римарь и Григорий Брижаха, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению козакъ городовий Лубенский Иванъ Поповичъ подписался. Козаки: Панасъ Салко, Стефанъ Сопунъ,

Евтухъ Ламашенко, Лукянъ Винникъ и Мосѣй Литвинъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію Полковой Лубенской канцелярии Подканцеляристъ Марко Поддубній подпис(а)лся. Козакъ, ктиторъ соборной церкви Василь Михайловъ. Мещане: Степанъ Илченко, Иванъ Фесенко и Иванъ Сивуненко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію Полковой Лубенской Канцеляріи Подканцеляристъ Марко Поддубний. Войсковой Полковой музики довбишъ Григорій Вѣтвицкий. Козаки: Иванъ Пасько, Андрей Сопуненко, Зѣнецъ Крошмаль, Трофимъ Слюсаренко, Андрей Макаренко и Федоръ Лебединецъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ рукоданному прошенію Градского Лубенского Суда Подканцеляристъ Андрей Запорожский подписался. Мѣщане: Лукянъ Галущенко, Василь Передериока и Ничипоръ Мисановъ зять, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію подканцеляристъ Андрѣй Запорожский подписался. Войсковой музики волторнѣтъ Иванъ Макаренко. Козаки: Тимофѣй Макаренко, Яковъ Лоза, Карпъ Коваль, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и за себе Никифоръ Власовъ подписался. Мѣщане: Григорій Дрипаненко, Микита Мисанъ, Фома Яценко, Харко Ганнотенко, Дмитро Кириленко, Иванъ Стельмахъ, Степанъ Вынникъ, Федоръ Комеръ и Максимъ Дацѣй, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію полковой музики довбышъ Григорий Вѣтвицкій подписался. Козакъ Микола Власовъ, за себе и за неграмотного козака Кондрата Карунника по его прошенію подписался. Мѣщане: Кондратъ Гончаръ и Карпъ Левченко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію писецъ Полковой Лубенской Канцеляріи Яковъ Ивановъ подписался. Цилюрикъ Полковой Иванъ Афанасиевъ. Козаки: Иванъ Рабка, Андрѣй Рибчинъ зять, Михаило Литовченко, Яковъ Лимарь, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и вомѣсто отца своего Афанасиева по его повелѣнию синъ Яковъ Ивановъ, писецъ полковой Канцеляріи подписался. Козаки: Федоръ Шапочникъ, Каленикъ Булахъ и Павелъ Свѣтенко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію Квартермистръ Семенъ Могилник(овъ) подписался. Козакъ Городовий Лубенский Данило Брижаха, а вомѣсто его по его велѣнию синъ его Кирило Брижаха подписался. Козаки: Федоръ Барабашъ, Никола

Сивуненко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ и за себе козакъ Петро Оробіовский подписался. Мѣщане: Максимъ Холоднякъ, Василь Лазоренко, а вомѣсто ихъ по ихъ прошенію и за себе мѣщанинъ Евтихій Гриневичъ подписался. Козаки: Назарь Лѣнко, Грицко Момотенко, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению козака городового Лубенского Данила Брижахи синъ Кирило Брижаха подписался. Козакы: Иванъ Салко и Иванъ Желѣзний, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению козакъ Сенчанский Стефанъ Сыдоровъ подписался. Козаки: Артемъ Музика, и Василь Охрѣменковъ зять, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію и за себе козакъ и понамарь Соборной Лубенской церкви Семенъ Григориевъ подписался. Козакъ Мартинъ Свѣтъ, Пономарь Троицкой церкви Григорий Андреевъ и козаки: Савка Коваль и Яцко Солодовникъ, а вомѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению Полковой Лубенской Канцелярии подканцеляристъ Марко Поддубний подписался. Козаки: Семенъ Крикунъ, Илия Карбань, Павло Сподинъ и Павло Дирка, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и вомѣсто отца своего Семена Крикуна по его велѣнию синъ его Андрѣй Крикуненко подписался. Козаки: Максимъ Вербицкій, Сергий Швець, Онисько Кикулка и Павло Зайченко, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению и за себе козакъ Мартинъ Кириленко подписался. Мѣщане: Олефѣръ Николаенко, Петро Илченко, Иванъ Бондарь, Грицко Пухирь и Дмитро Киренко, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію козака Лубенского Семена Крикуна синъ Андрѣй Крикуненко подписался. Козакъ Лубенский Василь Циганенко, за себе и за неграмотнихъ козаковъ Ивана Котляренка, Дороша Мазепенка, Василя Музики, Якова Кравця, Клима Горба, Игната Чижа, Максима Заику, Василя Кривеленка, Кирила Кухара, Артема Муренця, Романа Рубана, Данила и Корнѣя Рибокъ по ихъ прошению подписался. Козакъ Лубенскій Иванъ Божко. Войсковие музики гобоисти Иванъ Орловский и Савка Желѣнский, а во мѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошению вишеписанний волторнѣстъ Иванъ Андреевъ подписался.

2) Наказъ жителей г. Лубенъ.

Благородному почтенному господину Значковому Полку Лубенского Товарищу Григорию Иваненку

Наказъ.

Во исполненіе Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, въ 14 день декабря 766 году состоявшагося и во всей Имперіи обнародованного, мы по приложенному при томъ манифестѣ Полгражданскому обряду зъ общого согласія нашего вибрали отъ Полкового города Лубенъ для сочиненія проекта Новаго Уложенія васъ Депутатомъ и сочинили наказъ Вамъ слѣдующаго содержанія.

1.

Болше ста лѣтъ прошло, какъ Малороссійской народъ, будучы въ прежнихъ вѣкахъ съ Поляками и Литвою, имѣлъ во всемъ равенство и ползовался тѣми жъ, что и они, вольностьми, правами, и преимуществомъ, и напослѣдокъ озлобленъ и огорченъ многими неправдами, а паче чрезъ нарушеніе вѣры, правъ и волностей своихъ, послѣ многолѣтной кровопролитной войны и многихъ славныхъ надъ ними полученныхъ побѣдъ, то ихъ зъ себя зверглъ и подъ предводителствомъ славного своего Гетмана Зѣновія Богдана Хмельницкого, презря всѣхъ (котори его ласкали посторонныхъ государей протекціи) не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избратю единовѣрія пришелъ подъ высокодержавную руку блаженнія и вѣчно достойнія памяти Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича Самодержца Всероссійского, доброволное подданство учинилъ, и къ Всероссійской Державѣ благоприсоединенъ, за что и по договорамъ, такъ какъ и въ жалованныхъ своихъ всѣмъ Малороссійскимъ чинамъ а именно: Гетману и войску Запорожскому, шляхетству, духовному чину и мѣщанству, грамотахъ Его Царское Величество всемилостивѣйше обнадежилъ и подтвердилъ нетокмо содержать и сохранять Малороссійской народъ при всѣхъ тѣхъ правахъ, обикновеніяхъ, привилегіяхъ, волностяхъ и преимуществахъ, на которыхъ онъ былъ подъ королми Полскими и Великими Князями Литовскими, но и

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ Кіевской Старинѣ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.